

СЛОВЕСНОСТЬ 2015

альманах ■ **книга 10** ■ николай гумилёв ■ поэзия и проза
дебют ■ литературоведение ■ история россии ■ история
русской словесности ■ мастерская ■ имена и символы эпох
публицистика ■ Нешуточные страницы ■ путешествие
литератора ■ семейное чтение ■ авторы песен
■ антология одного стихотворения

25 ЛЕТ
СОЮЗУ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

ББК 84 (2Рос = Рус) ISBN 5-86676-096-7

С Л О В Е С Н О С Т Ь 2 0 1 5

Проза, поэзия, публицистика, исторические и литературоведческие исследования, воспоминания, материалы из личных архивов, фотографии. Альманах. Книга 10. — М., «Библиотека газеты «МОЛ», 2015, 214 с. с илл., тираж 400 экз.

Р Е Д А К Ц И О Н Н Ы Й С О В Е Т:

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ, ПРОЗАИК, ФИЛОСОФ, ПОЭТ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА;
ДМИТРИЙ ЦЕСЕЛЬЧУК, ПОЭТ, ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК, СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ;
НИНА ДАВЫДОВА, ПУБЛИЦИСТ, АВТОР ИДЕИ АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»;
НАТАЛЬЯ РОЖКОВА, ПОЭТ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ ПОЭЗИИ;
СЕРГЕЙ ШЕЛОВ, ДОКТОР ФИЛОЛ. НАУК, КООРДИНАТОР СЕКЦИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Графика: Наталия ПАХОМОВА

Коллажи: Татьяна ВИНОГРАДОВА

Дизайн, компьютерная вёрстка, обложка: Любовь ЕЗЕРОВА

Альманах «Словесность», ежегодное издание Союза литераторов России, выходит с 2007 года. В 2013 г. увидели свет два сборника, книги 7 и 8. В альманахе, который вы держите в руках, «Словесность 2015», книга 10, основной акцент делается на знакомство с молодой российской литературой, представленной в разделах «Новые литературные знакомства», «Дебют», «Поэзия и проза», «Драматургия», а также представлены исследования молодых талантливых авторов в разделах «Из истории русской эмиграции», «Важнейшее из искусств», «Мастерская».

В разделе «История России» опубликованы воспоминания о Великой Отечественной войне, проникнутые духом того времени. Первые дни войны, эвакуация, работа в госпиталях, возвращение домой — всё это глазами детей, подмечающих то, на что взрослые могут и не обратить внимание.

Традиционно в альманахе присутствуют разделы «Семейное чтение» (интересный и дошкольникам и старшеклассникам); «Имена и символы эпох», раздел «Диалог культур», посвящённый Греции; «Из истории русской словесности»; «Нешуточные страницы»; «Публицистика»; «Путешествие литератора»; «Рецензии». Также традиционно альманах завершается разделом «Антология одного стихотворения», содержащий стихи 88 авторов. Начинается альманах перепиской между Союзом литераторов и властными структурами Санкт-Петербурга об увековечении в культурной столице памяти поэта, Георгиевского кавалера, путешественника, организатора литературного процесса в России Николая Степановича Гумилёва. Уже в третьей книге («Словесность 2013, кн. 8, «Словесность 2014») публикуются материалы об этой до сих пор не решаемой проблеме. Союзу литераторов это небезразлично ещё и потому, что, согласно уставу, наш союз «происходит от Петербургского союза поэтов, образованного Блоком и Гумилёвым» и в этом году Союзу литераторов России исполнилось 25 лет. Мы, несмотря ни на что, надеемся, что в следующем году в Санкт-Петербурге появится и памятник Николаю Гумилёву, и мемориальные доски, находящиеся под государственной охраной, поскольку в 2016 г. мы отмечаем 130 лет со дня рождения выдающегося русского поэта.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «МОЛ» (Пер. А-0470 от 27 мая 1994 года)

Главный редактор «Библиотеки газеты «МОЛ» Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

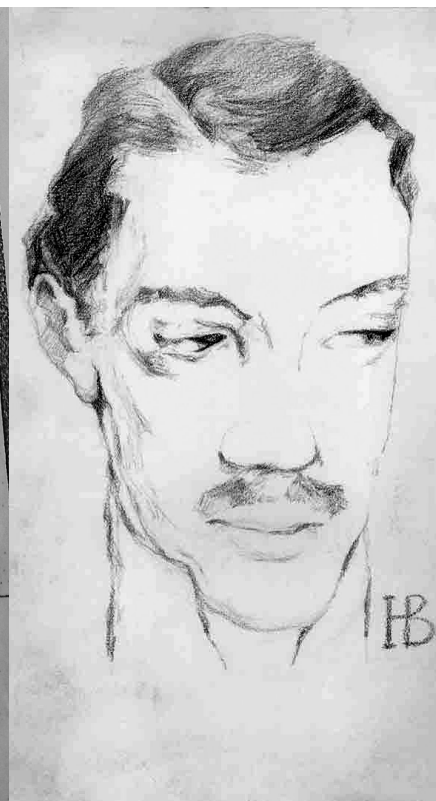
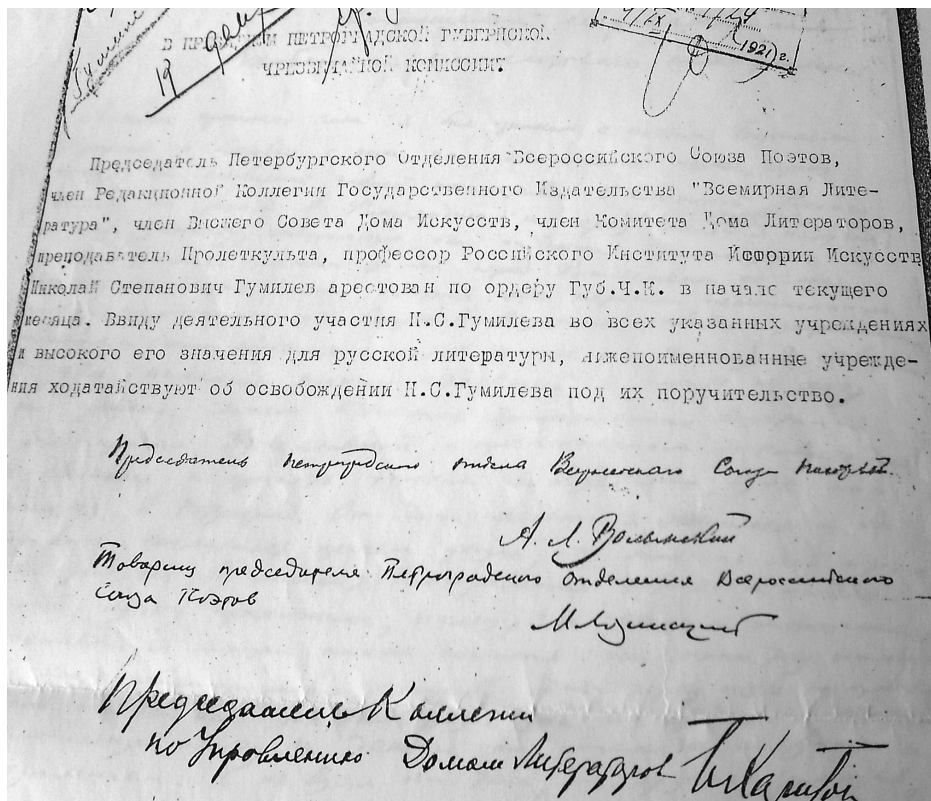
© «Библиотека газеты «МОЛ», 2015»

ГУМИЛЁВ

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл...
Николай Гумилёв

Продолжение. Начало в альманахах: «Словесность 2013», книга 8, «Словесность 2014», книга 9.

ВИКИПЕДИЯ: Русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, переводчик, литературный критик, путешественник, офицер. Дата и место рождения: 15 апреля 1886 г., Кронштадт, Российская империя. Дата и место смерти: 26 августа 1921 г. (35 лет), под Санкт-Петербургом, Санкт-Петербургская губерния.

ДЕПУТАТУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ СПБ А.Р. МЕЛЬНИКОВОЙ

Уважаемая Анастасия Рюриковна!

Союз литераторов России свидетельствует Вам своё уважение и вновь обращается по поводу увековечения в Санкт-Петербурге памяти Николая Степановича Гумилёва.

В ответ на наше обращение об установлении в СПб мемориальных досок и памятника поэту Н.С. Гумилёву, мы от Ваших помощников получили письмо о том, что в СПб уже установлены 3 мемориальных доски Н.С. Гумилёву. Но при нашем более тщательном расследовании оказалось, что все они «самопальные», и государством поэтому не охраняются.

Обо всём этом мы написали в газете «Литературные известия» №2, 2014 и в нашем альманахе «Словесность 2014» стр. 3. И газета, и альманах размещены на нашем сайте <http://soyuzlitrf.ru>

Мы не перестаём надеяться, что в прекрасном Санкт-Петербурге, возвращённом на лучших образцах русского классического искусства и пропитанном великими достижениями искусства Серебряного века, не канет в Лету память о гениальном поэте с трагической судьбой, истинном петербуржце Николае Гумилёве, — и появится памятник, мемориальные доски, улица и библиотека его имени.

С уважением,

Сопредседатель Союза литераторов России, поэт,
поэт-переводчик Д.Ю. Цесельчук;
Координатор Союза литераторов России,
публицист Н.В. Давыдова.

Комитет по культуре
№ 01-18-7419/14-1-1
от 11.02.2015

ПРАВИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Невский пр., 40, Санкт-Петербург 191186
Тел. (812) 312-2471 Факс (812) 570-6138
E-mail: kkult@gov.spb.ru
<http://www.gov.spb.ru>

ОКПО 00086987 ОКОГУ 23310 ОГРН 1037867016440

ИНН/КПП 7808025993/782501001

11.02.2015 № 01-18-7419/14-1-1
за № _____ от _____

Председателю
общероссийской общественной
организации «Союз литераторов
Российской Федерации»

Д.Ю.Цесельчуку

Координатору
общероссийской общественной
организации «Союз литераторов
Российской Федерации»

Н.В.Давыдовой

Кожевническая ул., д. 19, стр. 6,
Москва, 115114
(журнал «Знание – сила», для СЛ РФ)

Уважаемый Дмитрий Юрьевич!

Уважаемая Нина Васильевна!

Ваше обращение в адрес Депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга А.Р.Мельниковой по вопросу мемориальных досок Н.С.Гумилеву, установленных без правовых актов, рассмотрено в Комитете по культуре Санкт-Петербурга (далее – Комитет).

В Санкт-Петербурге существуют сложившиеся традиции увековечения памяти о выдающихся людях и событиях. Эти традиции легли в основу Закона Санкт-Петербурга от 09.11.2011 № 706-131 «О мемориальных досках в Санкт-Петербурге» (далее – Закон) и постановления Правительства Санкт-Петербурга от 24.12.2012 № 1371 «О мерах по реализации Закона Санкт-Петербурга «О мемориальных досках в Санкт-Петербурге» (далее – Постановление).

В соответствии со статьей 5 Закона мемориальные доски, установленные без правовых актов подлежат демонтажу. Демонтаж осуществляется в соответствии с пунктом 12 Порядка установки, обеспечения сохранности и демонтажа мемориальных досок в Санкт-Петербурге, утвержденным Постановлением (далее – Порядок), в случае выявления мемориальных досок, установленных при отсутствии правового акта об установке мемориальной доски, администрация района Санкт-Петербурга направляет в Комитет: акт о выявлении и фотофиксацию мемориальной доски. Комитет на основании пункта 13 Порядка готовит распоряжение о демонтаже несанкционированно установленной мемориальной доски.

На сегодняшний день, в Комитет не поступали обращения от Администраций районов Санкт-Петербурга по вопросам демонтажа мемориальных досок Н.С.Гумилеву по адресам: ул. Радищева, д. 5, 5-я линия В.О., д. 10 и г. Пушкин, ул. Набережная, д. 12.

В случае принятия решения о демонтаже указанных мемориальных досок Комитет готов рассмотреть предложения от юридических лиц об установке новых мемориальных досок по перечисленным адресам с соблюдением всех требований Закона и Постановления.

В соответствии с Порядком, прием предложений об установке мемориальных досок в нашем городе проводится Комитетом ежегодно два раза в год с 1 января по 30 июня и с 1 июля по 31 декабря. Предложения об установке мемориальных досок рассматриваются на заседании Совета по мемориальным доскам при Правительстве Санкт-Петербурга (далее – Совет). В соответствии с пунктом 2 статьи 4 Закона Комитетом рассматриваются предложения об установке мемориальных досок, поступившие только от юридических лиц.

К предложению об установке мемориальной доски прилагаются следующие документы:

- краткая биографическая справка о выдающейся личности;
- предложение по содержанию текста на мемориальной доске и адресу установки мемориальной доски;
- копии архивных документов, подтверждающих достоверность события или заслуги выдающейся личности, изложенные в тексте мемориальной доски;
- фотофиксация места установки мемориальной доски;
- письменное обязательство юридического лица, направившего предложение, о финансировании работ по проектированию, изготовлению, установке, последующему ремонту и реставрации мемориальной доски;
- заверенная копия учредительных документов.

Документы для рассмотрения предложения об установке мемориальной доски необходимо представить в Комитет по адресу: Невский пр., д. 40, Санкт-Петербург, 191186.

Обращаем Ваше внимание, что на сегодняшний день, в полномочиях органов государственной власти Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга отсутствуют основания для выделения средств на изготовление и установку мемориальных досок. Таким образом, в роли заказчика установки мемориальной доски может выступать только юридическое лицо, которое не получает финансирование из бюджета Санкт-Петербурга.

Дополнительную информацию можно получить у секретаря Совета Крыловой Елены Викторовны по телефону: 315-21-93.

С уважением,
**Первый заместитель
председателя
Комитета по культуре
Санкт-Петербурга**

Б.А.Илларионов

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ДЕПУТАТУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ СПб А.Р. МЕЛЬНИКОВОЙ; В КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Союз литераторов России снова обращается к вам по поводу увековечения в Санкт-Петербурге памяти Н.С. Гумилёва. В апреле 2016 г. исполняется 130 лет со дня рождения в Кронштадте, а в августе – 95 лет со дня расстрела в окрестностях Санкт-Петербурга (место точно не установлено) выдающегося поэта,

общественного деятеля, Георгиевского кавалера, знаменитого путешественника и литератора.

Мы неоднократно обращались к заинтересованным лицам и государственным организациям, но получали формальные ответы-отписки (см. письмо из Комитета по культуре Санкт-Петербурга от 11.02.2015 № 01-18-7419/14-1-1).

Петербургские чиновники из комитета по культуре должны были бы ужаснуться: как же так, у нас в городе до сих пор нет ни улицы в Кронштадте имени Николая Гумилёва, ни памятника в центре города, а на фасадах домов в центре и в Царском Селе висят уродливые мемориальные доски времён 90-х годов, «самопальные», государством не охраняются, да как же это, давайте поработаем и срочно наведём порядок, это же наша история!

Тогда, в 90-е, времена были тяжёлые и общественным организациям и горожанам надо СПАСИБО сказать за то, что они смогли всё-таки установить памятные доски, даже и не согласованные с городской администрацией.

Мы гордимся, что недавно в Москве появилась улица Владимира Высоцкого, давно уже установлены мемориальные доски его памяти, не конфликтующие с законом.

Отчего же память о Н. Гумилёве так нежелательна, так неприятна руководству Санкт-Петербурга? Боевой офицер, патриот, истинный интеллигент, много сделавший для своей Родины, его стихами и сейчас зачитывается молодёжь...

И – бездействие чиновников, письма, потрясающие полным отсутствием нравственного переживания, моральной ответственности?! Глухота комитетов по культуре кажется на данном этапе неизлечимой. Может быть, надо пригласить таких сотрудников, что «горы готовы свернуть», людей инициативных, умеющих работать и понимающих значение Николая Гумилёва для русской культуры?!

И, всё-таки, мы не теряем надежды на то, что в Санкт-Петербурге очень скоро появится памятник, мемориальные доски (под государственной охраной), улица и библиотека имени Николая Степановича Гумилёва.

Сопредседатель Союза литераторов России, поэт,
поэт-переводчик **Д.Ю. Цесельчук;**
Координатор Союза литераторов России,
публицист **Н.В. Давыдова.**

* * *

*А я уж стою в саду иной земли,
Среди кровавых роз и влажных лилий,
И повествует мне гекзаметром Вергилий
О высшей радости земли.*

Николай Гумилёв

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

С цитатником ко мне приходит Муза,
Как участковый в свой микрорайон.
Она — спасительница и обуза,
И совершенств в ней целый миллион.

Я к ней прикован цепью, как галерник.
С шуршаньем море гальку шевелит.
Глядит на небо вдумчивый Коперник.
Не радуется сердце, а болит.

получались стихи
из какой-то неМЫСЛИмой души

как Соснора считает
живут в каждом многие души

как писал Шибутани
у личности лиц до черта

6

были магометане
в Будду верили и в Христа
из неМЫСЛИмой души
господь сотворил столько вер
наши смертные души
живут в окруженьи химер

ПАСОДОБЛЬ

Листьев золотой ковёр
Не успел истлеть,
А уже смолкает хор
Птиц, уставших петь.

Болдинская осень тут
Вот уж третий день.
От поэта песен ждут,
Все, кому не лень.

Кошка ждёт и Рыжик — кот,
Пёс соседский Билл,
Что во двор вдруг забредёт,
Будто что забыл.

Ну, а ты, поэт, трудись,
Вытри пот со лба.
Вот такая она — «жисть»,
Сдрейфить — не судьба.

Если взялся уж за гуж,
Стало быть, ты — дюж,
Баловень судьбы и муж,
Что объелся груш,

Кошки лучший кореш, пса
Закадычный друг,
Будет кто тебя кусать —
Оглядишься вокруг.

Это кровь твою комар
Ненасытный пьёт.
Не прихлопни божью тварь —
Пусть пока живёт.

Раз уж залетел он в стих,
Выпив через край,
Пусть сидит себе. Притих —
Думает, что в рай.

Не готов на новый дубль
Кровный побратим.
Кошки плящут пасодобль —
Ну, и мы хотим!

ЭДЕМ

Дождь лил, как слезы из глазниц, —
Христос, Аллах и Будда
играли с Небесами в блиц.
В Саду — обломков груд.

Из этих шахмат, на Доске
расставленных Небесной
Мир состоял, на волоске
повиснувший над бездной.

Кто из потомков разберет,
чей Бог свершил промашку, —
на полюсах растаял лед,
Потопу дав отмашку...

Внезапно дождь затих. Я рад
гроссмейстерскому баллу.
Сгребаю сучья, выйдя в сад,
для шашлыков — к мангалу.

БАБЬЕЛЕТОВ

Лето было сущим адом.
Осени краса ярка.
Колесо луны над садом
Катится за облака.

За год — третье бабье лето! —
Безошибочный прогноз.
Лунные потоки света
Потеснили мгла всерьез.

Пробуют собаки голос —
Кыш, кошачий back vocal.
Смотрим супершоу «Голос»,
Новостей смилив накал.

Страх и ужас отодвинем,
Ночь — вся в звездах, а луна
Всюду, куда взгляд не кинем,
Высеребрила всё до дна.

Серебристым человеком
Бабьелетовым побудь.
Скрылась, будто бы под снегом,
Хрупкой жизни страхожуть.

* * *

А мы с тобой болели,
но в целом уцелели,
и осень нам мила.
Чай цедим на террасе,
считая в общей массе:
добра не меньше зла!

К добру котов причисля,
ловлю себя на мысли,
что сам хочу, как кот,
играть с другим котяррой,
ходить с собратом парой,
зубастый щеря рот.

Съезжать с песчаной кручи,
И в белоснежной куче
Весь выпачкаться вдым.
Хочу быть молодым,
хвостатым и пушистым,
А после душа чистым,
Но в старости седым.

ЗОНТ

Осенний день хорош,
Хотя и хмур немного.
Накинуть макинтош

И взять под мышку зонт.
Пусть шелестит листвою
Осенняя дорога.
И тучи надо мной
Берут меня на понт.

Зонт не раскроет вширь
Свой темно-синий купол.
И в запредельный мир
Меня не увлечёт.
И я продолжу быть
Одной из тысяч кукол —
На ниточках судьбы
Подёргаюсь ещё.

Хоть разгребать листву
Пустяшная забава,
Я радуюсь родству
Судеб, что свиты в жгут.
Хочу — пойду вперёд,
Налево ли, направо —
Никто не повторит
Крутой супермаршрут.

А если хлынет дождь,
Поднимет вихрь в небо,
Охватит тело дрожь, —
Как парашют мой зонт:
В полымя из огня,
Зигзагами нелепо,
Пусть он несёт меня
Без строп — за горизонт.

ЭКВИЛИБР

солнце светит над городом
всё видать за версту
слыть упрямым и гордым
стало неумогу

самокат детской шалости
манит издалека
но от собственной малости

8 руль вихляет в руках

разве самодостаточность
не награда тому
выбирает кто праздничность
бытия по уму

кто себе же наследуя
так спонтанен и нов
что идущим по следу я
не завидую — вновь

отлетят по касательной
с круга жизни во мрак
солнце светит старательно
вдруг ныряя в овраг

ничего не придумаю
что затмило б уход
что смиряло б тоску мою
каждый миг круглый год

самокат детской шалости
на доске эквилибр
я от собственной малости
безрассуден и храбр

НЕ В ВПЕРВЫЙ И НЕ В ПОСЛЕДНИЙ

Что мне праведников иконостас?
Истины введливый наследник,
Я живу на земле в первый раз —
Самый первый и самый последний.

В окаянный пустившись путь,
Мой, увы, доморощенный гений
Ближе стал к ней лишь на чуть-чуть —
Подкачали пращуров гены.

Если гены всему виной,
Стало быть, живем не впервой.
Ну и жизнь — шанс не последний,
Для тебя — ГЕНИальный наследник.

В ПОЛНОЛУНИЕ

Нине

Жаль, что утром тебя не увижу,
Не услышу и не обниму.
Опускается вечер все ниже,
Ночь вымарывает синеву.

Появляются первые звезды.
Кто Медведицы выследит след?
На купавах настоенный воздух
Над Купавной качается сед.

Виснут рваные клочья тумана
На ветвях тут и там. А луна
В полнолуние войдя без обмана
Все вокруг освещает до дна.

Открывая за бездною бездну
В каждом из озаренных дворов.
Я рожден и когда-то исчезну
Где-то в сосредоточье миров

Но пока я сижу, как сельчанин,
Ухватясь за перильце крыльца,
На меня, словно я марсианин,
Звездная облетает пыльца.

На лице и плечах серебрится.
Вот в такую же лунную ночь
Я вспорхну, как огромная птица,
Чтобы тягу Земли превозмочь.

И не буду отбрасывать тени
На провалы полян и жилья.
Жаль, что ты не оценишь мой гений,
Что трубил лишь во имя твое.

КТО-ТО

Маше и Юрию Мамлеевым

Дождь из берёзовых листьев
крыш засыпает жуть.

Крадучись поступью лисьей,
кто хороводит здесь?
Может ведьма-соседка
с дворницкою метлой.
Хрустнет в саду ветка,
кто-то вымолвит: — Ой.
Только вот кто — неясно,
утром в тумана квашню
не провались, опасно, —
может вымочить всю,
или всего. Кто выйдет,
скрутит того в жгут.
Сверху нас кто-то видит,
как мы плутаем тут,

как по туману кружим,
жизнь кладя на весы.
Каждому кто-то нужен,
но ведь не для красы, —
для очага и дыма,
стелящегося из трубы.
Кто-то крадётся мимо,
будто сосед бобыль,
вынырнув из тумана,
с ордером на арест.
Тут уж всё без обмана,
кто не любит — не ест.
Жизнь предьяви в профиль
или просто анфас.
Кто-то выгащит надфиль
и увековечит нас,
сгладив все закавыки,
все погасив счета,
кто-то, Скульптор Великий,
Мелкому не чета,
запечатлеет в бронзе
проливень-листопад
и притудится возле
ног, как пёс, наугад...

Юрий МАМЛЕЕВ

ЕРЕМА-ДУРАК И СМЕРТЬ

(Сказка)

В одном не очень отдаленном государстве жил Ерема-дурак. Такой дурак, что совсем необыкновенный. Странный человек, одним словом. Даже в день, когда он родился, стояла какая-то нехорошая тишина. Словно деревня вымерла. Петухи и те не кукарекали.

— Не жилец, наверное, младенец, — прошамкала тогда умная старуха-гадалка.

— Еще какой жилец будет! — оборвала ее другая старуха, которая жила в лесу.

Однако до десяти лет ребенок вообще ничем себя не проявлял. «Щенок и тот себя проявляет, — задумчиво шептались старики. — Отколы такое дитя пришло?»

Даже слова ни одного Ерема не произнес до этого срока: ни умного, ни глупого. А в двенадцать лет пропал. Родители воют, кричат: хоть и дурень ребенок, а все-таки свое молоко. Искали по естеству: нигде нет, куда ни заходили: ни в окрестных деревнях, ни в лесах, ни в полях раздольных. Решили искать по волшебству: еще хуже получилось. Сестрицы клубок смотали. Заговорные слова пошептали, а клубок вывел на чучело. Стоит среди леса дремучего на полянке чучело, а огорода нет и охранять нечего. Клубок даже от страха развязался.

Делать нечего: зажали без Еремы. Собаки и те два дня исть не просили. От глупости, конечно. Словно их Ерема онелепил.

Ну, а так жизнь пошла хорошая: песни за околицей поются, дух в небо летит, по утрам глаза светлеют от сказок. Сестрицы Еремушки на хоровод бегали — далеко-далеко в поле, где цветы сами на грудь просятся и пахучие травы вверх глядят.

А через семь лет Ерема показался. Словно из-под дороги вышел. За плечом — котомка. Лапти такие, будто весь свет обошел. Зато рубаха чистая, выглаженная, точно он прямо из-под невестиных рук появился. И песню поет ну такую глупую, что вся деревня разбежалась. Но делать

нечего: стали опять жить с Еремой.

«Пора бы его обучить чему-нибудь, — чесали затылки деревенские старики. — Таким темным нехорошо быть».

Спросили у него, да толку нет. Тогда решили обучить охоте. Целый год маялись, потом в лес пустили, а мальчонку за ним по пятам присматривать. И видит малец: Ерема ружье на сук повесил, свечку в руки взял, зажег и со свечкой на зайца пошел. Заяц туды-сюды — и издох от изумления. Но Ерема ничем этим даже не воспользовался: прет через лес со свечкой напрямик. А куда прет, зачем? Даже нечистая сила руками развела.

Другой раз на медведя пошел. Но дерево огромное принял за медведя, на верхушку забрался и лапоть сосет. Целый день сидел, без всякого движения.

Худо-бедно, видит народ: надо его чему-нибудь попроще обучить. Сестрицы плачут за него, все пороги у высшего начальства обили. Но кроме как ягоды да грибы собирать ничего проще не придумали. Дали ему корзинку, палку — девица сладкая по картинкам в книге грибы да ягоды различать его учила. Пошел Ерема-дурак в лес. Приходит назад — у девицы над головой как корона из звезд вспыхнула. Смотрят в корзинку — там одни глаза. Много глаз разных устремлены как живые, не на людей, а куда — неизвестно. Все в обморок упали. Встают — а глаз нет, корзинка пустая. Ерема спит на печке, как дурак набитый. Ничего не понимают. Все бегом — к колдунье. Так и так, значит, нешто Ерема — колдун? Пошла колдунья в избу, посмотрела в рот спящему Ереме и сказала:

— Не нашего он племени. Дурак он, а не колдун.

А про глаза отгадать не смогла. Гадала, гадала — и все глупость получалась. То козел хохочет, то свиньи чернеют неспроста.

Обозлилась колдунья. Метким взглядом глянула на Ерему — а он дрыхнет, ноги раскинул, рот разинул и почти не дышит.

— Надо на ево, такого паразита, погадать, — проскрипела она. — Посмотрим, что выйдет.

Вынула грязную колоду, чмокнула ее три раза, перевернула, на Ерему покосилась — и давай раскладывать.

Раз раскинула — пустое место получается, два раскинула — пустое место, три — то же самое. Судьбы нет, жизни нет,

дома нет, жены нет, вообще ничего нет. Ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем. Первый раз у первого человека в мире такое выходит. Колдунья струсила, видит, дело плохо, ни туды ни сюды, плонула, шавкой плюгавой обернулась — и бежать. До дому — ибо даже у колдунов дом бывает.

Народ тогда вообще во всем разочаровался. Ерема нау-тро встал, по грибы пошел, да листьев сухих принес. Все ахнули и махнули на него рукой. Разные дураки бывают, разной степени, но это был абсолютный. Никогда такие не появлялись.

Стали жить да быть, как будто Еремы вообще нету. «Мысли от него только мешаются», — жаловались бабоньки. Надо было ему жену сыскать. Без жены под небом ничего быть не может. Но какая за него пойдет? Вдруг сладкая девица — которая по картинкам грибы его различать учила — говорит: «Я пойду за него замуж». Все так и обомлели. Она сказала: «Я за него пойду», потому что у самого дурака спрашивать было бесполезно: все равно ничего не поймет. Впрочем, он иногда говорил, но ни по уму и ни по глупости, а как — никому не понятно.

Значит, решили объявить про это событие дураку всем миром. Собрали сход, сладкую девицу раздели, радетели ее плачут: «За кого, мол, ты выходишь?», нищие песни поют, девица отвечает: «А мне ево жалко». Ерема стоит посередине, в штанах, только головой в разные стороны поводит. Сладкая девица подходит к нему и говорит: «Я тебя люблю!» Как только сказала она эти слова, вдруг тьма объяла небо, грянул гром и деревня исчезла. Стоит Ерема один, как ошалелый, а кругом него тьма и пустота. Потом на миг появились опять те, кто были вокруг него, но уже в виде призраков. Сладкая девица на него смотрит — а глаза словно внутрь себя уходят. Ужас бы любого объял, да для таких дураков и ужасов нет. Мигнула опять деревня призрачным своим бытием — и исчезла: куда, не стоит и спрашивать. Гром грянул, все совсем пропало, даже призраки. Не стало и девицы. Только эхом отдалось: «Я люблю тебя!» Больше уже на месте той деревни ничего нет. А дурак в лес ушел. Бродит не бродит, ест не ест, пьет не пьет. Хотел его нечистый заплутать, сам заплутался — и тоже исчез. Повеселел лес...

...Много годов с тех пор прошло. Ерема-дурак в городе

объявился. Люди добрые к нему пристают: поучись. А чему учиться-та? Ну, начать надо с главного, с божественного. Но у Еремы божественное не получается: все делает шиворот-навыворот. Опять ни туда ни сюда. Наставитель осерчал: «Ну, раз у тебя с Богом нелады, иди к сатане!» Ну и что, пошли к сатане. На краю городка человек жил — полукозел-полукошка. Говорили, что у него с сатаной самые уютные отношения. Человечек Ереме: «Убей», а Ерема вопит: «И так мертвый!» Взмок полукозел-полукошка. Принесли с подвала дитя розовое, нежное, как мармелад. Человек дает Ереме нож: «Переступи!», а Ерема только чихнула. Полукозел-полукошка завизжал: «Ты чего насмехаешься!» — и в глаза ему глянул. Глянул — и отнесло его. «Уходи, — издалека кричит Ереме, — не наш ты, не наш!» Ну, если не светлый, не адский, значит, земной, пустяшный, решили в городе. Но про то, что Ерема ничего земного в руки не брал (потому что из рук все валялось), мы уже знаем. И поэтому ничего с Еремой у горожан етих, конечно, не получилось. «Что ж он — никакой!» — испугались они. «Ежели хотя бы он тютя-втя бы, — рассуждал один — старичок. — Тютя-втя, он хоть что-то делает, хоть сквозь сон. Вяло, а хоть что-то делает. А етот — вне всего!» «Ничего, как смерть подберется, так запляшет по-человечески, — говорили другие. — Смерть, она кого хошь научит».

И правда, то ли сглазил кто, но с Еремой скоро очень не-хорошие шутки стали происходить.

Жил он на краю городка, в маленьком домике, а за огоро-дом ево и за банькой начиналось поле. А за полем — кладбище. Совсем недалеко. И начал Ерему кто-то с кладбища к себе звать. То платком белым махнет ввечеру, то пальцем поманит какая-то высокая фигура у могилы. Но у дурака один ответ: исть после этого начинает. Наварит каши, нальет маслица и уписывает. Осерчали тогда упокойники. Один малыш ему в дверь стукнул: приходи, мол, к нам. Ну ладно, делать нечего: собрался Ерема к нежилцам.

Соседушка его, приметливый, все понял и смекнул: ко-нец дураку пришел. Да любопытный был, дай-ка, думает, подсмотрю. Пробрался по кустам к кладбищу и глядит: ба! Ерема при свечах на могиле с упокойниками в под-кидного играет! Лица у неживых масляные, довольные,

хотя все время в дураках оказываются, проигрывают. Словно зачарованные. Один из них даже песню запел, другой был — при галстуке.

Оставили после этого Ерему в покое. Ни один мертвяк не вылезал.

Худо-беда, прошло несколько недель. Как-то возвращался Ерема сам не зная откуда по тропинке — и вдруг как из-под земли музыка полилась. Свет луны упал прямо перед ним на траву. И в свете этом красавица — сладкая девица — появилась, та, которая полюбила его в деревне. Но не сладкая она была уже, а в тоске вся и как бы прозрачная, хотя и нежная.

— Что ж, Ерема, — говорит она, — погубила меня любовь к тебе... Погубила...

Ерема на нее посмотрел:

— Да была ли ты?.. Кто ты есть-то?

Заплакала девица, но ангел с небес бросил в нее молнию и, лишив вида человеческого, взял душу ее к себе.

А Ерема домой поплелся, только в затылке почесывает. Опять покой для него наступил. Только знает на печи сидит ноги свеса и на балалайке поигрывает (вдруг сам собой научился брэнчать).

Тогда уж неживое царство только руками развело. Но решили к ему Марусю подпустить. В народе говорили, ежели Маруся на кого глянет, тому смерти ни с того ни с сево, и к тому же лютой, не миновать. Хужее черта лысого ента Маруся была.

Ну, значит, обрядило неживое царство Марусю свою на выход, к людям. Как все равно на выданье. Приукрасили маненько, потому что в настоящем своем виде ее даже к иным упокойникам не выпустишь: не вместят. Колдовали, плявали, сто заговоров зараз читали. Наконец выпустили красотку на свет Божий. Идет ета Маруся по дорожке из лесу, так даже трава сама не своя становится. Потому Марусю такую на белом свете и держать долго нельзя. Захируют здешние от ейных глаз.

Подошла она к Ереминой избушке и в окно глянула. Но Ерема и сам на нее посмотрел. Она — на ево, а он — на нее. Аж изба немножечко затряслась. Тараканы и коты попрятались. И чувствует ета Маруся, что она понемножечку от Ереминого взгляда в живую превращается. А он ничего не

чувствует, потому что Ерема с малых лет своих завсегда бесчувственный был. ...Но сказать надо, что той Марусе живой быть — все равно как нам с вами в аду в зубах самого дьявола кувыркаться. Не любила жизнь девочка. Хуже для нее казни не было, как живой стать. Закричала Маруся дурным голосом, в ужасе на руки свои смотрит: вроде полнеют они, кровью наливаются. Гикнула, подпрыгнула вверх; в царство навсегда мертвых лик свой обернула: помощи просит. Оттуда тогда на нее мраком дохнули; ледяной холод заморозил кровь в оживающих руках; голос человеческий, вдруг появившийся, пропал в бездну; зачернели исчезающие глаза...

Еле выбралась, одним словом. Неживое царство тогда решило сдаться. «Эдак он нас всех в живых обернет», — решили на совете. «Плюнуть на него надо, чаво там, — сказал на земле помощник мертвого царства. — Пушай евойная Личная Смерть за него берется. Не наше его дело».

И взаправду: если уж Личная Смерть придет, никуда не денешься — срок пришел. Етта тебе не черт поганый, от которого крестом спасешься, а от такого существа ничего не поможет.

Но вышел ли срок Ереме? Спросили об этом у ево Личной Смерти. Та просила подумать денька два-три. «Чаво думать-то, — осерчал помощник. — В книгу живых и мертвых посмотри — и дело с концом».

— Да он у меня нигде не записан: ни в живых, ни в мертвых, — ругнулась в сердцах Личная Смерть. — Надо Великому Ничто помолиться, может, подскажут, куды такого совать. Думаю, ошибка тут какая-нибудь.

— Ох, бездельница, — покраснел от злости помощник. — Все норовишь срок оттянуть. Жизнелюбка!

— Сам жизнелюб, — огрызнулась Смерть. — Иди-ка своей дорогой... Ну, так матерились они часа два-три, но Смерть на своем настояла. Через четыре дня идет к помощнику. — Вася, — говорит, — сроков вообще никаких нету, сказали: когда хошь, тогда и иди.

— Ну, так ты сейчас захоти, — намекнул помощник. — А то вертится он тут ни живой ни мертвый и оба царства смущает.

Личная Смерть отвечает: «Ну ладно, уговорил! Пойду».

— Подкрепись только, — охальничает помощник.

Знает: никакая Смерть ему не страшна, потому что он и

так уже давно мертвый.

И вот Личная Смерть собралась. Сурьезные времена для Еремы настали. Тут как ни крутись, а ответ держать придется. Тем временем Личная Смерть заглянула в душу Еремы и ужаснулась: куда ж такого девать? Взять душу просто, а вот что с ней потом делать, задача не из легких. Оно конечно, не совсем мое это дело, думает Смерть, но ежели убить такова беспутного, то чушь получится — после смерти у каждого путь должен быть Уменьские по-земному — в ад пойдут, уменьские по-небесному — ввысь, для глупых, добрых, злых — для всех пути есть. А етот как ниоткудава. Ни в рай его не засунешь, ни в ад, ни в какое другое место. Но делать нечего: умерщвлять так умерщвлять. Однако на деле оказалось, Смерть далеко не всезная. Не дано ей тоже многое из тайнова знать.

Явилась Смерть к Ереме разом в горницу поутру. Глянула на Ерему — и только тогда осенило ее. Нет для него ни смерти, ни бессмертия, и жизнь тоже по ту сторону его. Не из того он соткан, из чего мир небесный и мир земной созданы, ангелы да и мы, грешные люди. И есть ли он вообще? И видит Смерть, что Ангел, стоящий за ее спиной и меряющий жизнь человека, отступил. Словно в пустоте оказалась Смерть, одна-одинешенька. «Но вид-то его ложный, человеческий, должен пропасть, раз я пришла», — подумала Смерть. А самой страшно стало. Но видит: действительно, меняется Ерема. Сам внутри себя спокоен, на Смерть и внимания не обращает, а облик человеческий теряет.

Но что такому облик? Вдруг засветился он изнутри белым пламенем холодным и как бы несуществующим. Вид человеческий распался, да и облика другого не появилось. Сверкнули только из пламени глаза, обожгли Смерть своим взглядом так, что задрожала она, и ушел Ерема в свое царство, — собственно говоря, он в нем всегда пребывал. Но что это за царство и есть ли оно, не людям знать. Ни на земле, ни на небе, нигде его не найти. Только вспыхнуло пламя, сожглась изба, Смерть одна стоит среди угольков, пригорюнилась. Платочек понизала, нищенкой юродивой прикинулась и пошла. Обиделась.

А жизнь кругом цвететь: мужики мед пьют, баб цалуют, те песни поют, старушки в Церквах Божьих молятся. Пока Смерть не придет.

Мария ПАНФИЛОВА

* * *

Те, кто вели интимные дневники,
Растворились. Остались их двойники,
Перья сбросив, теперь совершенно голы,
Прозрачны — не сказать — или сказа...
Барабанщика отставного коза
Блеет, — поёт как будто любовный голод.

Гладко проходит за годом год.
Сыто урча, любовь поглаживает живот,
Ну, а потом, как будто бы — хватъ за ворот!
И волоком за воротА, страшно рыча,
Пришепетывая: ну дайте же мне рычаг...
А у тебя сломался ноготь, живот распорот...

А за окошком снова что-то варится из топоров
С кусками сестёр и братьев — тыбудьздоров —
Кто ищет свободы, а кто-то — музыку к бунту.
Ну и страшилка — Любовь наматывает на ворот кишки,
А у тебя на виске голубая жилка, на флешке стишки...
Вот такая вот, вротмногои, «убунту»...

* * *

В деревне полунищей
Далёко от Москвы
Корова воду ищет
Или клочок травы

Вспорхнёт тоски сорока
Над крышею дымок
Корова одинока
И каждый одинок

* * *

В тебя влюбляются с девятого слова, с десятого перепиха
Любовь твоя, полезная и ползучая, как облепиха
Обжигает вырви-глаз-кислотою
Разрывается замедленной пулею золотою

И грибная пора настанет над твоей хиросимой,
И ужасно смешон/смещён центр лёгкости невыносимой
В сторону света, очень яркого света
Баба с пустотою внутри — вообще плохая примета.

* * *

Ща-ща-ща! — всегда откликается щастье
Ставит на память зарубки на каждом запястье
Пальцы шепотью — щепочкой начирикай
Несколько строк на песчаном пляже для чаек Итаки

Летите, милые, расскажите уже Одиссею
Как я тут плету на коклюшках саван, хлебушек сею,
А вырастает всё чаще чертополох
Не так уж и плох,
Но не хватает Тебя, всё-таки возвращайся
Завязываю. На память узел. Шелковый платок на груди.
Завязываю писать. Приходи.

* * *

Безобразная Эльза
В платице из крапивы,
Чуть молчаливей сороки,
Чуть умнее коровы,
А туда же, туда же —
Воровка.
Плачут по ней Вера, Надежда, верёвка...

Кольшек в поле,
Бывший когда-то берёзкой,
Ждет её —
Он пуп земли, подобие друга, земная кора, земная Ара,
Точка отсчета, ориентир...
Мира модель, весь мир.
А длина верёвки — радиус
Хочешь — круга,
А можешь —
Шара.

Владимир ПРИБЫТКОВ

ТЯГА

(из охотничьих рассказов)

Охотиться мне не разрешали долго: мать находила охоту
недоброй и опасной забавой. Но в шестнадцать лет я на
своем настоял.

14 Знакомые взяли на тягу под Крекшино, поставили на по-

ляне с редким, мелким березнячком, неподалеку от за-
зубренной стены старого бора, и оставили одного.

Солнце село. Птицы умолкали. В березках синело,
нижние ветви елей слились с землей. В неподвижной
черной луже возле голого куста боярышника отраз-
илась первая звезда. Выстрел вдали. Еще один. Еще...
Сердце стучало, оглушая. Вдруг не налетят? А если на-
летят и промажу?

В шестнадцать лет веришь, будто все тебе по плечу, любое
дело сделаешь не хуже другого. И — любишь. Впервые.
Самую лучшую девушку в мире! С ней даже заговорить
немыслимо, и остается одно — везде, во всем утверждать
себя. Значит, нельзя промазать! Надо попасть!..

Вальдшнеп шел без хорканья, отчетливо видный на
аспидно-сером небе. Шел над краем поляны...

Я подбежал к пеньку, где упала птица, встал на колени
в мокрую прель, взял в ладони еще теплое, но уже не
живое. Клянусь, если б мог я тогда оживить эту длин-
ноносую, с печальными глазами птицу, я ее оживил бы.
Клянусь!

...Полвека минуло. Девушка, которую я так трепетно
любил, вышла в годы войны, пока был на фронте, за
человека, от фронта увернувшегося. Я давно знаю, что
один всего не свершу, даже свою часть общего дела не
довежу до конца, оставляю довершать другим. Пора успо-
коиться, понять, что плетью обуха не перешибешь! Но
когда возникает вдруг на аспидно-сером знакомый си-
луэт волшебной птицы, сердце начинает биться силь-
ней и руки сами вскидывают старое, доброе ружьё. Но
я не стреляю: может, где-то рядом, совсем близко, стоит
неизвестный мне юноша, любящий самую лучшую де-
вушку в мире... Сегодня его время. Пусть первым вы-
стрелит он.

Мария МИРОНОВА

ПАСХАЛЬНОЕ

Что происходит в составе твоём,
Дитя, святой человек,
Пока сдаёт нам себя внаём
Амбар, двадцать первый сусек?

Мы удовольствия будем стяжать,
Заслуженный стойкий покой,
Ленту вытягивать из багажа —
Время с его рекой.

А ты всё в радости, всё в трудах
Помощи и молитв.
И неважны тебе года,
Жажду Господь утолит.

Даже сидя, куда-то идёшь —
Кажется, что босой, —
И любую тяжесть и ложь
Твоя растворяет соль.

Такая сила дана тебе —
Не власти зазубренный скол
И не рычаг на тайной резьбе:
Центр весь целиком.

И ты рождаешься в Нём, светя,
И ты рождаешь Его —
Дух предвечный, твоё дитя,
Души твоей торжество.

НОВЫЙ ГОД

Сколько женственных зим
Новый год приходил,
Словно заново строил
Дворцы Палатин.

В ожиданье волшебных даров
Замирал
Начинаемый снова
Беззвучный хорал.

Удаль в нём перехода,
Его архетип.
Завершается прошлое —
Просто лети!

Это счастья
Законное предвкушенье,

Это виснешь
У будущего на шее.

Нет приятней,
Томительнее заботы,
Чем о радости детской,
Но ставшей и плотной.

Белый мир обретает
Свой сказочный снег
Ненадолго, как будто
Проснуться во сне.

Вот игрушки на ёлке,
В настое густом,
Бог — младенец, и скоро
Его Рождество.

* * *

То сетую, что медленно иду,
То понимаю: не могу быстрее, —
И так, ускоренно блестя, латунь
Мне подменила золотое стремя,

И колесница сделалась грузна
И жгла просторы моего удела.
Я в пустоту вперялась допоздна,
Но пустота за мной недоглядела.

Она хотела стать проводником
И близкие мне формы принимала.
Спектакли слов, ещё один прогон —
И будет счастье вечного привала.

Провала счастье. Совершив побег
Из немоты и жалости тягучей,
Я продлеваю только верный век —
Не тот, что кем-то для себя окучен.

Жалею, что так медленно иду,
Пока несётся, дерзко или резво,
Живое время. Но в его пруду
Не освещается иначе бездна.

В СЕРЕДИНЕ СЕНТЯБРЯ

I.

Кастаньетно с ветвей срываясь,
Падают жёлуди ниц,
Как трубадуры в Провансе —
Пред тайной прекрасных лиц.

Не видно сцепленья арок
Выпуклых ваших земель,
В тёмных меридианах
Карий гуляет хмель.

Два полюса глянцевой сферы
Скроют размах долин,
В них отразится спелый,
Ласковый стон мандолин.

Пусть попирают ногами,
Пусть закончилось лето —
Странники песни слагают,
Щёлкают кастаньеты.

II.

*...Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...*

А.С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане...»

Будто играет в лото
Желудями спелыми дуб.
Вот сбросил ещё поток.
Не успеваем тут

Расставить всё по местам.
Бесхозно в траве лежат
Бочоночки в масть листа,
Блестящий блюда наряд.

И в каждом — сказка своя:
Наследник, шут и король,
Рыцарь, сказитель Боян
И разный у всех пароль.

Конфликт наготове. Клясть,
Щепок добавить в костёр —

И бочку уже смолят.
Не всякий внутри растёт.

Вдруг рыцарь от битв устал,
Несмел или только угрюм, —
И те, кто свободы ждал,
Глядят в непрозрачный трюм.

Но молодцы правят ландшафт
И оземь стучат уже,
Преобразиться спеша.
Надеющийся блажен.

И снова учёный кот
Закончит на счастье том.
А дуб, сберегая род,
Будет играть в лото.

С МАЛЫШОМ ПО ГРЕЦИИ

Восходя на Акрополь, в прохладную тишь Парфенона,
Успокой кулачок этой крохотной детской руки:
Ей должно быть уютно средь мощи и тягот канона,
Пусть освоится здесь, как листочек в лесу у реки.

У создателей линий — природность воды родниковой.
Пусть от Фидия ровно вливается стройность в умы.
Есть под небом гора, к ней никто и никем не прикован,
А вершину её кто-то мрамором белым омыл.

Татьяна ГРАУЗ

ОН ГОВОРИЛ ОНА СЛУШАЛА ОН ГОВОРИЛ

ДАР РЕЧИ

он говорил безостановочно он плёл трещал изрекал со-
общал он вещал толковал разглагольствовал заливался
городил огород намекал изъяснялся ронял как янтарь и
как цедру болтал откалывал штуки ввёртывал выраже-
ния молот ерунду гундосил гнусавил ворчал перемалы-
вал косточки доказывал что-то
она потеряла дар речи.

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

— когда встретились, ну, представь — рамку. а в ней, господи, ну, в ней его пятнадцать лет назад, а потом — ну, на него будто несколько пальто напялили, и сидит он, парится, пыхтит, отдувается и жарко ему, неудобно, но будто принято сейчас эти пальто одно поверх другого носить, фу ты, господи, как ему бедному тяжело.

— он что — потолстел? постарел?

— ну, нет или да, да и какое мне дело? я же не замуж за него собираюсь! просто что-то вдруг наслоилося и изменило черты его. он как-то весь отяжелел. но через десять минут мы говорили с ним снова на том, птичьём, нашем с ним языке. и в дом его всё та же тяжёлая дверь. и в квартире всё те же чашечки и стаканы. и на одном, мне показалось, будто ещё сохранился след от моей сто-лет-назад-забытой помады.

ОН БЫЛ ДОБРЫЙ

он водил ручкой по обратной стороне счёта за кофе и рассказывал ей завиральную теорию о журавлях и трёх рыбках.

она слушала чуть насмешливо, но ей нравилось, когда он на ходу сочинял, чертил на обрывке бумаги солярные символы. и через шум кафетерия, гундося, вдруг заявлял “я прочитал в одной монографии, что журавль раскладывает детёнышам рыбу по кругу. учёные до сих пор не могут понять этот факт. но если предположить”, он снижал голос до детской почти интонации “если предположить, что рыбки лягут все головами вдруг к центру, это будет, смотри, женский символ, а если хвостами, ну посмотри, это солярный, уже мужской знак”.

она опилась крепким кофе, хотелось домой, но ведь сама его позвала. вот-сиди-теперь-слушай.

перед глазами мелькали солярные знаки: рыбки и журавли.

он учёный, пишет исследование по антропологии, а так дурачится — почему?

но когда слушала, в ней будто воздушный корабль или же дирижабль из самого сердца медленно выплывал. он был добрый, он понимал — таким как она непременно нужны дирижабли.

ЛОПНУЛО

что-то лопнуло между ними, когда он заговорил об отце. наверное, об отце он говорил не всем женщинам, с которыми ехал в машине. но ей почему-то он говорил, что отец его был долго болен, и когда он приехал домой, в свой городок (там он бывает так редко), он бегал в больницу. (запомнила). он говорил — в больнице полы деревянные, доски поскрипывали и пахло карболкой. (так он говорил). ещё говорил о деньгах, о том, как лекарства искал.

они очень долго стояли в “пробке”.

шёл снег.

на перекрёстке топтались два человека в белых курточках и белых штанах

она пошутила “смотри! марсиане”.

он вдруг умолк.

стало тихо.

будто и между ними всё это время шёл снег и вдруг растаяла прохладно на лицах и на одежде.

ТЕБЕ НЕ ПОНРАВИТСЯ

— ?

— это было на балконе его иерусалимской квартиры. ну, прости, ты спрашиваешь, я отвечаю. запах цветущих деревьев. забыла как называются. гуденье каких-то жуков. пол в оранжевый ромбик. прохладный. всё как по классику. ну, а потом — аборт, всё такое. ну, не могла ж я прибавить к его восьми от трёх, ещё девятого от меня, четвёртой.

— (молчим).

— ну, не молчи! ну, господи! ну, чего ты? только не надо морали! а то мы всё время о чём-то высоком и вечном. напомни ещё о заповедях, и я расплачусь совсем.

она отсчитала с лёгкостью чаевые.

на улице, когда я подтягивала сползающие время от времени гольфы, она бормотала “ну вот, я говорила — тебе не понравится”. я пожала плечами. был вечер. Покровка. она набрала по мобильнику “Лёню”. Лёня сонно откликнулся.

в аэропорт я не ехала.

так и прощались здесь, на Покровке.

она была рыжая, точно земля обетованная. широкие бедра. мускусный запах пота, чуть кисловатый. веснушчатая и жаркая. болтала без умолку о Кьеркегоре, театре Мирзоева, психоанализе. о том, что придумала новую книжку о методе интуитивного познания жизни. пособие для начинающих. картавя расспрашивала “вот если бы на тотализаторе нужно было поставить на двух лошадок “Жоржика” и “Ковбоя”, куда б ты поставила?” я что-то невнятное наугад отвечала. потом всё сошлось. оказалось — я интуичу.

до слёз было жалко с ней расставаться.

в рыжую я была влюблена ещё с детства. бывала в её “тихих далях”, где рыжая картинно сидела и ласково обнимала собаку, а после, лениво облокотившись веснушчатými руками о круглый обеденный стол, сочиняла истории, перемешивая молочные детские смеси и Екклесиаста. к тому (последнему) лету было у рыжей трое детей. и пела она, когда захмелеет, о золотистых огнях и о таинствах обетованной земли.

ЗОЛОТО КОС МАРГАРИТЫ ПЕПЕЛ ВОЛОС СУЛАМИФЬ

она выскочила из дома в полвосьмого утра, когда он ещё спал. быть рядом с ним казалось ей невыносимым, казалось, он не любит её. и то, что приходит каждую ночь, это не от любви. она неслась по аллее, стояла на остановке. светило солнце. всё было свежим и утренним, зеленовато искрилось. автобус не появлялся. она напряженно молчала. вдруг кто-то на ухо ей прошептал “не грустите”. она обернулась. “не грустите” запнувшись “у вас” не зная как продолжать “золотистые волосы”.

когда она мне рассказывала об этом, голос её чуть дрожал. мы поднимались по переулку, круто идущему в гору, где-то в районе “Таганки”.

LACALUT

— ну, всё, всё, ну, успокойся.

(она сунула в рот щётку с пастой Activ Lacalut и долго и резко водила рукой)

— смотри не сломай себе зубы.

— а что? она чистит иначе? или она не пускает тебя в ванную комнату?

— ну, успокойся, ну всё, я пошутил.

она по привычке тщательно полоскала рот чуть прохладной водой и попыталась (совсем невпопад) закрутить на тюбике пробку. лицо её было испуганным и недоверчивым. и впервые будто бы злым.

он соврал.

он хотел посмотреть — как из равнодушно-расслабленной она превратится... только в кого?.. он не знал. этот колодезяхолостамвглубине до сих пор его волновали, но сегодня в ней было что-то прохладное и отрешенное. и он — соврал.

всё живительно в ней натянулось. смущала лишь злость. он притянул её. обнял. пробка выпала из расслабленных рук.

РОСТ

всё у неё было на вырост. даже платье на выпускном.

мама однажды заметила, глядя на ноги её (обувь такого размера было уже не достать) “что, Гулливерша, быть тебе замужем за лилипутом”.

мамина (пусть и сердечная) грубость смутила.

о замужестве не помышляла совсем. сидела, читала будто пристегнутая.

была она длинной и худенькой. и дополнительный ужин, что в неё впихивали, увы, не спасал. наметившаяся красивая грудь не придавала чертам явной женственности. всё в ней было длинно, тягуче, как в той заповедной реке, под мостками которой колышутся водоросли, и хочется между ними проплыть.

неожиданно вдруг она забеременела. тело её округлилось. рост будто царственным стал. и тот случайный, что не являлся почти пару месяцев, вырос под окнами точно тополь. потом его видели у подъезда. потом на пороге роддома. бледный и напряжённый он бережно обнимал бело-розовый сверток, а рядом стояла она — высокая и отрешённая. будто читала. а он что-то на ухо ей тихо шептал и шептал.

ЦЕЛОВАЛ ГУБЫ, ЦЕЛОВАЛА УСТА

день был яркий и солнечный. после дождя. она шла по аллее, смотрела на пруд, на сверкающую зеленоватую рябь. по траве пробегали лёгкие тени. свежесть воздуха необычайная. нет, никогда она ему не расскажет, что от нежного голоса внутри у неё цветут незабудки, от прикосновений грудь точно таволга распустилась. а бедра от жаркой кожи его давно издают солнечный лавандовый запах. детство какое-то так рассуждать, с улыбкой подумала, ведь не клумба. побаливает живот. в первый день всегда так.

он скупил у старушки на выходе из метро все цветы. знал, она любит, знал, что рассеяна, может всё перепутать и долго-долго (до одурения) ждал её в том дурацком кафе. когда в сотый раз позвонил на мобильный, кто-то ответил “да в пятой она... лежит забинтованная у окна”. перед дверью палаты ему рассказывали как переносили её со “скорой” в “приёмную”, как накладывали повязки, как сшивали кожу на загорелом узком бедре. и что оно перепаяно было как клумба.

он несмело протиснулся в приотворенную дверь. из распахнутых окон веяло полевыми цветами. будто что-то припомнив она прошептала “любезны уста твои милый”. он целовал её бледные посиневшие губы.

8 КОРЖЕЙ

— это она попросила, чтобы я сделала ей день рождения. (мы собрались на поминки.)

— ?

— и чтоб обязательно было вино и торт “наполеон”.

— а вы его долго, наверное, делали? день или два?

— ну, я не правильно, не по классическому образцу, торт должен быть из восьми тончайших коржей. нужна специальная скалка. раскатывать нужно в одном направлении (проводит руками вперед) а я туда и сюда (двигает вправо и влево) раскатывала (кладёт крепкие сухие ладони к себе на колени) я сделала только (вдруг умолкает).

— сколько?

— (медлит) семь... два разломались... как бы так сделать, чтобы я могла слышать всё по отдельности (в ухе трещит слуховой аппарат, он взвизгивает и пронзительно завывает).

все говорят с Варварой Сергеевной будто с ребёнком. ей девяносто. крошечная. пахнет каким-то ромашковым мылом, травой свежескошенной. говорит об умерших как о живых, и если хочет спросить, старается выпрямить спину и чинно по-книжному произносит “я бы хотела узнать как ты относишься...”

от смущения он не знает что отвечать.

ЦВЕТОЧКИ

за четыре бархотки (рассада в полусухих конусах чернозема) Варваре Сергеевне насчитали всего шестьдесят. она удивилась “так мало?” и захотела ещё две алые розы. ей посчитали и их. в руках у неё зажата купюра в пятьсот. она попросила “дайте и этих мелких для дочки (подслеповато щурится) она их любит.. любила... они стояли всегда у неё на столе”.

ЖУЧОК

как-то соседку Варвары Сергеевны старенькую Евгению В. спросили “что она больше всего хотела бы увидеть из детства”. она простодушно ответила “жучка. он прилетал к нам в посёлок. я там жила до бомбёжки. жучок прилетал, садился на яркий подсолнух”. Евгения В. вздрогнула. “я бы его не убила, но я... я испугалась”. она покраснела. “я жуков таких больше не видела... я ничего больше не видела... никогда”. Евгения В. теребит на ощупь подсолнух, лущит семечки и улыбается всем.

Нина СИЛАЕВА

* * *

От знойного, злого солнца в дубраве Мамре укрыться
И, отыскав местечко, расположиться в тени,
И под иудейским небом далекой Россией забыться.
И пусть пробужденные травы прошелестят: “Взгляни!”

Ты явишься белым старцем до боли, до боли прекрасным,
И встанешь неслышно рядом и, не поднимая глаз,
Попросишь за всё прощенья и тихо, почти бесстрастно,
Отвечу тебе: “Иуда, ты всё-таки предал нас!”

* * *

Что мне сказал Монтень сегодня утром?
Как, впрочем, и всегда — коснись страниц...
То, что мозги, присыпанные пудрой,
Стирают уникальность с наших лиц!
И что, гламур — Освенцим добровольный.
Нет в глянце середины золотой...
Телец одноимённый (пусть невольно)
Вас неминуемо утянет за собой!

* * *

Маяки зашторенных квартир,
Зазеркалье спящего эфира.
Торжествует в небе звездный мир
И поёт тоскующая лира.

Смуглый ветер лепит тишину,
Освежая жаркие объятия
Дома, отошедшего ко сну,
С переулком в топоином платье.

Ты пройдёшь, спрягая эту ночь
В неизбывной нежности и грусти,
Будет лить метеоритный дождь,
Под твоей ногою звёзды хрустнут,

Сонные, дежурят фонари,
Ночь сгустилась в долгом ожиданье...
Ты придёшь предвестником зари,
Солнечного света предсказаньем.

* * *

Моё чувство как пьяный комар,
До отказа наполненный кровью,
Ещё сутки и он будет стар —
Разве это зовется любовью?

Ну а если — хлопок по спине,
Апеллесовой красной чертою
И распятым на чьей-то стене
Быть любви... остальное пустое.

Сергей ШЕЛОВ

АЗИАТКА

(рассказ немолодого человека)

Посвящается К.Б.

Когда она попросила меня об одной научной консультации, я с ней и познакомился — по компьютерной переписке и по фотографии в ее электронном адресе. Такие фотографии я не очень-то люблю. Они угнетают глянцевою стандартностью медийных журналов, с картинками финансового процветания всех и вся, духом безмозглого оптимизма; без души и индивидуальности, они предназначены выражать всеобщий тип-топ и ОК, и «делай как я и будешь таким же успешным». Я уже думал пролистать эту фотографию, чтобы, самое вероятное, забыть ее навсегда, но в последней момент что-то меня остановило. Посмотрел внимательнее: фотопортрет даже не поясной, а только «по плечи», но все же понятно, что фигура стоит в вполоборота к зрителю, округлое, приятно улыбающееся женское лицо анфас с монголоидным разрезом глаз и с ровным рядом крепких белых зубов, как обычно, лучших, чем у европейцев, сияющие радостно-черные глаза. Всего два цвета — черный (волосы, глаза и ремень сумки на правом плече) и белый (зубы и верхняя часть легкой кофты). Да еще гладкая, определенно более желтая, чем «наша», кожа, дающая легкий фотографический отблеск на лбу и щеках. Возраст, как почти у всех азиатов — и женщин, и мужчин — неопределенно молодой. Ясно, что женщина молодая, а сколько лет, поди пойми... Допускаю, что я вдвое старше нее.

Ну и что? В самом деле, ну и что?

Я увеличил экранную фотографию и разглядел на заднем фоне, на стене «Джоконду», а справа — кучку людей, точнее, посетителей, ограниченную натянутыми между стальными столбиками музейным канатными или просто полосками. А, вот оно что — Лувр.. А вот я в Париже не был. Так о чем это я? Ах да: ну и что? Да просто она очень искренняя на этой фотографии и улыбка ее собственная, настоящая (слава Богу, не Джоконды) и не сде-

ланная по просьбе фотографа. Потом ее планы приехать и встретиться в Москве расстроились, мы не переписывались больше года, и легкая романтическая заинтересованность растворилась в обычной житейской суете.

Позднее она написала мне еще раз с той же просьбой проконсультировать ее по каким-то вопросам моей специальности, и я с радостью согласился, снова с удовольствием разглядывая ту же самую компьютерную фотографию. В середине дня она пришла ко мне на работу, в старый особняк в самом центре Москвы со старой чугунной лестницей, по которой, кажется, подымался еще А.С. Пушкин (известно, что в этом доме он был). Она выглядела точно так, как и на фотографии, говорила со мной умно и весело, но с большой почтительностью и на безукоризненном русском. Я постарался ответить на все ее вопросы, дал какие-то книги, что-то пообещал выслать со временем по электронной почте. Выяснилось, что на следующий день она уже уезжает, а этот вечер у нее свободный. Я пригласил ее вечером в кино, смутно чувствуя обаяние и притяжение этой женщины из другого мира. Поскольку мы встретились только за день до ее отъезда и составлять толковую культурную программу было уже поздно, то пошли мы на документальный фильм, о содержании которого я понятия не имел и на который никогда не пошел бы с иностранкой, знай я, что меня ожидает. Мы встретились, когда у нас оставалось минут сорок до начала сеанса и, прогуливаясь по Садовому кольцу, я расспрашивал ее о семье, о работе, о ее стране. Отвечала она ясно, приветливо и откровенно, совсем без столичной спеси и стёба, и я снова удивился тому, как легко мне быть с этой маленькой и ладной иностранкой и вспомнил интернетовскую фотографию, «зацепившую» меня простой искренностью веселого взгляда.

Потом в пустом зале, где вместе с нами едва набиралось человек пять-шесть, был фильм о художниках-авангардистах, сплошь уже далеко не молодых мужчинах, ленинградцах и москвичах, нищих, бесприютных, аполитичных, но, конечно, гениальных или около того, не умеющих говорить без мата (положенное звуковое «пиканье» мало что скрывало) и об их отношениях с похабной советской властью, об их выставочных успехах

на Западе и в Америке. Все это было небезынтересно, но много раз déjà vu и явно нежелательно в той ситуации, в которой я оказался. И тут моя подопечная окончательно сразила меня своей реакцией и на мои замечания, и на происходящее на экране: она, эта реакция была абсолютно адекватной, заинтересованной, без тени шока или брезгливости в самых раскованных и рискованных кадрах, как будто рядом со мной сидела моя многолетняя московская знакомая, приблизительно моего возраста, помнящая и бульдозерные выставки, и даже эскапады «искусствоведа» Н.С. Хрущева... Я стал реже смотреть на экран и чаще поглядывать на мою соседку, каждый раз в киношной полутьме отмечая родинку на щеке, ближе к уголку левого глаза. Я знал, что она чувствует мой взгляд, но она не поворачивала головы, а продолжала спокойно и, казалось, с интересом смотреть фильм, что явно свидетельствовало о некоторой цельности и твердости ее натуре и человеческой зрелости..

Отвезя ее на своем стареньком жигуленке до Маяковки, рядом с которой она остановилась в не известной мне гостинице, я уже понимал: что-то произошло и я должен во что бы то ни стало увидеть ее на следующий день. Расставаясь, я предложил ей проводить ее до аэропорта, упомянув, как я думал, тяжелые чемоданы, она слабо сопротивлялась, жалуясь: «Мне неудобно, я и так занимаю у Вас слишком много времени», но я настаивал, мы дружески поцеловались и расстались..

Следующим вечером мы стояли с ней рядом в гостинице (или это было около гостиницы?), где она поселилась, как оказалось, всего-то на одну ночь. Ее вещи (совсем немного) были уже собраны и ждали ее в камере хранения. Мы просто стояли рядом, напротив, близко друг к другу, но не соприкасаясь. Похоже, в какой-то момент мы почувствовали одно и то же, и она сказала... Что в точности она сказала, я сейчас мучительно пытаюсь восстановить. Это было или «Мы подходим друг к другу», или «Мы подходим друг к другу по росту» (первый вариант мне нравится больше). Именно тогда меня в первый раз накрыла волна безжалостного желания, абсолютно ясного и бесстыжего желания (поцелуй, по моей инициативе, в пустом зале кино, где мы были накануне, не в счет —

мальчишество). Потом, т.е. как раз сейчас, это наважде-ние приходило и приходит, нарастая, усиливаясь и смешиваясь с тысячей других ощущений, которых тогда еще не было — с нежностью, с благодарностью, с желанием защитить, с надеждой, мучительным и в то же время смехотворным интересом узнать, а что она чувствует и чувствует ли вообще что-нибудь — кто их знает, этих женщин, а уж восточных женщин... Но тот первый момент чувственности остается.

Впрочем, я опережаю события. Собственно, за 36 часов ее пребывания в Москве после знакомства эпизодов влюбленности было два — вот этот и еще один вечером того же дня, когда я провожал ее на самолет. В буфете ее гостиницы, где она перекусила пирожным и где мы выпили кофе, я сидел рядом, иногда беря в руку ее теплую ладонь, которая мне показалась старше, чем ее лицо. Я смотрел на нее и понимал, что я влюбляюсь в ее удивительный заразительный смех, в ее оптимизм и в нее саму. Потом мы побродили по центральным улочкам Москвы, не далее двухсот метров от Тверской, посидели в маленьком скверике, неловко обнимаясь на скамейке и светло целуясь как школьники. Иногда мне казалось, что она даже откликается на прикосновения моих рук и губ, но я не мог бы, да и сейчас не могу, сказать ничего определенного. Время летело и торопило нас, и мы договорились, что я посажу ее на аэрэкспресс — поезд, следующий в Шереметьево, а в аэропорт не поеду.

В круговорот Белорусского вокзала мы приехали минут за 10-15 до отхода поезда. Прошли на перрон. Состав уже ждал нас, а двери его вагонов сами закрывались, но нажав на маленькую кнопку слева или справа от дверей, их можно было снова открыть, пройти и сесть в поезд. Мы стояли снаружи около дверей и что-то лепетали о том, как нам встретиться, живя в разных странах и на разных континентах, что нужно и что не нужно из виз, гостиниц, расписания самолетов и т.п. Объявили, что до отхода осталась, кажется, минута. Она вошла с совсем не тяжелым грузом на колесиках в вагон, двери закрылись, она осталась в тамбуре, около вагонного стекла, а я — снаружи.

И здесь произошло самое-самое главное. Несколько

секунд (минут, дней, месяцев, лет?) мы смотрели друг на друга сквозь разделяющее нас стекло. Черные глаз-щелочки ее смеющегося лица испускали лучи счастья, которые протыкая меня световыми рапирами прожекторов, проникали глубоко в голову, в грудь, в живот и там, изнутри, выжигали какую-то невероятную любовную татуировку. «Я счастлива, я счастлива, я счастлива, это ты, это ты, это ты, ты делаешь меня счастливой, мы увидимся, увидимся, увидимся», — писали световые рапиры, и выстукивало железнодорожной азбукой время, сконцентрированное по обе стороны вагонного стекла все еще стоявшего поезда. Так мне казалось, может быть, без всякого основания. Не понимая, что происходит и что и за-чем я делаю, я развел руки в противоположные стороны, а потом резко соединив их в кольцо, сильно прижал к себе. Она, не переставая светиться, кивнула... Только потом сам я догадался, что так я обнял ее. Поезд тронулся. Я вернулся домой и написал ей электронное письмо, когда ее самолет был еще в воздухе.

Татьяна ПАЦАЕВА

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ ...

* * *

На кухне сядем мы, обсудим день и дом,
политику и чай, стихи и вечность.
Я жизнь увижу под твоим углом.
С двух точек видимый, мир обретет объем
и глубину, и бесконечность.

ТАНГО

Когда подлунный мир
залит любовным зельем,
лишь факел поднеси —
и вспыхнувший пожар
собой соединит
и рай, и ад, и землю
и мир объединит
в один волшебный дар.

Прости меня, Господь,
и не завидуй, дьявол.
Душа так красит плоть,
как бриллиант оправу.

В свой час на небесах,
где танго не танцуют,
нам взвешат на весах
сомнения, боль и страх
и сладость поцелуя.

Как будто новый бог
из глины обожжённой,
бог танго и огня,
тесней сжимает круг,
и мы вступаем в мир,
огнём преображённый,
пред Богом и людьми
единственный мой друг.

Прости меня, Господь,
и не завидуй, дьявол.
Душа так красит плоть,
как бриллиант оправу.

В свой час на небесах,
где танго не танцуют,
нам взвешат на весах
сомнения, боль и страх
и сладость поцелуя.

* * *

Сегодня над белыми розами
летают лиловые бабочки,
танцуют жуки со стрекозами
и топчут цветочные шапочки.

Сегодня, как мультик Диснея,
мир нежен, изыскан и чист.
По стеблю ползет, не робея,
решительный жук-оптимист.

НА ДАЧЕ

Мягко шины машин прощуршали о щебень,
это гости уехали в черный бархат весны,
я устроилась в кресле и вынула гребень,
погружаясь в усталость и в уют тишины.

Прошлое с будущим пошептались и скрылись,
время замерло в позе удобно простой,
тень стеклянных бокалов прозрачно ложилась
на белевшую скатерть возле ветки густой.

* * *

Уютная печаль...
Пчелой из сладкой кельи
не хочет вылетать
цветочная душа,
а хочет переждать
нектарное похмелье
и патокой печали
залиться не спеша.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ

Родилась я, по-моему, кстати —
в час, когда карнавальные платья
отражались в блестящих шарах,
как в волшебных кривых зеркалах.
Юбилейные свечи в мерцающем круге
теплый дождь новогодний с тех пор обсыпал,
мои праздника два отражались друг в друге
миражом отраженных друг в друге зеркал.

* * *

Серебристая, ночная
наплывает тишина,
и русалочка речная
поднимается со дна.

Лунный блик на коже влажной,
и бледна, и хороша,
так что будто и не важно,
есть ли у нее душа.

И распущенные косы
перекинула на грудь,
а в глазах, слегка раскосых,
то ли нежность, то ли жуть.

Льется странный смех в округе.
Вот он стих, а вот он вновь...
Путник крестится в испуге:
«Тьфу ты, нечисть, рыба кровь».

* * *

На стыке разума и тьмы
есть грань, где связь ещё возможна,
где можно очень осторожно
слагать стихи и петь псалмы.

Там можно петь, там жить нельзя,
там преломляется стезя
в холодном омуте лучей,
залитом воском от свечей.

* * *

Жизнь сегодня прекрасна вдвойне,
В её взгляде и блеск, и веселье,
И она обернулась ко мне
Изумительной фотомоделью.

Надо правильный ракурс избрать
И под внутренний шум дифирамбов
Попытаться отнять её стать
На бумагу с эмульсией ямбов.

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ

*К 75-летию Иосифа Бродского
(24 мая 1940 года, Ленинград,
СССР — 28 января 1996 года,
Нью-Йорк, США)*

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

ТАК БЫЛО БЫ ДЛИННЕЕ...

В 1991 году, открывая в Лондонском университете конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Осипа Мандельштама, Бродский встал со стула и надавил двумя пальцами на горлышко только что открытой пластиковой бутылки. Бутылка слегка наклонилась и стала медленно вращаться по кругу, чудом сохраняя свое нарушенное вертикальное положение. Мелькнула мысль: докладчик может облиться и выйдет конфуз. Зал замер.

А Бродский цитировал Мандельштама: “Мы построим такие дремучие срубы, / Чтоб туда татарва опускала князей на бадье“. Это мы — князья, и нас — опускают“. Разве неясно: конференцию из “буддийской” Москвы Мандельштама выдавливают в Лондон? И это при тогдашней, наконец-то, проклюнувшейся (да так и не выдупившейся из яйца) демократии.

“Ребенок Мандельштама сам предсказал, а, скорее, накликал свою будущую смерть: “для казни себе топорище

найду”, — продолжал Иосиф. “У Мандельштама не было детей!”, — неожиданно выкрикнули из зала. Бродский был хорошо знаком с методикой психоанализа и не всегда адаптировал психоаналитический “сленг” на потребу аудитории.

Свободный Ребенок Мандельштама — творческая часть души (психики) — не был никому подотчетен, даже Сталину. И топорик для собственной казни выбрал, сначала написав знаменитое стихотворение о Сухоруковом Чудовище? Что по сравнению с этим пощечина Алексею-Толстому? — Так, легкая разминка.

Бутыл под пальцами Бродского на секунду застыла. И от переносицы потекла слеза. Он резко смахнул ее, налил воды и отпил глоток из стакана. Сам себе Актер и Режиссер с большой буквы, шаг за шагом выстроивший этот миниспектакль: пролетит или не пролетит, как гамлетовское — быть или не быть.

Вспоминая лондонскую конференцию и тогдашнее общение с Иосифом Бродским, я задумался о превратностях приватной (частной) жизни, воспетой Бродским в его знаменитой Нобелевской лекции. Ведь именно в эту частную жизнь в 60-е годы, в жизнь еще непризнанного тогда поэта, но уже печатающегося поэта-переводчика так бесцеремонно и незаконно вторглась советская власть:

“Иосиф, Ваш адвокат, судя по всему, не знал, что в конце 20-х годов было принято постановление НКГ (Народного комиссариата по труду) “О праве работы на дому по договорам с издательствами и редакциями”, согласно которому вы не были тунеядцем, ведь у вас, как сказал мне Евгений Рейн, на момент суда был подписан трудовой договор с “Худлитом” на перевод польских поэтов?!”

Бродский слегка озадачился и неожиданно парировал: “Да, мог бы не сидеть, но так было бы длиннее”.

Иосифу Бродскому

Родина — поля России
над Россией небо сине
что-нибудь о керосине
и готов эрзац паек
сердце — ёк!
не увижу родных берегов
я готов?!
не увижу друзей не увижу врагов
я готов?!
этих громко ура!!! прокричавших ртов?
я готов.
готовальни готических городов
кем-то вздыбленные на попу —
не увижу уже подмосковных садов
и в церквушке российской попу
и заплеванной семечками перрон
и унылый панельный железобетон
и замызганных жалких девиц на панели
/но какое мне дело до них?/
в самом деле
не увижу?
...Родина как ожог
в неизвестность прыжок
на губах расплзающийся пирожок
с кисло-сладкой капустой
лотошник в Мытищах
я мое — ё-моё — растворенное в тысячах
лиц,
о банальности происходящего блиц!

Я не переспрашиваю — ответ понятен профессионалу и любому, жившему в советской действительности: длиннее при ином стечении обстоятельств была бы для Бродского дорога в дюнах литературы. Кстати говоря, первым поэтом Соединенных Штатов Бродский стал тоже не по мановению волшебной палочки.

“Дима, вам так не повезет, как мне, — вас не посадят. Поэтому в вашей команде (Союзе литераторов, авт.), как у голландцев, каждый должен знать свой маневр”. О чем это он? — Футбол. Круифф — первый футболист и голландская футбольная школа — одна из лучших в те годы в Европе... хотя и голландская школа живописи Ван Дейка и Рембрандта тоже “мерцает” на втором плане сознания.

Но главное в произнесенном — “каждый в команде должен знать свой маневр”, а иначе будет, ох, насколько длиннее или, с девяносто девятью процентной вероятностью, не будет вообще ничего: жил — похоронен, и прочерк между двумя датами.

Иосиф входил в наши постсоветские трудности, давал советы по ведению общественной жизни на своей бывшей Родине, собрал всех нас за тридцать земель — в Лондоне, чтобы напомнить про “князей, которых опускают” и про “топорище для казни”, при этом сумев всю эту “жизнь поэта “показать на себе самом — какая уж тут private life* литературного сноба.

* * *

...Но жизни интересны не затем мы
Что кем-то стали или перепив
Витийствуем о том о сем о пятом
Будь на кресте поэзии распятым

Как скажем Бродский в 91-ом
Вел Мандельштама в Лондоне конгресс
Иосиф был его тройничным нервом
Троичность Бога невозможна бес
Его язвительно взыскающего носа
Он всовывал его куда хотел
Бывало после хитрого вопроса
Докладчик отряхался и пыхтел

Оправдываясь поправляя брюки
Таков был комментарий что один
Фальцетом вдруг запел какие муки
Стерпел самовлюбленный господин
А впрочем клал я на него с прибором

26 Уж если красть так быть Багдадским Вором

— Исламские мотивы в Мандельштаме? —
Иосиф возмутился,— ерунда
Ригведа зачинается на Яме
Дыре и Боге словом города
Зачем сжигать? — докладчик сжался в точку —
У Вас my darling воспалился мозг
А Мандельштам возьми любую строчку
Был образован и культурен в лоск

Как и любой интеллигент эпохи
Восток и Запад знавшие вполне
Все философии и все подвохи
Всю отвлеченность истины в вине
Intelligence — ум а не mind и brain
Знай всё о всём как мой учитель Рейн...

(Отрывок из поэмы «Август 96», посвящена Иосифу Бродскому)

Римма ВЕЧЕРИНА

СКОРЕЕ О ВРЕМЕНИ, ЧЕМ О СЕБЕ

Чтобы писать о себе нон-фикшн, по-моему, требуется зашкаливание самоиронии. Успех Довлатова тому свидетель. Не претендуя на лавры ставшего классиком, я прибегну к секрету Полишенеля и обозначу героиню дальнейшего повествования подлинными инициалами того времени. О, мужья наши, каждый требовал от тебя сменных фамилии. И, как правило, ничем иным не одаривал... Итак, обратимся к самому началу восьмидесятых. Р.К. пришла к зданию Литинститута узнать условия конкурса... не для себя. Она только что вернулась с БАМа и выполняла просьбу взять шефство над молодым поэтом от шпалоукладки, по мнению комсомольцев его бригады — талантливому. Парнишка заартачился, а Р.К. вспомнила, что в восемнадцать прошла творческий конкурс на сценарный факультет ВГИКа, но упустила возможность поступать в него из-за нелепицы — потери вызова на собеседование. К тому же, держала в голове приговор учительницы литературы, мол, ей институт вообще не светит — безграмотна. Ну, и, конечно, мнение окружающих: прежде следует поднабраться жизненного опыта, иначе — о чем писать? Учительский вердикт был посрамлен

четверкой по сочинению на приемных экзаменах в МГУ. В университете знали об авторской пунктуации, и Р.К. выучилась на юриста.

Итак, Р.К. написала три рассказика и стала студенткой Литинститута вопреки сложившейся в уникальном заведении практике советских времен. Во — первых, не была «писдеткой», то есть ребенком члена Союза писателей. Вышеупомянутый термин был подхвачен в замечательной библиотеке института. Она не была слишком обширна, зато уникальна, во всяком случае, много лучше библиотеки ЦДЛ, (только ленивый не хихикнет, мол, чукча не читатель, чукча — писатель), куда Р.К. получила доступ много позже. Во-вторых, ее не рекомендовала ни одна писательская организация, в-третьих, Р.К. не имела ни одной публикации. Просто Мастер, в глаза ее не видевший, в трех крошечных рассказах увидел почерк. Позже, на семинарах Мастер отмечал полетистость этого почерка. Р.К. никак не могла понять, что имелось в виду, пока не прочла наконец-то изданный роман «Мастер и Маргарита». В сцене пролета сирийской кавалерии Р.Б. увидела свою краску. Несколько предложений в сцене начинались с дееспричастного оборота...

Р.К. с негласного разрешения ректора проживала в общежитии Литинститута со своим будущим мужем, слушателем высших курсов. Уже получившим известность в Дагестане, как драматург, Цихилом Камаловым. Тогда он не доучился к сожалению руководителя семинара. Когда же Камалов, член Союза писателей, вернулся в Альма-Матер, ректор, по-прежнему ведший драматургию, но уже на высших литературных курсах, не изменил прежнего отношения. У всех литераторов, как правило, непростой характер, но темперамент лакуца Камалова, пожалуй, проявлялся особенно экстравагантно. Только ректор произнес «Цихилу все можно», и лакуцу было позволено многое, в том числе, поселить у себя любимую. Во избежание серьезных неприятностей со стороны «инженеров человеческих душ» как состоявшихся, так и будущих, в общежитии по вечерам дежурили преподаватели, а порой и руководители творческих мастерских. Они обычно проводили время и, как правило, застолья (ну, российская же традиция) либо наверху, на этаже

слушателей высших курсов, либо внизу — писательской гостинице дома на Добролюбова. На последнем ли этаже, или на первом, Р.К. сейчас и не вспомнит, состоялось ее знакомство с Сергеем Павловичем Залыгиным. Но оно имело продолжение. Тогда Сергей Павлович стал нередким гостем комнаты Камаловых. Он ратовал за бережность к природе, любил Камаловские рассказы о ней. Дружба эта была дружбой единомышленников...

Но вот прошло несколько лет. Известнейший советский прозаик, лауреат многих государственных премий Сергей Павлович Залыгин возглавил редакцию журнала «Новый мир». Р.К. закончила Литинститут. Работала с.н.с. в Институте советского законодательства, переводила прозу своего мужа Цихила Камалова, писала и свое. Ни к кому из влиятельных деятелей СП ни с какими просьбами не обращалась, если же просили показать что-то из написанного, старалась предоставить переводы. И вдруг неожиданный звонок от куратора Высших литературных курсов. С этим замечательным человеком Р.К. часто встречались вне вузовских стен — то в поликлинике Литфонда, то в ЦДЛ. Оказалось, Р.К. нужна Залыгину. Летела она как на крыльях, хотя не могла понять, откуда Залыгин знаком с ее прозой, решила, что, скорее всего, он хочет видеть мужа. Но все оказалось сложнее...

В литгруппе Рейна — Наймана — Бродского — Бобышева все были равны и отличались друг от друга разве что по росту. Творческие амбиции гасились преданностью, истинной дружбой. Известно, что официально, вне самиздата, Иосиф Бродский пришел к своему читателю через публикацию в журнале «Новый мир». Вот о разрешении конфликтной ситуации, из-за которой висела на волоске эта публикация, и было связано желание главного редактора видеть Р.К. Шли новые времена, идеологических причин для отказа в публикации нобелевского лауреата уже не стало, причиной конфликта стало иное. В СССР мало обращали внимания на авторское право. Когда в кабинете Главного редактора раздался звонок литературного агента из-за кордона, было отпечатано уже 700 тысяч (половина) тиража нового номера с заложенной для читателя литбомбой. Бродский — впервые в России. Рассудив, что здесь переговоры надо доверить ближайшему

другу и соратнику нобелеата Евгению Рейну Залыгин и привлек Р.К., что бы та обратилась к председателю Московской организации Союза литераторов России Дмитрию Цесельчуку. Против недавно созданного альтернативного Союза, не участвовавшего в номенклатурных играх Союза писателей СССР друзья Бродского ничего не имели. Для удобства переговоров Залыгин предоставил будущему профессору Литинститута и лауреату Госпремии России Евгению Рейну свой кабинет...

Как протекала беседа теперь известно только одному из её участников, но отпечатанный тираж не пошел под нож.

Из литературного архива Александра Лозового

Николай ЛОЗОВОЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О КАЗИМИРЕ МАЛЕВИЧЕ

*(11 (23) февраля 1879, Киев —
15 мая 1935, Ленинград)*

Я не буду излагать систему Малевича. О ней уже достаточно написано, да и он сам писал. Я хочу только рассказать о встрече с ним и о некоторых его взглядах, его отношении к искусству, о чём он говорил в беседах с нами, его учениками. Я встречался с Малевичем в 1927 — 1929 годах.

Должен сказать, что в это время он нам никогда не говорил о том, что живопись умерла, как говорил он, кажется в 1918 году. Наоборот, я помню, как у себя дома он показывал мне Рембрандта и Кончаловского, указывая на некоторые особенности их живописи.

Начну с того, что мне как-то особенно запомнилось его деление живописи на живопись и цветопись. Живописью Малевич считал работы таких художников, как Рембрандт, Сезанн, Суриков и др. Помню, он говорил, что живописец как бы старается скорее покрыть краской холст, пишет мазками, «замазывает» холст грубыми мазками. Малевич даже употреблял определение «живописное мясо». Между прочим, у Сурикова я встречал выражение вроде «живописной мясистости».

Цветописью же он считал работы таких художников. Как Матисс, Сарьян. В определённую группу он выделял импрессионистов.

Чрезвычайно интересным, с огромной силой врезавшимся мне в память было определение Малевича «живописный реализм». Это определение я до сих пор не могу вспоминать, не испытывая какого-то душевного волнения. Но я заметил, что когда я объясняю другим его сущность, то почти никто не мог понять его так, чтобы прочувствовать его. А значение таково: «Живописный реализм», по Малевичу, не имеет ничего общего с общепринятым реализмом, то есть правдивым изображением действительности. «Живописный реализм» — это понимание того, что картина есть определённая реальность, то есть определённый предмет действительности. Уже чистый загрунтованный холст есть определённая реальность. Положенный на холсте мазок уже есть реальность. Явление реальности. Так и вся картина, состоящая из этих мазков. А эта картина может изображать человека, зверя, пейзаж, но это уже другое дело, это как бы стоит в другой плоскости, в другом плане.

Мне кажется, что с понятием «живописного реализма» очень связано его выражение «промазанность», производимое им с особой интонацией, которая запомнилась мне на всю жизнь.

Для иллюстрации расскажу такой эпизод. Мы пошли на выставку одного молодого художника, ученика Карева, преподавателя Ленинградской Академии художеств. Я забыл фамилию этого молодого художника. Картины были неплохие, не без таланта.

Когда мы рассматривали их, к нам подошёл этот художник и сказал Малевичу довольно робко: «Для Вас, вероятно, эти работы неприемлемы?» Что-то в этом роде. Малевич горячо возразил: «Нет, нет, тут есть ряд хороших работ, хорошо промазанных». И показал их. Проходя мимо одной картины, где была изображена группа рабочих на заводе, сказал: «Ну, здесь, в основном, сюжет». Вот эту «промазанность» Малевич очень выделял. Думаю, что если мы возьмём картины Сурикова, или «Запорожцев» Репина, то это будут хорошо промазанные работы, а вот у Крамского, мне кажется, этой «промазанности» нет.

В связи с этим вопросом мне вспоминается выставка левых художников, кажется в 1923 («Выставка Петроградских художников всех направлений», ред.). Там были работы Гончаровой, Малевича и др.

Малевич, наряду с другими работами, выставил совершенно чистый загрунтованный холст. Рядом был другой холст с небольшим цветным квадратиком посередине. Этот чистый холст вызывал у некоторых зрителей бурное (дикое) возмущение. Помню, ко мне подошёл секретарь ВОЛЬФИЛЫ (Вольно-философской ассоциации, закрытой осенью 1923 года), указал на чистый холст и с возмущением воскликнул: «Вот до чего дошли!»

Однако возмущаться, собственно говоря, едва ли и следовало. Чистый холст был выставлен для того, чтобы показать, подчеркнуть, что уже просто грунтованный холст есть уже элемент картины, есть уже живописная реальность и, рассматривая (смотря) картину, мы должны чувствовать и этот холст (Вот где и «промазанность» холста).

Помню, был один эпизод (случай), который я через много, много лет не могу не вспомнить без какого-то волнения. Это было в 1928 году. А года за три до этого, ещё не встречаясь ни с кем из левых художников, я ломал голову над тем, как дать объём предмета, не прибегая к светотени.

Дело в том, что я всегда чувствовал какое-то отворачивание к академической тушевке, кроме того, мне казалось, что тень на предмете не даёт реального объёма, что мы практически помним, знаем, что тень есть результат объёма, а поэтому делаем логический вывод, что это тело объёмно. Это настолько входит в привычку, что мы не замечаем.

Правда, художникам тут помогают, чтобы дать ощущение объёма: кладут мазки по форме, штрихи и т.п. Например, чтобы зритель почувствовал объём ствола дерева, дают охватывающие дерево кривые штрихи и т.п.

В своих поисках я кое-что читал. Помню, в одной статье иностранного автора я встретил указание, что тёмный мазок на светлом фоне может дать впечатление приближения, выпуклости. Я ходил в Эрмитаж, присматривался и, наконец, обратил внимание на пятки у блудного сына Рембрандта. Я был поражён, потрясён. Крупные

пастозные мазки, тёмные и светлые пересекались, перекрывались и давали замечательную выпуклость пяток. И никакого намёка на светотень. Мазок сам по себе выдвигался вперёд, показывал объём, выпуклость. Конечно, помню, я зарисовал эти пятки.

Через три года я беседовал с Малевичем у него дома, показывал ему свои работы. И вот тут он посоветовал мне обратить внимание на то, как сделаны пятки у блудного сына Рембрандта.

Можно только представить себе, какое это произвело на меня впечатление. Подумать только, ведь в Эрмитаже многие и многие сотни человеческих ног. А вот два человека обратили внимание только на эти ноги, только на эти пятки. Значит, у них были какие-то родственные искания, родственные стремления. Я и сейчас думаю об этом с какой-то болью. Ведь сколько впереди на пути этих исканий было всяких невзгод, препятствий, бедствий. А ведь в душе было огромное стремление, огромная жажда этого нового, великого впереди.

И, может быть, это самое главное и не было найдено, открыто то, что должно было быть достигнуто.

В течение ряда лет (до 1928 года) Малевич работал при Ленинградском институте истории искусств. В одном из домов рядом с институтом Малевичу было отведено несколько комнат. Этот дом был в ведении института. В нём работал также Матюшин (муж поэтессы Гуро). Он, помню, работал по изучению дополнительных цветов. С Малевичем работало два его помощника. Это были художница Ермолаева Вера Васильевна, женщина средних лет. До революции она даже училась живописи в Париже. Кроме того с Малевичем работал молодой художник Лев Юдин. Насколько мне известно, он погиб во время войны.

Лев Юдин был ревностным учеником Малевича и помогал Малевичу вместе с Ермолаевой вести научно-исследовательскую работу, а также и преподавательскую.

Интересный случай рассказал мне Юдин в 27 году. Чувствуя известную слабость в реалистическом рисунке, Юдин решил на год бросить всё и всецело заняться классическим рисованием. «Я посоветовался с Малевичем, —

говорил Юдин, — и он мне ясно, как дважды два четыре, доказал, что это будет совершенно неправильный шаг с моей стороны. Я последовал его совету». Не знаю, что думал об этом впоследствии Юдин, не знаю также и его дальнейшей судьбы как художника.

В 1927 году, учась на первом курсе графического факультета Ленинградской Академии художеств, я пошёл также работать в экспериментальные мастерские Малевича. У него был выделен отдельный кабинет, в котором работал он, Ермолаева и Юдин. Кроме того были ещё несколько комнат, в которых работало по несколько человек его учеников. Занятия Малевич проводил так. Когда к нему приходил новый ученик, Малевич ознакамливался с его работами, беседовал с ним. Кроме того у Малевича был набор бумажных листиков сантиметров двенадцати разных цветов. Малевич предлагал выбирать и складывать их так, как подсказывает чувство, вкус испытываемого.

На основании всех этих наблюдений Малевич делал вывод, к какому живописному направлению принадлежит натура испытываемого. Одного он относил к живописному направлению, другого к цветописи, третьего относил к импрессионистам. В связи с этим некоторые его ученики работали как живописцы, другие как цветописцы.

Большей частью работали с натюрмортами. Кроме того Малевич давал некоторым ученикам работать в манере пуантилистов. Среди учеников были и начинающие художники и уже кончившие Академию. Приходили и немолодые художники. Малевич как-то говорил мне про одного художника, видимо, зашедшего в тупик: «Говорит, что прошло пять лет, а ничего не сделал. Но так и ещё пройдёт пять лет. А в конце концов, и вся жизнь пройдёт». Позже я наблюдал несколько иной метод у Малевича. В 1928 году во второй половине года при Институте истории искусств у Малевича была организована довольно большая группа художников. Я тоже был в этой группе. Так вот Малевич предложил всем работать в манере пуантилистов. Была поставлена гипсовая голова, сильно освещённая с одной стороны. Затем мы писали ещё голову натурщицы. Потом Малевич предложил всем перейти к живописи. При этом повторяю, к живописи в его трактов-

ке, то есть очень пастозной, хорошо промазанной. Малевич употреблял, как я уже говорил, выражение «живописное мясо». Из художников Малевичу чувствовались были особенно близки Сезанн и Пикассо, а из русских Кончаловский. При этом, я помню, Малевич не раз говорил о принципе контраста в живописи. Смысл был таков, что в живописи, в искусстве обязательно должен действовать контраст. Малевич говорил, что он нашёл как бы основной закон контраста — это сочетание прямой и кривой, это выражается в пятёрке — кривая и прямая.

В это время Малевич никогда и никому не навязывал беспредметности, супрематизма. Он считал, видимо, что супрематизм может появиться в результате длинного творческого пути. Малевич считал, что молодого художника нужно поставить на правильную художественную основу. То есть отбросить иллюзорность, иллюстрирование определённой идеи и т.п., что нужно прочувствовать и понять сущность живописного материала, живописных средств, сущность и значение формы и цвета.

И вот что ещё меня заинтересовало у Малевича. Присматриваясь к молодому художнику, он как бы старался разгадать, раскрыть его внутреннюю сущность.

Он как-то так выразился, может быть не совсем ясно, что у художника в душе есть какой-то его образ. Повторяю, это как-то туманно «образ». Но вот он так говорил. И приведу пример. Был среди нас молодой художник Полозов (У него был своеобразный талант, но так он так и потерялся. Так вот он неоднократно рисовал и писал какое-то своеобразное женское лицо. И вот Малевич говорил, что это его образ.

Филонов вспоминал, как он не спал почти неделю, рисуя декорации к поэме Маяковского. У поэта Асеева в поэме «Маяковский начинается» есть фраза: «Филонов пишет декорации». Приблизительно в это же время писал декорации и Малевич.* Он отмечал удивительную работоспособность Филонова.

Так вот о Малевиче он сказал: «Малевич — это прирождённый декоратор. И повадки у него декоратора. Под-

* В 1913 году Филонов вместе с И.С. Школьником, а также с К.С. Малевичем писал декорации к трагедии «Владимир Маяковский».

нимет воротник, руки в карманы, ходит и указывает» (Предварительно он расчертил декорации, а его помощники раскрашивали). У Филонова был острый язык, добавлял: «Он умный, Малевич, только ум у него дурак!»

К 1200-летию со дня рождения св. равноапостольного Мефодия, учителя словенского

Борис ЯКУБОВИЧ

СОЛУНСКИЕ БРАТЯ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ
*«Священную двоицу Просветителей
наших почитим...»
Молитвословия святым Кириллу и Мефодию*

Кирилл и Мефодий были облечены особой миссией, но она состояла не в крещении народов, не в привнесении в иную среду христианского религиозного сознания, а в сотворении письменности, благодаря которой славяне обрели возможность совершать богослужение на родном языке. Подвижнический подвиг Кирилла и Мефодия — это нечто большее, нежели просто учреждение «литургии по-славянски», поскольку разработанная ими система письменности заняла в культуре славянских народов совершенно особое место. Но, дабы в полной мере понять и оценить истинное значение деяний просветителей, необходимо познакомиться с основными вехами их яркой жизни и духовных исканий, дошедшими до нас на основании ряда старославянских, греческих и латинских источников.

Мефодий (815 — 885 гг.), по некоторым, неподтвержденным сведениям, в миру — Михаил и Константин (827 — 869 гг.), таково светское имя Кирилла, были уроженцами греческого города Фессалоники, в котором, наряду с греками, проживало немало македонских славян. В самом городе Солуни (славянское наименование Фессалоников) славянский язык являлся разговорным, наряду с греческим. Но к какому же народу принадлежали будущие подвижники славянской письменности? Слу-

жебное положение отца многочисленного семейства, где одних только сыновей было восемь, обычно трактуется исследователями в пользу их греческого происхождения, поскольку почтенный глава семейства занимал пост друнгария. Это звание представляло собой командную должность в византийской армии, которую занимали преимущественно сыны Эллады. На Афоне издавна существует предание, согласно которому, отец семейства происходил из болгар, а мать, носившая знаковое для христианского сознания имя Мария, являлась гречанкой.

Совместное просветительское служение братьев начинается в небольшом, скромном монастыре, куда приезжает младший брат Кирилл, и где уже давно жил его старший и любимый брат Мефодий. С этого момента, братья уже практически не расставались.

Очень важный отсчет времени в деятельности просветителей начался со дня прибытия в Константинополь посольства великоморавского князя Ростислава. Уже более 30 лет, с 831 года, Моравия являлась христианской страной, но ей срочно требовались духовные учителя, которые сумели бы изложить основы христианского вероучения на языке, близком и понятном населению. Выполняя повеление кесаря, летом 863 года Константин и Мефодий прибыли в Моравию. Они привезли с собой Евангелие и, возможно, Псалтирь — книгу, по которой в средневековой Европе учили грамоте. Моравская миссия продолжалась от 3-х до 4-х с половиной лет. За эти годы на славянский язык ими были переведены важнейшие произведения христианской литературы, включая вероучения, этику и догматику. Кроме того, усилиями братьев в Моравии была создана самостоятельная церковная организация, которая обрела возможность вести службу на родном языке. Сохранившееся предание повествует о том, что солунскими подвижниками были освящены храмы в моравском Оломоуце и чешском городе Лютомысле, а их вдохновенные проповеди звучали во многих городах и весях. Кроме того, пока Константин пропо-

ведовал благодарной пастве, Мефодий, выполняя заказ моравского двора, перевел на славянский язык важный юридический документ «Номоканон», куда входили постановления церковных соборов и гражданские византийские законы. Однако формально, моравская церковь продолжала пребывать под юрисдикцией немецкого (баварского) епископата, что требовало согласования производимых реформ с главой католического мира — римским папой. Соответствующее послание римского понтифика Николая 1-го в адрес просветителей вскоре не замедлило поступить. В многоречивом обращении римского первосвященника братьям ласково, но настойчиво предлагалось посетить Вечный город. Тем не менее, Константин, будучи главным посланником византийского императора, едва ли бы осмелился принять столь лестное предложение, однако, в эти дни из столицы пришла весть о кончине кесаря Михаила 3-го. Данное скорбное обстоятельство, в известной степени, открывало миссионерам пространство для принятия решения, тем более, что у Константина, на случай недовольства нового монарха, имелись серьезные оправдания. Во-первых, при них находились частицы мощей святого Климента, которые Константин с момента обретения постоянно держал при себе, поскольку считал этого святого своим покровителем, а захоронение подобных реликвий являлось прерогативой папского престола. Во-вторых, на пути в Рим их ожидала остановка в Венеции, где на предстоящем Соборе Константин собирался сделать сообщение о правомерности применения славянской письменности в церковных посланиях.

Приглашение братьев на берега Тибра, как уже отмечалось, поступило от папы Николая 1-го, а вот встречал их в Риме уже новый понтифик Адриан 2-й, заменивший скончавшегося предшественника в декабре 867 года. О характере длительных и сложных переговоров в Риме мнения историков расходятся, однако, с большой долей вероятности, можно говорить о попытках Константина убедить папскую курию в том, что ими подготовлено некое количество славянских иерархов Моравии, вполне достойных, чтобы организовать архиепископскую епархию, не связанную с немецкой церковной структурой.

Мудрый Константин, упирая на то, что немецкие епископы взяли на себя слишком много автономии от Рима, доказывал преимущества новой моравской славянской церкви, которая, разумеется, будет во всем следовать отеческим наставлениям папского престола.

В итоге, согласившись с Константином, понтифик неожиданно сделал сильный ответный ход, предложив солунскому просветителю самому возглавить моравскую церковь в сане епископа. После долгих колебаний, Константин вынужден был ответить согласием, дабы не обрушить всю, с невероятным трудом созданную конструкцию самостоятельной славянской церкви. Такая сложная, изматывающая работа с коварными иерархами курии и самим понтификом, недавнее выступление с отчетом на Соборе в Венеции, долгие, тяжелые переезды и переходы серьезно подорвали здоровье Константина. Константин принял монашество, взяв себе иноческое имя Кирилл. Монашеская пора его великой и славной, подвижнической и просветительской жизни оказалась очень краткой — всего 50 дней. «Житие» приводит слова умирающего Кирилла (Константина), обращенные к Мефодию: «Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну борозду, и я на поле падаю, окончив день свой...не смей оставлять учительство свое!»

14 февраля 869 года инок Кирилл скончался. По распоряжению папы Адриана 2-го курия организовала великому сыну христианской церкви пышные похороны. Понтифик отклонил просьбу Мефодия отвезти тело брата домой, повелев похоронить инока в церкви особо почитаемого им при жизни святого Климента.

Через несколько месяцев осиротевший Мефодий был рукоположен в архиепископы Паннонии (современной Венгрии) и Моравии. Его пастырская деятельность протекала в очень непростых условиях, поскольку немецкое духовенство постоянно интриговало против римского протекже и даже сумело добиться судебного осуждения ненавистного им архиепископа. В череде быстро сменявших друг друга в этот период римских понтификов не было единого мнения о формате использования сла-

вянской литургии в Моравии. Разумеется, немалую роль в подобном положении дел играло давление немецкого духовенства, глубоко враждебного новациям Мефодия. Все это не могло не привести к постепенному ужесточению позиции Рима, так, папа Иоанн 8-й предписал вначале читать текст Евангелия по-латыни, и лишь затем по-славянски, а булла следующего папы Стефана 5-го аннулировала даже эту уступку, сохранив только эфемерную возможность разъяснения на славянском языке прочитанного текста уже по завершении литургии.

Мефодий добился огромного успеха в переводческой деятельности, осуществив всего за 6 месяцев перевод всех библейских книг с греческого языка на славянский. Неоценимую помощь в этом славном деянии оказали подготовленные им ученики.

Около 882 года, по приглашению византийского императора Василия 1-го, Мефодий побывал в Царьграде. Возможно, таким образом власти надеялись вовлечь просветителя в сферу влияния константинопольского патриархата, а также добиться христианизации балканских славян по восточному образцу. Сам же солунский духовидец, осознавая свою органическую связь с родиной, рассчитывал на помощь в борьбе против немецкого клира.

Уже будучи глубоко больным, Мефодий не переставал возносить молитвы во славу Отечества и благословлял византийского монарха и константинопольскую патриархию.

6 апреля 885 года, в возрасте 70 лет Мефодий скончался, оставив после себя большую группу учеников и последователей, горячо радевших о торжестве славянской письменности и литургии.

В конце 9-го — начале 10 в. в Болгарии начинает полным ходом осуществляться культурная преемственность усилий великих солунских просветителей. Здесь создаются училища для подготовки духовенства, способного совершать богослужение на славянском языке, распространяется переводная духовная литература, откуда

впоследствии ей суждено было придти в другие страны, в частности, в средневековую Русь.

В связи с этим, на протяжении многих веков постоянно муссируется вопрос о происхождении славянской азбуки, которая, в конечном счете, предопределила духовное развитие славянских народов. Названия древнейших славянских азбук — «глаголица» и «кириллица» известны всем. Сам факт изобретения азбуки именно Кириллом, практически не вызывает сомнений, но в отношении того, какая именно из двух азбучных систем первична и какая принадлежит Кириллу, мнения, подчас, расходятся. На сегодняшний день приоритет в научных кругах отдается следующему варианту: «глаголица» создана Кириллом на основании древних праславянских письменных знаков, а «кириллица», как более усовершенствованная система записи, была разработана учеником Мефодия, даровитым и широко образованным Климентом. И все же, в науке все чаще высказывается мнение, в соответствие с которым, Кирилл создал именно «кириллицу», а «глаголица» сформировавшись в быту отдельных славянских племен значительно раньше, лишь послужила солунскому гению основой для новой азбуки. Поэтому, уже упоминавшиеся Евангелие и Псалтирь, обнаруженные Константином в Херсонесе и написанные какими-то «рускими» письменами, могут являться уникальным свидетельством существования древнейшей славянской письменности.

Согласно трудам ученого бенедиктинца Мавро Орбини, в начале 18-го века написавшего сочинение под названием «Славянское царство», культурная история праславянских народов уходит корнями в необозримую глубину времен. В доказательство своей теории автор приводит огромный список античных и раннесредневековых историков, которые в своих работах, в той или иной мере, затрагивали славянскую тему. При этом 90% приведенных Орбини имен науке абсолютно не известны. Если означенный вопрос рассматривать с позиций ученого итальянского монаха, следует кардинально пересмотреть принятые на сегодня взгляды, касающиеся времени возникновения славянской письменности.

В пользу наличия на Руси некоей письменности задолго до 33

принятия христианства, могут послужить тексты договоров русских князей с Византией в начале 10-го века. Причем в одном из таких договоров прямо говорится, что еще в давние времена Русь и Византия решали спорные вопросы «не только словесно, но и письменно». Указания на наличие славянской письменности, существовавшей до Кирилла и Мефодия, содержится в летописных и прочих литературных источниках 9-го — 10-го веков. Так, в известном трактате Храбра Черноридца «О письменах» сказано, что хотя до принятия христианства славяне книг не имели, но, тем не менее, для письма использовали некие знаки, названные автором «черты и резы». В своем трактате Храбр энергично и аргументировано отстаивает преимущества славянского письма перед греческим, поскольку, по его мнению, в славянской азбуке присутствуют буквы, предназначенные для более точной передачи устной славянской речи.

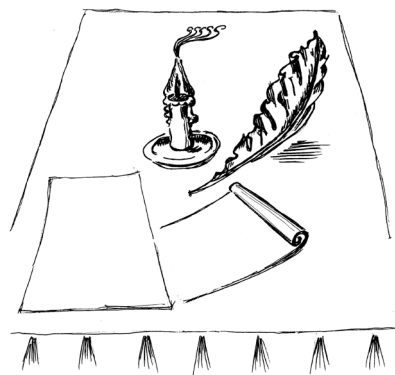
Созданная подвижническими усилиями Кирилла и Мефодия письменная традиция положила начало славянскому национальному духовному развитию, предпринимая тем самым особую роль славянства в семье европейских народов. Открывшаяся безграничная возможность накапливать и совершенствовать культурный опыт, знания, всемерно развивать художественное слово, сохраняя весь этот бесценный багаж для потомства, является колоссальной заслугой великих первоучителей и просветителей, солунских братьев Кирилла (Константина) и Мефодия.

Википедия. В 1863 году Российский Святейший Синод определил, в связи с празднованием тысячелетия Моравской миссии святых Кирилла и Мефодия, установить ежегодное празднование в честь преподобных Мефодия и Кирилла 11 мая.

В 1985 году в СССР, когда отмечалось 1100-летие представления Мефодия, день 24 мая был объявлен «праздником славянской культуры и письменности».

30 января 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление о ежегодном проведении «Дней славянской культуры и письменности».

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗНАКОМСТВА

Петр ХАЗАНОВСКИЙ

Переулки, проезды и улицы
Затянуло густым серым мороком,
Ты лежишь в положении устрицы,
В забытии между сном и обмороком.

Словно жук в хитиновом скафандре,
Ерзающий на ветвях акации,
Космонавт под лупой или в кадре
Ползает по орбитальной станции.

ПРАВИЛА И ПРИНЦИПЫ

Мы соблюдаем правило, но нарушаем принцип.
Мы не накормим нищего, но четвертуем принца.
На каждого эрцгерцога есть Гавриила Принцип.
Мы думали: настал предел, но это лишь граница.

ВОДКА

В плену ликероводочных обрядов
Мы совести своей не слышим голос.
И зная, что стакан наполнен ядом,
Мы морщимся, вытаскивая волос.

* * *

Не войдя с капканом в компромисс,
Перед тем, как превратиться в шапку,
Зверь спросил людей: «Вы из Гринпис?
Помогите, прищемило лапку...»

ПОМОЛЧИМ

Ты сегодня молчишь необычно:
Необъятными амплитудами...
Утомили слова... Непривычно
Расставаться с такими путами.

* * *

Банка мёда,
краюшка хлеба,
...Свет в окне дрожит
...мотыльком,
Закрывает
собою небо
...Нежность — сонное
...молоко
.....мне легко...

ИЖ-КОМБИ

Мой старый ИЖ неизлечимо болен.
Он снят бесповоротно с производства.
Скрипит ручник, иконостас намолен,
И книга в бардачке по пчеловодству.

Мутнеет мир в подъехавшей слезе,
И люди в нем шатаются, как зомби.
А я ОСАГО продлеваю Комби,
Как будто жизнь продляю сам себе.

* * *

Он ехал в метро, устал,
Храпел, вытягивал ноги.
Сержант на него кричал,
А он: “Я плачу налоги!”

“Конечная, ты, урод!”
Отвесил бедняге пендель.
Уходит культурный год,
Ушел из вагона Мендель.

* * *

Для тебя и меня — чист
Этот нежный, слепой лист:
Нежной ночью, слепым днем
Все могло быть, и все в нем....

ТРИУМФ ЭКУМЕНИЗМА

Я с даосами мацу выпекал,
Синтоисты налепили просфор,
Наливали мне в грааль под халяль
Джайны с сикхами крепленный кагор.

* * *

Всё затихло до прихода стужи,
И в кольце смирения и веры,
Клёны в зеркале огромной лужи,
Трепинами разделили сферы.

Пруд однажды превратится в прорубь,
В землю сядет старая “Победа”,
Крыльями взмахнет пугливый голубь,
Дряхлый кот озябнет без обеда.

На губах осенняя свобода
Тает сахаристым первым снегом.
Глаз не отвести от небосвода.
Я всегда с тобой под этим небом...

Дарьяна ЛЕМТЮЖНИКОВА

ДЕЖА ВЮ

«Ревнивый ветер треплет шаль»
День убывает, словно лунность.
Его стареющая юность
Снимает облаков вуаль

И я смотрюсь в его лицо,
Морщин читаю сновиденья...
И буквы времени — мгновенья
Сжимают памяти кольцо.

ДЕГУСТАЦИЯ

Я полон судьбой, как гранёный стакан
В дрожащих руках человека седого:
Он спелым дыханием воздуха пьян,
Крадётся на цыпочках, выронить слово

Бойтся, как будто замёрзнет оно
В неопытных ласках вечернего мая.
Я чувствую, как преломляется дно
Минувшего времени, и понимаю,

Что зрелость судьбы проникает в стекло,
Что нежно сжимает её до предела
Седой человек, и его ремесло
Похоже на тайный язык винодела.

«ТЫ КАК БУТЫЛКА С ГОРЛЫШКОМ ИЗЯЩНЫМ...»

Ты как бутылка с горлышком изящным,
А наша жизнь вдвоём — вечерний поезд,
Идущий между сном и настоящим
В чудную фиолетовую повесть.

Я захожу в купе и вижу дрёму,
Проводником забытую спросонья.
Ты катишься по полу вихревому
И опрокинут звон в междувагонье

Я припаду к тебе из хулиганства
Как будто я — изгиб, а ты — пружина
И выпущу из твоего пространства
Хмельного раззадоренного джина.

Я ДО БЕЗЗВУЧИЯ БОЮСЬ ТВОИХ ШАГОВ...

Я до беззвучия боюсь твоих шагов:
Они разгадывают Лунную сонату.
Твоё отсутствие подобно циферблату,
Где каждый час вмещает прозу вечеров,
Но обессилен ожиданием и юн.
Молчанье ночи, утопая, ищет сушу:
Я беспричинными дождями мою душу
И допиваю в одиночестве июнь.

ПОТУСТОРОННИЕ ВИТРАЖИ

1.

На другой стороне главы
Я с абзаца встречала поезд...
Зажимая в гортани «Вы»,
Поцелуем писала повесть
На дрожащем изгибе лет...
Каллиграфия напряжений —
Со словами, которых нет,
Просыпаться в одном спряженьи.

2.

На другой стороне Москвы
Под украшенной лапой ёлки,
Как куранты, прощались Вы
С умирающим годом. Сколько
Оставалось в бокале дней
От судьбы, на двоих распитой?
Ночь составлена из теней.
И припрятана для гамбита.

3.

На другой стороне Невы
Я ласкала рассвета профиль,

Но смеялись уже не Вы,
А отчаянный Мефистофель
Разводил за собой мосты...
Ночь была прописной, винтажной
И рассыпанной на листы
В переплёте судьбы бумажной.

4.

На другой стороне зимы,
Покидая перрон уставший,
Я столкнулась с составом «Мы».
Новый год есть вагон, отставший
От пространства. Я вижу вспять
Сны со знаками препинаний.
До рассвета осталось пять
Переулков — воспоминаний.

5.

На другой стороне молвы,
Где слова вырастают в годы,
Я храню прописное «Вы»
Вопреки новостям природы,
Как забытую Вами брошь
На седом уголке дивана,
Словно завтра я брошусь в дрожь
Из окна своего романа.

«ТВОЁ МОЛЧАНЬЕ
ПОЛНИТ РАЗЛУКУ...»

Твоё молчанье полнит разлуку,
Температура пространства спала:
Тепло уходит, впуская скуку
Под равнодушное одеяло.

Луна стареет, теряя в весе,
И боль сжимается вместе с нею.
Я растворяюсь в вечерней прессе
И неустойчиво стерженею.

Григорий ТАЧКОВ

ИЗМОРОЗЬ

За окном иероглифом изморозь
Распласталась на шатких ветвях;
Ставит вьюга колочую изгородь,
Спят деревья в хрустальных гробах.

И березы, и клены затравлены,
Загипсованы хищной зимой;
Слышу ясно в отбеленном трауре
Неприкаянный стон их немой.

И стучатся озябшими пальцами,
Тянут руки деревья в окно;
Не по силам с метелями драться им,
Тяжек им леденящий венок...

Так и чувства намеками тонкими
Извещают порою о том,
Что они стали слишком уж ломкими
Под житейским и суетным льдом...

За окном иероглифом изморозь
Распласталась на шатких ветвях...
Кто увидит щемящую искренность
В запорошенных дуплах-глазах?

СПИЦА

Зыбко все, покой мне и не снится —
Он висит травинкой на косе;
Как же изогнулась грозно спица
На бытийном вещем колесе...

Как же эта спица едко колет,
Как же ранит острым языком...
Чувствуется привкус ржавой соли,
И душа болеет столбняком...

Как же рвут мне совесть жадно крючья —
Крючья затвердевших мертвых грез...
Не найти мне весел и уключин,
Все разбилось лодкой об утес...

Прошлым забродившим бы не спиться,
Заскрипел сомнения песок;
Надломила стан усталый спица —
Криво закрутилось колесо

КЛУМБА

Цветущую клумбу вскопавши,
Разведаль я тлена секреты:
Умершие корни-скелеты
Белели в землистой гуаши...

Как будто разрыл я не клумбу,
Не почвенный дом темно-карий —
Посмел осквернить колумбарий
И прах чей-то вынул из тумбы.

Я вижу: счастливые лица
Пылают златым георгином,
Но дальше за ними — руины,
Душа оскудела в темнице...

Глубокой печали палаты
Не стоит тревожить лопатой.

ЗЕМНОЙ РАБОТНИК

Нет, не небес угодник,
Нет, не святой...
Кто я? Земной работник —
Грешный, простой...

Я заостряю косы
Строк и словес...
Но, коли Бог попросит —
Выйду и в лес:

Грабли возьму как ручку,
Если стихи
Станут ненужной кучей
Листьев сухих...

Совести строг субботник —
Душу скребу;
Я — лишь земной работник
С потом на лбу.

Иван КОЗИН

МОЯ ТЕНЬ ПО МЯСНИЦКОЙ (СПЕШАЩАЯ В ТЕАТР АБСУРДА)

Я шёл по улице родной,
Моей Мясницкой.
А за спиною
Тень плелась.
Шатаюсь, будто в баре напилась.
Чтоб силуэтом под ноги пролиться.

Мы с тенью породнились.
И она
Строкою в прозу жизни уместилась.
Чтоб сесть в ней,
Ноги свесив, на диван.
Закутав в свет как в плед
Её чернеющую милость.

В меня смотрел стареющий почтамп,
Зрочками наблюдая своих окон.

Там, за которыми девчужка ставит штамп
На письмецо, которое как ворон
Из точки N. вспорхнет и в точку N.
Влетит. И в руку падая, шуршаше,
В том (ком-нибудь) вдруг текстом зажурчит.
Прольется. Станет смыслом настоящим.

Их обоюдным.
Но я вернулся к улице,
Где тень
Со мной повсюду
Будто чудо-юдо.
И на лице асфальта мой рисует день.

... И если вижу этот силуэт...

Я знаю жив ещё куда —
Я завещаю камню этих стен,

(Что слышат слепо,
Смотрят лишь в пол уха)

Мои стихи.
Чтоб не совсем
Мой призрак время стерло вон отсюда.

И вот когда не станет здесь меня
Для мещанина-зрителя-паскуды,
Мои стихи в других заговорят.
Из тени. С залом. В театре. Для абсурда.

IN THIS STONED MOMENT.

И вот я в комнате один.
И город, спрятанный за шторой,
Там за двором уже шумит.
А я из племени, которое

Зовется «поэтическим» у нас.
Хотя к чему здесь эти ярлыки?
Поэт — он тот, кто в слово страсть
Сам облакает с помощью строки.

И лампа на столе плещется желтым.
И на часах лишь 10: 25.
Осенний день по косточкам разжеван,
Чтоб завтра быть воскреснутым опять.

И в тишине моей я слышу голоса.
Я вспоминаю дикость вечеринок.
Красивых девок, их глаза.
Их ноги, юбки, талии осиные.

Я вспоминаю гомон бара,
Где одиночество убито на корню.
И в тишине своей я тихо понимаю,
Что люди — Боги. И я их люблю.

Своею громкою любовью человечей
Такой весомою и теплою как шерсть

Овечья.
А для кого любовь моя особая-
Я их по пальцам смог бы перечесть.

На ветку села черная ворона
И стала частью натюрморта. Со двора
Я слышу жизнь во все четыре стороны.
«И вот пришла осенняя пора.
Очей очарованье».
Я возгорался от восторгов столько раз!
А после было разочарованье.
«Другое я», заложенное в нас,

В один момент выходит из берлоги,
Берет да и великое создав,
Нам говорит на языке, понятном Богу,
Что жизнь состоит сама из глав.

А мы построчно буквами, в том бегстве
Бежим куда-то, от себя устав,
Забыв, что суть, окаменев в моменте,
В нас сморит из контекста этих глав.

ВОТ И ВСЁ

Сижу на кухне с чаем. Рыжего
Читаю об уныньи и тоске.
И жизнь, робко и пристыженно,
Как ложка, помещается в руке.

А что мы можем? В нашей плоти хрупкой?
Себя продолжить в книге? А потом?
Мы выйдем из себя как из скорлупки
Птенец, поспоривший с яйцом.

А как же Бог? Жизнь вечная? А дальше?
И Лета нас теченьем отнесет
В небытие. Когда мы станем старше.
И мы умрем. Ну, в общем, вот и все.

Софья НЯЧ

* * *

Дай ветру играть на струнах твоих сухожилий,
предоставь дождю изливаться в твои глаза,
открой пошире объятия — дай распять себя —
это те, через кого ты спасешься.
Полетев вниз головой в самую бездну звезду,
радуйся, ты умрешь,
смертию смерть поправ,
на кинжалы высоких трав,
на лезвие вражеских губ,
только рассчитывай, друг,
это те, через кого, смертию смерть поправ,
Господь, Человеческий Сын,
Сын Божий,
Господь пустынь,
Солнца, Господь Земли,
Венеры, Юпитера... и...
Ада врата сокрушил.
Твой баррикадный ад
две тысячи лет назад.

* * *

план побега из комнаты
опровергая Бродского
не ошибка
удача
хоть раз в жизни высунуть голову
в хаос большого взрыва
стать сыном анархии
разбить застывшую
из-за которой не видно не зги
античную маску трагедии
корнями вросшееся в мозги
смотреть как из хлама астрального мусора
(Бродского опровергая)
прорастает дерево
чьи зерна
носил я в груди

ОКО

Я мужчина с морошкой в спине,
взрастивший во чреве блудного сына.
Левый глаз мой выкатился по весне
искать третий,
где юродивый, святыи и сирый.
Третий глаз по степи вышагивал как великан,
среди Уральских гор в небе летал орлом.
Видел:
знаки читает в траве Тамерлан,
А на земле в страданиях и слезах,
вблизи огня, куда не падал снег,
разбременилась Ева, — то был новый человек.
Его держал Адам в натруженных руках.
И первый звонкий раскаленный крик
пронзил Вселенную, в ней и поныне оставаясь.
Возликовало все живое, им благословляясь,
и Бог с прощением к троим приник...
заливая их марсовым молоком.
Он прозрел с широты божественного чела,
как ныряла гагара на дно,
чтобы испытать тишины,
как седая Мойра нить Гектора оборвала
и семью руками сердце вырвала из груди.
Открывался мир в капле одной росы,
и ламбей в рогах солнце богов носил.
И надел третий глаз на ноги свои кисы,
в океан нырнув,
с рыбой-китом уплыл...

ВЫТЬ

Боком вышла цифра.
рыбой подо льдом уснула,
спит, и чешуя кривою
бескровиною сверкнула.
Мясо лунное трепещет,
ощетинилось кольчугой,
и не дышит, и не блещет,

покрываясь кожей смуглой.
И под этим нераздольем
волком выть пора настала.
Кто мне даст живое слово,
чтоб не выть, но петь я стала?
Странник мира безутешный
над синеющей землею
где-то в млечности небесной
беспокоит словом море.

ТАНАТОС

Игральные кости ребрами на стол,
звезды рунами на черное полотно...
Что искал ты да то и нашел,
Тихий ангел взял тебя под крыло.
Как младенец в купели крещенской чист,
как монах в горных вершинах свят,
так и ты на руках у ангела спишь.
И только жены над телом твоим вопят.
Я раскрою грудь, как парадный плащ:
и взметнется к небу мольба и крик.
Страшный огонь холоден и палящ
пожирает судьбы моей черновик:
мне одиннадцать лет, оголтелая детвора,
я совсем малыш, материнское молоко...
я влюбленный смотрю в свет твоего окна,
и стареет с каждой минутой мое лицо.
Игральные кости ребрами на стол,
звезды рунами на черное полотно...
В этом городе праздник, чума и мор.
Кто Ты, взявший меня под свое крыло?

ДИАЛОГ КУЛЬТУР. ГРЕЦИЯ

Ольга СОКОЛОВСКАЯ

РОМАНОВЫ В ГОСТЯХ У КОРОЛЕВЫ ЭЛИНОВ

Большая императорская семья Романовых любила путешествовать. Нередко поездки соединялись с государственными делами, но Греция с конца 60-х г. XIX столетия стала местом, скорее, отдохновения от дел. Добираться до столицы греческого королевства в те годы было не так-то просто: либо из Севастополя на корабле несколько дней, либо по железной дороге через Европу, а затем снова на пароходе до Пирея. Поэтому каждое их посещение было незабываемым событием для супруги греческого короля Георга I, королевы элинов Ольги Константиновны, очень общительной, умной, доброжелательной и радушной хозяйки.

Афинский дворец был хорош для жизни и приема гостей весной и осенью, т.к. зимой там было весьма холодно, а летом нестерпимо жарко. Поэтому в 1871 г., через три года после женитьбы Георг I купил в двух часах езды от Афин (27 км.) в Татое в горах Декелии огромное имение, а затем еще построил там маленький дворец — точную копию с Петергофской фермы, где жил император Александр II. Ольга писала отцу: «Ты себе представить не можешь, что это за великолепие. Это еловый лес и между деревьями большие зеленые луга и группы деревьев. Это мне напоминает Павловск и вообще север, потому что там прохладно даже летом и много зелени. Трудно представить себе, что в Афинах есть такие чудесные места».

Первыми гостями Ольги в Афинах были ее мать, вел. кн. Александра Иосифовна и братья, великие князья, Николай и Вячеслав, которые прибыли туда в июле 1868 г. к рождению первенца Ольги и Георга I — принца Константина, будущего греческого короля. Было нестерпимо жарко, и впредь Георг и Ольга решили жить с весны по осень на о. Корфу, где был прекрасный дворец, а затем построена королевская резиденция «Мон Репо».

Первой гостьей на Корфу была сестра Георга I Дагмар, великая княгиня Мария Федоровна, будущая российская императрица. Ольга напишет своему кузену, великому князю Александру Александровичу (Александру III) с Корфу: *«Милейший Саша! Я тебе сказать не могу, какое счастливое время мы провели с тобой (с моей) душкой, милейшей, ненаглядной прелестной Минни, которую я обожаю!»* Они сдружились на всю жизнь, а их судьбы оказались очень схожими: обе рано вышли замуж, браки были счастливыми с большим и красивым потомством; они много занимались благотворительной деятельностью, отличались живым умом и милосердием; обе пережили войны, перевороты, крушение династии, обе умерли в изгнании. Мария Федоровна пережила Ольгу всего на два года.

Без сомнения, самым дорогим гостем всю жизнь был ее младший брат великий князь Константин Константинович, будущий президент АН, поэт-романтик К.Р. Впервые 16-летний юноша-гардемарин посетил свою старшую сестру-королеву на Корфу осенью 1875 г. во время своего первого кругосветного плавания на фрегате «Светлана», где капитаном был ее кузен вел. кн. Алексей Александрович. Ольга писала отцу, что *«как будто приехал кусочек России, я блаженствовала!»* Она наслаждалась каждым днем и часом, которые они проводили все вместе. Юная королева, по-видимому, была влюблена в кузена без всякой взаимности: он никогда не будет отвечать на ее письма, и с раздражением отнесется к ее заступничеству и просьбам за моряков, когда станет адмиралом и весьма бездарным морским министром, сменившим на этом посту отца Ольги. (Ее назовут в его министерстве «венценосная нищая»).

Второе кругосветное плавание брат Константин совершит на фрегате «Герцог Эдинбургский» в 1881-1882 гг.

Лето и начало осени 1881 г. ему будет позволено провести у сестры-королевы в Татое. *«Какое это наслаждение и счастье для меня, иметь его здесь! — писала Ольга отцу. — Я дорожу каждым часом, который мы проводим вместе. Мы много ... занимаемся, читаем, углубляемся в прелести нашей русской литературы».* Здесь на древней земле Декелии, он осознает себя поэтом («Псалмопевец Давид»), а Ольга, чутко уловив поэтический талант брата, всегда будет поддерживать (единственная из семьи) его веру в литературное призвание. Ольга писала брату: *«Ты не знаешь, с какою радостью я встречаю всегда твои произведения, вдохновения твоей музыки. Надеюсь, что она не околеченет на севере, а будет петь по-прежнему и ударять по струнам».* С декабря 1882 г. Константин вновь в Греции, где напишет одно из лучших своих стихотворений «Я баювань судьбы», в котором окончательно решит совершить «священный подвиг певца» и возьмет поэтический псевдоним К.Р. В одном из писем к Фету он признавался, что сестра часто навела на него вдохновение. В стихотворении «Исповедь», посвященном Ольге, есть такие строки: *«Измученный в жизни тревоги и зол/ Опять, моя радость, я душу отвел/ С тобою...»* «Смеркалось; мы в саду сидели, свеча горела на столе...» К.Р. посвятит сестре немало стихов и поэму «Севастиан-мученик»: *«Ты мне внушила эти строки,/ Они тобой вдохновлены:/ Пускай же будут в край далекий/ Они к тебе унесены...».*

В том же 1883 г. отец Ольги, вел. кн. Константин Николаевич наконец-то выбрал время после его деловой поездки в Европу, чтобы навестить греческое семейство, в котором было уже шестеро детей. Ольга вспоминала *«уютные утренние часы, когда они в книгохранилище (так Ольга называла библиотеку) сидели втроем за большим столом, «усердно писали» письма и разговаривали «под шумок кипящего самовара».* Отец не только радовался внукам, но наслаждался посещением древностей, в которых прекрасно разбирался. В Афинах он познакомился со знаменитым археологом Г. Шлиманом, которого нашел очень интересным человеком. Именно здесь Константин примет решение резко изменить свою жизнь, навсегда расставшись, к ужасу отца, с флотом.

Ольга поддержала брата: *«Какое бы ты поприще не выбрал, чтобы быть полезным нашей матушке России, я всегда буду с тобой»*. Отец больше никогда не бывал в Греции, а Константин приезжал неоднократно и очень полюбил страну и ее язык: вместе с сестрой они участвовали в составлении русско-греческого словаря.

Гостил в Афинах и вел. кн. Павел Александрович, младший сын императора Александра II, который страдал болезнью легких. 3 января 1883 г. Ольга писала: *«Милейший, дорогой папа! Теперь, против меня на Костином месте, сидит Павел и тоже пишет; я наслаждаюсь, более чем могу сказать, его присутствием здесь и мыслью, что он еще долго останется у нас; он милейший, а чем более я вижу и изучаю его, тем более я люблю его прелестным, редким характером. Дай Бог ему совсем укрепиться здоровьем у нас»*. Многочасовые прогулки вдоль моря и теплый климат сделали свое дело. Королева начала строить планы о его сватовстве к своей старшей дочери Александре. Планам Ольги суждено было осуществиться в 1889 г., но через два года в возрасте 21 года ее дочь скончалась в России от родов. Двое детей от этого брака — Мария-младшая и Дмитрий вошли в историю: вел. кн. Дмитрий Павлович, друг Феликса Юсупова, став одним из убийц Распутина; Мария, оказавшись после революции в эмиграции, как замечательный дизайнер по кружевам, соратница Коко Шанель.

В январе 1885 г. в Афины приезжал кузен, вел. кн. Михаил Александрович. Ольга писала брату Константину: *«К сожалению, в продолжение десяти дней, что у нас гостил Миша, солнце показалось всего один раз — а то все время лил беспощадный дождь — мое самолюбие жестоко страдало, ибо наша Эллада без солнца, как человек без души»*.

Весной 1889 г., возвращаясь через Европу домой из путешествия на Дальний Восток на корвете «Рында», две недели у королевы в Афинах гостил другой кузен, вел. кн. Александр Михайлович (Сандро). Они много говорили о буддизме, о нирване и проч. *«Несмотря на несогласие в иных взглядах, — писала королева брату Константину, — я нахожу, что Сандро — прелестный мальчик, в нем много мягкого, сердечного... Представь себе, что*

раз вечером Сандро вдруг говорит мне: «Знаешь ли, я иногда сожалею, что ты не моя мать!» Естественно, что 15-летняя греческая принцесса Мария страстно влюбилась в красавца Сандро, и стоило больших родительских усилий, чтобы охладить ее пыл, убеждая, что он уже просватан к дочери Александра III Ксении.

Особенно радовалась греческая королева пребыванию под ее кровом в октябре-ноябре 1889 г. цесаревича Николая, будущего российского императора Николая II, пришедшего на крейсере «Адмирал Корнилов». Ольга описывала приход крейсера в Пирей: *«Было так красиво видеть, как он величественно входил на рейд под брөйд-вымпелом цесаревича, и как ему салтовали суда, и батарея... Встреча была блистательная, почетные караулы в Пирее и еще здесь во дворце; народу была масса и местами усиленно кричали «Зито!»... Уезжая, Ники сказал, что он был у нас как дома... Прощаясь, у него было особенное глубокое, грустно-ласковое выражение в его милых глазах. Ты знаешь взгляд, который смотрит не в глаза, а в душу?»*

Очарованная гостем, королева стала строить планы сватовства принцессы Марии (Минулины), что весьма бы польстило бы грекам. Она спрашивала брата Константина в конце 1890 г.: *«А как ты думаешь, грешно с моей стороны, тайно желать, чтоб Минулина вышла за Ники, чтоб для них сделать исключение?»* Брат старался охладить рвение сестры, сообщая, что Александр III вряд ли одобрит столь близкий брак.

Жених для второй дочери нашелся сам: троюродный брат Ольги вел. кн. Егорушка много времени проводил в Греции, влюбившись в молодую принцессу, однако ждать ему пришлось почти шесть лет. В мае 1900 г. на о. Корфу собралось множество гостей из России, которые прибыли на броненосце «Александр II» на свадьбу 20-летней принцессы Марии и вел. кн. Георгия Михайловича.

К началу XX в. афинский дворец сравнивали с Вавилоном: все невестки говорили на разных языках. Многочисленные внуки, их учителя, няньки занимали все комнаты, и принимать гостей стало невозможно: редкие приезжие гостили в Татое. После убийства в 1913 г. Георга I, несмотря на его завещание, король Константин и коро-

лева София Прусская, сестра кайзера Вильгельма, выселили Ольгу из любимых комнат. Вдовствующая королева предпочла уехать в Европу, а затем, за два дня до начала Первой мировой войны, вернулась в Россию, пережив страшные годы крушения монархии и гибели почти всей семьи Константиновичей.

В 1916 г. в Татое случился пожар и подруга Ольги Константиновны, жена контр-адмирала А.Г. Бутакова-2-го, Вера Васильевна писала ей: *«Много дорогих сердечных воспоминаний погребено под развалинами..., но тысячи людей прошли через него и сохраняют в сердцах все благородное, доброе, что вынесли они от его царственных владельцев... сколько людей было согрето там добротой Вашего Величества! В благодарной памяти Татой жив и будет жить !...»* Члены Романовской семьи, бывавшие в гостях у греческой королевы Ольги, могли бы подписаться под каждым ее словом!

Ингрид КИРШТАЙН

ЛЕГЕНДЫ О ГРЕЧАНКАХ

<Сапфо>

Теперь одно — бежать эриний
под покровительство менад,
огни глубоководной сини
не загасивший Герострат.

Морской груди — чем нестерпимей
И выше вздох, тем слаще яд
Феону — горше и хладимей -
Стать смертный миф, не строфный лад.

В сапфирных брызгах — стих печальный,
Разбег гречанки со скалы,
Последних звезд эфир прощальный
Душе, исполненной золы:
Безвинна гладь небесных черт,
То Абсолют жестокосера.

<Калипсо Полихрони>

Ее волос обсидианового траура,
ее ресниц и обжигающих грудей
ослабевала шамаханящая аура
двумя горбами по пустыне без дождей.
Из Музы Пушкина, молодого нимфы Байрона,
стать робким иноком в обители святой.
Тюльпаном имени душе возблещет рай. Она,
почивши братом, похоронена сестрой,
оставив дни, когда за скомканные крылья
призывы горькие Леилы тень влекли
звездой дальней восцвести из замогилия
на рифах неба вечным странникам с земли.

Ирина РЕПИНА

АФИНЫ

Меж Сцилой и Харибдой не страшней,
Чем драться, занимая верхний ярус.
В Эгейском море смыл печаль Эгей,
А мы опять сменить забыли парус.
Но ничего. Забудем про дела.
В порту огни, Метакса и гетеры.
Во всех церквах звонят в колокола,
Смешав и до и после нашей эры.
И боги — кто в аду, а кто в раю.
Помолимся — и тут же забываем.
Мы у Земли побыли на краю,
Мы даже знаем, как оно — за краем.
Кто б ни был Бог, ну, с Богом, в добрый путь.
Храм издали сливается с горою.
Над Гелеспонтом плачет кто-нибудь,
И погибать давно устала Троя.
За Таврией воюют племена,
А поезда минуют поля лихость.
И нас не ждет далекая страна,
Где процветают варварство и дикость.

ТРОЯ

На хвостах комет судьба распята,
Но беспечно око Аполлона.
Догорает зарево заката
Погребальными кострами Илиона.
Умирать положено герою.
И не место жалости уколу.
Кто положит трепетной рукою
На глаза тяжелых два обола?
Кто твое шепнет Харону имя?
И уста встречаются в молитве.
Не для скорби кубки мы поднимем.
Мы мечи поднимем не для битвы!
Пусть, срываясь, плачет только флейта,
Пусть жрецы играют ворожбаю.
Приготовим кубок для авлета,
Не смешав, по скифскому, с водою.
И поддержит пляску звонкий авлос.
Не нарушим мы порядок строя.
Горизонт закроет серый парус,
Поведет на поиск новой Трои.
Ляжет тенью новая утрата
На подножье царственного трона.
В погребальном пламени заката
Догорает слава Илиона.

ЭВРИДИКА

С потолка вода — капли рвутся:
Так удобно считать мгновенья.
Ну, сумей же не оглянуться,
Я устала быть только тенью.
Этот сон все снится и снится.
Впереди — воде вечно капать,
А для вечности — Стикс граница.
Не положено тени плакать!
Не положено тени помнить,
Не положено ждать и верить.
Мог нарушить все и исполнить...
Но назад взглянул. Чем измерить?
...Звуки, запахи, синь над нами,

Не спеша скрипели засовы...
И оставил — тенью с тенями,
С сердцем к жизни совсем готовым.
В темноте и тени не видно,
Сны, как капли, — входят и рвутся.
Вечность: холодно и обидно.
Ну, сумей же не оглянуться!

Наталья РУБИНСКАЯ

ЖАЛОБА АРТЕМИДЫ-ОХОТНИЦЫ

Мама — Лето, папа — Зевс,
а сама вся — лук да стрелы.
Только горы, только лес:
рой газелей оголтелый,
стая птиц (зовут фазан),
ланей; зайца гон приватный.
Погляжу я им в глаза —
и вернусь... неубиватной.
Нимфы хвалят за урон,
борзопсы вот-вот облают,
только братец Аполлон
всё простит и гимн сыграет.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

ДРЕВНЕЭГЕЙСКИЕ ФРЕСКИ

Возьмёт свирель пастух, разбудит песней стадо,
Вонзятся в небо дивные рога...
Не мраморным венком камней твоих, Эллада, —
Рисунком детским тронуты снега.

Свирель струится, медленно играя,
Пастух вдоль ноты дудочку ведёт,
И видно, как от края и до края
Просторов северных вдруг оживает лёд

Вьюнком зелёным, бабочкою летней
На васильковом бархате небес...
Но в памяти, чем выше, тем бесцветней
Колонн твоих древнеэгейский лес.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

220 лет со дня рождения
Александра Грибоедова
(1795-1829)

МАРИЯ МИРОНОВА

ГРИБОЕДОВСКАЯ ХМЕЛИТА*

Хмельная была Хмелита,
И стайка вралей веселилась.
Всё нужное было для быта,
Излишнее тоже годилось.

А юные пересмешники
Оттачивали остроумие —
Дочери, гости здешние,
Племянник — чуть-чуть угрюмее:

Непризнанность жгла и мучила,
И все доброхоты местные,
Как только дождался случая,
Отхлёстаны бойкой пьесой.

Зато получилась вольница
Решительной, едкой призмы,
И важно ль, что автор уволился
Так рано из этой жизни?

46 * родовая усадьба Грибоедовых, с которой связаны детство и юность А.С. Грибоедова.

Борис ЯКУБОВИЧ

ДВОЙНАЯ ДУЭЛЬ

*Блистательна, полувоздушна,
Смьчку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина, она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух из уст Эола,
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.*

Героиня этих скользких и легких пушкинских строк 6-летней девочкой в 1805 году оказалась в стенах Петербургского Императорского театрального училища, с тем, чтобы войти в историю, как одна из самых блистательных балерин российской сцены. Училище, в котором 10 лет созрел и наливался живительным соком удивительный талант Авдотьи Истоминой, представляло собой причудливую и пикантную смесь строгого монастыря и роскошного борделя. С одной стороны, воспитатели строго и придирчиво следили за тем, чтобы воспитанники и воспитанницы не общались друг с другом во внеучебное время, с другой — знатные сановники имели свободный доступ в этот «сад Терпсихоры» и беззастенчиво могли срывать понравившиеся им живые цветы. Не избежала, естественно, подобной участи и любимая ученица прославленного хореографа Шарля Дидло — Авдотья Истомина.

Однако среди обычных любителей богемной клубнички нашелся человек, который воспылал к ней нешуточной страстью. Этим романтиком оказался красавец кавалергард Василий Шереметев, неистово (и не без веских оснований) ревновавший Истомину ко всем ее кавалерам. Роман Шереметева и балерины протекал по всем канонам этого жанра: молодые ссорились и мирились, закатывали сцены с битьем посуды и не только, сходились и разъезжались. Желая переплюнуть щедрых и состоятельных ухажеров своей возлюбленной, Шереметев сорил деньгами, влезал в долги, а, когда его финансовое положение сделалось весьма плачевным, на горизонте легкомысленной и ветреной театральной нимфы поя-

вился новый поклонник — сын министра народного просвещения, камер-юнкер, граф Александр Завадовский, пребывавший в большой дружбе со знаменитым поэтом Грибоедовым.

Во всей развернувшейся далее драматической коллизии будущий автор «Горе от ума» сыграл не слишком благовидную роль, хотя, возможно, и не преднамеренно. После одного из спектаклей Грибоедов пригласил Авдотью в гости, на чай, причем, соблюдая всю необходимую конспирацию, дабы о «чаепитии» не пронюхал Шереметев. Приглашение сие было сделано по настоятельной просьбе опытного ловеласа Завадовского, с которым поэт снимал одну квартиру на двоих. Что произошло в тот вечер — история умалчивает, но, когда балерина вернулась домой, ее уже поджидал пылающий ревностью Шереметев. Попытка объяснить свое отсутствие невинным чаепитием возымела обратное воздействие: в неистовстве молодой потомок любимого петровского маршала бросился за советом и помощью к своему ближайшему приятелю Якубовичу.

Александр Иванович Якубович был сыном богатого роменского уездного предводителя дворянства, за которым в Черниговской и Полтавской губерниях числилось, аж, 1200 душ крепостных. Получив неплохое воспитание, вначале дома, а затем в московском университетском пансионе, он был принят юнкером в лейб-гвардию Уланского полка и участвовал в заграничных походах русской армии, гнавшей французов через всю Европу до самого Парижа. За воинские заслуги 20-летний молодой человек был произведен в корнеты и, несмотря на достаточно молодой возраст, к началу описываемых событий успел снискать скандальную славу бретера, игрока и забияки. Весьма примечательной была и его внешность: высокий, черноволосый, со смуглым, нервным лицом, в глубине которого яростно поблескивали уголки черных же глаз, а над упрямой верхней губой шевелились пышные черные усы. Все движения его были исполнены какой-то диковатой энергии, а изящные, цепкие пальцы находились в постоянном поиске занятия. Впрочем, им почти всегда находилось дело, ибо Якубович обладал весьма бойким пером и очень недурно рисовал.

Нетрудно представить себе, что мог сказать сей пылкий муж, когда его оскорбленный, взбудораженный приятель Шереметев, захлебываясь, описывал картину гнусной измены возлюбленной, уступившей домогатель-

ствам коварного соблазнителя. Разумеется, стреляться и немедленно!

Этим же утром Якубович поспешил на квартиру Завадовского, дабы вручить ему вызов на дуэль. «А разве Истомина Шереметеву жена? Или, может быть, сестра? — иронически поинтересовался Завадовский, — а драться за танцовку я полагаю ниже своего достоинства!» Однако через несколько дней Шереметев, упорно шедший к роковой развязке, все же добился своего. Оказавшись в общей компании со своим недругом, он оскорбил Завадовского, которому на сей раз пришлось принять вызов. Оценив сложившуюся ситуацию, Якубович усмотрел в действиях Грибоедова подстрекательство и даже сводничество, а посему вызвал поэта и дипломата на дуэль. Грибоедов без колебания согласился. Поединок между двумя соискателями амурных ласк коварной примадонны состоялся 12 ноября 1817 года в два часа пополудни. Шереметев был тяжело ранен и через три дня скончался. Ввиду ранения приятеля и необходимости срочно доставить его к врачу (какового, увы, не оказалось на месте дуэли), Якубович предложил Грибоедову отложить их собственный поединок, на что поэт ответил согласием.

По ходатайству безутешного родителя погибшего Шереметева, император Александр 1-й ограничился не слишком строгим наказанием дуэлянтов: Завадовского на время послали за границу, а Якубовича отправили на Кавказ, определив его прапорщиком в Нижегородский драгунский полк. Грибоедов, с точки зрения государя, наименее виновный, был прощен и получил дипломатическое назначение в Персию. В Тифлисе, лежавшем на его пути к месту будущей службы, Грибоедов, как было условлено заранее, встретился с Якубовичем, дабы продолжить незавершенную в Петербурге двойную дуэль. Поединок, состоявшийся 23 ноября 1818 года, т.е. через год после трагических событий, прошел неподалеку от небольшого селения Куки под Тифлисом. Условия были весьма жесткие: шесть шагов между барьерами, поединщики стреляются без сюртуков, которые могли бы несколько смягчить воздействие пули. Вспомнив о великолепных достоинствах Грибоедова, снискавших тому, помимо поэтической славы, еще и ореол талантливого пианиста-импровизатора, Якубович усмехнулся: «По крайней мере, теперь перестанешь играть!» Через мгновение прозвучал выстрел. Пуля угодила в мизинец, оставшийся скрюченным на всю жизнь. Стиснув зубы и

прижав к животу окровавленную руку, Грибоедов произвел ответный выстрел. Пуля прошла мимо виска Якубовича, почти чиркнув по черным густым волосам. По условиям, ранее оговоренным дуэлянтами, поединок на этом считался законченным. Отчего-то возникло довольно расхожее мнение, будто Якубович и Грибоедов с той поры навсегда остались врагами. Если бы дело обстояло таким образом, черноволосый забияка-корнет не явился бы провожать своего недавнего противника, после краткого лечения покидавшего Тифлис. Более того, имеются сведения, что он принял участие в прощальной пирушке, которую Грибоедов закатил по случаю отъезда.

Лариса ШЕСТАКОВА

«К НАМ ЛЕРМОНТОВ СХОДИТ, ПРЕЗРЕВ ВРЕМЕНА...»

*Заметки о «лермонтовском тексте»
в русской поэзии Серебряного века*

В качестве названия статьи выбрана строка Владимира Маяковского из стихотворения «Тамара и Демон», неожиданно и своеобразно задающая идею преемственности поэтических поколений.

Творчество Лермонтова и сам его образ привлекали многих русских поэтов первой трети XX века. Путеводителем по их произведениям, содержащим упоминание имени Лермонтова и имен его героев, цитаты из стихотворений поэта-романтика, аллюзии на его строки, могут служить материалы словарей поэтического языка. В этой работе мы использовали данные многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП 2001–2013], в котором представлено творчество десяти видных русских поэтов – И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова и М. Цветаевой. Названный Словарь представляет собой конкорданс комментирующего типа, т. е. алфавитный словарь, в котором каждое слово сопровождается полным набором контекстов из выбранных источников, а при необходимости и комментариями лингвистического, энциклопедического и иного свойства. Все контексты сопровождаются в Словаре указанием на дату написания произведения и выстроены по хронологии.

Обзор словарных материалов показывает, что с Лермонтовым соотносится большая группа статей – к имени собственному Лермонтов, к именам героев стихотворных и прозаических сочинений поэта, к частотным и ярким в его творчестве образам. Маркерами лермонтовской темы служит также информация в зоне значения статей (например, Казбич – персонаж повести М.Ю. Лермонтова «Бэла») и в зоне комментариев к контекстам (например, обращ. к М.Ю. Лермонтову, посв. М.Ю. Лермонтову и под.). Центральное положение в ряду словарных статей занимает статья ЛЕРМОНТОВ, входящая в IV том Словаря [СЯРП 2013: 159–160]. Объединенные в ней контексты создают широкую аллюзию, которая ориентирована на творчество, стиль, саму личность поэта. Приведем для наглядности сжатый вариант названной статьи (в ней использованы следующие основные сокращения: Ахм – Ахматова, АБ – Блок, Ес – Есенин, Куз – Кузмин, ОМ – Мандельштам, М – Маяковский, П – Пастернак, Хл – Хлебников, Цв – Цветаева, а также: Загл. – заглавие, Ирон. – иронически, НАР – несобственно авторская речь, РП – речь персонажа, см. тж – смотри также, Шутл. – шутливо, Эпгрф. – эпиграф, *ib* (*ibidem*) – там же):

ЛЕРМОНТОВ [Михаил Юрьевич (1814–1841) – рус. поэт и прозаик; см. тж МИХАИЛ] К добру и злу постыдно равнодушны, В начале поприща мы вянем без борьбы. Лермонтов Эпгрф. АБ899 (I,18); ЛЕРМОНТОВУ Загл. Куз916 (205); Было еще двое Той же масти – черной молнией сгасли! – Лермонтов, Бонапарт. Цв916 (I,256.2); Пока в Дарьял, как к другу, вхож, Как в ад, в цейхгауз и в арсенал, Я жизнь, как Лермонтова дрожь, Как губы в вермут, окунал. П917 (I,110.1); И доныне во время бури Горец говорит: «То Лермонтова глаза». РП Хл[921] (152); Так: Лермонтовым по Кавказу Прокрасться, не встревожив скал. Цв923 (II,199.1); И Лермонтов, тоску леча, Нам рассказал про Азамата, Как он за лошадь Казбича Давал сестру заместо злата. Ес924 (II,175); Мы / общей лирики лента. / Я знаю давно вас [царицу Тамару], / мне / много про вас / говаривал / некий Лермонтов. Шутл. М924 (139); К нам Лермонтов сходит, / презрев времена. *ib*; Ты Сашу [Пушкина] знаешь. Саша был хороший. И Лермонтов Был Саше по плечу. Ес925 (III,61); Перелистывая / авторов / на букву «ЭЛ», / фамилию / Лермонтова / встреть, / критик выясняет, / что он ел / на первое / и

что — на третье. Ирон. М926 (243); светила / у Лермонтова / ходят без ветрил, / а некоторые — / и без руля. НАР Ирон. ib.; Здесь [на Кавказе] Пушкина изгнание началось И Лермонтова кончилось изгнание. Ахм927 (174.2); Теперь не сверстники поэтов, Вся ширь проселков, меж и лех Рифмует с Лермонтовым лето И с Пушкиным гусей и снег. П931 (I,400); Откос уносит эту странность За двухтысячелетний Мцхет, Где Лермонтов уже не Янус И больше черт двуликих нет, П931 (II,134); А еще над нами волен Лермонтов, мучитель наш, И всегда одышкой болен Фета жирный карандаш. ОМ932 (189.1); И за Лермонтова Михаила Я отдам тебе строгий отчет, Как сутулого учит могила И воздушная яма влечет. ОМ937 (241.2); Словно Врубель наш вдохновенный, Лунный луч тот профиль чертил. И поведал ветер блаженный То, что Лермонтов утаил. Ахм961 (211.4)

Как видно, хронологические рамки контекстов, входящих в статью, достаточно широки: первый контекст относится к 1899 году, последний — к 1961. Среди авторов, строки которых формируют текст статьи, нет Иннокентия Анненского. Стоит заметить, однако, что в стихах Анненского, которому было свойственно редкое «духовное гостеприимство», обнаруживаются отклики русской поэзии XIX века, в том числе Лермонтова, а оценка ему дается в нескольких литературно-критических статьях: «Об эстетическом отношении Лермонтова и природе» (1891), «Символы красоты у русских писателей» (1909) и «Юмор Лермонтова» (1909) (см. [ДЭ 1981: 32–33; Русские писатели 1989: 84–88]).

Иллюстрации в статье — это и собственно строки из стихотворных текстов, и фрагменты, образующие предтекстовые части стихотворений, циклов стихов и т. п. Во всех случаях использование знакового в русской культуре имени Лермонтов порождает диалог поэтов разных эпох. В работе [Шестакова 2006] мы уже писали о том, как реализуется этот диалог в стихах Блока, Кузмина, Пастернака, Цветаевой, Есенина. Здесь же, оттачиваясь от материалов приведенной словарной статьи и привлекая более широкие контексты, сосредоточимся на том, как лермонтовская тема прочитывается в строках футуристов и акмеистов.

Русский футуризм представлен в Словаре Хлебниковым и Маяковским. В начальной части статьи ЛЕРМОНТОВ выделяются строки Хлебникова из стихотворения «На

родине красивой смерти — Машуке...» (1921), в которых грозные вспышки на небе уподобляются глазам поэта: И донныне во время бури Горец говорит: «То Лермонтова глаза». Это стихотворение посвящено гибели Лермонтова, музу которого поэт-будетлянин называл музой «желчи и горечи». Обращение к тексту произведения показывает, что собственное имя, введенное в составе генитивной конструкции в прямую речь персонажа, предстает здесь в широком аллюзийном контексте. Появлению имени предшествуют строки, точно цитирующие Лермонтова или воспроизводящие отдельные элементы его стихов: Железный стих, облитый горечью и злостью (концовка стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...»), Пушек облаков тяжелый выстрел В горах далеке покотился И отдал честь любимцу чести (Погиб Поэт! — невольник чести — первая строка стихотворения Лермонтова «Смерть поэта», на которое ориентировано произведение Хлебникова). Лермонтов неоднократно называется в стихотворении традиционно-поэтической номинацией певец, что привносит в него черты поэтики романтизма: Певца прекрасные глаза, Глаза убитого певца, Певец железа (перифраза восходит к упомянутому стихотворению «Как часто, пестрою толпою окружен...»), А небо облачные почести Воздало мертвому певцу. Отметим также не случайность соотносимой с Лермонтовым перифразы брат в небесах, стоящей в одном ряду с именами также убитых на дуэли Пушкина и его героя Ленского: И луч тройного бога смерти По зеркалу судьбы Блеснул — по Ленскому и Пушкину, и брату в небесах (ср. в «Смерти поэта»: И он убит — и взят могилой, Как тот певец, неведомый, но милый, Добыча ревности глухой).

Даже при кратком анализе названного стихотворения важно обратить внимание на то, что из характерных портретных черт Лермонтова Хлебников выбирает наиболее выразительную — глаза. В тексте слово глаза повторяется 10 раз (в строках, попавших в Словарь, употребление слова предельно конкретно: Лермонтова глаза), его высокий синоним очи — 2 раза. Вот другие примеры, включающие ключевое слово стихотворения: Обвил холстом пророческие очи, Большие и прекрасные глаза ..Сыну земли с глазами неба ... И до сих пор им молятся, Глазам, Во время бури. И были вспышки гроз Прекрасны, как убитого глаза ... И в небесах зажглись, как очи, Большие серые глаза. И до сих пор живут средь облаков, И до сих пор им молятся олени, Писателю России

с туманными глазами ... С тех пор то небо серое — Как темные глаза. Известно, что люди, лично знавшие Лермонтова, в представлении о его внешности заметно расходились между собой. И хотя это касалось и глаз поэта (одним они казались большими, другим маленькими), решительно все стремились «передать непостижимую силу взгляда: “огненные глаза”, “черные как уголь”, “с двумя углями вместо глаз» [Андроников 1975: 6]. Из этого, по-видимому, вырос хлебниковский образ грозовых вспышек, прекрасных, как глаза поэта. Следует сказать, что рассмотренное стихотворение Хлебникова получило продолжение в произведениях других поэтов XX века. Например, строки: Глаза убитого певца И до сих пор живут, не умирая, В туманах гор — взял в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Лермонтов. 1841» Михаил Дудин. Об этом, а также об иных связях Хлебникова и Лермонтова см.: [Григорьев 2000: 75, 203, 409, 435 и др.]. Другой поэт-футурист — Маяковский — открыто декларирует живую связь между собой и Лермонтовым. В стихотворении с говорящим заглавием «Тамара и Демон» (1924) поэт окрашивает это в шуточные тона. Со словами «полюбим друг друга» он обращается к Тамаре, в образе которой соединяет черты двух лермонтовских героинь — царицы Тамары из одноименной баллады и княжны из поэмы «Демон»: Мы / общей лирики лента. / Я знаю давно вас, / мне / много про вас / говаривал / некий Лермонтов. Шуточно-фамильярная тональность сохраняется и в заключительной части стихотворения. Надо отметить, правда, что эта часть начинается фразой, которая в неависимом употреблении звучит как констатация не вызывающего сомнений факта (и неслучайно поэтому вынесена в название нашей статьи): К нам Лермонтов сходит, / презрев времена. / Сияет — «Счастливая парочка!». Люблю я гостей. Бутылку вина! Налей гусару, Тамарочка!

Целый ряд контекстов, включающих имя Лермонтова, выбран составителями Словаря из стихотворения Маяковского «Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот!» (1926). Это стихотворение — энергичный протест Маяковского против упрощенного толкования литературы прошлого, против попыток объявить Лермонтова «деклассированным интеллигентом». Написанное в ироническом ключе, не лишённое шуточного оттенка, оно рисует образ критика, который пытается «объективно» оценить Лермонто-

ва — с точки зрения его полезности новому обществу и соответствия современным ценностям: Перелистывая / авторов / на букву «эЛ», / фамилию / Лермонтова / встретя, / критик выясняет, / что он ел / на первое / и что — на третье ... В Лермонтове, например, / чтоб далеко не идти, / смысла / не больше, / чем огурцов в акации. / Целые / хоры / небесных светил, / и ни слова / об электрификации. Но, очищая ядро от фразерских корок, бобы — от шелухи лиризма, признаю, / что Лермонтов / близок и дорог / как первый / обличитель либерализма. Массам ясно, / как ни хитри, что, милюковски юля, светила / у Лермонтова / ходят без ветрил, / а некоторые — / и без руля. ... Любую строчкой вырванной / Лермонтов / доказывает, / что он — / интеллигент, / к тому же / деклассированный! Приведенные строки обнаруживают и межтекстовые связи произведений двух поэтов. Слова, которые произносит критик: Целые / хоры / небесных светил, ... светила / у Лермонтова / ходят без ветрил, / а некоторые — / и без руля — непосредственно восходят к строкам из поэмы Лермонтова «Демон»: На воздушном океане, Без руля и без ветрил, Тихо плавают в тумане Хоры стройные светил. «Интересно, — писал Маяковский после чтения стихотворения на одном из вечеров, — что мои язвительные слова относительно Лермонтова — о том, что у него “целые хоры небесных светил и ни слова об электрификации”, изрекаемые в стихе глупым критиком, — писавший отчет в “Красной газете” о вечерах Маяковского приписывает мне как мое собственное недотепистое мнение. Привожу это как образцу вреда персонификации поэтических произведений» [Маяковский 1969: 707].

«Овеянность» творчеством Лермонтова обнаруживается и в стихах поэтов-акмеистов: об этом говорят представленные в Словаре строки из Ахматовой и Мандельштама. Имя Лермонтова (как и имена его героев) появляется в стихах Анны Ахматовой разных периодов. И это едва ли случайно: в том, что ее интерес к Лермонтову «граничит с наваждением», признавалась сама поэтесса. Начало небольшого восьмистрочного «кавказского» стихотворения 1927 года строится на сравнении судеб двух поэтов: Здесь Пушкина изгнание началось И Лермонтова кончилось изгнание. В последующих строках развивается тема лермонтовского «демона», который называется не прямо, а перифрастически, однако с упоминанием имени героини Лермонтова — Тамары: И только раз мне

видеть удалось У озера, в густой тени чинары, В тот предвечерний и жестокий час — Сияние неуголенных глаз Бессмертного любовника Тamarы. Добавим, что названная тема возникает и в четверостишии 1961 года «Конец Демона», вошедшем в «Вереницу четверостиший» Ахматовой: Словно Врубель наш вдохновенный, Лунный луч тот профиль чертил. И поведал ветер блаженный То, что Лермонтов утаил. В этой яркой по своей образности поэтической миниатюре в едином потоке восприятия сливаются Врубель, Демон и Лермонтов.

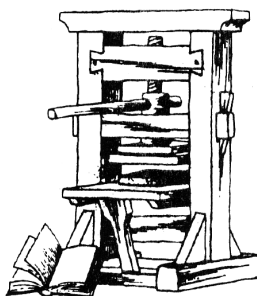
В Словаре приводятся контексты из стихотворений Осипа Манделштама, содержащие имя Лермонтов: «А еще над нами волен Лермонтов, мучитель наш»; И за Лермонтова Михаила Я отдам тебе строгий отчет, Как сутулого учит могила И воздушная яма влечет. Первый пример — это строки из последнего четверостишия стихотворения «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932). В нем только Лермонтова автор определяет «не предметно». Ср.: Дайте Тютчеву стрекозу., Веневитинову — розу., Боратынского подошвы., Фета жирный карандаш. Окрашивая стихотворение в шутиво-ироническую тональность, Манделштам оттеняет «мучительное и вместе с тем притягательное в лермонтовском демонизме» [ЛЭ 1981: 270]. Тот же мотив, усиленный трагической нотой, звучит и в других строках — из «Стихов о неизвестном солдате» (1937). Здесь фамилия и личное имя поэта даны в последовательности, присущей деловому стилю: И за Лермонтова Михаила, что придает стихотворению характер документа эпохи. (Заметим в скобках, что имя Михаил, по отношению к Лермонтову, из представленных в Словаре поэтов использовал только Манделштам.) Восходящее к «Воздушному кораблю» и «Демону» Лермонтова, стихотворение Манделштама содержит немало текстовых элементов, отсылающих к этим и другим произведениям Лермонтова, причудливо связывает образ неизвестной солдатской могилы с лермонтовскими космическими образами (ночь, звезды и др.). Ср.: Этот воздух пусть будет свидетелем ... До чего эти звезды изветливы! ... Как мне с этой воздушной могилой Без руля и крыла совладать ... Растяжимый созвездий шатер ... Слышишь, мачеха звездного табора, Ночь, что будет сейчас и потом? Следует сказать, что имена поэтов попадали у Манделштама и в шуточные стихи. Вот посвящение поэту Всеволоду Рождественско-

му: «Пушкин имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже. Сколь же ты будешь почтен, если при жизни твоей Десять Рождественских улиц!» Примечательно, что даже в этом случае использование эпитета пламенный создает далеко не шуточный образ Лермонтова. Отталкиваясь от материалов словаря поэтического языка, мы рассмотрели, конечно, лишь отдельные стихотворные фрагменты, объединенные именем Лермонтова. Обзор этих фрагментов убеждает в том, что таких разных поэтов, как упоминавшиеся нами, сближает интерес и к творчеству Лермонтова, ставшему предельным выражением русского романтизма, и к самой его личности, которую Лидия Гинзбург назвала «самой интенсивной личностью русской поэзии XIX века» [Гинзбург 1997: 376]. Отношение к Лермонтову как к живому поэту, дух которого не исчез из литературы, выражается в обращении к образам, мотивам, героям его произведений, в использовании строк поэта в виде цитат, широких аллюзий и реминисценций. С лермонтовским началом в поэзии Серебряного века можно связать, полагаем, те ее черты, в которых ясно просматриваются притяжение и продолжение поэтами новых поколений литературной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Андроников 1975 — Андроников И. Образ поэта // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. I. М., 1975.
Гинзбург 1997 — Гинзбург Л. О лирике. М., 1997.
Григорьев 2000 — Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.
ЛЭ 1981 — Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
Маяковский 1969 — Маяковский В. Стихотворения. Пьесы. М., 1969.
Русские писатели 1989 — Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А — Г. М., 1989.
СЯРП 2001–2013 — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–V / Отв. ред. В.П. Григорьев, Л.А. Шестакова. М., 2001–2013.
СЯРП 2013 — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. IV: Круг — М / Отв. ред. Л.А. Шестакова. М., 2010.
Шестакова 2006 — Шестакова Л.А. Михаил Лермонтов в русской поэзии XX века // Русский язык в школе. 2006. № 6.

ДЕБЮТ

Ная ЦОЙ

ЗАУРЯДНЫМ РАСТВОРОМ ЛЮГОЛЯ

Заурядным раствором Люголя,
Бромкрезоловой зеленью едкой
Я рисую безмолвное поле,
А на нем — грезы тоненькой веткой.

Что поделать: ни красок, ни кисти.
И пусть мир не поймет и не примет.
Непреложных, действительных истин
У меня ведь никто не отнимет.

Если только чуть-чуть постараться,
Желтый даст краснота фталеина.
Это просто и правильно, братцы:
Пусть хоть здесь не зияют руины,

Не кипит кровь на стертом прикладе,
Не звенят над усопшим кадила.
Наконец на безжизненной глади
Загорелось живое светило.

Его больше не ранят борей.
Ощутимо, играет мазками.
Как еще, расскажите скорее,
Можно солнце потрогать руками?

Набросать что ли радуги дуги?
Не сулит счастья стылая вечность.
Через эти труды и потуги

52 Я пытаюсь найти человечность...

ТЕАТР ВОЙНЫ

Правда часто с лихвою дурашна.
Было живо, а стало мертво.
Не успелось быть больно и страшно,
Не успелось совсем ничего.

Долог путь из прозрения в кому,
Тихий шаг из насущного в сны.
Мне ведь раньше совсем по-другому
Представлялся театр войны:

Благородные рыцари в шлемах,
Крестоносцев тугие ряды.
А сейчас — черный герб на эмблемах,
Бесконечные пути вражды.

Купол неба промяк под ногами,
Подавившись кровавой слюной.
За какие вершки с корешками
Я здесь в землю врастаю спиной?

Я — нигде. Ни на что не похожий.
Что мне пряник? Что след от хлыста?
Не смотри на меня ты, прохожий.
Меня скоро сожрет пустота,

Или нет — разберут на детали.
Мне ответь на вопросеж живой:
Я за чьи ордена и медали
Прорастаю здесь дикой травой?

Ветер вольный лицо опалает,
Пустоцвет вместо подлых вериг.
Перерезанных глоток гуляет
Изуверски изломанный крик.

Все — никак. Ни отлично, ни худо,
Ни порвется, ни склеится нить.
Я, мать вашу, за что и куда
Буду здесь обесславленно гнить?

Сергей ВОЛКОВ

* * *

Ребус несуществующего слова
Разгадываем с помощью пыльных книг.
История переписанная заново и снова
Теряет безобразно-истинный лик!
На что опираться теперь поколению НЭКСТ?
Чьих ошибок нельзя допустить?
Правдивое слово в лживом контексте
Как же теперь определить?
А мне то что! Дело простое!
Я мелюзга, а стадо большое!
Что мне рыпаться, из кожи лезть вон
Накоплю немного на новый айфон
Да на кухне люстру замену на плафон.

* * *

Не вырубайте живые ели!
Там прячутся звери от сильной метели!
Не покупайте живые ели!
Чтоб не замерзли лесные звери!
Вы в квартирах и дело все в том,
Что животные тоже имеют дом!
Аромо масла “Запах хвойного леса”
Пойдите купите в аптеке! В довесок
Дадут земляничный, вам, тут же сироп
Чтобы век не болеть, хоть и пахнуть как клоп!
А Дети будут рады подаркам под елкой из пластика!
И звери в пушистом лесу или парке останутся счастливы!

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Правильно расшифрованные сны,
Подобны выбору маршрута на линиях метро.
Созерцая картины будущего ли,
Лёгким воспоминанием падают карты Таро
На стол судьбы
Параллельные миры
Дороги – пути
Точки над “ i “

Случайностей нет! Давно просчитаны ходы
Математической формулой программиста.
Мы являемся мизерной частью этой игры
И Нам уже не остановиться.

Параллельные миры
Дороги – пути
Точки над “ i “

Глаза в телескопы, умы в расчеты
Воображение в рамках созвездия летает,
Если нам не открыты знаний ворота-значит Вселенная
сама себя еще не знает.
Значит строить нам корабли межпланетные,
Дышать полной грудью звёздной пылью,
Тысячи лет не спать от мысли,
Что дом ветхозаветный,
Для потомков уже становится былью.
Легенды о маленькой голубой планете
Складно сольются в стихах поэтов:
Сказки о теплом солнечном свете
Под небом единым Вечное лето.

Наталья ЗОЛотова

* * *

Венчание тем, где между тем
Трубят победы трубы ТЭЦ
Над крышами, где детство спряталось
В ударах, от жести молотка.
А что тогда мне говорил отец?
Сбиралось на губах в обводах тонкого желтка...
Затихло, замолк тот прежний отражённый шум.

* * *

Сны тёплые, нашедшие прибежище в строках
полузабытых глав
И в комнате холодной, где запылен, стоит стеллаж.
Ты долго спишь, потом, вскочив, бежишь почти стремглав,
За вскриком подлинного, на поиск несусветных лаж.

Так день спеша уходит и стих его ажиотаж
Таща с собой уж никому не нужные пожитки.

Но ты вернись домой, не торопясь, попробуй, поднявшись на этаж
Увидеть, как твои на ладан дышат пережитки.

* * *

Обломок, кусочек середины лета,
Всплывёт зачаток, образ, пора бы ставить точку.
И рыбаки маячат в море где-то,
А я же всё ловлю не ловленную строчку.

* * *

Какая разница разнится.
В каждом колесе поломанная спица.
И в голосе своём на улице поёт синица.
А мне опять не спится, всё снится Ницца.

Ольга ЯШИНА

ПИСЬМО БОГУ

К небесам святым через край
У меня накопилось вопросов.
Не про ад, не про сказочный рай-
Я не буду совать туда носа.

Я хотела бы много спросить
И узнать, конечно, ответы.
Не о том, как правильно жить,
Не про зиму и не про лето.

И судьбу свою знать не хочу,
И прошу не себе же я счастья,
Ведь за знания много плачу,
Впереди все предвидя ненастья.

Я пишу прямиком тебе, Бог.
(До небес не могу докричаться)
Почему ты когда-то смог
От детей своих отказаться?

Почему допустил ты войну?
Не одну — сколько пролито крови!
Никогда, никогда не приму,
Что отрёкся ты от любви.

Как ты можешь смерти отдать
Молодых иль совсем не рождённых?
И всю жизнь заставляешь страдать
Вдов, сирот, калек, обделённых.

Почему человеку без ног
Не подарить возможности бегать?
Всемогущий, ведь ты же Бог!
Почему так не можешь сделать?

И за что насылал ты чуму
На своих сыновей и дочек?
Ты же любишь людей... Не пойму..
Ну ответь, загляни в мой листочек!

Знаю, Бог, у тебя много дел.
Как управиться с этаким грузом?
Но однажды ты сам захотел
Нас создать. Теперь мы в обузу?

Тебе молятся тысячи душ,
Ожидая ответы с неба.
Возлюби людей, не разрушь
В тебя веру. Пошли нищим хлеба!

Исцели всех больных на земле
И сердца очисти от злости.
А тем временем, там, в вышине
Вверх взлетели игральные кости.

* * *

— Я не люблю тебя. Прости.
Удар под дых, но я прощаю.
— Прости, но нам не по пути.
— Ищи свой путь. Я отпускаю.

— Прости. За всё меня прости.
— И ты прости, и я прощаю.
Как жаль, что нам не по пути.
Как жаль!.. Иди. Я отпускаю.

Софья ВАХНИНА

* * *

Звезды с неба не падают просто так,
Чудеса не случаются просто вдруг.
Ты для них или трудишься, как батрак
Или это аванс за грядущий труд.

Потому что не можем мы дорожить
Тем, что было получено без труда.
Чтобы что-то забрать, прежде положи.
Это было, и будет, и есть — всегда.

Ты не злись, не завидуй и не смотри —
За удачу свою я плачу с лихвой.
Ты не знаешь, как плакала до зари,
Как не слышала голос усталый свой.

Не смотри, не завидуй, не замеряй,
Сколько, что, для кого, кто, когда и где.
Помнишь, Бог и разбойника принял в рай?
Почему? Но решать это не тебе.

Правда в том, что на тысячи человек
У Него нет единой шкалы заслуг.
Мера каждому есть. И пребудет в век.
Чудеса не случаются просто вдруг.

* * *

Знаешь, предвиденье — это проклятье!
Если ты видишь, что завтра нас ждет,
Мысли твои смертоносною ратью
Тянут судьбу, и судьба всё идет

По одному из возможных маршрутов...
Волей-неволей — увиденный ход
В жизнь воплотится... Вот видишь, как жутко:
Верить, что знаешь ты всё наперед?

Вдруг неприметная узкая тропка
Там поджидала тебя на пути,
Чтоб провести, где туманно и топко,
Дальше позволив спокойно пойти?

Нет же теперь никакого сюрприза.
Если среди множества чудных дорог
Слушая страхи свои и капризы,
Выбрать одну ты уверенно смог.

Словно бы всё решено до рожденья,
Словно ты молча покорен судьбе!

Знай, лишь одно не подвергнуть сомнению:
Верить в беду, значит, сбыться беде...

ДОМА

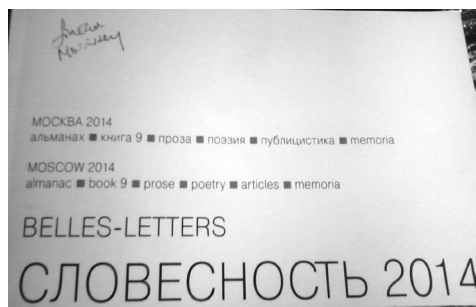
Унеслись десять дней, словно пестрая птица,
И за ней меня в небо несет самолет
Снова в город, где сны перестанут мне сниться,
Где на дно моя слабость опять уплывет.

Там забуду веселую легкость безделья,
Теплый запах из кухни и солнце в окне.
Там не буду я нежиться в белой постели,
Дождаясь, что мама присядет ко мне.

Белоснежный покров, одевающий сопки,
Променяла на серость чужих облаков.
И я плачу не с горя, пугливо и робко,
А от счастья, что дома во веки веков

Меня любят и ждут. И в любую минуту
Обогреют и снимут всю тяжесть забот.
И я в сон провалюсь, где я снова Сонюта,
Как нигде меня больше никто не зовет.

МАСТЕРСКАЯ

Наталья РОЖКОВА

И В ЧИСТЫЙ ЛИСТ ВСТУПАЕТ НАЛЕГКЕ...

Илья Тюрин

Обзор самотека

Не так давно в нашем альманахе появилась рубрика «Новые литературные знакомства», представившая читателю талантливых, «неизведанных доселе» авторов. Редколлегия альманаха постоянно получает рукописи стихов, прозаических произведений, эссеистику... Почему-то вспоминаются давние годы моей работы в должности зам. зав. отделом поэзии журнала, когда каждый день, открывая шкаф с огромными папками, я погружалась в мир того или иного страдальца, поделившегося сокровенным. От одних страниц исходил запах крепкого табака, от других — изысканных или дешёвеньких духов, от третьих — прошу прощения, воблы... И всегда представлялось лицо человека, выведившего эти строки, думалось о его характере. Сейчас всё поместилось в компьютере, и лица сложнее представить, следовательно, можно сосредоточиться только на творчестве. Ан нет! Всё же вижу личностные очертания, хотя запретила себе читать биографии.

Хотелось бы начать с «молодых», хотя не понимаю этого определения. «Молодой писатель» — это тот, которому ещё нет 35, как принято считать? Или 30? Или 25? А может быть, это тот, кто, независимо от возраста, недавно начал пробовать себя на литературном поприще? Нет ответа.

56 Однако, читая стихи нынешних молодых, обратила вни-

мание на следующий момент: они, за редким исключением, делятся на две линии: «Ильи Тюрин» и «Алексея Шадринова». Так звали выдающихся поэтов нашего времени, которым был отпущен очень короткий срок на Земле: оба прожили едва девятнадцать лет. Первый утонул в 1999-м, второго довели до самоубийства в армии в 1993-м. И хотя прошло уже немало лет после их трагического ухода, и многое изменилось в обществе, во внутренней и внешней политической ситуации, практически все сферы жизни затронул Интернет, отголоски этих двух линий ощутимы. Ничего плохого в этом не вижу, и отнюдь не стремлюсь упрекнуть нынешних «молодых» во вторичности. Образы двадцатичетырёхлетней Евгении Мильченко из Самары — метафоричны, в них, как и в стихах Тюрин, каждая грань бытия может повернуться неожиданной стороной, как во сне, или на сюрреалистическом полотне, внушить страх или восхищение:

*Мне грезилась в нависшей тишине
напевы капель в старом водостоке,
как ветер, вспоминая обо мне,
шептал, порезавшись об острый край осоки,
как постепенно вкрадываясь в кровь,
дрожала жалоба беспомыслия осины,
как пахла плугом вспоротая нощь,
как из долины приходили сны
в туман болот и в гиблые трясины —
в весну, где я из глины тишины
вылепливаю голос окарины.*

Окарина, если кто не знает — древний духовой музыкальный инструмент, глиняная свистковая флейта...

Перейти к следующей возрастной категории оказалось не так просто: сколько лет запомнившемуся автору, неизвестно. Умеют дамы скрывать, хотя на фотографии — молодое и красивое лицо. Поэтому будем руководствоваться другим критерием. Рукопись пришла из Дальнего Зарубежья. Елена Грозовская — поэт, прозаик и художник. Живёт в Швейцарии. Её стихи не растворились в избитых ностальгических мотивах, и похожи на дуновение живого, весёлого ветра:

Меняю город — на залив,
Хоромы княжие — на домик,
«Шанель» — на запах свежих слив,
Счёт в банке — на затёртый томик

Любимой Беллы. Как же мне
Не осенить лица рукою,
Когда безверие в вине
Сменю на солнце за рекою?

И в хрупкий рай на Лиль Жардан,
Там за мостом в цветочном иле,
Пчелюю жёлтой по лугам
В сиренью пахнущем ионе,

Неспешно залечу, жужжа —
Над водной гладью зависая,
Под крышу старого сарая
В окно второго этажа.

Обещала не читать биографии, но не могу не процитировать аннотацию следующего автора из города Сочи: «Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним — Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника». (Салтыков-Щедрин, если помнится, тоже служил в Министерстве внутренних дел). Такая судьба, в которой во многом отразилась история страны, подвигла автора к написанию сказок — мудрых и забавных, где под видом орлов и пескарей, зайцев и кроликов, фигурируем, конечно же, мы с вами. Меня больше всего тронула история черепахи Тиллы, желавшей летать. Мечтательница уговорила птицу-Грифа поднять её в небо:

«Ярко сияло солнце, создавая вокруг праздничную атмосферу. И летела Черепаха под восторженный гул леса, задыхаясь от счастья.

На вершине счастья слишком мало места, чтобы там можно было задержаться надолго. Рано или поздно приходится спускаться.

Удар о камень завершил земной полёт Тиллы. Правда, полёт продолжился сквозь возникшую откуда-то тьму к далёкому искрящемуся свету...»

И вновь — возвращение к «молодым». Завершить эти заметки мне бы хотелось небольшим эссе Сергея Уткина из Санкт-Петербурга:

НЕСЛЫШНЫЕ МИРУ СУДЬБЫ ИЛИ ОКЛИКАЯ ЖИЗНЬ

Пожалуй, каждый пишущий человек, беря приступом слов новые и новые страницы, надеется произнести себя громко и внятно, быть услышанным, прочитанным или даже заученным фрагментарно. И это не графомания величия, а честное желание искреннего перед бумагой, буквой и словом, перед своим грядущим читателем, человека.

Да, сейчас, в эпоху постмодернистского отверившего сознания, сложно надеяться на появление новой литературы, рождённой светлым порывом изменить мир. Вглядываясь в историю литературы последних десятилетий, с писательским профессиональным ужасом замечаешь масштаб глухоты общества, масштаб тугоухости жизни, масштаб неповоротливости, неодолимости этого ленивого душой безверия. Сложно надеяться недавно начавшему литератору на вескость своих слов хотя бы в будущем, на внимание к ним и, тем более, на послушание им, когда до него так громко прожили, такие судьбы одолели писатели общероссийского или всемирного уровня, вроде Александра Солженицына и Александра Зиновьева, так и не услышанные своей страной, не нужные ей к концу своих жизней, посвящённых поиску правды и пути России.

Какое уж нам окликать эту неодолимость, это агрессивное, взбешённое безверие, эту разудалую вольницу культа плоти, здоровья, силы и денег! А окликнуть, прикрик-

нуть на неё хочется, и ты с трудом понимаешь, проходя по улице, по жизни, в молчаньи ли твоём бессилие трудности или в окрике бессилие обезумевшего, сорвавшего жизнью нервы человека?

Станислава ДОРИНА

КАМЫШОВАЯ СОЙКА. ШЕЙМАС И ШИНЕЙД

Однажды при подготовке к реферату я рылась в маминых папках с вырезками — охота была блеснуть чем-нибудь, чего нет в Интернете, и случайно наткнулась на несколько стихотворений. Они не были связаны с моей темой, но почему-то сразу запомнились. Странички, примерно формата А5, бумага глянцевая, удивительно белая, на ней стояла дата: № 1-1979.

— Откуда это? — спросила я маму.

— Из журнала «Англия», — ответила она. — Он, кстати, в обычных киосках не продавался, я купила его в райкоме партии, когда ещё училась в школе. Поэт этот потом к нам приезжал в 1985-м на фестиваль. И хотя он Нобеля получил, его книги на русском языке стали выходить совсем недавно.

Имя поэта — Шеймас Хини. Ирландец. Лауреат Нобелевской премии 1995 года. Родился в 1939, умер в 2013. В августе прошлого года ему бы исполнилось 75. Я разыскала некоторые вещи Хини, и представила себе, как поэт размышлял, стоя на берегу залива, глядя на безбрежные просторы океана. Прошлое, вызываемое им из небытия — северный мир викингов XI-XII веков, который простирался на запад до Шотландии и Ирландии, на восток — до России и далеко на север до Исландии и Гренландии:

СЕВЕР

*Я вернулся туда,
где в подкову залива,
бьёт Атлантики вал —
мерно и терпеливо.
Я глядел в эту даль,
где скрывался исландский
скудный берег... И вдруг*

*из глубин океанских
те свирепые воины,
что под дюнами Дублина
спят в ладьях погребальных —
иль, врагами изрублены,
успокоились, рядом
с обломком меча, —
ярим взором сверкая
в талой влаге ручья,
эти викинги мёртвые,
в запоздалой печали
из тумана воззвали ко мне
и вещали:*

*«Молот грозного Тора —
о стыд, о бесчестье! —
откачнулся к торговле,
блудодействию и мести,
к лицемерью в совете,
заросшему жиром,
к передышкам резни,
величаемой миром...
Так заройся, певец,
в свою норку, свернись там,
мозговитым клубком,
горностаем пушистым.
Сочиняй в темноте,
где живут только тени.
От полярных сияний
не жди озарений.
Зренье не оскверни
светом ярким и жёлтым,
доверяйся тому,
что на ощупь нашёл ты.
(Перевод Г. Кружкова)*

В другом варианте перевода концовка такая:

*Взора ясность храни,
Как сосулька воздуха каплю.
Верь рукам, что нашарят
Корявую драгоценность.
(Перевод соотечественника Хини, главного редактора журнала «Англия» Т. Неда)*

А вот по-настоящему лирическое стихотворение:

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

*Щеколда откинута — и узкий луч
Разрезает невидимый двор.
Они минуют золотой коридор
И тихо уходят в ночь.
Лужу, булыжник, ступени и дверь
Освещает искусственный день.
Но девушка возвращается — тихая темь
Стирает видимый двор.
(Перевод А. Кистяковского)*

Эти целомудренные строки писались, когда в Европе становилась сексуальная революция. Первый сборник Хини назывался «Смерть натуралиста», в стихотворении, давшем ему название, автор описывал, как в нём самом перестал жить счетовод природных явлений, поскольку природа задала ему непростые задачи. Это не декларация, а новый поэтический сюжет: непосредственного углублённого общения с природой, живой по-человечески:

*«Соловей Ирландии,
камышовая сойка,
малая птичка с лужёной глоткой...»*

Приведу фрагмент большого стихотворения, пронизанного неверием в смерть друга:

*Помнишь, как ты мне в бокал
Водку с перцем наливал
В массачусетской глуши —
Для согрева, для души?
Как любил ты шутки звон —
Брысь, политкорректный тон!
Гладил ты не по шерсти
С вечным кэмелом в горсти...
Не вернуть ни смех, ни пыл —
Как стихи ты важно выл!...
(Перевод Г. Кружкова)*

Друг этот — Иосиф Бродский.

Я вспомнила о Шеймасе Хини, когда увидела афишу в парке искусств «Музеон»: «10 августа. Литературное воскресенье. Встреча с ирландской поэтессой Шинейд Моррисси». Не поленилась глянуть в Интернет. Вот что прочитала: «Шинейд Моррисси (род. 1972) — одна из наиболее ярких представительниц современной британской поэзии и лауреат престижной литературной премии им. Т.С. Элиота 2013 года. Последний сборник её стихов “Параллакс” назван критиками “подлинным триумфом” за тонкий лиризм, безупречный язык и “политическую, историческую и личную амбициозность”». С 2007 читает лекции в Центре поэзии имени Шеймаса Хини в Белфасте». Когда 15-летняя Наташа Рожкова трепетно вырезала стихи чудесного ирландца из журнала «Англия», его творческая наследница пошла в первый класс...

И вот мы в «Музеоне». Прекрасная солнечная погода, цветы, удивительная атмосфера нашего любимого Парка искусств, где прошло моё детство, начиная с коляски. Зал под открытым небом непривычно заполнен. Люди слушают стихи. И памятники тоже слушают. Хрупкая Шинейд — с хматовским профилем и цветаевской чёлкой, удивительно искренняя, с естественной, не фальшивоголивудской улыбкой, читает ранние и новые вещи, отвечает на вопросы. Дедушка и бабушка поэтессы состояли в коммунистической партии Северной Ирландии и дважды побывали в Советском Союзе, поэтому и творчество Моррисси во многом посвящено России. В поэзии нет санкций!

— Мама, подойди к ней, — говорю я, когда встреча завершается.

Ох, и любит мать прикидываться застенчивой!

— Да ладно...

Но подходит. Через десять секунд слышу, как залиристо хохочут обе. Долетают обрывки фраз: «the Union of writers» (в английском слова «литератор» и «писатель» обозначаются одинаково) и «almanac Literature»... Жаль, стемнело, а у меня на мобиле вспышки нет, и фоткнуть не получится, как Шинейд приветствует Союз литераторов и ставит автограф на нашем альманахе «Словесность».

Мама, придя домой, сразу берётся за одно из произведе-

дений, которое ей на слух понравилось: кстати, на вечере переводились только ответы поэтессы, а стихи — нет, жаль всё-таки, что я учу французский... Получилось нечто, так похожее на оригинал, как фильм «по мотивам». Но мне нравится. Итак, Шинейд Моррисси, перевод Натальи Рожковой:

*Такой немислимой зимы,
Грызущей воздух
Безжалостно, железными зубами
Мы не видали ранее.
И Белфаст
Был холоднее, чем Москва.
Луна качалась
Фонариком китайским, и ломались
Её лучи от синего мороза.
Срывал перчатки ветер, и пытался
Ворваться в дом; спасенье приходило
Лишь в комнате, обставленной цветами,
Они воспоминанием о лете
Казалось, убаюкивали нас.
И даже кашель нашего сынишки,
Внезапно разрезавший тишину,
На два куска неровных,
Становился
Чуть мягче и чуть реже.
Направленья
Земля меняла.
Тихо, величаво
Всё ближе
Разворачивалась к Солнцу
Для нас пока совсем
Не ощутимо.*

Моррисси предполагает поработать в российских архивах, чтобы узнать побольше о своей семье. Так что ещё увидимся, милая Камышовая Сойка!

ДРАМАТУРГИЯ

Полина БАБУШКИНА

КАК МЫ УБИВАЛИ ДЯДЮ ВАНЮ

Драма в трех действиях

Действующие лица:

Вера, 19 лет, студентка медицинского училища

Надя, 20 лет, подруга Веры

Катя, 9 лет, сестра Веры

Люба, 43 года, тетка Веры

Дядя Ваня, 45 лет, муж Любы

Илья, 21 года, ухажер Веры

Действие разворачивается в Ленинграде конца 1960-х в течение одних суток. Пасмурный и ветреный октябрь. Безлюдные серые дворики.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1.

В центре дворика детская площадка. На карусели-вертушке сидят и крутятся две девушки.

Вера. Мне точно идет этот беретик? Точно?

Надя. Ну сто раз тебе говорила! Сто первый сейчас повторю — идет! Идет тебе, Верка, этот берет! Хватит уже

спрашивать!

Вера. Ты ведь понимаешь, как для меня это важно. В первый раз всю стипендию на вещь спустила. Всю стипендию! На берет!

Надя. Ну и молодец! Будь наконец девушкой! Следующую спустим тебе на косметику! Вон, губ совсем на лице нет! Помаду купим!

Вера. Нет-нет! Следующую точно сберегу! На что же мы с Катей кушать иначе будем?

Надя. Ну а сейчас вы на что кушать будете?

Вера. Сейчас папа с Севера немного денег прислал. Но на это бессмысленно все время надеяться... Мы такой сюрприз получаем третий раз за полтора года...

Надя. А почему не каждый месяц высылают?

Вера. Ну, видимо, он и себе там откладывает... Ему же тоже жить надо!

Надя. Не смей меня! Одному мужику нужно больше, чем двум женщинам? Тем более, одной на выданье, а второй подрастающей! Если только он непьющий, а коли пьющий — так и всех денег мира ему мало будет...

Вера. Не пьет он там. Работать поехал, некогда ему пить. К тому же обещал завязать. Спасибо и на этих копейках, хоть как-то спасают.

Пауза.

Вера. Это я что ли на выданье?

Надя. Ну не Катя же! Ребенку девять лет!

Вера. Ааа...

Надя. Берет-то мы зачем покупали? Не забыла?

Вера. Берет... Октябрь холодный. Ты мне, кстати, колготки одолжишь, пока не куплю новые? В этих уже невозможно ходить, все в дырках — устала подшивать...

Надя. Да дам я тебе колготки! И можешь не возвращать! Причем тут это вообще? Мы два часа выбирали берет, потому что октябрь холодный? Мы смотрели, какой больше под цвет глаз подходит, чтоб ушки лучше грело? А?

Вера. Я, кажется, поняла, к чему ты клонишь!

Надя. Да неужели! Вот и славно! Вы встречаетесь в семь?

Вера. Да. Ровно.

Надя. А где?

Вера. У нас здесь, во дворе!

Надя. Ой, какая прелесть! Я хоть из окна на него погля-

жу! На красавца писаного!

Вера. Посмотри... Он хороший.

Надя. Ну дай Бог, чтоб таким и остался. Замуж бы пошла за него?

Вера. Пошла. Отчего нет? Он очень... мужчина. На последнем курсе медицинского.

Надя. Так бы и Катюшку воспитывали!

Пауза.

Вера. Да... хоть не в нашей коммуналке, а в нормальной двушке! У него большая квартира. Его собственная!

Надя. (с иронией). А ведь как все невинно начиналось. С беретика...

Вера. Прекрати!

Надя. Как ты хоть с ним познакомилась? Я все не уясню, как таких парней подцепляют!

Вера. А смешно вышло. Он обознался. Окликнул меня чужим именем. Я обернулась... Он извинился, так и сложился диалог... Ну а там уж и все остальное.

Надя. А как позвал-то?

Вера. Люба! И еще раз настойчиво так: «Люба!». И подбежал ко мне даже!

Надя. Странно. Сколько прихожу к вам в училище, еще ни разу не встречала там девушек на тебя похожих... Люб...

Вера. И я! Знаю только одну Любу, с которой мы, как две капли.

Пауза.

Надя. Ты ждешь, что я скажу: «Знаю Любу, с которой вы, как три капли!»? Не молчи. Что за Любовь?

Вера. Тетка моя. Любовь Николаевна. Мы все по женской линии очень похожи. Невыносимо. Катюшка подрастет — убедишься.

Надя. Тетя ходит к тебе в училище? Как это мило!

Вера. Не говори глупостей. Я ее видела последний раз полгода назад, когда маму снова посадили. В суде видела. Ладно, Надь, сейчас всякие нелепые домыслы ползут в голову. Я пойду домой. Нужно Катюшке приготовить ужин.

Надя. Главное, чтоб тебе сегодня твой кавалер хороший ужин устроил!

Девушки расходятся по подъездам.

СЦЕНА 2.

Комната. Заходит Вера с кастрюлей в руках, прячет ее под одеяло. Раздается три подряд звонка.

Вера (*кричит в коридор*). Софья Ивановна, откройте, пожалуйста! Может, Катю со школы раньше отпустили. Заходит тетя Люба. Ярко покрашена, пышные светлые волосы высоко забраны. В зеленом пальто. На лице ее испуг. Губы дрожат в попытках улыбнуться.

Вера (*окаменев*). Здравствуйте.

Люба. Здравствуй, моя девочка! Давненько мы не виделись... Забыла ты тетку свою...

Вера (*спокойно*). А тетя племянницу не забыла?

Люба. Что ты! Каждый день о тебе да о Сашке думаю...

Вера (*холодно*). О Катюшке...

Люба. Да-да! Как живете? (*Снимает пальто*).

Вера. Не жалуемся. Катя в третий класс ходит. Самостоятельная. В нашей семье иначе нельзя. Отец иногда высылает деньги, а так — на мою зарплату и стипендию живем.

Люба (*чувствует неудобство, рассматривает внимательно комнату*). Ммм... совсем взрослая стала. Работаете...

Вера. Бани мою вечерами. По сменам. Катя тоже повзрослела.

Люба. А папашка ваш, алкашка, много денег-то высылает?

Вера. Хватает. Кате в школе дают бесплатные обеды, как из неблагополучной семьи.

Люба. Ой, как звучит некрасиво!

Вера. А как должно звучать, когда мама алкоголичка в тюрьме, отец алкоголик на Севере работает?

Люба. Ты будто залишься на меня, Вера.

Вера. Я не злюсь, просто вопросов лишних не люблю. Вы же знаете, как мы живем! Чего спрашивать!

Люба (*присаживаясь за стол*). Я тоже невесело живу, Верочка. Без копейки сижу... Хожу, как нищенка...

Вера. И мы не из княгинь.

Люба. Ну так вот. Помнишь, когда мать твою второй раз посадили, я тут ее кофты перебирала и себе забрала три штучки? Тебе они велики были...

Вера. (*перебивая*). Они мне были в самый раз.

Люба. Да велики! Велики! Что ты, тетке не веришь? Я думала опять в сестрицыном шкафике порыться, а то ходить мне совсем не в чем... лохмотья одни...

Вера. Там пусто. Она в последний раз все пропила. Еще мое пальто заложила. Я до сих пор в летней куртке хожу.

Люба. Ой, детка, как мне тебя жаль. Значит, мне от сестрицы ничего не перепадет... (*встает*). Пока не забыла! Я же принесла вам булочек! (*достает две булочки из сумки*) Как вас тетя любит! Купила не просто сдобных уток, а тех, что с изюменным глазком. Аж на пять копеек дороже! Как вас тетя любит!

Вера. Спасибо.

Люба. А вы вот ничем тете не поможете — так вы ее любите!

Вера. В прошлый ваш приход я вам туфли отдала. Единственные мои на каблучке! На время поносить!

Люба (*надевая пальто, повязывая шарфик*). Не бубни! На время, на время! Потерялись они! Говорила ведь уже! Это же туфли — вот и потерялись! (*Приспально рассматривает комнату. Замечает беретик на стуле*) Верочка!

Вера. Сегодня купила.

Люба. Он же под мои глазки! Видишь? (крутит берет). Дай на пару выходов.

Вера. Простите, но я не могу... Мне он сегодня очень нужен. Очень.

Люба (*тихо размышляя*). Сегодня — замечательно! (*громче*) Ой, все! Не ворчи! Булочки мои убери в хлебницу, зачерствеют так.

Вера. (*убирает булочки*). Невозмутимая.

Люба. Ну, молодежь, арэвуар! Сааа... Катюшке привет! (*Уходит.*)

СЦЕНА 3.

Вера идет к шкафу, достает серое платье. В комнату заходит Катя с портфелем.

Вера. Катюша! А я как раз кашку сварила. Хочешь? Горячая еще.

Катя (*раздеваясь*). А сильно горячая?

Вера. Ну она остынет, пока я накладываю.

Катя. Тогда давай. Если остынет.

Вера. *(доставая кастрюлю из-под одеяла).* А в школе что ты сегодня кушала?

Катя. Хлебушка.

Вера. *(насторожившись).* А еще что?

Катя. Хлебушка с солью.

Вера. Это был весь твой обед?

Катя молча кивает.

Вера. Катя, ты мне можешь объяснить нормально, в чем дело? С каких пор в школе на обед детям дают хлеб? К нему хоть вода прилагалась?

Катя. Мой обед забрал Стас.

Вера. И почему это?

Катя. Он сказал, что все платят за обед, а я не плачу, значит, я не должна его получать.

Вера. *(накладывая кашу в тарелку, звонко ударяя ложкой).* Вот звереныш. Ты подумай! Он будет решать, что ты должна, а что нет. Как он вообще узнал, что мы не платим за школьное питание!

Катя. *(усаживаясь за стол).* Может, услышал.

Вера. Вернее — подслушал. Ладно, Катенька, ты ешь кашку. Совсем холодной будет *(подходит к платью).*

Катя. А зачем ты платье достала?

Вера. Я сегодня иду на встречу.

Катя. А с кем?

Вера. С молодым человеком.

Катя. А куда?

Вера. На ужин. В ресторан.

Катя. Настоящий?

Вера. Настоящий.

Катя. С музыкой и белыми скатертями?

Вера. Да.

Пауза.

Вера. Откуда ты знаешь такие подробности?

Катя. А у нас Наташка Кочеткова с родителями в такой ходила. Они отмечали папин день рождения.

Пауза.

Катя. Вер, а ты танцевать будешь?

Вера. Зачем это?

Катя. Ну там же музыка будет. И ты такая красивая. В платье *(грустно вздыхает).*

Вера. *(замечая досаду сестры).* Когда я вернусь, мы с тобой дома устроим танцы. И две такие красивые как запляшем!

Катя. *(радостно).* Честно?

Вера. Слово старшей сестры.

Катя. Тогда я сейчас косички расплетать не буду, а расплету их вечером, к твоему приходу, чтобы волосы волнились. Так красивее танцевать!

Вера. Договорились. В семь я встречаюсь с Ильёй, а в десять точно буду дома.

Вера. *(надевает платье).* Катя выскребает ложкой последние капли каши.

Катя. А мы соседей не разбудим?

Вера. Мы тихонько музыку включим. Тем более, завтра выходной *(расчесывается у зеркала).* Кстати, в хлебнице две булочки. Скушай их на полдник!

Катя. Хорошо, что мы тебя постригли.

Вера. Почему?

Катя. У тебя раньше просто волосы были...

Вера. *(смеясь).* А сейчас у меня не просто волосы? Я вообще как выгляжу?

Катя. Ты лучшая.

Вера. *(накидывает курточку).* Сейчас я тебе еще кое-что покажу! Эх, что я купила! Катюшка, я на эту обновку всю стипендию спустила. Сейчас оценишь!

Вера. тревожно осматривает стул, на котором оставила беретик — его нет. Она нервно начинает метаться по комнате. Слезы выступают на ее глазах.

Вера. Украла! Ты подумай! Украла! *(плачет)*

СЦЕНА 4

Вера. сидит на скамейке. Все лицо ее мокрое. Надя перед подругой беспокойно ходит взад-вперед.

Надя. Вера, ты так и будешь рыдать? Объясни, пожалуйста, в чем дело! Десять минут назад по телефону ты хотя бы говорила членораздельно!

Вера. Сегодня никуда не пойду.

Надя. Пойдешь-пойдешь! Как миленькая!

Вера. У меня украли берет.

Надя. Как украли? Когда украли? Мы же, как разошлись, ты из дома не выходила!

Вера. Дома и украли.

Надя. Ааа... это соседка, поди? Лидия...как ее там? Да?

Вера. Нет, это тетя. Родная тетя.

Надя. Та самая Любовь Николаевна?

Вера. Та самая.

Надя. Так она же к вам совсем не ходит...

Вера. Ходит, когда деньги нужны или еще что.

Надя. Вот дрянь! Ну не дрянь ли! Сестре ни разу передачку в тюрьму не снесла — ты все бегаешь каждую неделю, так еще и племянниц грабит! Нет, чтоб помочь. Дрянь!

Вера. Я бы маме и каждый день передачки носила, если б можно было.

Надя. Не говори ерунды.

Вера. Это не ерунда, она моя мама.

Надя. Мама? Которая идет в магазин за молоком, а приходит через месяц, если, дай бог, в тюрьму не забрали! А вы с Катей сидите и ждете, когда мама хлеб принесет, когда мама картошки купит, когда мама с солью от соседки вернется! И сестрица ее в ту же степь! Девчонкам еле-еле на прожитье хватает, так нет — нужно еще хапнуть что-нибудь! Фу! Гадость!

Вера. Надя, не горячись ты так!

Надя. Я тебе все честно выкладываю, как есть! Сама посмотри правде в глаза!

Пауза

Надя. У моей мамы завтра привоз товара. Ты приходи к полудню, она тебе небольшую палочку колбасы оставит.

Вера. (возникая). Надя...

Надя (перебивая). Вот молчи! Ладно. Почему на свидание сегодня не идешь?

Вера. Так беретика же нет! (Плачет) А это вся моя стипендия.

Надя. Только не ной! И завтра все-таки колбасу не забудь забрать! И что, что нет берета? Главное, голова на месте, а что на ней надето — это уже дело десятое. А головушка у нас красивая! Вон, какая стрижка!

Вера. Ну я же в беретике хотела. Мы ведь специально... (хнычет)

Надя (смотрит на часы). Далек твоя распрекрасная тетка живет?

Вера. Минут пятнадцать от меня идти.

Надя. Отлично. Вставай. Сейчас мы нагреем!

Вера. Зачем?

Надя. За беретом, разумеется! Вставай, и пойдем! Хватит грибом сидеть. Вся бледная, как поганка. Ты какому мужику в таком виде нужна будешь? Как, кстати, нашего зовут?

64 **Вера.** (потихоньку встает). Илья...

Надя. Вот и чудно. Почти что пророк!

Вера. А мы успеем?

Надя. У тебя час до Ильи. Двадцать минут туда, двадцать там и двадцать обратно. Все успеем! Еще на припудрить нос останется! Вернем тебе берет!

Вера. Если она его еще не заложила.

Надя. А она и такими делами промышляет? Ну вы даете...

Вера. Она так несколько раз мои вещи закладывала, и мама так делала. Про пальто помнишь историю? Я тебе рассказывала.

Надя. Горе ты мое, Верка. Тетка-то одна живет?

Вера. Нет, с мужем. С дядей Ваней.

Надя. Надо же! У таких еще мужья есть! Как он ее терпит...

Девушки уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА 1.

Кухня Любови Николаевны и ее мужа. Люба греет суп на плите.

Люба (помешивая ложкой в кастрюле). Ты почему, кыся, суп мой не ешь?

Дядя Ваня. А почему ты его сама не ешь?

Люба. У меня аллергия же... на горох!

Дядя Ваня. Тогда зачем такой готовишь?

Люба. Ну ведь все для тебя, моя кыся! Все для тебя!

Дядя Ваня. Это хорошо. Только я горох не люблю. Я повторяю тебе это уже какой раз!

Люба (напевая). Выгляни в окошко — дам тебе горошка...

Дядя Ваня. Люба, я горох не переносу!

Люба (наливая из кастрюли в его тарелку). Кушай, кушай, Ванечка.

Дядя Ваня. Я не буду.

Люба (не обращая внимания). Ах, как вкусно! Ммм! Как вкусно!

Дядя Ваня (бросает ложку). Да откуда ты знаешь, черт подери!

Люба. Ты что, мне не веришь?

Дядя Ваня. Нет. Не верю. Ты сама ложки в рот не взяла.

Люба. С тобой невозможно жить, какой ты противный!

Дядя Ваня. Попробуй супчик, дорогая, говорят — вкусный.

Люба. Говорят, что кур доят!

Дядя Ваня. Что же ты так боишься? А ну-ка быстро взяла ложку!

Люба (*зачерпывает*). Ванечка, у тебя на указательном левом пальце, кажется, заноза...

Дядя Ваня. Где? (*начинает рассматривать*. В это время Люба выливает содержимое ложки в раковину) Да где же?

Люба. А, может, и нет ее. Я же без очков... А суп вкусный. Слегка пересоленный, но вкусный. Ммм! Так что — (*с напором*) ешь!

Дядя Ваня. Люб, ну а если я не хочу! Правда. Ненавижу горох.

Люба. Ничего не знаю.

Дядя Ваня. Зато я знаю, что у тебя аллергия. Ты мне говорила — красными пятнами тебя сразу обсыпает.

Люба. Совершенно верно, кыся. Совершенно!

Дядя Ваня (*с прищуром*). Так что-то ни одного пятнышка на тебе... а ты только что попробовала свое вариво...

Люба (*занервничав*). Так...это... еще не время...

Дядя Ваня. А когда будет время? Когда в ванной комнате помадой на роже своей хитрой их нарисуешь? Тогда будет время?

Люба. Кыся!

Дядя Ваня. Ты думаешь — я идиот? Пришел с войны контуженный, так можно совсем, как ребенка в песочнице дурачить?

Люба. Кысенька!

Дядя Ваня. Ты этой контуженностью вертишь, как хочешь. А между прочим, где бы ты жила, если бы не я с моей инвалидностью, которая нам вот эту вот квартиру на блюдечке предоставила?

Люба. Ваня, прекрати!

Дядя Ваня. И не подумаю. Ты должна знать, что я далеко не такой дурак, каким ты меня считаешь! Может быть, у меня и есть проблемы со здоровьем... Но глаза целые, слава Богу, и зрячие!

Люба (*подносит руки к лицу*). Ваня, заклинаю, прекрати говорить этот ужас!

Дядя Ваня. Думаешь, я не догадываюсь, что ты в еду какую-то хреновину мне подсыпашешь? Сучка!

Люба. Я ведь тебя люблю, Ванечка.

Дядя Ваня. Вы посмотрите! Она меня любит!

Люба. До гроба, Ванечка! До гроба, кысенька!

Дядя Ваня. А вернее — в гробу!

Люба (*отдернув руки*). Замолчи, идиот невозможный! Ты видишь, я уже, действительно, пятнами пошла!

Дядя Ваня. Скажи — из-за гороха! Скажи — аллергия!

Люба. Да-да! Тысячу раз говорила про аллергию!

Дядя Ваня. Расцарапала сейчас, сучка, пятна на лице! Аллергия у нее!

Звонок в дверь.

Дядя Ваня. Ты кого-то ждешь?

Люба. Да. Племянница должна придти, зойкина дочь старшая.

Дядя Ваня. Зачем?

Люба (*хитро ухмыляясь*). Я кое-что заняла у нее. Вот она за этим и пришла. (*Довольная удаляется*) А ты кушай, кушай супчик, Ванечка!

СЦЕНА 2.

Люба открывает дверь. В коридоре появляются две девушки.

Люба. Ой! Да как вас много!

Вера. Мы ненадолго... Мы пришли...

Надя. Берет отдайте!

Люба. Какой еще берет?

Вера. Теть Люб, вы все прекрасно понимаете.

Надя. Берет дайте сюда!

Люба (*разглядывая Надежду*). Ты подумай, что за дамочка тут нарисовалась! Какая резкая. Впрочем, мне нравится.

Дядя Ваня (*кричит из кухни*). Люба! Что там такое?

Люба. Ничего-ничего! Верочка уже уходит!

Надя. Мы никуда не уйдем.

Люба (*тихо*). А я вас никуда и не пушу! Быстро в комнату (*указывает головой. Проворачивает ключ в двери и убирает его в карман халата*).

Девушки в недоумении проходят в комнату, садятся на диван.

Надя (*еле слышно Вере*). Тебе не показалась, будто она поджидала нас?

Вера. С какой стати?

Надя. Будто знала, что ты придешь.

К подругам заходит Любовь Николаевна.

Люба (*Наде*). Ну что, будем знакомиться?

Надя. Надежда.

Люба. Какое имя красивое.

Надя. У вас не хуже.

Люба. Ну вот, вы уже знаете, как меня по имени! Это даже хорошо, что вы тоже пришли!

Вера. Тетя Люба, вы, пожалуйста, верните то, что взяли.

Люба. Чудно. Ничего не понимаю. А что я взяла?

Надя. Послушайте, мы тут не чаи пришли гонять и рас-сиживаться не будем! Берет отдайте!

Люба. Ты, девочка, сядь! Не нужно мне свой пыл демон-стрировать! У меня и не на таких огнетушитель находился!

Вера. Я вас очень прошу, тетя Люб, отдайте. Для меня это так важно. Всю стипендию положила.

Люба. Всю стипендию она положила! Лучше бы тетке копеечкой помогла!

Надя. Да что вы говорите! Она сестру младшую одна та-щит, а вы, взрослый человек, тетя, только и...

Люба *(прерывая).* Я что-то не поняла, мы еще и говори-выми оказались!

Вера. Я очень опаздываю!

Люба. Куда это?

Вера. У меня сегодня свидание! Это очень важно!

Люба. У моей племяннички свидание! Очаровательно! Правильно! Не таких же звать *(кивает на Надю)*, как эту!

Вера. Мы только берет заберем и уйдем.

Надя. Правда! Какого черта мы тут торчим!

Девушки резко встают. Люба немного теряется.

Люба. А! Берет! Кажется, я вспомнила! *(достает из шкафа)* Этот?

Надя. Отдайте сейчас же!

Вера *(выхватывает беретик)*. Ну все, мы побежали!

Подруги выходят в коридор.

Люба. Смотрите – не споткнитесь.

В центре комнаты Любовь Николаевна кружится, зали-ваясь смехом.

Вера *(копашась у двери)*. Заперто!

Надя. Как заперто?

Вера. На ключ закрыто!

Надя. Так достань ключ! Где он тут лежит или висит?

Вера. Он... у тети Любы. Ключ у нее!

Надя. Она, что? Нас заперла?

Девушки безмолвно переглядываются. Слышен исте-рический смех Любы.

СЦЕНА 3.

Надя и Вера возвращаются в комнату.

Люба. Вы все еще тут? Что-то вы не торопитесь уходить...

Надя. Дайте сюда ключ!

Люба *(Вере)*. А эта барышня кроме слова «дайте» зна-ет еще какие-нибудь? А то – берет дайте, ключ дайте!

(Наде) Тебе какой? От сейфа, где деньги лежат?

Вера. Нам сейчас как-то не до шуток. Мне в семь нужно быть в другом месте.

Люба. Поздравляю, время – без пяти. Разве что само-летом успеешь.

Надя. А для нас и самолет – не проблема, вы только дверь откройте!

Люба. Вам так у меня не нравится?

Надя *(Вере)*. Такое всегда происходит, когда ты к тете в гости приходишь?

Люба. А что она к тете в гости ходит?

Вера. Такое в первый раз!

Надя. Может быть, скорую вызвать? Она явно не в себе!

Люба. Только посмей! Ты еще не знаешь, на что я спо-собна! *(Мечтательно)* Ах, на что я только ни способна...

Вера. Ну поймите же, тетя Люба! Хватит спектакль тут устраивать. Выпустите!

Люба. Ты берет свой получила – вот и молчи!

Надя. А что вы ей рот все затыкаете?

Люба. Ну тебе же не заткнешь! На тебя затычки такой еще не придумалось!

Надя. Бред какой-то! У вашего мужа наверняка есть ключ! Вер, попроси у дяди!

Девушки собираются выходить.

Люба *(резко набросившись)*. А ну-ка, быстро сели обе! Быстро, я сказала!

Подруги, ошарашенные резкой сменой настроения, присаживаются на диван.

Люба. Ни одна из вас отсюда не выйдет, пока не помо-жет мне в одном деле!

Дядя Ваня *(из кухни кричит)*. Люба! Люба!

Люба *(мужу)*. Бегу, кыся моя! *(девочкам)* Чтобы как мыши! *(убегает)*

Надя. Ты почему меня не предупредила, что мы идем к большой женщине?

Вера. Ты думаешь, я знала, что так все выйдет?

Надя. Это твоя родня! Ты должна была догадываться о

возможных выходках!

Вера. Надя, клянусь, ничего подобного раньше не случилось! И вообще...я уже на свидание опоздала.

Надя. Да фиг уже с ним. Нам бы выбраться. Если Илья настоящий мужчина, будет ждать тебя еще полчаса.

Вера. Почему?

Надя. Потому что ты настоящая принцесса. А они имеют привычку опаздывать. Запомни на будущее.

Вера. Может, оставить тете берет? Может, она из-за него?

Надя. Не думаю. Я тебе уже говорила, что она была настроена на твой приход — вот что странно. Она...как бы тебе сказать... планировала, что ты придешь за беретом!

Вера. Ты хочешь сказать, что она его специально украла?

Надя. Ну ведь она нас держит по какой-то причине. Ей что-то нужно от нас...

Вера. От меня. Она же, по твоим предположениям, ждала меня.

Надя. Да! Но тут подвернулась я, и она, тебе скажу, не поторопилась меня удалить.

Вера. Что же это может быть?

Надя. Понятно, что уже не берет. Она бы нас вышвырнула. Тут что-то покрупнее будет.

Вера. Я даже не представляю — что!

Надя. Может быть, денег попросит... Хотя зачем тогда вся эта возня?

Вера. Может быть, что-нибудь сделать. Починить, например.

Надя. Ага. А мы с тобой два слесаря или два сантехника от Бога просто!

Вера. Если бы дело касалось вещи, мы бы здесь не сидели. Я бы уже давно была с Ильей.

Надя. Слушай! Я недавно читала про тетку одну, которая дома бардель устроила! Может, твоя тоже прочитала и решила...

Вера. Что решила?

Надя. Попрактиковать!

Вера. Дура ты, Надька! Такое молоть!

Тетя Люба заходит разгоряченная, оправляя прядь со лба.

Люба. Значит так, девки! Отсюдава никто не уйдет, пока не убьем дядю Ваню!

СЦЕНА 4.

Люба достает пачку сигарет. Садится напротив девушки. Закуривает.

Люба. Ну что, девки, теперь мы с вами в одном деле завязаны.

Надя. Погодите-ка. Мы еще нигде не завязаны. Мы вообще мечтаем уйти.

Люба. А я говорю — завязаны! И никуда не уйдете, пока не поможете! Мне одной не справиться!

Вера. Так вот зачем все это... зачем все эти игры...

Люба. О чем ты?

Вера. Берет был приманкой.

Люба. Ну я же не могла придти и так попросить. Не могла, да и не вышло бы. А так — у вас теперь выбора нету. Хотя, конечно, на Надежду я вообще не рассчитывала. Только про тебя, Верка, думала. Со стороны человека взрослого привлечь — мало ли чего устроит! А тут, вроде, кровинка своя, да и девчонка молоденькая совсем, податливая, неговорливая.

Надя. Выбор есть всегда. Мы выбираем удалиться.

Люба. А ты, детка, еще не поняла, что я серьезно? Удалиться сегодня должен только один человек — наш дядя Ваня.

Вера. Как же это... как же...

Люба. Я решение принимала не за пять минут. А вы теперь сообщники.

Надя. Какие еще сообщники? Если вы ненормальная женщина, мы не обязаны себе приписывать такой же диагноз.

Люба. Вы сообщники, так как я посвятила вас в мой план. И если кто-то сейчас возомнит себя гениальным и звякнет в милицию, то я вас сдам, как соучастников. Мне терять нечего, и в тюрьме я сидела столько раз — по пальцам двух рук не пересчитать! А вот ваша жизнь подкосится здорово. И это еще мягко сказано. *(с болью)* Уж поверьте.

Надя. Хорошо, мы никуда звонить не будем.

Люба. Вот и правильное решение. Вы поймите, я просто решила облегчить себе жизнь на старости лет...

Вера. Убив дядю?

Люба. Да. Убив твоего дядю. Ну а что мне делать? Я не могу так больше жить!

Надя. Поэтому нужно убивать человека?

Люба (*плаксивым тоном*). Поймите же, девочки! Он меня избивает! Бьет кулаком в нос с размаху. Просто так. Вот что мне делать? А я ведь ухаживаю за ним столько времени. Он как контуженный вернулся, я же ни на шаг не отхожу. Всю себя ему посвятила. А он пьет и бьет, бьет и пьет. Ну что мне делать? В милиции и слушать не хотят, чужь, мол, все это. А мне как жить? Мне дома страшно находиться. Вы вот такие молоденькие, чистенькие не знаете, что такое муж изверг. И, не дай Бог, узнать! А ведь кому не скажу — не верят, отмахиваются. Он же с войны, герой-мужчина! А он контуженный вернулся! Не человек уже! (*плачет*)

Вера. Надя...

Надя. Любовь Николаевна, что вы хотите?

Тетя Люба закуривает.

Люба (*хладнокровно*). Сбросить его с этажа вниз. Как несчастный случай.

Надя и Вера тоже закуривают. Выставляют пепельницу на центр комнаты.

Вера. Я никогда раньше не...

Люба. Здесь никто раньше НЕ! Он просто тяжелый, мне одной не под силу.

Надя. Почему же по-другому нельзя? Препарат какой-нибудь?

Люба. А она мне нравится! Вот головешка-то у девки заработала. Да пичкала я его уже всякими парашками. В суп подброшу и жду. Из клозета может час не выходить, а потом нарисуется и свежий такой, ни в одном глазу. Гад! Я себе даже любовника в медицинском завела, кстати, Верка, где ты учишься. Мальчишечка славный, доставал мне разные парашочки. Я ему рассказывала, что мне тварей всяких травить. Ну он мне эти смеси и таскал. Ни одна не сработала. Живучая зараза.

Вера. Если бы это узнали в училище у нас...

Люба. Да он такой влюбчивый оказался. Дурачок. Ну а мне и на руку.

Вера. Надо же! Значит, вы приходили в мое училище... Надя, помнишь, я тебе рассказывала...

Люба. Так, стоп! Не уходим от темы.

Надя. Что требуется от нас?

Люба. Сейчас дядя Ваня должен доесть суп, где снотворное одно подсыпано. Как он подурнеет совсем, мы его на лестничную площадку выгоним и опрокинем.

Надя. Как у вас все просто!

Люба. А в таких делах не нужно сложностей! Только я повторяю, если кто-то из вас сделает хоть один звонок, я не моргну — сдам обеих. Ты, Верка, с матерью будешь сидеть. Кто о Катюшке заботиться будет, а?

Вера (*каменяя*). Я обещаю — никаких звонков.

Люба. Попробуйте меня подставить! Вы две шмякодявки еще, поэтому лучше слушаться.

Надя. Хочется, чтобы этот страшный сон быстрее кончился.

Люба. Готовьтесь. Дай Бог, препарат подействует.

Люба уходит из комнаты. Девушки молча сидят. У каждой измотанный и безропотный вид.

ДЕЙСТВИЕ 3

СЦЕНА 1.

На кухне. Дядя Ваня сидит с пустой тарелкой.

Люба. Ванечка, ты все скушал! Ай да молодец! Ай да кыся моя!

Дядя Ваня. Спасибо. Это было весьма отвратительно!

Люба. Не поняла.

Дядя Ваня. Не мои проблемы.

Люба. Кыся, как ты меня обижаешь! Я стараюсь, готовлю для тебя.

Дядя Ваня. Подсыпаешь мне всякую дрянь. Ох, как хорошо ты стараешься!

Люба. Ты опять? Твоя контуженная голова уже совсем ничего не соображает!

Дядя Ваня. Ты думаешь, если твоя не контуженная, так соображает больше?

Люба. Нет. Это невыносимо! У меня где-то капли стояли... (*открывает нижний шкаф с мусорным ведром, чтобы достать флакончик*) Я не поняла — ты что, не съел суп?

Дядя Ваня. Ты последнее время многое не понимаешь!

Люба. Вот, сволочь! Всю тарелку вывернул!

Дядя Ваня. Я лучше умру от голода, чем от твоих отрав.

Люба. Замолчи! (тише) Что же делать-то... Ты, кисенька, не понимаешь! Там лечебные травки! Лечебные! Для головки твоей! Для ручки! Она же у тебя совсем не гнется!

Дядя Ваня. Зато твоя согнется, если еще раз ты что-

нибудь мне подсыпашь!

Люба. Какой ты неблагодарный! Ты вот сейчас как себя чувствуешь?

Дядя Ваня. Кажется, мне не хватает воздуха... Люба... Люба (*возбужденная подпрыгивает*). Тебе плохо, Ванечка?

Дядя Ваня. Воздуха...

Люба (*показывая два пальца*). Сколько пальцев видишь?

Дядя Ваня (*указательным загибнотизированно тыкает в любкины пальцы*). Раз. Два...

Люба. Вот и славно.

Дядя Ваня (*снова возвращается к первому пальцу и продолжает*). Три. Четыре...

Люба. Ванечка! (веселее) Неужто с ума сходит!

Дядя Ваня (*резко переводит ехидный взгляд на жену*). Рано радуешься. Здоров я!

Люба (*тихо*). Здоров, значит. Скотина...

Дядя Ваня. А ты как себя чувствуешь? Ты вся белая, как порошки, что добавляешь.

Люба. Прекрати же!

Пауза

Люба (*в замешательстве*). Может быть, выпьем?

Дядя Ваня. Что-то случилось?

Люба. Почему ты спрашиваешь?

Дядя Ваня. Ты обычно выхватываешь бутылку, а тут...

Люба. А? Да... сам же сказал, я как белилами измазана. Глядишь, разгорячусь. Выпьем, кыся?

Дядя Ваня. Выпьем.

Люба достает наполовину пустую бутылку водки и две рюмки. Садится рядом с мужем.

Люба. Пей, пей, Ванечка. (*выпивают. Сразу наливает Ванечке вторую рюмку*) И еще!

Дядя Ваня. Какая у меня жена-то заботливая!

Люба. Да что ты, кыся! Пей! (*наливает ему третью. Сама к своей не притрагивается*)

Дядя Ваня. Любка, у меня рука начинает отниматься.

Люба (*тихо*) Слава Богу! (*театрально громко*) Господи! Опять! Ну хватит тогда.

Дядя Ваня. Поставь бутылку на стол. Я сказал — поставь на место! Наливай.

Люба. Может быть, хватит?

Дядя Ваня. А теперь мне! (*открывает рот, чуть от-*

кидываясь назад)

Люба вливает ему рюмку, за которой следует еще одна.

Люба. Все?

Дядя Ваня. А ты все?

Люба. В смысле?

Дядя Ваня. Ну, все успела мне подсыпать в водку?

Люба (*повышая тон*). Ты кантуженный идиот! Тебе уже всякие бредни мерещатся!

Дядя Ваня. Всё меня за ненормального хочешь выдать! Сейчас я тебе как шибану кулаком!

Люба. Да ты еле на ногах стоишь!

Дядя Ваня (*встает, пошатываясь*). Кулаком как шибану!

Люба (*растеряно выбегает в коридор*). Ну шибани, шибани! Ну же!

К ней еле-еле продвигается дядя Ваня. Люба вставляет ключ в дверь.

Дядя Ваня. Ты что же соседей будешь звать?

Люба. Некого звать! Заседают все! В красном уголке*! (*кричит в сторону комнаты*) Девки! Выходите быстро! Девки!

Дядя Ваня (*прислоняется к стене, ему плохо*). Что еще за девки?

В комнате Надежда и Вера резко встают с дивана.

Надя. Может, не стоит?

Вера. С ней опасно шутить...

Надя. Он, действительно, такой жуткий урод, как она говорила? (*задумчиво и горько*) Я ведь таких не понаслышке знаю. Видали...

Вера. Я его совсем...

Люба (*из коридора*). Девки!

Вера. Я боюсь.

Надя. Пойдем.

Девушки выбегают в коридор.

СЦЕНА 2.

Люба (*прижимается к стене*). Убивают! Девки, убивают меня! Помогите!

Дядя Ваня (*смотрит на девушек*). Это еще откуда? А ты, дура, что орешь? Кто тебя убивает? (*с трудом приближается к жене*)

Люба. Не бей меня больше, Ваня!

Надя. Что вы делаете?

Вера. Дядь Вань, не трогайте тетя Любу!

Дядя Ваня. Да кто ее трогает!

Люба. Убивают!

Дядя Ваня (*замахивается*). Да замолчи, курица!

Люба. Вот! Вы видели! Он чуть не ударил! Опять!

Вера. Вы лучше не трогайте тетю!

Дядя Ваня (*отмахивается от Веры*). Да кто же! (*теряет ориентацию*) Ой, черт! Что-то с головой у меня! (*начинает шататься*)

Люба. Вот! А я говорила — не пей! Как выпьет, сразу становится невменяемым! Пьянь!

Дядя Ваня. А кто мне наливал? А? Кто наливал только что? (багровеет, тараном идет на жену, хватая ее)

Люба. Верка, дверь! Отцепись, зараза! Верка! Открывай! Вера бежит к двери, распахивает её. Люба движется на лестничную площадку, уволасывая за собой вцепившегося мужа.

Люба. Не рви мне волосы! Сволочь! Девки! Выбегает из квартиры Надя. Вера недвижима наблюдает. Обе не знают, что делать.

Дядя Ваня. Это что, публика?

Люба. Это отпевать тебя пришли!

Дядя Ваня. Ах ты, дрянь! (*опять шатается*)

Люба. Девки, вы что стоите? Помогайте!

Дядя Ваня (*разворачивается к девочкам*). Так и вы туда же! Посикушки две! Сейчас я вам дам! Люба бьет его кулаком по голове.

Дядя Ваня. Голова! (*разворачивается к жене, его качает*).

Люба (*вцепляется ему в лицо*). Вера, наклоняйте его к перилам! Сзади! Быстро! Девки! Толкайте! Вера с Надей начинают толкать дядю Ваню в спину, нагибая через перила. Он отбивается, движения его хаотичны. Люба тянет его в дыру за верхнюю часть тела, периодически стучая голову. Все это сопровождается криками. Девушки давят сзади.

Красный уголок* - в советские времена особое помещение или часть помещения (стена со стендами, целая комната и т. п.) в какой-либо организации, предназначенная для ведения агитационной и пропагандистской работы в коллективе.

Дядя Ваня. Голова! Моя голова!

Люба. Урод! Тяжелый урод!

Дядя Ваня. Убивают!

Вера. Надя, мне плохо.

Надя, сжав веки, отвернув лицо, еще сильнее толкает мужчину.

Дядя Ваня. Убивают! Уби...

Мужчина переворачивается за перила и летит вниз. Три женщины подсакивают.

СЦЕНА 3.

Дядя Ваня летит три этажа. На втором рубашкой цепляется за высунутый стержень из перила и повисает на нем. Мужчина потерял голос, что-то хрипит, тарацит стеклянные глаза. Люба, Надя и Вера не дышат.

Дядя Ваня (*без голоса*). Убивают! Убивают! Убивают! Мужской голос с нижних этажей. Что это еще за дело! Боженьки мои! Люди! Быстрее сюда! Хватит там заседать! Тут человек повесился! Быстро сюда!

Слышен топот.

Голоса соседей: Ужас какой! Ужас! Снимайте его быстрее! Как же так! Вот повезло человеку, если бы не криок! Да! Повезло — так повезло!

Кто-то бежит, кипишует. Дядю Ваню снимают. Люба вдруг наливается алой краской, поправляет прическу. Бежит по лестнице, периодически ступается.

Люба. Ванечка мой! Любимый! Ну, сто раз тебе говорила — будь аккуратнее! Выпил — так сиди дома! Ты же болееешь у нас! Ну почему не слушаешь меня! Боже мой! Какое счастье, что живой! Давай обопрись на меня! Вот так! Ну пойдём домой, бедненький мой! Аккуратно, Ванечка, ступенька! Вот так! Молодец! И еще одна! Умница! Бедный мой мальчик! Ванечка, я же тебя так люблю!

Люба с мужем аккуратно поднимаются домой. Дядя Ваня с ужасом в глазах оборачивается к столпившимся соседям, пытаясь неслышной хрипотой что-то докричать до них. Мимо быстро спускаются с опущенными головами Надя и Вера.

СЦЕНА 4.

Двор Веры. Уже темно. Крутится круглая карусель. На ней Вера и молодой человек. Девушка немного не в себе: чрезмерно задумчива и апатична.

Вера. А я думала, ты меня не дождешься.

Илья. Я прождал здесь полчаса, а потом поднялся к тебе домой. Ты как-то называла номер квартиры. Там меня встретила твоя сестра, милая девочка, и сказала, что ты куда-то ушла. Я решил тебя дождаться, тем более темнеет. Мало ли чего...

Вера. Ишь ты, какой заботливый... *(смотрит в одну точку)*

Илья. Вера. Вера! Вера?

Вера. А?

Илья. Да что с тобой?

Вера. Ничего.

Илья. Ты еще утром порхала, как бабочка. Собиралась с подругой в магазин.

Вера. С подругой...

Илья. А почему так грустно?

Вера. Потому что нет теперь у меня подруги.

Илья. Не понял. Она умерла что ли?

Вера. Не говори ерунды! Слава Богу, она жива. Сегодня, слава Богу, все живы.

Илья. Тогда что случилось?

Вера. Мы просто теперь не подруги.

Илья. Да что же случилось?

Вера. Мы в глаза друг другу не можем смотреть. Она решила, чем быстрее меня забудет — тем лучше.

Илья. Странная у тебя подруга.

Вера. Была.

Илья. Странная была.

Вера. На самом деле, я ее понимаю.

Илья. Верочка, ну прошу, не грусти ты так! Давай о приятном! Ты купила, что хотела?

Вера. Купила.

Илья. Ну и что же?

Вера. Беретик.

Илья. А почему ты его не надела?

Вера. Потеряла.

Илья. Ты его купила, а через несколько часов потеряла?

Вера. Да.

Илья. Где же ты была, что умудрилась потерять попку?

Вера. Неважно.

Илья. Нет, важно!

Вера. Я навещала тетю. И дядю.

Илья. Ну и как они?

Вера. Живы.

Илья. Ну еще бы!

Вера. Молчи! Ты не понимаешь, что это слово значит!

Илья. Не набрасывайся ты так! Я ничего особого не сказал.

Вера. А мне уже безразницы, что ты там сказал или не сказал.

Илья. Вера, тебя как подменили! *(берет ее за плечи, аккуратно трясет)*

Вера. Хотя, нет... *(отвлекается на него)*

Илья. Уф, я уж испугался.

Вера. Меня кое-что интересует.

Илья. Ну, я слушаю.

Вера. Помнишь, как мы познакомились?

Илья. Да. Я нечаянно обознался...

Вера. Помнишь, какое имя ты крикнул?

Илья. Помню. Люба. *(немного смущаясь)* А в чем дело?

Вера. Я никогда не спрашивала. А что за Люба?

Илья. Да ты не поверишь, если расскажу.

Вера. Рассказывай.

Илья. Это было до тебя, так что, ты близко к сердцу...

Вера. Рассказывай!

Илья. Был я какое-то время влюблен в одну женщину... которая, как потом оказалось, просто использовала меня...

Вера. Ну же!

Илья. Она просила доставать из лаборатории ядовитые порошки... Ну, я по глупости, как обыкновенный влюбленный, носил их. Она как-то в шутку обронила, что для ее больного мужа. Он у нее был контуженный, что ли... Говорила, что заживем без него счастливо и все в этом духе. Но, сама понимаешь, это же все шутки. Кто в это поверит? Вера? Вера? Тебе плохо?

Вера. Все нормально. Продолжай.

Илья. Ну, вот... ее звали Любовью. Потом мы перестали встречаться, она пропала. Уж не знаю, с чем это связано. Согласись, эти ее шуточки безумные? Как вообще можно мужа убить? Человека? И что за женщина должна быть? Она не похожа была на такую...

Вера сидит неподвижно.

Илья. Вера, с тобой точно все в порядке? Вера?

Вера. (с ужасом) Не может быть...

Илья. Я же говорил, не веришь.

Пауза.

Илья. В такие истории обычно никто не верит...

Затемнение.

СЦЕНА 5 (ЭПИЛОГ).

Прошло четыре года. У Веры появился муж Александр. Комната, где когда-то тетя Люба держала в заложницах девочек. Дядя Ваня лежит недвижимый на диване. Вера аккуратно поправляет ему одеяло.

Александр. (врывается) Веруня! Поздравь меня!

Вера. Тише, Саша! Дядю разбудишь!

Александр. Да его стадо слонов не разбудит! Вера, мне предложили...

Вера. (перебирает лекарства на тумбочке) Тише, Саша! Тише.

Александр. Мне предложили выступить на семинаре в МГУ!

Вера. (разглядывает флакончик, уже опустевший) Так... нужно сходить в аптеку.

Александр. Ты думаешь, я болен? Неужели ты так не веришь в меня? Думаешь все напридумывал? Ну конечно! Куда мне! Да? В МГУ с докладом выступать! А меня, представляешь, все-таки позвали! Взяли и позвали!

Вера. Ты о чем вообще? Дяде нужно капли купить.

Александр. Ах, дяде...

Вера. В чем дело?

Александр. Постоянно забываю, что в этом доме разговоры только о дяде. Прости, Вера, отвлекся. Так что там с дядей?

Вера. Не юродствуй.

Александр. Ты ведь поедешь со мной в Москву?

Вера. Нет.

Александр. Всего на недельку. Погуляем... Нам жилье и дорогу оплатят.

Вера. А дядю куда?

Александр. Попросим кого-нибудь... Может, тетю Любу

вашу отыскать?

Вера. Мне не нужен кто-нибудь! А про тетю Любу даже не смей думать. Она давно спуталась с каким-то художником. Ночуют в мастерских где-то... алкоголики.

Александр. Ты хоть понимаешь, что я мечтал выступить на этом семинаре несколько последних лет? Там такие люди собираются! И вот в кой-том веке это сбывается, я от счастья прыгать готов, хочу взять с собой любимую жену, а она лучше дома будет сидеть.

Вера. Я дядю не оставлю.

Александр. Ты его не оставляешь ни на секунду. Он уже не человек — тело! А ты с ним, как с ребенком!

Вера. Значит, мне так надо.

Александр. Ты мне можешь объяснить свое странное «надо»? Ты меня кормишь этим словом постоянно!

Вера. Это долгая история...

Александр. Вера, ты забываешь: твой муж историк, так что истории я люблю.

Вера. А я нет.

Александр. Ты хоть понимаешь, как для меня важен этот семинар, черт возьми?

Вера. Да. Понимаю.

Александр. Тогда почему ты, моя жена, не можешь меня поддержать и поехать со мной?

Вера. Потому что у меня...

Александр. (перебивает) Иди твое на лево! Дядя, да, у тебя? А то, что муж еще есть, знаешь? Муж, которому нужна жена! А у меня нету ее! Нету! И, как я вижу, не будет, пока с этим больным что-нибудь не случится! Еще чуть-чуть и я дойду до точки кипения, Вера!

Вера. Я дядю не оставлю. А ты езжай — ты все-таки столько для этого работал — но без меня.

Александр. Вот и поговорили. Как обычно.

Вера. Я сейчас сама спущусь в аптеку за лекарством, а ты перекипи. (уходит)

Александр. Сестра милосердия!

Слышно, как хлопает дверь в квартиру.

Александр. (прохаживается по комнате, пристально смотрит на лежащего мужчину. Разговаривает, будто сам с собой) Вот что мне делать с вашей племянницей? Ведь я ее люблю. Стараюсь все для нее делать. Тут

на работе такой успех. А ей все не то! Ничего не нужно. И к вам у нее какая-то большая привязанность. Сиделка от Бога! Вот талант так талант! Нужно менять что-то!

Дядя Ваня. *(не открывая глаз, внезапно хрипит)* Саша...

Александр. *(вздрагивает)* Дядь Ваня?

Дядя Ваня. Саша, подушку...

Александр *(приближается).* Что-что?

Дядя Ваня. Поправь. Подушку.

Александр. Слушайте, я даже не знаю — как... Может, Веру дождаться, она сейчас придет. Мало ли я еще не так что поверну...

Дядя Ваня. Саша...

Александр. Да.

Дядя Ваня. Подушку. Саша...

Александр внимательно и долго смотрит на мужчину.

Дядя Ваня. Подушку...

Александр *(приходит в себя).* Сейчас. Попробуем. *(берет подушку из-под головы дяди Вани)* Так... Как лучше ее положить?

Дядя Ваня. Выше. Выше.

Александр. Что же Вера-то не идет. Выше, значит? *(замирает с подушкой в руках над лицом дяди Вани)*

Дядя Ваня. Саша...

Александр. Чччч!

Дядя Ваня. Саша!

Александр *(прямо опускает подушку).* Вот так, выше? *(уже неслышно, что говорит дядя: звуки подобны мычанию)* Или еще выше? *(поднимает подушку)* Вы что-то непонятно говорите, я же так не разберу: как лучше помочь! Значит, выше? *(снова кладет подушку на лицо, держит ее. Дядя Ваня перестает дышать. Саша поднимает подушку, дрожит)* Я же делал, как просили... Откуда я мог знать, что так получится... Я вообще просто поправлял подушку... *(убирает подушку за голову дяди)* Если бы он нормально сказал, я бы понял, что он хочет. А так... он сам...сам виноват...

Заходит Вера. В руках ее бутылёк.

Александр. Вера, он сам... Честное слово. Сам... Бутылёк падает.

ЗАНАВЕС.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Александра МИРОНОВА

ЧИТАЯ ИТАЛЬЯНСКИЕ СОНЕТЫ

Надменная жара wpłyвает в зябкий сад,
Закрыты форточки, ещё прохладно в доме;
В рябине бурно пташки верещат,
Жужжит оса в угрюмой праздной дрёме.

Застыло время, стягиваясь в круг.
Лениво погружусь в поток сонетов Данте,
И в душевной комнате прозрачный мягкий звук
Подхватит луч в задумчивом легато.

По улице идет, «хвалой окружена»,
Она — мадонна, счастье и безгрешность;
Смирненная, нежна и холодна
(В строках растворена игривая неспешность) ...

Амурный ветерок подносит аромат,
Тайком захваченный у флоксов и пионов,
За досками ежи застенчиво шуршат.
Петрарка шепчет: «Benedetto l'giorno!»¹

¹ «Благословенный день!» *(итал.)*

ГОЛОСА ЭЛЛАДЫ

«Как лягушки, у моря живут
Эти шумные славные греки», —
Так заметил премудрый Платон.
Дом земной — лишь их скромный приют,
Божьи храмы отверсты навеки,
Благодушный стоит Парфенон.

Меру знай и войне отдавайся,
Где Венера, там будет Афина,
Снова бьется кентавр с лапифом¹.
На агоре совет катавасит²,
А сократы плетут паутину,
А рабы наполняют лекифы³.

В темной роще вещает оракул,
На вопрос отвечая загадкой.
И в ущелье пошел Леонид,
Как бросался на гидру Геракл,
Так спартанцы впечатались в схватку,
И увел их бесстрастный Аид.

Веселится в реке Навзикая⁴,
Нити судеб в Зевесовой длани,
Упиваются танцем менады⁵.
Всё меняется, в даль утекает,
Но по-прежнему радостно манит
Златокудрое слово «Эллада».

¹ Лапифы — в древнегреческой мифологии фессалийское племя, обитавшее в горах и лесах Оссы и Пелиона.

² От слова «катавасия» (греч. *катавασία* — нисхождение, суматоха). В данном случае используется в значении «беспорядок, суматоха, возня».

³ Лекиф — древнегреческая ваза, предназначенная для хранения оливкового масла.

⁴ Навзикая — в древнегреческой мифологии дочь царя Алкиноя (царя феаков), героиня поэмы Гомера «Одиссея».

⁵ Менады — в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы Диониса.

МАСТЕР ИГРЫ В БИСЕР

*И музыке вселенной внемля стройной,
И мастерам времен благословенных,
На праздник мы зовем, на пир достойный
Титанов мысли вдохновенных.*

Г. Гессе

Он кудесник, отшельник, магистр,
Скромный мальчик, послушный слуга,
Перейдя в высокий регистр,
Он стремится к святым берегам.

Даже огненный дождь с небосвода
Он отважно пойдёт усмирять
И без ропота встретит невзгоды,
Возлюбив касталийскую стать.

подавляя безжалостно страсти,
Из себя высекая кристалл,
Он отрекся от тягостной власти
И победно на флейте сыграл.

Но пастух, покинувший стадо,
Собирающий новых овец,
Не получит от Бога награды,
Лишь оставит в душах рубец.

И доселе мирные горы
Вдруг покажут волчий оскал,
Станет озеро бешеной сворой —
Разве это он долго искал?!

Обретенная мудрость Востока
И языческий танец юнца
Не смогли увести от рока,
Жизнь растаяла (развевалась), словно пыльца.

ЗАБЛУДИЛАСЬ

Своеволие терпит крах —
Я с тропы сошла,
Как зайчонок бегу,
Обжигает бесформенный страх.

Ветер шустро «ау!» погасил,
Позади — бурелом,
Впереди — камыши,
Николай Угодник, спаси!

Разрезают сучья мой путь.
Вспоминаю Петра,
Как, идя по воде,
Малoverный, он начал тонуть.

Где спокойный, уверенный шаг?!
Уже виден просвет,
Но отчаянье рвет —
Лес не друг мне теперь, а враг.

Безразлична к вальяжной тиши,
Хруст ветвей.
Не понять святых,
Добровольно живших в глуши.

Показались верхушки домов —
Наконец, спасена.
Будто сбросила воз,
Повидав десятки миров.

ОСОБНЯК А.В. МОРОЗОВА В ПОДСОСЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Вензеля, два атланта над входом,
Подпирает картуш кадуцей,
Дом-забава старинного рода
Стоит барином в царском венце.

Молчаливо в «египетском» зале,
Не звучали здесь гимны жрецов,
А когда-то в дверях громыхали
Голоса хлебосольных купцов.

Из одной партитуры в другую...
Распахнулся «готический» свод,
Добродушно встречают горгульи¹,
Гномик с книгой на лестнице ждёт.

«Бренна жизнь, но искусство бессмертно», —
Оглашают страницы закон.
На перила взлетел неприметно
Однокрылый насмешник-дракон.

Циферблат осеняют пинакли²,
Зажигают лучи витражи,
Созывая гостей на спектакли,
Превращая химер в миражи.

Мир подземный страшится обновы,
По ступенькам вираж в кабинет,
Где в шкафах, словно мудрые совы,
Держат книги бессонный совет.

А под лестницей — грот Посейдона,
Рококо в гобеленах искрит,
У зеркал задержались матроны,
Примеряя загадочный вид.

Через Францию путь к итальянцам —
На стене помпеянский гротеск,
Стережёт «флорентийский палаццо»
Ренессансный мечтательный блеск.

Как детей, нас художник балует,
От зевоты стремясь уберечь...
Возвратимся на землю родную —
Здравствуй, милая русская печь!

¹ Горгу́лья (фр. *gargouille*) — в готической архитектуре: водослив, который оформлялся в виде человеческой или звериной фигуры.

² Пина́кль (фр. *pinacle*) — декоративная башенка на конторфорсах или на других архитектурных частях позднероманских и готических храмов.

Дмитрий КУРИЛОВ

ИЗ ЖИЗНИ ОДНОНОГИХ

Жил да был у нас в деревне дядя Митя Ермаков. Фамилия его всем напоминала старинного покорителя Сибири, потому и была сокращена до полного подобия.

И по могучности телосложения, и по повадкам, и по норову соответствовал Ермак легенде. Одна незадача: ногу на войне потерял, по самое колено. И привязывал теперь к обрубку допотопную деревяшку, помогая себе при ходьбе всем своим богатырским корпусом.

Жена Ермака, тётя Нюра, поначалу много плакала, то ли от жалости, то ли от досады, что он такой нецелый вернулся. Да что плакать-то, когда у других и такого нет.

Сошлись они справно и даже детей заимели. Росли дети споро, ласковые, белоголовые, исполнительные. Два мальчика и одна девочка. «Наследство моё» — искренне радовался Ермак. Радовался и гордился — а и то сказать, немалое утешение для инвалида: родить и вырастить потомство.

Дымилась самокрутка, пела душа, поцокивала по деревне Ермакова деревяшка — в иные дни, когда провожал он деток в школу.

Но бывало и по-другому, когда напоздало на Ермака тоскливое сомнение в судьбе, в здоровье, в семейном счастье. Рыхлый и угрюмый, валялся он в постели, и ничто не могло его поднять. Пылдилась под кроватью деревяшка. Кривился издёвочкой рот. Крупные слёзы текли по огрубелой коже. Тряслись и руки, и плечи, и подбородок. Становился он тогда глухонемым, удивившись в тишине домашней.

Не любил Ермак эти свои психозы. Стеснялся потом — пуще запоев. Бегал от одиночества на работу — то сторожем служил, то слесарил помаленьку, и, даже получив пособие от государства, то и дело помогал по хозяйству одиноким соседкам, а те посмеивались втихомолку: один мужик на всю улицу, да и тот одноногий. Подшучивали, но уважали: работал он справно, исправлял и водопровод, и электричество, и забор мог

подновить, и уборную поставить. И денег почти не брал — разве что выпить-закусить никогда не отказывался. А главное, после нескольких рюмок — поговорить как следует по душам.

Невесёлые получались беседы — хватало горя на всех, было, что рассказать да послушать, да песни протяжно попеть — про Россию, про славное море священный Байкал, про ямщика, бродягу и кочегара, про несчастливую жизнь и тоскливую смерть простого русского человека. Плакали вдовье солдатки, плакал краснорожий от выпивки Ермак. На дворе становилось темно и неуютно. Сиротливо и беззащитно ковылял он домой под мелким дождиком. И долго курил на крыльце.

А жена его, тётя Нюра, несмотря на все невзгоды, всегда была женщина статная, симпатичная, цветущая. И вот с некоторых пор стал Ермак наблюдать на её лице некое особое и загадочное выражение довольства — и так-то она была вся в соку, а тут с лица радость так и пышет. И с чего бы ей радоваться так особенно? Ничего же особенного вроде не произошло?

Задумался Ермак, уединился, подозревая: стало быть, произошло, да без мужниного участия. И до того он себя настропалил, что принялся изучать детские лица: свои ли, не посторонний ли тут потрудился? В сомнении своём дошёл Ермак до последней точки: стал следить за супругой. Да уж какой из него сыщик! — с деревянной культей далеко ли доковыляешь? Да и скрипу на всю округу, куры загодя шарахаются.

Пошёл тогда Ермак на маленькие хитрости: стал врать жене, что на работу идёт, в ночную, а сам спрячется в укромное место и наблюдает за домом.

Ночь сидел, две — выследил!

Характерной вороватой походкой, откидывая осторожную тень, подкрался к дому в сумерках молодой кучерявый мужчина, вроде бы слесарь из совхозных мастерских. Постучал в дверь неким замысловатым стуком — и немедленно был пропущен внутрь.

Дети, видимо, спали.

Закраснелся Ермак, застучала кровь в висках, занял обрубок, натёртый деревяшкой. Хотел в ярости накинуться на изменницу с хахалем, да на полпути замер,

видя, как свет погас и юркнули две подлых тени на сеновал.

Наблюдая эти наглые события, затрясся Ермак лихорадочной тряской; юрко, стараясь не скрипеть, подскокил к дому, достал из клетки под крыльцом канистру, подпёр надёжной жердью дверь сарая и деловито зажурчал керосинчиком, обливая сарай со всех сторон. Отбросил шумно канистру, цыркнул спичкой — и вспыхнуло весело пламя, высокое, яркое, жуткое, чуть не обожгло лицо.

Шатаясь, как пьяный, метнулся прочь со двора, но далеко не убежал — свалился у соседского забора и зарыдал, кусая зубами мокрую траву. Жалостливо, со всхлипами и соплями.

Долго ли, коротко ли он так лежал — мимо уже бежали с вёдрами бабы, прогромыхала поджарая и убогая пожарная команда, выбралась наружу вся его семья; только вот слесарь молодой, чтоб никого не компрометировать, куда-то быстренько испарился задами огородов, в одних трусах, перепуганный и чёрный от копоти. А изменщица вышла вместе с детьми, и переодеться успела, и причесаться, и приумыться, белая вся, с лицом окаменевшим.

Села рядышком, приподняла ермакову горячую голову, положила к себе на колени, прижимая к животу и груди, и долго, нежно гладила.

Так и просидела молча до утра.

Так и уснула, обнявшись.

Дом почти не пострадал, а сарай вскоре Ермак выстроил новый. Дела на инвалида никто заводить не стал — порешили, несчастный случай. После этого случая стали дядя Митя с тётей Нюрой гораздо нежней друг к другу, только глаза в глаза смотреть долго привыкали — остатки обиды боялись увидеть. Ермак потом сам над собой посмеивался: эко, дурень, дом решил спалить, мститель-от бестолковый, сам же себе и насолил.

А слесарь молодой со страху той же осенью женился на другой, незамужней женщине. Была она вдовой и встретила его с распростёртыми объятиями.

Алла КОЗЫРЕВА

В МЕТРО

Поезд мчится по подземелью,
Он в аду разогнался всласть.
Дама едет с виолончелью,
Дама с музыкой обнялась.

Осторожно, как звон хрустальный,
Инструмент за спиной неся,
Дама вышла на «Театральной»,
Над толпою легко скользя.

Если б нам выставлять таланты
Всем и каждому, напоказ,
То не только бы музыканты,
Пел бы сердцем любой из нас.

Солнце выше избитых истин,
Песни каждого хороши!
Пусть художник несёт свои кисти,
А поэты — карандаши.

* * *

Друг, какие новости?
Новости — хреновости?
Новости — больновости,
Игрища теней?

Сновасти — здоровасти
О животных повести
Недостаток совести,
Зарево огней?

Не хочу багровости,
Не хочу суровости,
Я хочу цветности,
И, ещё важней,

Я хочу лесновости,
Радостной хмельновости
И твоей шальновости
Миллионы дней.

* * *

Стихи не растут из сора,
Стихи не растут из пыли,
И им не нужна опора:
Они раньше мира были.

Они из дождя и снега,
Посланники Божьей воли,
Стишинки падают с неба,
И мы их в ладони ловим.

Непойманные —растают,
Уйдут в земные печали,
В водице весенней, талой
Изменяются, заскучают.

Застрянут в золе и соре,
Замёрзнут поодиночке,
И мы их поднимем вскорее
И снова их сложим в строчки.

* * *

И все они поумирали.
Вот памятник-Вознесенский.
Рождественский канул в Лету.
А Белла парит в облаках.

И Шпаликов жил плохо.
Живой ещё Евтушенко,
Стихи пожилые читает.
Но ходит уже кое-как.

На мрачном таком фоне
Стоит сосна одиноко,
Стоит, как сосна, Кедров,
И, как ни странно, цветёт.

Такой уж вечнозелёный,
Защитник стрекоз без басен,
Он пишет свои орешки,
Поэт, потому поёт.

* * *

Бокал наполовину пуст?
А может — полон?
Слеза твоих коснется уст,
И вкус их солон.

Рассвет уже у самых глаз,
Раскрытых окон.
Наполовину счастье в нас,
Но — одиноко.

Не уходи дорогой сна,
Не жди итога,
А просто старого вина
Долей немного.

Сергей МАГОМЕТ

СМОТРЮ, КАК ВОДА БЕЖИТ, БЕЖИТ..

Смотрю, как вода бежит, бежит. Сижусь один-одинёшенек,
у журчащего ручейка, на корточках. Как хорошо! И на
небе ни облачка. Чудесный денёк. Смотрю, как вода под-
нимается, напирает на запруду, которую я только что
соорудил из глины и веток.

Подходит друг. Присаживается рядышком. Смотрит.
Морщит лоб. Что за игра? Но я и сам еще не решил. Во-
круг столько удивительных вещей! У некоторых пока нет
даже названия. Вот если бы построить здесь настоящий
мир! Большой, прекрасный.

Вода в запруде — грязноватая, мутная. Не беда. Глядя на
нее, нужно лишь немножко прищуриться, как будто по-
нарошку. Ручей вспыхивает, словно охваченный пламе-
нем. Солнечные блики повисают в воздухе, словно огнен-
ная арка, а прозрачная вода, сверкает, как хрустальная.
Друг не удивляется. Как будто так и надо. Вернее, как

будто так и есть на самом деле. Я и сам не знаю, как на самом деле. Но только на мгновение. Я даже вздрагиваю от этого странного ощущения.

Мы всегда играем вместе. Теперь, как два собрата-мастера, спокойно и серьезно беремся за дело.

А что, если посреди бурных вод устроить остров — надежную твердь и сущу? Пусть это будет счастливый, совершенный мир, подобный чудесному раю. Понадобится лишь немного глины. Всё богатое многообразие и сила прорастут из одного здорового зернышка. Что за чудо! Огромная вселенная раскрывается, разворачивается, как будто сама из себя...

Если приглядеться, можно рассмотреть всё-всё-всё. До мельчайшего листочка и песчинки. Всякая трава и дерево приносят свой плод, а в водах множится всякая живность. В океанах и морях изобилие рыб и китов, в воздухе пернатые, а на суше всяческие животные и пресмыкающиеся гады.

И вот, конечно, над всем владычествуют человеки, мужского и женского пола. По образу и подобию. Народ процветает и умножается, заселяет землю.

Как праздник. От радости перехватывает дыхание. Один миг вбирает в себя прошлое, настоящее и будущее.

— Только посмотри! — говорю другу. А он и в этот раз не удивляется. Как будто так и надо. И слов у него нет. Как зачарованный, щурится на солнечные блики. У меня даже мелькает мысль: а что если весь этот мир сотворился вовсе не по моему, а по его хотению-повелению? Поэтому и молчит?.. А может, ему кажется, что всё это просто часть игры? Простодушно улыбается.

Чудесно!.. Мы обмениваемся счастливыми, торжествующими взглядами. О, ужас! Откуда ни возьмись, какая-то черная, злая тень накрывает, проскакивает мимо нас. И вот уже игрушечная запруда мгновенно, безжалостно растоптана, разрушена. Волна устремляется вперед, в мгновение ока сносит игрушечный мир-остров, а хрустально-чистая вода превращается в кровь. Потом вода уходит. Совсем скоро мертвый уродливый кусок глины высохнет на солнце.

Откуда взялся этот мальчик? Уходя прочь, он оглядывается. Злобно усмехается. Зачем, почему он это сделал?

Никому не ведомо.

Но я так хорошо знаю эту усмешку... Откуда?

Сердце разрывается от горя. Друг и я горько рыдаем, бедняги, о рае, о бесчисленных поколениях добрых, чудесных людей, которые теперь уж никогда не родятся.

— Дурак! Злодей! — всхлипываем мы в один голос. — Вот бы и тебя так же... наказать! Чтобы и ты засох, как та жизнь, которую погубил!

А он уходит не спеша, продолжая усмехаться. О, конечно, я чувствую, стоит мне только пожелать, стоит только прищуриться, он и правда вращается в землю, высохнет, почернеет, как какое-нибудь мертвое дерево. Я уверен. Но он уходит жив-невредим. Я читаю в его косоу усмешке: «Нет, ты не можешь погубить меня! Только попробуй! Пожелай мне смерти! Ты же знаешь, добрая душа, что в тот самый миг, как ты это пожелаешь, кончится этот мир, время и само пространство...»

Хотя из его уст может выходить одна лишь ложь, это действительно так. Поэтому я сдержусь. И так уж все вокруг говорят, что любое мое слово непременно исполняется.

Да и не нужно ему никакой причины! Он всегда будет творить зло, не зная усталости и сомнения. Потому что это его единственное «зачем».

Олег ЧИЛАП

РОДНАЯ РЕЧЬ

Суффиксы чувств,
Приставки сочувствий —
Я так стараюсь беречь
Что подарила мне речь
Родная...

Ворох-порох искусств
И оттенки созвучий —
Боже, куда же мне бечь?! —
Легче воду сжечь —
Я не знаю...

Язык мой поёт,
И смешит, и шершавится —
Чудится — Небо впритык...
И неодолимо,
И неутолимо
Желание жить, и любить —
Как же нравится мне
Этот русский язык,

Где
Суффиксы чувств,
Приставки сочувствий,
И корень, что я так стараюсь сберечь —
Его подарила мне речь
Родная...

ТЫ ЗНАЕШЬ, КАК МЕНЯ НАЙТИ

Я очумел от нахрапа
Охрипшего города,
От его потного взгляда в упор,
И подался в деревню,
Отрастил себе бороду,
Сад посадил,
И я счастлив с тех пор.

Я догадался, что ветер
В суете лишь отбывает срок,
И задыхается потом по весне.
И если вдруг тебе захочется
Встречи со мной,
То в город я не ездук,
Ты выбирайся ко мне —

Ты знаешь, как меня найти...

Здесь кузнечик-со-скрипочкой
В травах-дурманах,
А в дубравах поют соловьи.
И дни так проходят,
Что всё мне по нраву,
А ночи проходят в любви.

Над изумрудным газоном
Елозят стрекозы —
Затейливо так егозят..
И если вдруг ты сомневаешься,
Сам убедись, —
Прилетай, приезжай, выбирайся в мой сад,
Ты знаешь, как меня найти:
Над опушкой леса, где живу я —
Ковш, Ковш —
Большая Медведица,
А если вдруг собьёшься с пути,
То в том Ковше — в правом нижнем у-у-у... —
Пушкин, Пушкин —
Он не даст нам не встретиться,
Лети!
Ты знаешь, как меня найти...

ВИДЕЛА БЫ МАМА (КАК ТЫ ЦЕЛОВАЛАСЬ В МЕТРО)

Походка виолончели,
Улыбка сверчка,
Она — на самом деле —
В ожиданье смычка.
Она любого заводит с полуслова,
С полтычка...

Она на чёрное не ставит,
Знает — выпадет зеро.
Она играет, но не давит —
Ходит с карты Таро.
Ах, видела бы мама,
Как ты целовалась в метро...

Видела бы мама,
Как ты целовалась в метро...

Энциклопедия успеха —
Эротический ток:
Она морпеха ради смеха

Валит взглядом между ног,
А дома плюшевые мишки,
Кошки, плюшки,
И вишнёвый сок.

Видела бы мама,
Как ты целовалась в метро...

Видела бы мама, —
Сама бы целовалась в метро...

Александр ЛОЗОВОЙ

БОГ ПЕРЕКРЕСТНЫХ ДОРОГ (сатирический роман о 1950—1970-х годах)

Главы из романа

КАТЯ — КАТАФАЛК

В Москве Сева с матерью остановились у Аркадия в районе Преображенской площади. Сева пошёл со своим направлением в Союзное министерство здравоохранения. Там ему без проволочек выделили место в лечебнице и дали направление. Так как Москва являлась столицей союзного государства, то приезжавшим из республик было предпочтение. Жителю самой столицы, нужно было месяцами хлопотать, чтобы попасть в эту лечебницу.

Перед тем, как ложиться в больницу, Сева решил немного обжиться в столице.

Аркадий рассказал Севе, что в Москве, на улице Кузнецкий мост функционирует студия наброска. Это выставочный зал, но по понедельникам, когда выходной, там собираются художники. Это те члены союза художников, которые не имеют собственных мастерских, и у которых нет средств, чтобы нанять натурщицу. В союзе художников, как впрочем, и во всех других демократических объединениях и обществах, существует своя дискриминация. Некоторые члены

этого союза имели заказы на баснословные суммы и решили отчасти ублажить своих малоимущих коллег и оплачивали им натурщицу и предоставляли помещение. Это, правда, делалось не из личного кармана, а из средств творческого союза. Аркадий убеждал Севу, что каждый художник, хотя бы раз в жизни должен, обязан нарисовать обнажённую: «Я сам уже отрисовался, но тебя туда отведу» Сева никогда в жизни не видевший обнажённой женщины всё-таки решился под нажимом Аркадия пойти в студию.

Он взял акварельные краски, бумагу и баночку для воды, которую наполнил в туалете выставочного зала. Они пришли с опозданием — был перерыв. В зале было уже человек сорок художников разных возрастов, перед которыми лежали их рисунки карандашом и углем обнажённой женщины. Все рисунки были по манере как один: тушёвка, более или менее правильные пропорции, только ракурс немного отличался. Эти художники уже где-то учились, что-то закончили, и рисовали под одну гребёнку. Курировал эти занятия Станислав. Он был приятель Аркадия и уже довольно известный художник.

Переехал в Москву из Кропоткина, города, что при станции Кавказской. По приезде у него образовался, как и, впрочем, почти у всех переселившихся в Москву, феномен Д'Артаньяна (Герой произведения Дюма (отца) «Три — четыре мушкетёра», ред.).

Уехав из захудалой французской провинции среди отрогов Пиренейских гор, в которой говорили на гасконно — каталонском языке, Д'Артаньян, попав в Париж, решил его покорить. Многие в нашей стране приезжали в Москву из мест ещё похуже, чем Гаскония, но достигали гораздо большего. Так во всем партийном руководстве Советского Союза, в так называемом поллитбюро, начиная с 1917 года, кроме Бухарина никогда не было ни одного москвича.

Члены союза художников регулярно выезжали в специальные дома творчества и там им бесплатно предоставлялись все условия для работы. Но художники в основном пьянствовали, и проводили время в дружеских беседах. Станислав оказался не таковым. Он за-

нял мастерскую на первом этаже и начал упорно работать. Вскоре на него стали косо поглядывать другие художники, так как он не принимал участия в общем веселье, и уединялся в мастерской, видимо, неспроста. Чтобы не вызывать зависти у коллег, Станислав повесил на дверях мастерской амбарный замок, чтобы было всем ясно, что его в мастерской нет, а сам залезал через окно и продолжал усиленно работать. Зависть художников к Станиславу не возникала. «И мы не работаем, и он куда-то ушёл. Тоже пьянствует, но скрытно. Не хочет у нас на глазах», — к такому заключению пришли коллеги.

У художников зависть принципиально отличается от остальных людей. Если обыкновенный человек завидует, то это выражается в его беспомощности получать блага от жизни, как никто другой. Зависть у художника — это получить такие же блага, но притом, чтобы другой имеющий этот статус его бы лишился. Своим трудолюбием и, главное, бесконфликтностью, Станислав достиг успеха и признания.

— Да, действительно, голую рисуют, — убедился Сева. На небольшом подиуме, в халате, на стуле сидела девушка. «Однако она из себя представляет нечто, можно было бы её пописать, но не в такой толпе», — Аркадий профессионально представил её фигуру без халата и, оставив Севу, ушёл.

Сева устроился впереди всех на полу у самого подиума и стал разводить краски. Для натурщицы и остальных художников это было в диковинку. Никто из них не приходил с красками, в лучшем случае с сепией.

Девушка сбросила халат прямо чуть ли не на Севины краски, встала в заученную позу и с любопытством стала смотреть на него. Сева с трудом поднял на неё глаза, и у него возникло чувство, что это не она — незнакомая, раздетая девка стояла перед ним, а он был голый перед её глазами. Натурщица продолжала пристально следить за тем, что Сева собирается делать. Севе же казалось, что она только и ждёт, когда он поднимет на неё свои бесстыжие глаза.

Он успел заметить, что на голове у девушки волосы чёрные, а на теле — рыжие. Это не вызвало удивления

у Севы, так как он видел на животных, в частности, на кошках, разные цвета на частях тела, а про обнажённых женщин понятия не имел. Сева сделал кистью два пятна на листе бумаги: повыше чёрное, а пониже — оранжевое, и уже нисколько не сомневался в нелепости своего прихода в студию. Наконец, Сева опять поднял глаза. Девушка в упор смотрела на него и у неё были глаза воровки. Ещё у девушки были курчавые волосы. У Севы было предубеждение, что женщины с вьющимися волосами — коварны. Хотя натурщица свои волосы завивала.

Глаза воровки не встречаются у народности чуди — белоглазой и у раскосых народов. У чуди — белоглазой, прежде всего, обращают на себя внимание, бельма глаз.

Глаза воровки — это не маленькие бегающие плутоватые зрачки. Глаза воровки могут быть только тёмного цвета, и они нагло смотрят в лицо собеседнику. Характерной особенностью этих глаз является то, что нижнее веко чуть припущено, и белки глаз одновременно видны и сверху и снизу. Верхние веки на таких глазах большие, и сами глаза крупные. В нашем городе многие знали про существование таких глаз, и женщин, обладательниц их, называли «воровайка». Такие глаза появляются у человека с детства, однако, это не означает, что люди с другими глазами чисты на руку. К мужчинам, с такими глазами, эта характеристика не подходит. «Глаза воровки» — чисто женское явление. Следует оговориться, что не все с глазами воровки, обязательно, должны в жизни, что-нибудь обязательно украсть. Очень редко с такими глазами бывают и честные женщины. Девушка в упор всё ещё продолжала смотреть на него. В такой волнительной и напряжённой ситуации Сева работать больше не мог, и он мгновенно собрал свои манатки и ушёл. Для себя он решил: «Пусть считается, что я уже рисовал обнажённую натуру». Больше в своей жизни Сева ню никогда не писал. Эта натурщица имела прозвище Катя-Мопс. Есть физиономии некоторых людей, напоминающие собачьи, и у собак морды, похожи на лица. Кто имеет собак, правда, склонны считать, что собаки более сход-

ны с людьми характером.

У профессиональной натурщицы Кати кончик носа был чуть приподнят, и за ней закрепилось прозвище Мопс.

Катя знала об этом прозвище и так как мопсы в основном, за редким исключением, имеют светлую окраску, одевалась в противоположное — во всё тёмное. Она считала, что так меньше будет ассоциироваться с мопсом. Как-то она позировала очень известному художнику, старше её лет на сорок, которого называла просто Яшей, и за которого намеревалась выйти замуж. Но прежде нужно было Яшу развести. Катя-Мопс считала это вполне справедливым, так как жена художника была старая, ворчливая, никогда нигде не работала, без зазрения совести тратила на себя немалые деньги, зарабатываемые мужем. «Только ходит, курит и харкает», — так характеризовала её Катя-Мопс и в своё оправдание считала, что влюблена в Яшу. Ко дню рождения Яшиной жены, Катя-Мопс купила в аптеке стеклянную карманную плевательницу и, послала поздравительную бандероль, указав вымышленный обратный адрес и фамилию. Во время отъезда Яшиной супруги, в их квартире Катя-Мопс подложила в комод среди женского нижнего белья свой бюстгальтер. Когда жена вернулась и обнаружила в своих вещах чужую интимную вещь, поднялся страшный скандал. Яша, естественно, никак не мог оправдаться и жена не могла придумать ничего умнее, как выставить художника жить в мастерскую.

Через какое-то время Яше нужно было ехать в Харьков получать выгодный заказ, и он взял с собой Катю-Мопса. Они выехали из Москвы в двухместном купе ночным поездом. По прибытии в Харьков художник оказался мёртвым. Чуть позже Катя-Мопс позировала одному известному пожилому академику живописи, и он пригласил её поехать с ним в Ленинград, тоже в двухместном купе. При подъезде к Ленинграду с ним тоже случился инфаркт, и он умер.

После второго случая Катю-Мопса художники переименовали в Катю-Катафалк.

Евгений СТЕПАНОВ

СТАРЫЕ СЛОВА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

как трудно быть похожим на молитву
как трудно создать формулу бессмертия
как трудно понять что она уже существует
Христос-человечество читает Николая Федорова
хотя денница-человечество продолжает войну
Хлебниковское радио будущего пришло в каждый дом
в мире остался о д и н поэт его фамилия Фейсбукович
в мире остался о д и н читатель его фамилия Фейсбукович
индивидуализм синоним коллективизма
о вечная пионерская организация человечества
ты это я я это ты мы это Он все очень просто
а в Москве сейчас очень жарко какой-то безумный июль

ЗАЛЕПУКИН ИВАН ИВАНОВИЧ

Главный специалист в области трудолюбия
Начальник отдела улыбок
Топ-менеджер собственной настойчивости
Заслуженный мастер спорта по игнорированию обид

Уолт Дисней собственных снов
Гершвин шипящей сковородки
Пришвин своего приморского садика
Вечный виолончелист твоего доморощенного оркестра

Это я Залепукин Иван Иванович
И я упоительно рад что до сих пор (как это ни странно)
живой
Наплевать что многие считают меня дегенератом
Я все равно улыбаюсь я все равно рад

СТАРЫЕ СЛОВА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Друг, пусть даже самый славный, неизбежно предает.
Враг, пусть даже самый слабый, создает напряг излишний.

Из союзников у русских — только армия и флот.
Только армия и флот. И — как водится — Всевышний.

СПАСЕНИЕ

любовь-война-друзья-враги единый файл тоска и боль
компьютер допотопной эры

любовь-друзья-любовь-друзья единый файл все так легко
и очень сложно

единый файл ты это я он это я мы это Он тогда спасемся

ПОЭЗИЯ

рифмованные мысли
а при чем тут поэзия?

рифмованный стеб
а при чем тут поэзия?

рифмованный бред
а при чем тут поэзия?

поэзия — музыка
Параджанов
Иоселиани
Парижская проза Бунина наконец

SILENTIUM

ни
о чем

ни
о ком

ни
чуть

о silentium

чистая
и безгрешная
тишина

Виктория ДОВЖИК

БУДНИ ЧОКНУТОЙ СЕМЕЙКИ

(Главы из повести)

« — Лиэсса, что ты со мной творишь? — вздохнул Вест и бережно обнял хрупкие плечи колдуньи. Девушка подняла голову и утонула в бездонных фиалковых глазах Повелителя эльфов. Сил, чтобы сопротивляться этому вечному как сама Вселенная зову, не осталось. Вест наклонился и обжег поцелуем ее раскрытые губы. Колени у Лиэссы подкосились, она пошатнулась и эльф подхватил ее на руки.

— Нет! — Лиэсса уперлась в грудь эльфа кулачками. — Поставь меня! Если я сейчас поддамся твоему очарованию, мне никогда не удастся пробудить в себе огненную птицу! И я не смогу раскрыть крылья магии, чтобы помочь своей стране справиться с Горэдосом! Отойди от меня, Вестониэль!».

Бам! — тяжелая книга стукнула Капу по носу и взмахнув раскрытыми страницами, свалилась на пол. Щурясь под прицельным светом ночника, она попыталась дотянуться до лежащего на подоконнике мобильного. Хотя, какая разница, два часа ночи сейчас или три? Немилосердно тянуло в сон, но еще больше хотелось узнать, что герои, наконец-то, перешли от жарких взглядов и редких мимолетных поцелуев к активным действиям. Может, хоть одну главу прочитать, ну, хоть пару страничек? Капа вздохнула и закрыла глаза. Утром опять придется изображать из себя помесь пионерского горна с гудком парохода, поднимая мелких на подвиг. Так. Что она забыла? Мысли свернули с книжного сюжета на привычные утренние хлопоты. Аськину блузку не погладила с вечера. Придется встать на десять минут раньше. Капа вздохнула, представляя себя сонную утром. Ужас. Напомнить про сменку, Родке халат для уроков труда найти... Кеды. Какие кеды? Капа поняла, что засыпает и, пошарив по стене, дернула шнурок с пластиковой пуговкой на конце. Со щелчком комната исчезла, остался только старый продавленный диван и ночные привычные звуки.

Темнота в квартире привычно сопела, храпела и дышала, в углу за шкафом тихо копошилась мышь. Кошку найти бы и сунуть на рабочее место, но ведь сбежит через пять минут, дентяйка, завалится спать на голове у кого-нибудь из детей. Капа повернулась на бок, закапываясь поглубже в одеяло. Нужно бы книгу поднять, вдруг страницы помялись, но шевелиться совсем не хотелось. Во дворе мягко заурчал мотор, кто-то из припозднившихся соседей спешил домой. По темному потолку поползла узорчатая полоска света и подмигнув на прощанье, исчезла. Мысли начали путаться, мягкая легкая тьма наполнила Капу до краев, тело ее стало невесомым и она уже начала уплывать в страну снов, но тут все завертелось вокруг стремительной каруселью, руки и ноги налились свинцовой тяжестью, а сердце пустилось вскачь испуганным жеребенком. Капу вдавило в диван, она поняла, что стремительно проваливается сквозь постель и попыталась заорать.

Выдавив из себя полузадушенный писк, Капа свалилась с дивана и рывком села. Комната раскачивалась, предметы двоились и плавали в темноте туманными силуэтами. Очень хотелось позвать на помощь, и Капе пришлось надавать себе мысленных пощечин, чтобы не разбудить детей и всю округу. Это сон, просто сон и совсем не нужно вспоминать симптомы инфаркта или инсульта из статьи в бесплатной газетенке про здоровье. Капа прижала вспотевшие ладошки к глазам и попыталась дышать спокойно и размеренно. Все хорошо. Просто ты, мать, заработалась. Отдыхать нужно и спать по ночам, а не дурацкие книжки про эльфов читать. Мелькнула мысль про обследование, но Капа, как обычно, отогнала ее в безвременное «потом» и прислушавшись к себе, почувствовала, что сердце больше не стучит в висках и дышать стало намного легче. Поморгав, она встряхнула пару раз головой, чтобы удостовериться, что головокружение прошло и с ужасом поняла, что это не ее комната.

Нет в ней знакомых до последней царапины книжных полок и старого дивана с простеганной ромбами спинкой, а полночная темнота за пару минут успела смениться предрассветными серыми сумерками. Капа огляделась. Заставленная темными громоздкими шкафами

маленькая комната. Вроде бы ничего страшного. В углу тикают ходики, парусом надувается светлая штора на открытой стеклянной двери. За ней видна плотная зелень ветвей на фоне серого предутреннего неба. И все ужасающе настоящее, осязаемое и абсолютно чужое. Даже запах какой-то непривычный. Пахнет сыростью и сеном, что ли. От открытой двери тянет свежестью и босые Капины ноги уже успели озябнуть на холодном полу. Капа поджала ступни и попыталась прикрыть колени растянутой футболкой, которую она обычно носила вместо ночнушки. А потом поздравила себя с самым немислимым, что могло с ней случиться — с «попаданством». Потому что на обычный сон это никак не было похоже. От идиотизма ситуации Капу пробило на смех и она уже хотела побиться головой об стенку, чтобы прийти в себя и прекратить истерику, как вдруг одеяла на кровати зашевелились, из них, кряхтя и зевая, вылез толстый лысый мужик. И уставился на Капу круглыми от удивления глазами.

Капа заорала во всю силу никогда не знавших никотина легких. Ни ее детей, ни соседей, по всей вероятности вокруг не было и поэтому стесняться с выражением чувств она не стала. Толстяк тут же к ней присоединился. С выпученными глазами и распахнутым ртом он был очень похож на вытащенного из воды карпа. Больно ударившись затылком об стенку, Капа поняла, что все время, пока они с мужиком так замечательно орали дуэтом, она отползала от постели. Тихонько, впритирку к стеночке, стараясь не поворачиваться к кровати спиной она поползла к двери. Толстяк зашевелился и протянул руку к плетеному столику возле кровати. Взвизгнув, Капа ринулась в открытую дверь. Проверять, что лежит на столике, очки, валидол или пистолет у нее не было никакого желания.

Небо было покрыто нежными перистыми облачками, расцвеченными в самые красивые цвета, от жемчужно-серого до светло-розового с оранжеватым отливом на востоке. В другое время Капа обязательно полюбовалась бы этим чудом, но сейчас ей не было никакого дела до красот природы. Спрятавшись за кустами на окраине на манер партизана, высматривающего, есть ли в селе фри-

цы, она изучала просыпающуюся деревню. На первый взгляд, деревня была самая обычная. Совсем как какое-нибудь село под Николаевом или Краснодаром. Белые домики под шиферными крышами. Перед ними палисадники с какими-то цветами и заборчики с калитками. Пыльная, посыпанная гравием дорога уходила в поля. Что именно сельские там выращивали видно не было, а выходить на открытое место Капа боялась. Деревня просыпалась после короткой летней ночи, голосили петухи, где-то замычала корова.

Капа отогнула ветку, которая мешала ей разглядеть по-лучше дальний край деревни. Тут же на руку сел раскормленный непуганый комар. Что-что, а комары здесь были совсем как дома. Еще когда Капа, выскочив из дома толстяка, неслась по дороге неизвестно куда, они приняли ее как родную. А может как новое экзотическое блюдо. Кровью Капы комары не травились и в страшных муках не умирали. Значит, жизнь здесь была самая что ни на есть белковая. И это определенно радовало. Очутиться в мире, где белковому существу даже есть нечего, не хотелось.

Очнувшись от размышлений, Капа смахнула кровопийцу с руки. Ветка, которую она до этого держала, распрямившись, больно ударила ее по лицу. Куст закачался, тучи комаров взмыли вверх и закружились над несчастной Капой. Она опасливо посмотрела вверх и отошла от комариного облака подальше. А потом села на траву и попыталась собрать разбегающиеся мысли в кучку. Легче всего было бы предположить, что все это сон или галлюцинация. Что Капа просто перечитала всяких книг про попаданок и ей все это кажется. Но покусанные комарами лодыжки сильно чесались и ныл большой палец на правой ноге, которым Капа ударилась о камень, когда бежала по деревне. Да и гравий на дороге ее босым пяткам не слишком понравился. А еще на память о посещении спальни толстяка у Капы осталась занавеска, в которой она запуталась и случайно сдернула с двери, когда ринулась, не разбирая дороги прочь из его дома. Капа сделала из нее что-то вроде юбки. Все таки растянутая футболка, едва прикрывающая ляжки, не самая приличная одежда. Занавеска была желтоватая, мягкая на ощупь, очень

похожая на обычную марлю. Капа потуже затянула узел на животе и принялась размышлять. Она чувствует боль, слышит звуки и ощущает запахи. Ей холодно и очень хочется пить. А еще она только что сходила пописать за соседний кустик. И эта реальность совсем не похожа на ее дом. Значит, Капу непонятно какая сила куда-то забросила. И тут возможны варианты. Может, ее просто перенесло в пространстве и это родная планета, и даже родная страна. Или, что вероятнее всего, ее занесло в другое время. Все-таки здесь не было никаких признаков осени, а дома Капа уже давно спрятала летнюю одежду и выдала чадам куртки. При мысли о детях Капе стало плохо. Вся ее решимость быть сильной даже в такой невероятной ситуации рассыпалась к чертям собачьим и Капа просидела какое-то время, вспоминая детей и отчаянно мечтая немедленно проснуться в своей кровати. Но, видимо, могущественные силы или какая-то непонятная хрень, которая перебросила Капу сюда, не спешили подчиняться ее желаниям и поэтому ей в конце концов пришлось встать и продолжить исследование места, в которое она попала. Трава, кусты и деревья вокруг выглядели смутно знакомыми. Из всей этой ботаники Капа точно опознала густые заросли крапивы и кусты с волчьими ягодами. Хотя, волчьи ягоды, кажется, черненькие. А эти темно-синие, с сизоватым налетом. Но листья точно похожи. А вот в деревне было что-то неправильное. И сейчас Капа, встав на носочки и вытянув шею пыталась разглядеть из-за кустов, что именно не так. А потом поняла. Антенны! Ни на одной крыше не было телевизионных антенн. Да и столбов с протянутыми вдоль дороги проводами тоже не было. Капа попыталась вспомнить, когда придумали шифер, до лампочек Ильича и всеобщей электрификации или после? Но в ее багаже знаний такой информации не было. В принципе, не важно, есть здесь электричество или нет, если она сейчас находится в параллельном мире. Вполне возможно, что эта реальность вообще не заселена людьми. И мужик, у которого она очутилась в спальне, только сверху выглядит обычным лысым дядькой в майке-алкоголичке. Ноги-то у него были закрыты одеялом. Может, у него копыта и хвостик. Или вообще, щупальца. Капа представила себе толстяка

с шупальцами вместо ног и ей резко перехотелось идти в деревню.

— Ну что, попала? — От неожиданности Капа подпрыгнула и чуть не влетела в заросли крапивы. Сзади нее стоял совершенно не страшный старичок с удочкой на плече и большой корзиной в другой руке. Из корзины высовывались рыбы хвосты, прикрытые травой. В потрепанной коричневой куртке и закатанных до колен штанах дедок выглядел совсем безобидно. Капа покосилась на его ноги. Ничего необычного в них не было.

— Я говорю, попала, что ли? — повторил старичок вопрос. Капа закусила губу и кивнула. Говорить сил не было, горло сдавило и на глаза навернулись слезы. Наконец истерика ее догнала.

— Ну, ну, тихо, дуреха, — ласково сказал дедок и, поставив корзину на землю, подошел к Капе. Она только решилась рассказать ему свою невеселую историю, как вдруг старичок размахнулся и со всей силы ударил ее кулаком в лоб. Капа пошатнулась и полетела в темноту.

Очнулась Капа от пронзительного вопля будильника. В комнате было светло. Она лежала на своем любимом диване и все вокруг было таким родным, что Капа чуть не расплакалась от счастья. Все это был сон, только сон. Нужно как можно быстрее забыть весь этот бред и приниматься за обычные утренние дела. Капа села на постели и огляделась. Одежда лежало на полу, из под него выглядывала книжка с грудастой девицей на обложке. Будильник не замолкал, Капа потянулась к подоконнику, чтобы его заткнуть и в этот момент над ее головой что-то влажно чпокнуло и ей на колени свалилась большая скользкая рыба. Какое-то время они с рыбой смотрели друг другу в глаза. Капа с опаской дотронулась до ее холодного бока. Рыбина открыла рот, хвост ее слабо шевельнулся. Капа немного подождала. Говорить что-либо рыбина не хотела или не умела и не очень смахивала на Золотую рыбку из сказки. Чешуя на ее боку была ободрана, к плавнику пристала травинка. Занавеска на капиных коленях пропиталась влагой, узел давил на живот. Подарок неизвестного рыбака затрепыхался, норовя соскользнуть на пол. Капа перехватила поудобнее рыбу обеими руками и в этот момент в комнату вошла сонная

растрепанная Аська.

— Мама, почему ты меня не разбудила! Мама?! — Капа посмотрела в круглые от удивления Аськины глаза и поняла, что правду она детям рассказывать не будет ни при каких обстоятельствах.

— Это что, рыба? — Капа представила, как она сейчас выглядит, в занавеске, с грязными искусанными ногами, нежно обнимающая большую трепыхающуюся рыбину. Ей срочно нужно было придумать убедительную историю, чтобы не выглядеть полной шизофреничкой.

— А это дядя Вася из пятого дома поймал. Он на ночную рыбалку ездил. А рыбы получилось много, вот он мне позвонил на мобильник и поделился. Мы же его детям вашу одежду отдаем. И велосипед Родькин отдали, а он почти новый был. Только ты тете Тане ничего не говори и Славику с Катей. А то тетя Таня ругаться будет, что Вася все раздаст. Ты же знаешь, она всегда на него ругается.

Капа несла всю эту чушь и с ужасом смотрела на удивленно поднятые Аськины брови. Дочь ей не верила, но так как взрослые по определению не врут, Ася вздохнула совсем как сама Капа, когда ловила своих школьников на вранье.

— А что ты с рыбой в постели делаешь? И что это за тряпка на тебе надета?

— А, эта? Да я халат не нашла, а Вася уже с порога позвонил, так я с полки схватила, что попало, а это кусок марли оказался. А потом голова так чего-то закружилась, хотела рыбине тазик налить в ванной, да так плохо стало, что я на кровать присела. — Капа заулыбалась, пытаясь понять, поверила Аська хоть чему-нибудь из ее сумбурного рассказа.

Ася пожалала плечами и с видом «мне все по фиг», побрела из комнаты.

— Я в ванную. Мам, ты блузку погладила?

— Подожди минутку, нужно для рыбы тазик налить. — Капе очень надоело нянчиться с рыбой, а дочь могла закрыться в ванной на целый час и достучаться до нее в это время не было никакой возможности. Капа швырнула желтый пластиковый тазик в ванну, положила туда рыбину и сняла со стойки шланг душа.

— О, какая рыбица! Откуда? Мама, а ты знаешь, что

мы на первый урок уже опоздали? — в ванную заглянул Родька. Его попыталась отпихнуть сестра и следующие пять минут в квартире раздавались вопли разъяренных команчи.

— Пусти, я первая!

— Обойдешься, ты там будешь целый час торчать, а мне только умыться!

— Придурок, ты мне ногу отдал!

— А ты не толкайся!

Капа счастливо улыбнулась и пошла будить Леську с Яриком. Это был ее мир, ее семья. И никакие другие миры ей были не нужны.

* * *

Вечером того же дня Капа с остервенением драила холодильник. Дети давно спали, но Капа не хотела ложиться. Ее посетило очень редкое настроение, которое называлось «чокнутая домохозяйка». Капа уже вымыла пол и столы, перемыла и перетерла всю посуду, включая доставаемые только по праздникам хрустальные бокалы и салатницы, надраила плитку и микроволновку. И теперь с сожалением констатировала, что холодильник сияет и на кухне больше мыть нечего. Она уже собралась было перейти к кафелю в ванной, но потом со вздохом села на кухонную табуретку и решила себя больше не обманывать. На самом деле Капа просто до жути боялась лечь на диван, в давно расстеленную постель, выключить свет и закрыть глаза, чтобы заснуть. Ощущение тяжести во всем теле, которое тянет ее сквозь диван как сквозь стоячую воду в пруде ни в какую не хотело забываться. Капа понимала, что ей все равно придется с собой справиться и лечь спать, но заставить себя не могла. Может, привязать себя за ноги и за руки к кровати? Где-то на антресоли ей недавно встречался моток бечевки.

Собрав все свое мужество, с бечевкой в руке, Капа прошла в свою комнату. Раскрытая постель манила, соблазняла отдыхом и спокойным сном. Она ждала, когда Капа привяжет себя к дивану и уснет. И тут Капа поняла главную свою ошибку. Это в эротических фильмах героини в кружевном белье легко привязывают мускулистых героев к кованым спинкам кроватей, а потом начинают над ними издеваться

по-всякому. А у Капиного старого кургузого диванчика нет изящных кованых завитков на спинках. У него вообще никаких завитков нет. Капа отодвинула подушку и задумчиво заглянула в щель между диваном и спинкой. В принципе, можно исхитриться и протянуть веревки под креплениями. Сначала ноги привязать, потом одну руку, потом другую. На руках можно оставить веревки длиннее, чтобы удобнее было себя завязывать и развязывать. Она представила, как спит, привязанная бечевкой к кровати и утром входят дети. Нет, так нельзя. Нужно завести будильник и встать хотя бы на час раньше детей. Капа уже начала просовывать конец бечевки под крепление дивана, как вдруг ее сразила ошеломляющая мысль. А вдруг сегодня не ее очередь ходить в другой мир в гости? И ночью на нее с ответным визитом свалится давешний толстяк? А она вся такая готовая и привязанная. «Барышня легаи и просять» Или еще хуже. В прошлый раз ее с огромной силой протягивало сквозь диван. А вдруг веревки выдержат, а руки-ноги нет? И она таким неаккуратным обрубочком свалится к толстяку, а ее привязанные конечности останутся на родном диване? Утром входят дети... В общем, все серии «Пилы» ее домашнему видео даже в подметки не годятся.

Капа расстроилась и, зашвырнув веревку в ящик стола, вышла на кухню. Оставался единственный способ нормально заснуть. Напитаться. Она вытащила начатую бутылку «Кагора», оставшегося с Нового Года, взяла чистейший хрустальный бокал и с мрачным видом начала пить. Через полчаса вино было уже на доньшке, а Капа сидела и вспоминала всю свою дурацкую жизнь. Ей было до слез себя жалко. Все ее детство было потрачено на войну с собственной матерью. Мама воспитывала дочку в лучших педагогических традициях. Дочка в ответ сопротивлялась, хитрила, а позже бунтовала со всем пылом юной души. В шестнадцать лет, когда нужно было получать паспорт, из чувства протеста и из вредности она поменяла имя. И стала из заурядной Светы Капитолиной, насмешив одноклассников, удивив учителей и сильно огорчив родителей. И упрямо держалась за свое новое имя, даже когда сверстники стали называть ее Капой вместо такого красивого и изящного имени Лина, а мама договорилась со знакомой паспортисткой про замену паспорта, чтобы вернуть себе дочь Свету.

Впоследствии она привыкла к Капе и имя прилипло к ней как вторая шкурка. Нелепая разнесчастная Капа. Она сделала еще один большой глоток из бокала и утерла набежавшие слезы. Даже в другой мир она не смогла попасть как следует. Во всех прочитанных ею книгах попаданки становятся принцессами или воительницами, получают магические дары и новое прекрасное тело. Все встречные-поперечные ими восхищаются, а эльфы и принцы влюбляются и зовут замуж. И у попаданок всегда есть магические животные, умеющие разговаривать. И только дурында Капа умудрилась свалиться на пожилого толстого дядечку, спереть у него занавеску, а потом бестолково прятаться в кустах, на радость местным комарам. Капа всхлипнула. И животное ей выдали совсем не волшебное, а самое обыкновенное. Капа все утро просидела на полу в ванной, наблюдая, как рыба лениво шевелит жабрами и разевает рот и так и не смогла заставить себя ее убить. Мысль о том, что она предложит детям на обед жареную иномирянку, вызывала у нее ужас. Поэтому она затолкнула рыбу в пакет и выпустила в пруд в соседнем парке. А на обратном пути самым неприличным образом шарахнулась от какого-то старичка, который выгуливал в парке собачку. И долго сидела на скамейке, унимая дрожь в коленках. А потом пошла в ближайший супермаркет и купила большого снулого толстолобика, прекрасно зная, что дети будут жаловаться на мелкие кости и доедать рыбу придется ей самой. Дура ты, дура, Капа и жизнь у тебя была дурацкая. И мужья у тебя были идиоты, даром что оба художники. И все хорошее, что получилось из двух твоих браков — так это только дети. А из тебя даже художника не получилось. Капа посмотрела на остатки вина в бутылке и допила прямо из горлышка. Выбросив бутылку в мусорное ведро, она побрела в комнату. В голове шумело и все вокруг расплывалось. Состояние было неприятное, настроение соответствующее. Но бояться сил уже не было. — Так можно и алкоголичкой стать — подумала Капа и рухнула поверх одеяла. Свет она выключать не стала. Через несколько минут, когда Капа уже спала, он с тихим щелчком погас сам. (Продолжение следует).

Юлия БОЛОТИНА

ПОЭТЫ

Неоперившиеся ангелы,
Поэты ходят по земле.
Им тяжело! На небо надо бы!
Да не видать пути во мгле.

Всё дал Господь! Не дал терпения!
Вот и кричат, и голосят.
В чернилах тонет оперение,
В потёмках тонет острый взгляд.

Ручьями горя ли, веселья ли
Их жизни сквозь века текут.
Нет смерти — нет и воскресения.
Они навечно с нами, тут.

Но их трудами мы обучены
Душой хоть чуточку парить —
И со звездой, и с чёрной тучей,
И с Божьим небом говорить.

ЛЮБОВЬ

Это всегда ТАК и было на свете.
Просто тогда это было не с нами.
Эти волненья и радости эти
Стали уже многократно стихами!
Песнями стали и толстыми книгами,
Красок тончайшей игрой на холстах.
Но никогда вот до этого мига мы
Не представляли с тобою — КАК?

БОЯРЫНЕ МОРОЗОВОЙ

Ах, вот и мне — дорогой белою —
Мимо молчаливых полей,
Мимо сиротливых церквей,
Ах, вот и мне с моею верою —
То ли от опальных князей,

То ли от кандалных стезей,
Ах, вот и мне по утрам в путь.
Ты судьбу мою отчаянную,
Да любовь мою нечаянную,
Да попевочку печальную
Помяни когда-нибудь.
Ах, вот и мне хворобой вечною —
То ли православный звон,
То ли порасправный стон.
Ах, вот и мне растаять свечкою
Не у золочёных икон —
У заколоченных окон.
Ах, вот и мне — в безвестный край.
На Руси морозно дышится,
Далеко бубенчик слышится,
И уже навстречу движется
Золотой безлюдный рай.

СКАЗОЧКА ПРО КОТА

Этот кот по сути лев.
Этот кот по сути прав.
Переспав и переев,
Ходит гордо, хвост задрал:
 Влево — песню заведёт
(Знают кошки тот напев),
Вправо — вспомнит анекдот
(Это так, на разогрев).
— Где ты ночь шатался, мот?
Кот ответа не даёт.
Только песню заведёт
Или снова анекдот.
 Экий царственный стервец!
 Золотая цепь при нём.
Тут и сказке бы конец,
Так ведь мы же с ним живём.

Стихи шуршали под ногами —
Осенний щедрый урожай,
Влетали в дверь, просились с нами:
90 Бери, бери, не обижай!

В любом — особенная прелесть,
Узор единственный резной!
Им так отчаянно хотелось
Наполнить землю новизной!

И в каждом теплилась надежда,
И в каждом слышалась душа.
Их осень бросила небрежно,
Не слишком, видно, дорожа.

Мы взяли несколько на память —
Среди страниц их разместить
И удивления прибавить,
Когда случится здесь открыть.

Воды вешние — вечные слёзы:
Как весна, так на память — война!
Без ответов кочуют вопросы,
И колышется горе — без дна.

Илья ЕГАРМИН

СНЕГОВИК

Козловский. Это моя фамилия. Меня можно было бы обрисовать карандашом по контуру, для ясности, но контур мой и так виден, пусть призрачно, но всё же виден. Я подхожу к окну. Под моими веками гуляют сквозняки. Это сквозняки весны. Все слова, что умерли вчера ночью в моей голове, я сегодня перевожу на бумагу. Лучше никогда не проговаривать слов внутри себя, иначе пожнёшь трупы и вонь. Но, увы, — мечты, мечты. Воображение. Под полуприкрытыми веками Козловского гуляли весенние сквозняки. За окном, забрызганным холодными каплями мартовского дождя, шевелились голые деревья, а по талой воде проходила порывистая рябь. Козловский не пил несколько дней, и сейчас обдумывал это. А глядя на ненастье за окном, думал об агрессивности ветра, агрессивности шевелящихся деревьев и агрессивности рисунков на воде.

Снег сходил. Солнце изредка прорывалось и раскаляло комнату Козловского добела. Козловский давно не выходил на улицу — многообразные звуки города (вопли машин, лай собак, чудовищное молчание Москвы-реки) сводили его с ума. Но даже здесь, в комнате, полной битого стекла и невыносимого жара, Козловский затыкал уши специальными затычками. Эти затычки значительно усиливали жар в голове. Но создавали тишину.

— Тишина эта, — говорил обычно Козловский, — только внешняя. Она мне совершенно не помогает, от неё никакого толку.

А толку, действительно, не было никакого. Стёкла, разбросанные по всей комнате (недавно Козловский разбил себе об голову стакан), — эти стёкла были крупные и мелкие. Пылесос сломан, а руки Козловского не работали. Это была такая болезнь или это только так казалось.

Глядя в окно, — с трудом написал Козловский, — я вижу, как шевелятся деревья, вижу, что небо становится всё сильнее, особенно по ночам. Фонари по ночам горят с переменным успехом, но, тем не менее, в моей комнате ни разу не бывало полной темноты. А темнота, говорят, помогает людям, даже таким, как я. Хотя в детстве я очень боялся темноты. Да... Родители рано положили меня спать в отдельной комнате, и однажды ночью я почувал неладное: кто-то приближался ко мне. Кто-то находился в моей комнате, но я онемел под одеялом. Я не мог, да и не хотел ничего предпринимать. А потом в полосе уличного фонарного света на полу я увидел старомодные остроносые ботинки и тёмный контур широкополой шляпы. Это был Дьявол. Но мне никто не поверил, потому что этим Дьяволом был я сам.

Сейчас, чтобы внести в свою ночь хоть частицу темноты, я купил чёрное постельное бельё: чёрная простыня, чёрный пододеяльник, чёрная наволочка. Всё. Поддела сделано. А остальную половину сделать не представляется возможным — фонари по-прежнему мигают, а бракованные стеклопакеты (нам их устанавливали на халяву, когда ремонтировали дом) пропускают с улицы шум уборочных машин, которые медленно, с вязкими, заторможенными мигалками, проходят прямо под окнами в 3 часа ночи. Мне кажется, что темнота и шум несовместимы.

Всё это я пишу, чтобы разговаривать с вами. Потому что иного способа выйти на контакт нет. Я обитаю в мире, настолько чуждом миру людей, что мне необходимо полностью перестроить мыслительный и речевой аппараты, переключить кожу, изменить химический состав крови, а самое главное — изменить стиль одежды и манеры поведения, чтобы быть хоть сколько-нибудь адекватным, находясь в обществе. Можете считать это гордыней.

А что касается света и тьмы, то после прихода Дьявола я стал спать с ночником, но этот ночник создал новые прецеденты, — блуждание теней и их звуков. Я спал с ночником лет до 18, после чего неожиданный и совершенно новый ужас пронзил и обездвижил меня. Страх перед темнотой полностью исчез. Я даже стал искать темноты. А снаружи ничего не было, кроме шевеления старых тряпок, урчания воды в ночных трубах и скрипучих фонарных теней.

Не знаю, почему я полюбил зиму. Медленно падающий снег. Тускло-зелёные фонари. Уютное завывание метели и лёгкое колебание ставень. Словно плавно бегут белые волны...

В детстве я видел смерть несколько раз. Однажды, когда мне было лет 12, мы с другом возвращались на троллейбусе с толкучки, где продавали популярные в то время наклейки «Италия-90». Троллейбус уже повернул на нашу улицу, когда мы обратили внимание на большую толпу народа, сгрудившуюся возле одного из подъездов старой синей двадцатидвухэтажки (редкие и страшные дома). Недалеко от толпы стояла реанимационная машина.

Мы заинтересовались и вышли на ближайшей остановке. Накапывал мелкий осенний дождик, ветер срывал листву с голых деревьев. Подойдя к месту скопления народа, мы сразу увидели причину этого скопления — на асфальте лежало как-то неестественно вывернутое тело молодой женщины. На шее женщины была верёвка. Рот женщины с тонкими осколками зубов был широко раскрыт, словно она беззвучно, но неистово кричала. Глазупуговицы — полуприкрыты. Рядом, на асфальте, лежал мозг этой женщины. Этот мозг, разлетевшийся от удара на куски, лежал в луже крови, и на него уже набросили белую тряпку, но её сдуло ветром, и она зацепилась за

ветви какого-то дерева. Я внимательно смотрел на куски мозга. Они были бело-розовыми и чем-то напоминали консервированное крабовое мясо. Помню, я никак не мог понять: почему веревка на шее? Женщина, как сказали, выбросилась с 14 этажа. Так вот, на мозг я смотрел спокойно, а грязная веревка на шее меня напугала.

Другой случай. Работница нашей АТС выбросилась (или выпала) из окна своего кабинета на 8 этаже. Удар пришёлся прямо головой в асфальт. Мы, помню, часто потом ходили смотреть на эту вмятину — круглая лунка в асфальте с рубиновыми вкраплениями. Эта вмятина долго не исчезала; зимой её заносило снегом, а по весне мы видели её вновь. Может быть, она и сейчас там, не знаю, ибо я давно покинул те места и живу теперь в центре Москвы, где воздух далеко не так чист.

Об остальных случаях умолчу, они не настолько запомнились. Да и эти потихоньку блёкнут — водка высушила процентов сорок моей памяти.

Также я часто находил деньги. До определённого возраста, лет до 12. Рубли, тройки, пятёрки. Чаще всего рубли и тройки, а по тем временам это были серьёзные деньги. На три копейки можно было напиться газировки с сиропом, а на 1 рубль сходить в видеосалон на «Красную жару» (тогда название этого фильма почему-то переводили как «Красный полицейский»). Не исключено, что оба перевода верны, равно как и наоборот»).

Но мимо, мимо. Только вот, куда «мимо»? Написать роман? Написать роман для меня — сущее западло. Я почти уверен, что никогда не напишу его. Я вообще не понимаю, как человек может написать роман. Это ведь требует терпения и усидчивости, а это всё не про меня. Я катастрофически ленив. Все явления генерируются во мне по образу и подобию взрыва, — я могу уложиться на нескольких страницах. Но это будет концентрат. Не размазывание соплей, а именно концентрат соплей. Вы можете положить его себе под язык и отправиться странствовать. И в каждом окне поезда вам будут сниться сказки Андерсена. Под «каждым окном» я разумею те виды, те города и селения, которые вы будете проезжать, храня мой концентрат под языком.

В одном из «посланий» Козловский написал: Я бросил

пить и, разговаривая с бумагой, рисую себе картины мира. Как этот жгучий мартовский ветер рисует картины своего мира на воде. Страшно существо, заброшенному в это море. Завтра или послезавтра, или Бог знает, когда, будет единственный день, когда наступит сегодня. Я ухожу вдаль, и двери со скрипом закрывают глаза. Никто здесь не скажет мне, праведен я или грешен, лжец или же с моих уст слетает истина. Никто здесь не скажет мне, кто я. Завтра жена возвращается утренним поездом, но что мне от этого? На столе, в вазе, её ждут свежие лилии, их аромат наполняет всё моё жилище и всё моё ожидание, но какой мне от этого прок, если я не знаю, кто я? Снег сходит с крыш. Воды стремятся вперёд, унося сигаретный дым, осколки и воспоминания. Потом наступает вечер, и двери со скрипом закрывают глаза. В конце марта Козловский всё же решил выйти на улицу. Синие весенние сумерки стояли на лестничной клетке, и спускаться вниз было легко.

На улице Козловский вдохнул полной грудью. И зажёт сигарету.

Козловский двинулся вперёд; голые ветви и фонари поплыли над его головой. В сточных канавах шумела вода, и коты пели, как дети. Кругом, куда ни глянь, синел оставшийся снег, и свет его проникал в самую глубину глаз. Сердце Козловского тревожно билось, а его неопрятный внешний вид, — следствие долгого затворничества, — в этих сумерках не особенно был различим. Тем не менее, ботинки Козловский надел поверх домашних тапок, а старое демисезонное пальто в клетку — поверх полосатой пижамы. Домашний галстук и ночной колпак также присутствовали. Сердце тревожно билось. Такой наряд, — подумал Козловский, — может не понравиться даже собакам. Вертикальные же существа просто выбьют зубы и глаза.

Но Козловский не являлся безоружным человеком. Во внутреннем кармане пижамы у него находился стилизованный под маузер газовый пистолет. Газ в нём был просроченным, но нервнопаралитическим; можно было свалить быка. По крайней мере, больного быка.

— Боже, во что я превратился, — разговаривая сам с собой, произнёс Козловский. — Не пью всего неделю, а чув-

ствую себя живым пугалом огородным.

Козловский поднял глаза к фонарю, под которым остановился. Фонарь приглушённо мерцал и как бы стеклянно говорил.

— Да, — продолжал Козловский, продвигаясь дальше под бесшумными деревьями. — А в тапках тепло. Как в носках... Зима, всё-таки, спокойнее, — чуть не вскричал он, но тут же зажал рот руками и огляделся по сторонам. Мимо него, цокая, прошла молодая женщина в обтягивающих лаковых сапогах.

— Серебряное копытце, — прошептал Козловский, провозжая женщину указательным пальцем. — Цок-цок-цок. А без сапог будешь на две головы ниже меня. Вот тебе и всё серебро. А что, если откусить тебе каблучки, как тогда пойдёшь? На цыпочках? Будто воровка?

Козловский махнул рукой и отвернулся в другую сторону. Неожиданно его внимание привлёк странный звук. Он прислушался. Что-то тяжёлое, металлическое скребло по асфальту. Козловский пригляделся. Двигалась крышка канализационного люка. Через некоторое время из люка показалась лысая голова в оранжевой каске и круглых очках.

— Добрый вечер, — произнесла голова. — Как поживаете? — Хорошо, — сказал Козловский.

— А зачем вы так поживаете? — сказала голова и высунулась по пояс. Это был коренастый старик в тёплой брезентовой куртке. В одной руке он держал связку ключей, в другой — лампу с зелёным абажуром. Козловский не нашёлся, что ответить.

— А что, если поджечь твои потные яйца, а? Как вы считаете? Шучу. Как ваше имя?

Козловский зажгёт сигарету и назвал.

— Хорошо, — произнёс старик и вылез полностью. — А я Антуан. Но будет лучше, если ты будешь называть меня Антоном. Я во Франции жил-то всего один день. Включая дорогу туда и обратно. Поэтому Антон.

— Сигарету, Антон?

— Пожалуй, нет. Не курю.

Старик поставил лампу на асфальт, возле люка. Лампа струила мягкий зелёный свет.

— А как она работает? — спросил Козловский.

Старик поднял глаза к весенним звёздам.

— Беспроводная, — вполголоса произнёс он. — На аккумуляторе. Скоро сядет. Гаснуть будет медленно, как свет в кино. Мы и не заметим, как она полностью исчезнет. Да и мы тоже.

Старик понюхал воздух.

— Сколько сейчас времени? — сказал он.

— Я не знаю, — сказал Козловский. — У меня часов нема. Все часы дома.

— Слушай, не впадлу, сбегай, посмотри? И вынеси два стакана.

— Чёрт с ним! — сказал Козловский. — Спросим у кого-нибудь.

— Стаканы спросим? — прищурившись, сказал старик.

— Время, — сказал Козловский. — Стаканы купим.

— Ну, это уж по твоей части. Я уже лет двадцать ничего не покупаю. И тебе не советую. Короче, не хочешь идти домой, — не надо. Но в этом был смысл.

Старик извлёк карманные часы на цепочке, откинул крышку. Под крышкой оказался белый порошок.

— Будешь? — спросил старик.

— А что это?

— Снег. Он под землёй лежит круглый год. Отсыпь себе и нюхай.

— Да ты гонишь, дед. Какой снег? Снег такой не бывает.

— Ты-то почём знаешь, какой он бывает?

— Видел.

— «Видел». А кроме того, что видел, — ничего не видел. Бери и нюхай.

Козловский отсыпал себе немного белого порошка. Уже полностью стемнело, но небо над головой было кристально синим. Тёплый ветерок трепал верхушки тополей. Козловский вдохнул левой ноздрёй. Фонарь, качнувшись, мигнул над ним. Старик внимательно смотрел на лицо Козловского.

— Ну как? — сказал он.

— Холодно, — произнёс Козловский. — Левая половина тела как будто под наркозом. Вся заледенела. Ничего не чувствую.

— Отлично. А теперь другой ноздрёй.

Козловский вдохнул правой ноздрёй.

— Ну? — сказал старик.
— Ничего не чувствую, — сказал Козловский. — Тело словно исчезло. Мне даже кажется, что я ничего не вижу. Вернее, как будто кажется, что вижу.
— Смерть наступит часа через два, — сказал старик. — Покамест можно пройтись.
— Какая смерть? — сказал Козловский.
— А тебе не всё равно? — петухом закричал старик.
— Как будто бы да, — ровным голосом произнёс Козловский. — Белое всё.
— В каком плане белое? — прищурился старик.
— Всё белое. Деревья, дома, — Козловскому показалось, что он поёт. — Ты тоже белый. Небо белое, а уже ночь.
— А луна?
— Луна тоже белая, чёрт возьми. Даже не знаю, как это объяснить.
— Не надо ничего объяснять. Вали всё на меня.
Старик вырвал из бороды два волоса и завязал их в узел:
— Снеговик будь снеговик. Светила свергну корона шар огонь катись по изнанке. Снеговик, то есть Снежный человек.
Козловский печально закрыл глаза.
Снежный человек, или Снеговик, открыл глаза. Он стоял у входа. Огромный храм был едва различим в густой снежной пелене. Опускались сумерки. Снег ложился в нечувствительные ладони. Колючие иглы.
В храме пели. Снеговик огляделся. Похоже, что он в тихом провинциальном городе; сквозь снег и сумерки мерещились покосившиеся заборы, мутные, красные окна в приземистых домах. И воздух. Воздух здесь как-то немислимо чист. Снеговик пошевелил ноздрями. Слеплен он был на славу; череп глухо сдавило настоящее ведро. Под этим куполом, словно эхо, словно летучие мыши, — призрачные вибрации ума.
Снеговик был жив. Вдалеке лаяла собака. Едва слышно шумели сосны над головой, и слёзы подступали к горлу от вида этих тусклых лубочных огней в окнах. Я чувствую, как звенят ключи у меня в ушах, — сказал Снеговик в снег. Тайные подземные воды у меня в ушах; они омывают мой раскалённый добела мозг. Раскалённый, так сказать, «обратным» огнём. Что же это за город? Вот

узкая улица, петляя между заборами, уводит круто вниз. В овраг. И в овраге тоже приглушённые огни, приземистые силуэты домов. И всё здесь дышит тишиной и пространством.

Надо идти. Но куда идти? Снежный человек сделал шаг в сторону храма. Двери были открыты, и в глубине туманно мерцали огни. Снежный человек прислушался, остановившись в дверях. Понюхал воздух. Пахнет ладаном, как обычно, однако поют, как показалось Снежному человеку, несколько странно, не то. Это необычная служба, — сказал сам себе Снежный человек и вошёл в храм. В густом сумраке свечей видимость слабая. Практически ничего не представлялось возможным различить. Контурь тёмных фигур в длинных одеждах. Снежный человек взгляделся в полумрак. У алтаря, едва различимый, стоял операционный стол, на котором, как будто, лежало тело. Интересно, верующий ли я? — сказал Снежный человек. Его снежные глаза постепенно привыкали к темноте, будто таяли. На операционном столе у алтаря действительно лежало тело, завёрнутое в белую материю, и только наголо остриженная голова неловко, нелепо торчала. Голова была словно в испарине; коричнево-золотой свет лизал её. Снежный человек поднял глаза на огромный, тёмный иконостас и ещё раз спросил себя, верующий ли он. Сложный вопрос, — сказал сам себе Снеговик. Может ли быть хоть крупница веры в существе, вылепленном из снега? За храмом протекает река, названия её я не помню, врать не буду; так вот: если Снежный человек сумеет переплыть её... Войти в эту тёмную, в снежных звёздах, воду... Плыть-то всего ничего. Потом выйдешь на том берегу... Снежный человек смотрел на то, что происходило в храме. Он заметил, что «Снеговик» и «Снежный человек» — совсем не одно и то же, хотя эти два «понятия», безусловно, указывают на одно и то же существо. Но Снежный человек, как казалось, мог войти в реку и переплыть её, а Снеговик — нет. Вот и вся разница, — сказал Снежный человек. И в этом заключается вопрос веры Снежного человека-Снеговика.

Между тем по покойнику на операционном столе служили панихиду. Снежный человек понял это загадочным снежным чувством, несмотря на то, что всё было

очевидно. Языки свечей вяло лизали бритую, словно смазанную машинным маслом голову усопшего.

— Трепа-ан! — низким, словно подземным голосом пропело существо в тёмной длинной одежде и клобуке. Да, так это называется. Клобук. Лица не видно, только широкая, чёрная борода.

— Трепа-ан! — подтянули высокие голоса с хоров.

Неожиданно всё замерло, и в тишине раздался тонкий, приятный для слуха Снеговика визг. Вздогнуло паникадило, обдав Снежного человека облаком нежного, необъяснимого аромата. Он даже увидел его цвет — зелёный. «Святая ночь». Трепан, клобук. Мне, вроде как, знакомы эти наименования. Особенно трепан. Приятное металлическое жужжание наполняло храм. Неожиданно усопший пронзительно закричал:

— Не-ет!!!

Страшным, медвежьим голосом.

— Да-а-а! — глубоким басом в унисон пропело несколько голосов.

— Да-а-а! — посышалось с хоров.

Прихожан было немного. Оперировал крошечный человек (послушник?). Скорее, даже не послушник, а трудник. Оперировал неумело, — даже для Снежного человека, ровным счётом ничего не смыслящего в медицине, это было очевидно. Крышку черепа усопшего грубо, с треском, вырвал, словно выломал. Так не годится. Что-то потекло по полу, а трудник, лицо которого было сплошь замызгано, покорно перекрестился и с улыбкой бросил трепан в пропитанный ладаном воздух. Инструмент ловко поймал левой рукой высокий иеродиакон в огромных квадратных очках.

— Скальпель! — подземным басом пропело существо в клобуке.

Не-ет!!! — страшным голосом кричал усопший.

— Да-а-а!

Снежный человек подошёл поближе, чтобы рассмотреть всё происходящее. Он разглядел заляпанный кровью операционный стол, грязную простыню, в которую был завернут усопший, забрызганное лицо усопшего, который отчаянно моргал кровавыми глазами и кричал «нет», на что ему неизменно отвечали «да». Затем подо-

шёл трудник со скальпелем и начал неистово кромсать торчащий наружу мозг усопшего.

— Вот тебе, вот тебе, понял? Да? Не будешь баб монастырских щупать, гнида. И кошек монастырских жрать не будешь.

Трудник бросил скальпель на пол и запустил руку в череп усопшего. Вырвав какие-то ошметки, он засунул их в рот и начал жевать.

— И едду отрежу, — с набитым ртом произнёс трудник. Лицо его было грязно, право. Снеговик даже усмехнулся. Прямо как ребёнок, который ест варенье, запустив в банку обе руки, — решил он.

Снежному человеку порядком надоел весь этот цирк. Он повернулся к выходу. По пути он обратил внимание на то, что место, в котором он находится, — это и храм, и операционная, и что-то ещё. И то, что он видел вокруг себя, было красноречивее и выше его слов. Снеговик устал. Ему хотелось спать. Он стоял на высоком берегу реки и смотрел, как вдалеке по мосту едет освещённый трамвай. Слово игрушечный. Крошечные квадратики окон. В них — крошечные круглые головы. Шуты гороховые, — сказал Снежный человек. Скальпель, трепан, трамвай.

Он медленно брёл по узкой, петляющей между заборами улице. Улица вводила вниз, по всей видимости, к источнику. И действительно, в скором времени ноги Снежного человека коснулись деревянных ступеней. Он начал медленно спускаться, окутанный снегом и сумерками. Здесь должны быть какие-то фонари, для ночных купальщиков, — тихо произнёс Снежный человек. Но вокруг царил синеватый туман. Снеговик спускался всё ниже, держась за деревянные перила. Лестница едва слышно скрипела под его ногами. Здесь нет ничего удивительного — эти ступени старые, как мир. Случается, конечно, что спуски к источникам ремонтируют.. А вот и конец пути. Снежный человек ступил на широкую деревянную площадку. Как здесь тихо, — сказал Снежный человек, — слышно, как падает снег. В белёсой темноте он различил приземистый деревянный домик, — купальня. Снежный человек прислушался, но плеска воды не услышал; купальня была пуста. Откуда-то возник большой

кот, окрас которого в сумерках было сложно определить (скорее, синий), и, подойдя к Снежному человеку, начал тереться о его ноги. Да, — сказал Снежный человек, — бывает, что всё складывается как нельзя лучше. Ткань истории, верная, как паутина, смело выныривает из-под твоих заботливых пальцев. Некоторое время ты, умиротворённый, любишь улетающим вдаль узором. Но это ничего не значит. Вот и сейчас (Снеговик погладил кота по голове), казалось бы, реальнее некуда — я и ты, мы с тобой здесь, на этой площадке, перед входом... А моя голова словно забита невидимым мусором. Подошвы ног ощущают обледенелые доски... Одним словом, — есть почва, твёрдо стою на ногах. И всё равно ничего не вижу. Да... Иногда тебе кажется, что ты идёшь правильным путём, и мир тебе отвечает. Но на самом деле это ничего не значит. Разве может быть хоть крупица веры в существо, вылепленном из снега?

Кот, урча, крутился около Снежного человека.

— Надо идти, — произнёс Снеговик. — Пойду. Пожелай мне удачи.

Снеговик со скрипом открыл дверь купальни, ступил на обледенелый пол. Было темно, только перед образом Казанской Божьей Матери в углу мерцал зелёный огонёк. Ступени вели в тёмную воду. Держась за шаткие перила, Снеговик начал спускаться. Ему вдруг показалось, что кот стоит за его спиной на задних лапах и, подняв керосиновую лампу, освещает ему путь. Ноги вошли в воду, сначала правая, потом левая. Это, видимо, потому, что я правша, — тихо сказал Снеговик. Над его головой поскрипывала керосиновая лампа; её свет глядел в воду, но ничего не видел. А иногда Снежному человеку казалось, что это его собственные глаза излучают керосиновый свет. Спускаюсь. Он вошёл по пояс. Температура воды была обычной. Ноги Снежного человека коснулись каменного дна. Неглубокая купальня. Придётся сильно приседать. Керосиновая лампа погасла. Снеговик перекрестился и нырнул с головой. Трепан, клобук, — подумал он. Он вынырнул, перекрестился и снова нырнул. Ничего. Под водой темно. Снеговику хотелось подольше оставаться в её объятиях. Вода заполняла лёгкие Снеговика своим ледяным ды-

ханием. Снеговик вынырнул, перекрестился, нырнул в третий раз. Перед глазами мерцал белый, исчезающий крест. Помню, как креститься, — сказал Снеговик. — Правильно крещусь. Он вынырнул, нащупал перила и, отдуваясь, начал выбираться из купальни. Зелёный огонёк провожал его. Снежный человек открыл дверь и вышел на воздух. Кот, покрытый снегом, сидел у входа в купальню.

— Хорошо, — сказал Снеговик, проведя ледяной рукой по пушистой спине животного. — Бодрит. Слушай, что же это за город?

Снеговик присел на скамью недалеко от купальни; тёмная вода ручьями стекала с него. Кот тоже подошёл. Снеговик закрыл глаза, слушая невообразимую тишину. Кот запрыгнул к нему на колени.

— Кажется, что город наверху погружен в сон, — тихо произнёс Снежный человек, не открывая глаз. — Но на самом деле, это иллюзия. Потому что на самом деле он объят пламенем. И дома движутся со страшной скоростью. Но жителям удобнее думать, что это не так.

Снеговик снял с головы ведро и поставил его на доски, кверху дном, как оно и было надето.

— Пригодится кому-нибудь, — сказал Снеговик. — Хорошее ведро, а воды здесь — навалом. Пойдём домой. Встав со скамейки и осторожно держа на руках кота, Снежный человек начал подниматься по лестнице.

Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ

ГУМИЛЕВ

Подъявший секиру и лиру,
Воспевший ружьё и весло
О Слове поведавший миру
Сияньем затмившем Число.

Языков двадцатого века,
Плывущий беспечно в Китай,
Концом абиссинского стека
В Господний стучащийся рай.

Геorgia лента истлела.
И звуком не полнится слух...
Навеки отвержено тело,
Но вновь обновляется дух.

АХМАТОВА

Только Волкова поля солома
Да Воронежской воли холмы...
У решетки Фонтанного Дома,
У ворот пересыльной тюрьмы

В чёрный год прорывавшая в голос
Самый скорбный из плачей Невы...
Но по воле Господней и волос
С драгоценной не пал головы.

Внучка Пушкина, правнучка Данта,
Слышу голос провидческий твой,
Вознесённая чудом таланта
Над Невой, над страной, над судьбой.

...Лишь молчанья горчайшая мука,
Залетейских отравы полей,
Выпьет душу. Ни слова, ни звука
Не забудется в песне твоей.

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

И нас — хоть зуб неймёт, но видит око —
Трубя в рокайль, струясь, как молоко,
Сквозь пышнотелое закатное барокко
Лилейной грацией пленяет рококо.

В саду, живом подобии вселенной,
Благоухает каждый лепесток,
Как будто целый мир восстал из тлена.
...Еще один блаженный завиток —

Какой-нибудь аканф или волюта
В сыром великолепии дворца —
Как вечности застывшая минута
По мимолетной прихоти Творца

НАС ВСЕХ ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА...

Нас всех от мала до велика
Поймала в сети повиллика,
Пленили плющ и резеда,
Очаровала череда.

Мы без ума от мяты с тмином,
Листа брусничного с жасмином,
И льет сквозь кобальт и кармин
Бальзам нам в души бальзамин.

Да будет нам цветущим лугом
Земля и за Полярным кругом,
Умрём — как ладанку на лоб,
Положат в гроб гелиотроп.

Но если, яблоням и грушам
На горе, мир мы свой разрушим
И сада райского фантом
Накроем ядерным зонтом —

Избегнув адского покрова,
И хвощ и папоротник снова —
Боюсь, уже не в первый раз —
Из мира вытеснят и нас;

Иль просто вырубим и скосим
Всё, чтоб ни лосям, ни лососям
Не сомневаться уж вовек:
Венец творенья — человек;

Иль всё застроим поскорее,
Чтоб никакие там кипреи
Иль мальвы с Кипров или Мальт
К нам не пробились сквозь асфальт.

Но шмель гудит, ползёт улитка,
И сада райского калитка
От нас, безумных, как плащом,
Укрыта наглухо плющом.

МАНДЕЛЬШТАМ

1.

Летя во тьму, в безвестность, в бессловесность,
Один лишь дух, почти что бестелесность,

Без возраста, без имени, без страха,
Безвременно слетевший к чадам праха

И сам давно рассыпавшийся в прах
С невысказанным словом на устах.

2.

Плывём. Куда ж нам плыть? Стезёй ковчега,
Заветного достигнувшего берега?
Не сбиться как? И вот на помощь нам
Призвав пучин библейских Моби Дика,
Летит с масличной ветвью Эвридика,
К Европе кит стремится нас по волнам.

Таинственно спасённые во чреве,
Излившись в благодарственном напеве,
И мы спешим к сиенским высотам,
Где с райского слетают небосклона
На луг цветущий лебедь Аполлона
И Данта шмель — блаженный Мандельштам.

3.

Родился Бродский. Умер Троицкий.
В зените злобы век уродский.
В почёте штык и ледоруб,
И не до нобелевских труб.

Но, тёзку с пьедестала сбросив,
В другом году другой Иосиф,
Очнувшись в чердынском плену,
Почуял под собой страну —

От камского дебаркадера
До ледоруба Меркадера,
От Чёрной речки до Второй,
Такой же чёрной и сырой.

А Чердынь там или Воронеж,
Иль сруб, где звука не проронишь, —
Не всё ли ссыльному равно —

98 Уж всё заверчено давно.

«ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ...»

Олеся БОБРОВНИЦКАЯ

СНЫ СТРАНЫ УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ¹

*Обзор сагук — дорам² Южной Кореи эпохи образования Трёх царств³ в исторической ретроспективе.
Для любителей кино и Кореи*

Вместо вступления

Корейская волна на телевидении (K-Drama) и в шоу-индустрии (K-Pop) — Халлю, как называли её китайцы — начала свой подъём в середине 90-х годов прошлого века и сегодня охватила Азиатско-Тихоокеанский регион (Китай, Японию, Тайвань, Филиппины и др.), а также получила свой резонанс в Казахстане, Украине, России, Европе, Америке Великобритании. Многомиллионные просмо-

¹ Страна утренней свежести — одно из названий Южной Кореи.

² Сагук-дорамы — корейские многосерийные исторические драмы. Дорамы — японское название, закрепившееся за всеми сериалами Азиатско-Тихоокеанского региона.

³ Когурё, Пэкче и Силла — три раннефеодалных государства Корейского полуострова с 37 г. до н.э. до 668 г. н.э. В данной статье рассматривается период с 37 г. до н.э. по 22 г. н.э.

тры дорам, многомиллионные фанатские клубы по всему миру, создание символики, увлечение корейским образом жизни, изучение языка — всё это говорит о формировании специфической субкультуры. Не иначе как цунами Халлю не назовёшь! Уже есть попытки исследования феномена Корейской волны (например, Игнатьева О.С.⁴), где проводится социально-философский анализ характера распространения корейской культуры, говорится о технологии «мягкой силы» её внедрения в сознание людей. Возможно, так оно и есть, и, может быть, даже был во всём этом чей-то замысел. Однако, если вам доводилось смотреть дораму, то вы уже знаете, как можно «утонуть, накрывшись корейской волной», а если пока не знаете, то обязательно попробуйте — сделайте себе этот подарок — вероятнее всего, вы утонете, но не насовсем, не навсегда, и, при этом, обогатитесь глубиной происходящего, ибо смерть по-корейски всегда наделена каким-то особенным смыслом, также как и любовь, что больше чем жизнь, а жизнь — это предназначение, цель которого нужно разгадать — во всём этом гипнотические тайны корейского восприятия мира — именно поэтому устоять невозможно. Жанры дорам самые разнообразные, поэтому каждый может подобрать по своему вкусу. Если вас давно не увлекают сюжеты, а больше интересует форма воплощения замысла, то вы совершенно забудете о своих эстетских увлечениях и просто войдёте в мир дорамы и будете в нём жить, потому что сюжетные линии настолько умопомрачительные, что вам и не снилось. Если вы давно не смеялись от души или никогда не плакали (а в некоторых дорамах вы будете просто рыдать), то проверьте себя — просто зайдите на www.doramatv.ru или www.doramakun.ru и нажмите кнопку — это будет увлекательное путешествие. Потрясающе красивые актеры, субтильные актрисы. Огонь сквозь воду. Мощные характеры и первого, и второго, и третьего плана, ни капли фальши — их игру по праву можно сравнить с симфоническим оркестром. Даже если актер будет просто стоять в кадре, устремив свой взор в пространство,

⁴ Игнатьева О.С. «Корейская волна» в контексте взаимодействия культур Востока и Запада (дипломная работа) — Санкт-Петербург, 2014, <http://knowledge.allbest.ru/culture/c-2c0a65625a2bc69b5d53b88421206c37.html>

вы не соскучитесь, потому это молчание подобно тишине, которая огушает. Любой кадр настолько чистый и красивый, что им можно долго любоваться, рассматривая каждую деталь. Судьбы героев, их поступки, события, в которые они вовлечены, — вы примете всё. Даже если это самый коварный злодей, который будет держать вас всё время в невероятном напряжении. И главные герои, и герои второго плана честно и мужественно отработают свою историю, и вы поймёте мотивы их поведения и их переживания и, в конце концов, обязательно полюбите всех. Да, и, конечно, красивая инструментальная музыка и песни, что сразу становятся хитами — это особенная черта корейских дорам. Если у вас критичный ум или если вам кажется, что вы постигли все тайны мироздания — проверьте себя — корейская дорама может послужить критерием истины. И поверьте, что никто из тех, кого «подхватила» Корейская волна, совершенно не предполагал, что такое с ним может случиться, и, более того, даже ничего не подозревал о существовании Халлю. Смотрите с субтитрами — вы обязательно должны слышать речь: её ритм, интонации, музыку, темперамент — никакой переводчик не сможет передать органику корейцев.

Обзор исторических дорам Южной Кореи эпохи образования Трёх царств

В период с 2000 г. по 2015 г. телевидение Южной Кореи осуществило огромный культурный проект, фактически воссоздав историю Кореи в дорамах. Сколько мне известно, всё население Кореи смотрит дорамы, у каждого жанра есть своя аудитория — исторические дорамы популярны в основном у зрелого поколения — их рейтинги ниже, чем у мелодрам, дорам детективного жанра и т.д. Однако, исторические дорамы Южной Кореи сами по себе подлинны шедевры. Более того, они являют собой тот драгоценный фон, на котором блистают дорамы всех остальных жанров, подобно тому, как «окружение играет короля». Они составляют наследие корейской нации. Впечатления от исторических дорам мощное и незабываемое. Они вводят в мир корейского космоса — мир воинского духа, традиций, обычаев, обрядов, культуры и ценностей. Полагаю, начать следует с трилогии «Летопись трёх 99

царств. Повесть о Чумоне» (2006-2007 гг., 81 эпизод); «Королевство ветров» (2008 г., 36 эпизодов); «Принцесса Джа Мён Го» (2009 г., 39 эпизодов) — хронологически они начинают историю Трёх царств (Самгук)⁵.

В «Летописи трёх царств. Повесть о Чумоне» начинается героическая сага освобождения и объединения земель древнего корейского государства Кочосон⁶, захваченного империей Западная Хань⁷ — это легендарный период истории Кореи. Грандиозное эпическое полотно дорама посвящено жизни и подвигам Чумона⁸ — основателя государства Когурё⁹. Долгий и сложный период становления героя, потери близких людей, предательство завистливых сводных братьев, лишения, проклятия небес, дворцовые и политические интриги, кровопролитные сражения и глубокое осознание своего предназначения, величественное исполнение долга, преданность друзей и любовь народа — выдающийся образ Чумона, созданный актёром Сон Иль Гуком¹⁰. по-

⁵ История Троецарствия (Самгук) изложена в «Самгук Саге» Ким Бусика (11 век.) и «Самгук Юса», составленной в конце 13-го века буддийским монахом Ирёном.

⁶ Кочосон (2333 г. до н.э.-197 г. до н.э.) — древнее полулегендарное корейское государство, занимавшее территорию Корейского полуострова и часть Манчжурии. Основано, согласно легенде, Тангуном и Большой медведицей.

⁷ Западная Хань — китайская династия с 206 в. до н.э. по 23 г. н.э.

⁸ Тхеван — величайший из королей. Посмертное имя Тхэван Тонмёнсон. Годы правления: 37 г. до н.э. -19 г. до н.э. — см. Википедия «Список монархов Кореи».

⁹ Страна ветров — одно из названий Когурё (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.); трёхногая птица — символ Когурё, как воплощение мечты об объединении Корейского полуострова; цвет флага — желтый

¹⁰ За роль Чумона в «Летописи трёх царств. Повесть о Чумоне» Сон Иль Гук получил премии:

2006 г. MBC Drama Award «Премия за превосходную игру»;

2006 г. MBC Drama Award: Лучший (Golden) актёр;

2006 г. MBC Drama Award: Daesan Award;

2006 г. Korean Broadcasting Producers Award: лучший актёр года.

человечески понятен и вызывает чувства глубокого восхищения и любви.

Великолепные актёры, незабываемые характеры, захватывающий дух сюжет, масштабные картины конных сражений, головокружительные боевые сцены, потрясающие национальные костюмы героев; доспехи, мечи и луки воинов, дворцовые интерьеры и колоритные декорации быта простого народа, красивая музыка — дорама получила очень высокие рейтинги и известность не только в Корее, но и за рубежом.

Вторая часть трилогии — «Королевство ветров» — период правления короля Юри¹¹, сына Чумона, и принца Мухюля¹², его внука. В день появления на свет Мухюля Верховная жрица получает предзнаменование, что рождённый ребёнок станет причиной гибели своих родителей и своих братьев, и возвещает, что ради спасения государства ребёнок должен быть принесён в жертву... С этого момента начинается история героя, на долю которого выпало много жестоких испытаний, а также история расширения земель государства, объединения племён, великих походов и битв. Сражения и любовь, полная лишений, — в этой драме пронзительно красивый любовный треугольник между принцем Пуё¹³ Тоджином, принцем Когурё Мухюлем и принцессой Пуё Ён — их объединяет юношеская любовь и дружба, которая волею судьбы превращается в великое противостояние, цена которому — падение государства Пуё и гибель Тоджина и Ён. Но остаётся маленький принц Ходон, сын Мухюля и Ён, которому суждено сыграть свою роль в продолжение этой эпопеи. Великолепное трио актёров — Пак Гон Хён (Тоджин), Сон Иль Гук (Мухюль)¹⁴ и Чхве Чон Вон (Ён)¹⁵, великолепный весь актёрский ансамбль — дорама

¹¹ Посмертное имя Юримён (19 г. до н.э. — 18 г. н.э.)

¹² Посмертное имя Тэмусин (18-44 гг. н.э.)

¹³ Пуё — протокорейское государство (239 г. до н.э.-22 г. н.э.), заселённое тунгусскими племенами, преемник Кочосона на территории центральной Манчжурии.

¹⁴ 2008 год KBS Drama Awards «Премия превосходства»

¹⁵ 2008 год KBS Drama Awards «Лучшая актёрская пара Сон Иль Гук и Чхве Чон Вон

просто переполняет сердце. Очень красивая инструментальная музыка — «Путь героя», «Король Юри»; две песни «Мухюль и Ён» и тема Тоджина стали хитами.

«Принцесса Джа Мён Го» завершает трилогию о походах по объединению Когурё. Это история завоевания красивейшего королевства Наннан, входившего в состав китайской территории и ранее принадлежавшей Кочосон. По древней легенде в королевстве Наннан был священный барабан Джа Мён, который начинал звучать при приближении врагов, тем самым предупреждая о нападении. Завоевать Наннан можно было, только разрушив священный барабан. В этой дораме король Тэмусин показан жестоким и циничным правителем, коварным манипулятором, который положил на алтарь своих амбиций жизнь сына — у каждой драмы трилогии свой режиссер и свой актёрский состав, поэтому Тэмусин (Мухюль) так отличается от Мухюля в «Королевстве ветров». «Принцесса Джа Мён Го» — это история чудовищного предательства любви и брака принцем Ходоном, что послужило разрушению священного барабана, падению Наннана и жестокому истреблению королевской семьи и всего населения страны. И хотя финальная сцена, — когда Ходон пронзает мечом себя и принцессу Джа Мён Го, спасая её от несущих ей смерть конных воинов, — может послужить символом искупления совершённого страшного преступления, в конце драмы остаётся тяжёлое впечатление чего-то очень нечистополотного, что разочаровывает в сравнении с первыми двумя частями трилогии. С точки зрения развития сюжета и игры актёров драма очень мощная и, по-своему, красивая.

Список дорам эпохи Трёх царств

- «Ким Су Ро», 2010 г., 32 эпизода — конфедерация Кая, 2 век н.э.
- «Царь Кынчхого», 2010 г., 60 эпизодов — Пэкче, 4 век
- «Легенда о четырёх стражах», 2007 г., 24 эпизода — Когурё, Квангэтхо Великий, 4-5 вв.
- «Квангэтхо Великий Завоеватель», 2011 г., 92 эпизода — Когурё, 4-5 вв.
- «Королева Сондок», 2009 г., 60 эпизодов — Силла, 7 век
- «Мечты Великого короля», 2012 г., 70 эпизодов — Силла, король Тхечжон Мурёль, 7 век
- «Кэбэк», 2011 г., 36 эпизодов — Пэкче, 7 век
- «Тэ Чжоён», 2005-2006 гг., 134 эпизода — основание Пархэ, 7-8 вв.
- «Владыка морей», 2004 г., 51 эпизод — Объединённая Силла, 9 век

Анна ХАРИТОНОВА

ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

Отрывок из исследования «ТУРГЕНЕВСКАЯ «ПЕСНЬ» РУССКОГО НЕМОГО КИНО»

Характерной чертой русского кинематографа начала XX века стала его литературоцентричность. «Ориентация на литературу в русском кино не имела аналогов в мировой практике. Нигде больше экран так активно не пользовался писательским словом»¹⁶. Действительно, этот стремительно развивающийся вид искусства в поисках материала для создания новых работ непрерывно обращался к литературным произведениям и, конечно, в первую очередь, к классике. И.С. Тургенев наряду с другими корифеями русской литературы (А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским и др.) пользовался большой популярностью у кинематографистов. В 10-е годы XX века русское игровое кино не обошло вниманием и «таинственную» прозу писателя. За относительно небольшой временной промежуток с 1910 г. по 1919 г. было создано шесть экранизаций по мотивам его «таинственных повестей», из которых на сегодняшний день можно увидеть лишь три картины (включая ту, что так и не вышла на экраны в свое время), остальные не сохранились.

Любопытно, что на заре русского кинематографа режиссеры с одинаковым интересом и энтузиазмом обращались к разным сторонам творчества И.С. Тургенева. К слову, из одиннадцати дореволюционных фильмов, в основу которых были положены тексты этого автора, целых пять было снято по мотивам «таинственных» произведений.

Но если романное творчество, пьесы, а также повести и рассказы, не входящие в условно выделяемый и имеющий довольно гибкие границы корпус «таинственных» текстов, продолжали привлекать внимание режиссеров на протяжении всего XX века, то для рассматриваемых в настоящей работе текстов, 1910-е годы явились своего

¹⁶ Зайцева Л.А. Становление выразительности в российском дозвуковом кинематографе. М. : ВГИК, 2013. С. 39.

рода бумом кинематографического интереса к ним. Что вполне объяснимо: на заре русского экранного искусства наблюдалась склонность «к сюжетам пессимистическим, «роковым» и декадентским»¹⁷. Позднее творчество Тургенева, пронизанное мотивами любви и смерти, сна и столкновения с загадками бытия, удовлетворяло зрительским запросам того времени.

Одним из ярчайших обращений к таинственной прозе И.С. Тургенева стала лента замечательного русского режиссёра Евгения Францевича Бауэра (чья артистическая натура совмещала в себе также талантливого художника-декоратора, фотографа и оператора) «Песнь торжествующей любви» 1915 года.

Несмотря на то, что картина не сохранилась, она навсегда вошла в летопись отечественного кинематографа. За данной экранизацией одноименного текста Тургенева 1881 года, являющейся к тому же первой из трех существующих киноверсий этого произведения, стоит интересная история.

Фильм Бауэра, действительно, был признан ярким кинособытием 1915 года, в целом положительно оцененным большинством критиков. «Драму на сюжет рассказа И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» <...> выделит Б. Лихачёв <...> наряду с картинами «Потоп», «Катюша Маслова» (обе П. Чардынин) и «Кумиры» (работа Е. Бауэра — А. Х.) как «наиболее интересные» фильмы года. То же отметил и Н. Иезуитов, он пишет: «Песнь», искажённая Бауэром, выглядел[а] лучше каждого среднего фильма. В [ней] чувствовался хотя бы вкус к искусству»¹⁸. Бесспорным лидером киноиндустрии России начала века являлось «Акционерное Общество А. Ханжонков и Ко» (с 1906 по 1911 гг. — «Торговый дом А. Ханжонкова»). Эта компания по производству и прокату фильмов сотрудничала с главными деятелями как русского так и зарубежного кинематографа, открывала имена будущих звезд. Киноателье Александра Алексеевича Ханжонкова, продюсера и режиссера, стоявшего у истоков кинопроизводства в нашей

стране, занимало первое место по объёму производства не только игровых, но и документальных лент.

Талантливый предприниматель и организатор кинопроцесса знал, кому предлагать сотрудничество. Привлекая в свои «кадры» новые лица, он делал блестящий выбор. В 15 номере журнала «Театр в карикатурах» за 1913 год появилось сообщение: «Акционерное О-во А. Ханжонков и Ко предложило г. Бауэру работать исключительно для него. На днях был подписан контракт, по которому г. Бауэр, кроме довольно высоких процентов с прибыли, получает 15 000 рублей годового оклада»¹⁹. Таким образом, с 1 января 1914 года Евгений Бауэр становится штатным сотрудником всемирно известного киноателя на Саввинском подворье. Отныне и до конца жизни режиссера почти все его работы будут выходить под фирмой Ханжонкова. «Песнь торжествующей любви» не стала исключением.

Премьера картины состоялась 22 августа 1915 года в Москве на Триумфальной площади, в знаменитом электротeatре Ханжонкова «Пегас». Этот показ сделал звездой актрису Веру Холодную, тогда только начинавшую свой недолгий, но навсегда вписанный в историю кинематографа, путь. Александр Вертинский в своих мемуарах называет работу Холодной в этом кинофильме вершиной ее успеха. И отмечает, что из всех картин-однодневок, создававшихся в ту пору, «из всего этого мусора» ему «запомнилась только одна серьезно поставленная тургеневская «Песнь торжествующей любви» с Полонским и Верой Холодной»²⁰. Известный русский киновед Вениамин Вишневецкий также признавал роль Елены (главной героини экранизации «Песни») лучшей в копилке актрисы. Бауэр увидел в Холодной тургеневскую героиню, «хрупкую, как игрушка саксонская», и распознал в ней уникальную способность не реагировать на кинокамеру, то есть естественного поведения перед объективом киноаппарата. «Я нашёл сокровище», — сказал он друзьям»²¹. В одном интервью

¹⁷ Садуль Ж. История киноискусства от его зарождения до наших дней. М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 170.

102 ¹⁸ Короткий В.М. Цит. соч. С. 41.

¹⁹ Цит. по : Короткий В.М. Цит. соч. С. 37.

²⁰ Вертинский А.Н. Цит. соч. С. 108.

²¹ Рогова В.И. Цит. соч. С. 65.

актриса сказала: «Чувствую, что нашла себя, свое место в жизни»²².

Рогова В.И. в своей работе «Тургенев сквозь серебряный экран» пишет: «Довольно смело романтическую легенду времен итальянского средневековья перенесли в реалии начала XX века, Валерию, Фабию и Муция переименовали в Елену, Евгения и Георгия. Однако тургеневскую поэзию и философию всепобеждающей любви воспроизвели на экране конгениально». «Что само по себе уже выделило картину. Ибо для русского кино были типичны несчастливые финалы (в отличие от голливудских хэппи эндов), а в тургеневской инсценировке любовь не только побеждала смерть, но и порождала новую жизнь!»²³.

Стоит более подробно прокомментировать эти утверждения исследовательницы. Для начала нужно разобраться с таким понятием, бытующим в кинематографе начала века, как «русский стиль», о котором, собственно, идет речь чуть выше. И с которым отчасти «поспорила» картина Евгения Бауэра. Представление об особом «русском стиле» в кино сложилось за рубежом. Характерными «индикаторами» этого стиля (помимо обращенности к литературной классике, акцента на национальный колорит и внимания к художественным деталям) стали трагические финалы, мхатовские паузы, своеобразная статичность визуальных образов на экране. Паузы, снижение темпа действия — все это как нельзя гармоничнее коррелировало с термином «киноповесть», пришедшим взамен «кинодраме» и прижившимся на русской почве. Приверженность русских режиссеров к печальным концовкам превратилась в настолько сильную тенденцию, что некоторые фильмы стали создаваться с двумя вариантами финала: пресловутый «хэппи энд» снимался для проката картины за границей, ну, а для «домашнего просмотра» оставляли трагическую развязку. По большому счету, элементам сложившегося на заре эпохи кино «русского стиля» было, есть и, вероятно, всегда будет место в отечественном искусстве. Это не надуманное определение, а вполне органичная черта, ставшая своего рода

маркой, брендом.

В данном контексте невольно возникают ассоциации с актуализацией в начале века вопроса о роли фабулы в литературе. В связи с этим стоит вспомнить две небольшие статьи, обе написанные в 1922 году: «Конец романа» Осипа Мандельштама и «На Запад!» Льва Лунца.

Один из самых ярких представителей «Серапионовых братьев» в своей речи на собрании этого общества (2 декабря 1922 г.) говорил о том, что литературу приключений и авантюр, столь востребованную на Западе и представленную такими мастерами как А. Дюма, Р. Стивенсон, А. Конан-Дойл, и др., в России «терпят» разве что ради детей. А фабулу, как просто необходимую и неотъемлемую составляющую художественных текстов, презирают.

Лунц в своей статье затем также довольно смело заявляет, что и русского театра не существует, хотя он на первых порах имел все шансы развиваться в настоящую сильную школу. Его нет, и не было, а все по той же причине отсутствия главного для сцены — драматической фабулы, невозможной без интриги и действия.

Тогда, когда Лев Лунц горячо призывал своих «собратьев» обратиться к опыту Запада, а именно к умению «связать фабулу», в отношении которого «мы безграмотны», Мандельштам в «Конец романа» высказывал схожую мысль: «современный роман сразу лишился и фабулы, то есть действующей в принадлежащем ей времени личности, и психологии, так как она не обосновывает уже никаких действий»²⁴.

Очевидна некая параллель между особенностями развития экранного действия и построения событийной оси в произведениях литературы. Учитывая приверженность русских режиссеров к отечественной классике, которая человеческие переживания и духовные искания ставила на первое место, и в которой критика видела, что угодно, но не увлекательный сюжет (критерий занимательности в оценке произведения не становился ведущим), вполне оправдан и «русский стиль» кинематографа, с ведущим

²² Цит. по : Рогова В.И. Цит. соч. С. 66.

²³ Рогова В.И. Цит. соч. С. 65.

²⁴ Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 75.

жанром «киноповести», а не «кинодрамы», где можно было бы встретить множество интриг и перипетий.

Итак, «тургеневская поэзия и философия всепобеждающей любви», конгениально воспроизведенная в фильме, по утверждению В.И. Роговой, представляет собой один из удачных случаев «нарушения» сложившихся канонов русского кинематографа.

Не сохранившаяся, но на шумевшая картина «Песнь торжествующей любви» 1915 года, несмотря на то, что навсегда исчезла для зрителя, все же сохранила за собой богатую историю, в которой переплелись творческие судьбы ярчайших деятелей российского дореволюционного кинематографа. Она стала первой экранизацией одноименного произведения И.С. Тургенева, которое на протяжении XX века еще не раз привлечет внимание режиссеров и не только в России. Одна из киноверсий данной истории войдет также в эпоху звукового кино. Что вполне заслуженно для «Песни», исполненной когда-то на языке немом искусства.

Марина ЮРОВА

*А старец тайну всем поведал
что отроку великим быть...*

Иван Сахнов, детдом № 39

«БЛЕФ, ИЛИ С НОВЫМ ГОДОМ»

Так уж принято в нашем обществе, что, если что-то причиняет нам переживания, — самый популярный способ — отгородиться, сделать вид, что этого просто нет. Тем более, если в этом замешаны чьи-то еще переживания. Особенно тех, кто не может защитить себя сам, — детей. Мне тысячу раз приходилось слышать: «Ой, там про сирот, да? Не буду смотреть, спать потом не смогу!», но я продолжаю проповедовать этот фильм к просмотру.

Документальный фильм «Блеф, или с Новым годом» снимался в 2009-2013 гг. в учреждениях для детей-сирот пяти регионов РФ. Режиссер Ольга Синяева (многодетная, в т.ч. приёмная мама) привлекает внимание граждан к проблеме сиротства, к тому, как именно устроены детские дома в России и что там происходит. Вопреки расхожему мнению, никаких «ужасов» вроде насилия и избиений там нет, но ощущение абсурдности происходящего на экране не покидает на протяжении всего фильма. Возникает множество вопросов и, вместе с тем, желание как-либо помешать сложившемуся порядку.

Бесспорно, трудно сознавать, что прямо сейчас в нашей стране есть тысячи малышей, которые, сидя за решеткой кровати, в темноте детдомовских комнат, полночи напролёт раскачиваются влево-вправо, чтобы хоть как-то утешиться и заснуть, потому что их некому укачать и приласкать, развеять их страх пустоты и ощущение собственной ненужности. Но их жизнь не наладится, если общество предпочтет о них не знать, например, для защиты собственной психики.

В фильме рассматривается весь путь покинутого родителями малыша — от задержки развития в грудном возрасте в связи с отсутствием постоянного «своего» взрослого, как защиты и поведенческого ориентира; далее, диагноз «необучаемость», которым сотрудники интернатов подменяют педагогическую запущенность (внимание на формулировку, читай: запущенность педагогами, т.е. их недоработка и попросту халтура), а с таким диагнозом ни в ВУЗ, ни в ПТУ. Тогда куда же? Рассказывается и об этом.

«Преумножая знания, преумножаешь скорбь», но это не повод закрыть глаза и уши, это повод проявить гражданскую сознательность и объединиться для решения проблемы, которая сокрыта от общественного взора в закрытых учреждениях. Ведь, что будет, если все мы отвернемся от тех, чья жизнь уже началась с предательства самыми близкими людьми? Или каждый сам за себя, и нам с вами не нужно здоровое во всех смыслах общество?

НЕШУТОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

Тамара КЛЕЙМАН

АФОРИЗМЫ

Когда преследуется цель, она становится мишенью.
Собачья жизнь возможна и при отсутствии конуры.
Самый обширный гардероб — у голой правды.
В борьбе против бедности государство ведет партизанскую войну.
Ходить во власть безопасней в камуфляже.
Всё или ничего — вечная российская альтернатива.
Пока наш человек может пить в любых условиях, он непобедим.
О благосостоянии нации свидетельствуют помойки.
Воют на луну, не найдя места под солнцем.
Болеющие за народ все больше убеждаются, что лечить его
не выгодно.
Обстоятельства сильнее, но и у них есть свои слабости.
Сбившиеся с пути сбиваются в стаи.
Когда крыльями любви сильно размахивают, отношения охлаждаются.
Жизнь — не исправительная колония, а трудовая.
На народе не экономят, — просто уменьшают поголовье.
Мелкие невзгоды — это и есть маленькие радости жизни.
Поставил на себе крест и стал человеком со знаком плюс.
Пицца для ума у глупых не переваривается.
Дураками, каких мало, интересуются очень многие.
Каждый набитый дурак гордится своим содержанием.
Несущие ахинею тоже мнят себя носителями идей.
Свобода слова долго жила на кухнях, отсюда и любовь к жареному.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

*Жена: «Не хочу, чтобы ты
был садовником Мюллером».*

Я — не Мюллер я — Глен Миллер,
У меня большой пропеллер,
А еще на попе — грелка
Я летаю, как тарелка.

Я — летающий тарантул.
Паучище Скорпион
Так разок меня шарахнул,
Но не победил и он.

Победила тарантелла
Танец гibraltarиян.
Там тарелка моя села
Прямо в море-океян

И на грелке как на лодке
Пересек я Гибралтар
Отхлебнул глоточек водки
Супер гипер кибер стар

И красивый как идадьго
Зазывал красавиц в круг.
И плясала в море килька.
Я — не Мюллер. — Твой супруг.

* * *

Но мы не в Греции, чтоб греться,
Смотреть подолгу в зеркала.
Я выберу судьбу индейца —
И все дела.

Добуду скво себе с вигвамом,
Насыплю в трубку табака.
— Судьба индейца на фига вам, —
Мне возразят наверняка.

И тут отвечу без утайки
На этот каверзный вопрос.
— Скво горячей, чем даже тайки,
Не суйте нос...

Владимир КУСТОВ

* * *

Мне так смешно, что вам так грустно.
Мне хорошо, что вам труба:
Обида в сердце точит русло,
Лягушки скачут у пруда.
В принцесс уже не превратятся,
А, вон, и аист пролетел...
Весна, всех тянет размножаться,
Мне не смешно — я не успел.

* * *

Успокой меня парк,
Одолжи мне зелёных таблеток —
Я под запах травы
По аллее берёзок иду.
Вижу, свет есть везде:
На стволах, на скамейках беседок;
Лишь бы Солнце светило...
— Может, снова я в Райском саду?

* * *

Гордо катится мотоциклист,
Будто рыцарь, закованный в латы —
Вся его быстротечная жизнь
Отражается в шлеме покатом.

Людмила СЕРОВА

ПУШКИНОВЕД

В столовой как-то за обедом
Я встретила с пушкиноведом.
Он знал длину его ногтей,
Привычки, прозвища гостей,
О винах говорил застольных,
О шутках, не всегда пристойных,
О страсти чопорных прелестниц,
С кем Пушкин не скучал в поместьях...
Дабы рассказ его прервать,
Я попросила прочитать
На память Пушкина творенье

«Я помню чудное мгновенье».
Прочтя строфу без промедленья,
Он впал в глубокое смущенье —
Другой строфы не помнил он,
Но тем обед наш был спасён.

Владимир КРИВОРУЧКО

Я БУДУ ВЕРИТЬ И ЛЮБИТЬ

Судьбы Дамоклов меч порой
Готов расправиться со мной,
Но я не дам себя сгубить,
Я буду верить и любить.

Пусть солнце спит во мраке туч
И не пошлёт мне тёплый луч,
Я зря не буду слёзы лить —
Я буду верить и любить.

И даже если поутру
Я неожиданно помру,
Я в синем небе буду жить,
Я буду верить и любить.

Ну, а пока я на земле,
Пускай не всё по сердцу мне,
Не буду я брюзжать и ныть —
Я буду верить и любить.

ФОНАРЬ

Дорога как многоточие,
А я у неё на краю.
Я встал и стою на обочине
И сверху на всё смотрю.

Там грешники и непорочные
Все тащат долю свою,
А я стою на обочине
И молча на всё смотрю.

Мгновенья скользят непрочные,
И я их благодарю
За то, что стою на обочине
И молча на всё смотрю.

Быть может, в толпе было б проще мне,
Но я не о том говорю.
Я встал и стою на обочине
И молча на всё смотрю.

ДРАКОН

Я в прошлой жизни был драконом,
А нынче человеком стал.
Живу по нравственным законам —
Кладу кирпич, кую металл.

О КРАСОТЕ БЫТА

Когда ты держишь шланг от пылесоса
Такой изящной тоненькой рукой!
Я выгибаюсь, словно знак вопроса,
Чтоб насладиться дивной красотой!
Чтоб не мешать изяществу движений,
От лёгких Па уже немного пьян
Я поднимаю стопы и колени,
И медленно кладу их на диван.

Потом звуча, как скрипка Страдивари,
Симфонией люля-фасоль-мажор,
Ты варишь супчик из заморской твари,
Чтоб я был первым в мире из обжор.
Сакральный перезвон мытья посуды
И брызги, как шампанского салют...
Ты музицируй — я шуметь не буду.
Во мне сейчас архангелы поют!

А в ванной ждёт стиральная машина,
Шутя открыв окошечко её,
Ты, как букет прекрасных георгинов,
Туда бросаешь грязное бельё.
Когда постель ты стелешь, словно Фея,
То меркнут королевы красоты.
От кружев и белья я возделю —
Нет женщины прекраснее, чем ты!

А поутру на гребне вдохновенья,
Воспев любовь к домашнему труду,
Я в магазин без тени сожаленья,
За колбасой с сосисками пойду...

Твой список на оторванном листочке
Узором букв так трогает меня...
Что я куплю, пожалуй, и цветочки,
Ведь я люблю искусство... и тебя!

Катя РУБИНА

А ТЕПЕРЬ ЧТО ДЕЛАТЬ ТО?

(Рассказик)

Значит, вот такая проблема у меня, достаточно, так сказать, сильная опять возникла. Вот, значит, сначала была одна, так сказать проблема, а теперь, когда та проблема, предыдущая разрешилась, сразу и возникла вторая. Кот у меня. Ничего особенного, ну, такой гладкий. Внешне он выглядит вполне респектабельно и даже броско. Но внешность, внешностью, а общаешься обычно на уровне внутреннего мира, всё-таки. Так вот. Вначале своей жизни (я имею в виду кота, речь сейчас о нём) он был очень нескладным, и это даже мягко сказано. Ну, что это за животное, которое надо практически к миске подносить, разжёвывать «Китикет» и в рот класть, запихивать на кресло, подсаживать на диван? Это абсолютно ненормально, и если такое случается, то нужно все-таки обратиться к понимающим в животных людям. Ну, вызвала платного зверопатолога. Он (зверопатолог) осмотрел кота и говорит: «Не вижу никаких отклонений, все отлично и очень даже хорошо и если бы не кусочек белого пуха на пузе, то он вообще, вроде как породистый, такой английский биберман иди либерал (я плохо расслышала). «Я зверопатологу говорю: «По поводу внешности тут речи нет. Меня вот его внутреннее психическое состояние волнует, в этом проблема. Вот эта, зараза английская как раз меня и беспокоит. Как он дальше жить-то будет? Чай, не в Англии мы». Зверопатолог (вот он мудрый все-таки человек оказался в результате всего), он так мне сказал: «А что вы паритесь? В голову не берите. Здоровый он. Сейчас вам странно кажется, что он такой, а с возрастом в норму войдет». Я не стала уточнять, с чьим возрастом в норму войдет. Не хотела себя в невыгодном свете перед зверопатологом выставлять. В общем, возраст возрастом, но терпеть это невозможно стало вообще. Я и в книжках тоже читала и вообще извест-

ный факт, что когда еще, как не в ранней юности можно сформировать характер. Ведь сейчас он может и не понимает, а потом будет жалеть, что всю жизнь английским бирманом или либералом, ну в общем, пуфиком прожил, хотя родился в России котом. Ведь нужно хоть как-то, хоть где-то соответствовать своему предназначению. Начала его всячески развивать. Держала на руках, просматривала с ним все государственные каналы, новости, телешоу, ну все что только можно. На улице, когда он за бабочками и цветами наблюдал, обзывала его ПРИТЕРАСОМ. Он все время около террасы находился (в этом смысле). Сравнивала с другими котами (публично). Так говорила: «Вот все коты, как коты, а ты ПРИТЕРАС!!!» Другие коты, конечно, это слышали и улыбались в усы. Все правильно делала в плане, так сказать педагогическом.

И что же? Новая проблема. Теперь весь участок завален трупами мышей, птиц, кротов и белок. Вчера соседскую собаку загрыз и на меня странно стал поглядывать. А теперь что делать-то?

Константин НИКИТЕНКО

ЧЁРНЫЙ КОТ

Мне черный кот в глаза нахально
Глядит, как будто говоря:

«Вот ты питаешься нормально
И регулярнее, чем я.

С моею правдой не поспоришь,
Нельзя тебя принять всерьез:
Ты никогда мышей не ловишь,
Не разоряешь птичьих гнезд.

Кто вашу выдумал породу,
И в наши заселил края?

Ты на свою взгляни-ка морду —
Она пошире, чем моя».

Ответ проплыл мой, как в тумане,
Над черной бестией завис:

«Не на мышах, а на сметане,
Ты, братец, морду так нагрыз.

Из холодильника добычу

108 Давно освоил ты вполне,

Не я у лап твоих мурлычу,
Не ты загривок чешешь мне».
Мелькнули искорки сомненья
В глазах кота: «Ты вот о чем!».
И мы остались с ним при мненье,
Понятно, каждый при своем.

ПАРОДИИ

СТАРЫЙ КОЩЕЙ

*...Пропита большая часть состоянья,
Печени, почек и прочих частей.*

Да и игра ведь не иносказанье,

Что тут мудрить то — я старый кощей...

Александр Воловик

Вам не дожидаться меня на закланье,
Страх не увидеть на гордом лице.
Если отбросить все иносказанья,
То для кощея — бессмертье в яйце.
Многое в жизни предвидел заранее,
Был вовлечён в круговерти страстей.
Пропита большая часть состоянья,
Печени, почек, и прочих частей.
Мне надоели бестактные нытики,
Время кощея не сдвинуть к концу.
Буду разобран на гайки и винтики,
Но никого не пушу я к яйцу.
Где-то прибудет, а где-то убавится,
Дни замелькают в порядке вещей.
Если яйцо по частям не развалится,
Ждёт на застолье вас старый кощей!

ОДАРЕНИЕ СТИХАМИ

А мы и не знали, что это сирень,

Покуда не расцвела.

И этот ненастный июньский день —

Как будто цветочек зла...

Александр Бугров, Кострома

— По-моему, братец, ты что-то темнишь? —
Меня участковый спросил.

— Не знал я, поверьте, что это гашиш,
Покуда не закурил.
Не стал биологию в школе учить,
Её совсем не люблю.
От дуба сирень не могу отличить,
Ну, разве что коноплю.
Ведь, мы же поэты, не босяки,
Курим на свой риск и страх.
Нам помогают порой косяки,
Путь отыскать в стихах.
Вот и подумал, что это сирень,
Покуда не закурил.
Мне изучать биологию лень, —
Стихами я мир одарил.

ПРОВОДНИК

*...Я еду к бабушке, я ростом невелик,
Начало лета. Тук колёс подробный.
Стояло утро. Шарк ал проводник
По коридору, веяло ознобом...*

Аркадий Пахомов

Пусть на лице порою нервный тик,
И пальцы рук стучат дождливой дрожью.
Виновен в этом только проводник,
Я от него бежал по бездорожью.
Тот проводник в билетах ведал толк,
На всех глядел упорно и занудно.
Какая бабушка?! Он словно Серый Волк,
Я Красной Шапочке завидовал подспудно.
И к счастью был я ростом невелик,
Билета не было. Но разве в этом дело?
Пока в вагоне шаркал проводник,
Несли ветра моё младое тело.
На тех ветрах в поэзию проник,
И вообще-то доволен сам собою.
С тех пор всегда я слово «проводник»,
Писал в стихах дрожащею рукою.

ПТИЧКА

*...И теперь, когда трель апрельская,
Словно стон, растекалась, клубя,
Хочешь, буду петь канарейкою-
Для тебя, для тебя, для тебя...*

Григорий Арлинский

Было что — то весной незримое.
Наслаждались мы каждым днём.
Помнишь, как для тебя любимая,
Я свой стих просвистел соловьём?
Ты поморщилась, губку алую
Закусила, сказав: «Не пой!».
И ушла, как снега талые,
Убегают весенней водой.
Прокричал я вослед шёпотом,
А любовь в никуда ушла.
Ты не свиста ждала — клёкота,
Пусть нескладного, но от орла.
Хочешь стану тебе скамейкою?
Научусь и вязать и шить?
Хочешь, буду петь канарейкою —
Ну, не всем же орлами быть...

РЕЦЕНЗИЯ

*...Мои песенки лихи
Только нынче спеть
Не выбрасывай стихи
Тютчев из кареты*

Наталья Рожкова

Нет в душе к великим зла,
Но и нет почтенья.
Я стихи свои дала
Тютчеву для чтенья.
Чтоб к назначенному дню
Кое-что поправил,
И рецензию свою
На века оставил.
Знаю: очень не плохи
Рифмы и сюжеты.

Тютчев выбросил стихи
Прямо из кареты.
Видно это мой удел,
И цена момента.
Ну, а Тютчев разглядел
Сразу конкурента.

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ

ПРОТОКОЛ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ПАРАЗИТОВ
(председатель Паук, секретарь Моль)

Паук: На повестке ночи матерная угроза Хозяина произвести дезинфекцию квартиры. Слово предоставляется Клопу.

Клоп: Хозяин нервничает. Жена ушла, забрала детей. А ведь когда вся семья вместе, то и моя душа на месте...

Таракан (*перебивает*): Всё у этих людей не как у тараканов! Мы-то сначала разводимся, а потом размножаемся. А они сначала размножаются, а потом разводятся. Нас не запугать. Нас травят, а мы крепчаем. Лично меня Хозяин любит: как выпьет, крошками угощает.

Голос МадамВошки из-под одеяла: — Ближе к телу!

Клоп: Молчи, гнида, это из-за тебя Хозяйка ушла.

Моль: И шубу с собой прихватила, а ведь один только её вид меня так окрылял, так окрылял!

Таракан: Дайте договорить! Не будет он нас дезинфицировать, не такой он человек. Разве что тапочкой запустит.

Жук-точильщик: (*Стучит по дереву*)

Муха: Я Муха, и то не без брюха... (*попадает в паутину*)

Паук: Не плачь, козявка, только сок выжму! Радуйся, теперь ты Пользователь Сети.

МадамВошка: — Ближе к телу!

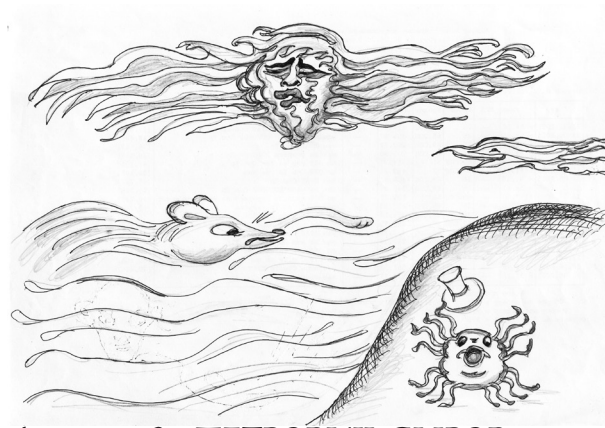
Комар: Вошка права, надо чаще бывать на людях. (*Кусают Хозяина; тот спросонья прихлопывает Комара*)

Клоп (*выглядывая из-за обоев*): На людях и смерть красна.

Хозяин чешется и окончательно просыпается.

Собрание закрывается. Светает.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ

Любимую игрушку
я спрячу под подушку,
Хочу, чтобы во сне
она приснилась мне.

Уж не знаю, почему
Очень трудно самому
Убирать игрушки,
Санки, шайбу, клюшки.
Ох, устал же я с утра,
Отдохнуть давно пора,
Очень жаль, что мама
Помогает мало!

ВОДЯНОЙ

Водяному одиноко
В малом прудике моём,
Осуждает он жестоко
Слишком тесный водоём,

Лишь весною, в половодье
Можно глубоко нырять,
В сентябре же, в мелководье -
Только пузыри пускать.
Водяной глядит уныло,
На лягушку он глядит,
Грустно натирает илом
Старый свой радикулит,
А ведь он меня когда-то
В омут затянуть хотел, -
Оказалось мелкогато
Для таких великих дел.
С той поры со мною в ссоре
И, как только я приду,
Он ворчит: — Не трогай море,
А не то нашлаю беду!
Но когда сухая осень
Выпивает все пруды,
Водяной тихонько просит
Принести ему воды.
Накачаю из колодца,
С головою оболью.
Нечисть фыркает, смеётся:
— Я, дружок, тебя люблю!
Скоро в город уезжаю,
До свиданья, Водяной,
Наилучших снов желаю
Вам под крышей ледяной!

Глянь, в золотой апельсиновой корке
С визгом и писком катаются с горки
Детки-мышатки, а взрослые мыши
Их укоряют: нельзя ли потише?
Хмуро за всеми следит из окошка
Старая-старая, добрая Кошка,
Только хвостом шевелит еле-еле:
Что-то уж мыши совсем осмелели!

В высоком дереве,
В зелёном тереме —

Дупло,
А в нём тепло:
Пищат без конца
Четыре птенца!

В первоснежье, в белополье,
Бродит галка на раздолье.
Недовольно смотрит птица -
Больше нечем поживиться.

ТАТКА

Слышен писк цыплячий —
это Татка плачет.
Папа Татку утешает —
ничего не помогает:
Татка плачет, плачет,
Папа озадачен.
Папа Татку отвлекает:
он рычит, он звонко лает,
Татка плачет, плачет, -
что ей лай собачий?!

Вот, подобно обезьяне,
папа скачет на диване.
Даром папа скачет —
Татка громче плачет.
Вот, как муха, он взлетает
и под потолком чихает!
Снова нет удачи,
снова Татка плачет.
Папа хрюкал, цокал, щёлкал,
волком выл, да всё без толку:
папа зря чудачит —
Татка плачет, плачет.
Папка кукарекал, квакал,
наконец, и сам заплакал...
Что тут с Таткой случилось:
Татка — рассмеялась!
Татка что есть мочи
весело хохочет!!!

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕЛЕФОН

На День рождения мне подарили телефон.
Я взял трубку, и говорю: — Позовите Карлсона, который живёт на крыше!
А телефон молчит.
Тогда я сказал: — Позовите крокодила Гену!
А телефон молчит.
Тогда я сказал: — Алё-алё, позовите, пожалуйста, Винни Пуха!
А телефон всё равно не отвечает.
Тут я подумал, что этот телефон не настоящий. Очень красивый, но не настоящий.
Потому что когда его слушаешь, он даже не гудит. И я сказал маме, что телефон не настоящий.
А мама сказала, что телефон этот волшебный и работает только ночью, когда все дети спят.
Тогда я взял телефон с собой в кровать, и правда, через некоторое время позвонил крокодил Гена и говорит: — Здравствуй, Шурик, как поживаешь?
А я ответил: — Спасибо, дядя Крокодил, я хорошо поживаю.
А крокодил Гена сказал: — Вот видишь, а ты думал, что телефон игрушечный. Так что звони мне, не забывай.
Ещё я позвонил и Винни-Пуху, и Карлсону, который живёт на крыше, и всем-всем!
А потом я устал разговаривать и уснул по-настоящему.

Роман ЧОРА

АВСТРАЛИЯ

Австралия, Австралия, далекая страна.
Австралия, Австралия, отсюда не видна,
В Австралию, в Австралию лежит неблизкий путь,
Придется мне для этого пол мира обогнуть
В Австралии, в Австралии, кого там только нет,
Гуляет по Австралии довольный муравьед,
Вгрызается в Австралию не крупный бандикут
(Так сумчатого кролика в Австралии зовут).

112 Ещё там также водится прекраснейший вомбат,

И встрече с сумчатым кротом я тоже буду рад.
Ехидна, кускус, казуар, еще куриный гусь,
И без древесных кенгуру я там не обойдусь.
Прыжками, серый кенгуру, измерит континент.
А вот шалашник на току, не упusti момент.
Ползет брильянтовый питон среди густых лиан,
А по пустыне шествует гигантище варан.
Там райских птиц подвидов шесть, там кеа попугай,
Короткохвостый ящер сцинк, там только не зевай.
Австралия, Австралия далекий материк,
Поеду я в Австралию, однажды, на пикник.

КНИЖКА

Мне однажды книжку подарили вдруг.
Нет, не мама с папой, а надежный друг.
Не из магазина книжка, не нова,
И её читали и не раз, не два.
Я тогда подумал, «Что за ерунда»,
Но влюбился в книги, раз и навсегда.
В шелесте историй магия страниц,
В ворохе сюжетов сотни тысяч лиц.
Я их сам рисую, мыслию своей,
Паруса и мачты древних кораблей,
Будущих флотилий флагман звездолет-
У Центавры Альфы наш торговых флот.
В джунглях амазонки ходит мой герой,
По пустыне Гоби, в небе, под горой.
Борется за счастье, светом окрылен.
Он гроза несчастий с множеством имен.
Мне однажды книжку подарили вдруг.
Нет не мама с папой. Самый лучший друг.

ПОДОРОЖНИК

На коленке подорожник закрывает рану.
Как бы не было мне больно,
Плакать я не стану.
Починю велосипед и опять поеду.
Ну а рана... Что мне рана?
Заживет к обеду.

КОТ МИШКА

Мишка по двору идет.
Мишка — это белый кот.
Он бел, когда он чистый,
А сейчас пятнистый.
Шлялся где-то целый день,
То обнюхивал сирень,
То за белками гонялся,
После, с Барсиком игрался,
Прыгал у пруда с лягушками
Закадычными подружками.
А теперь пришел домой.
Грязный, мокрый, мой родной.

МИШКА КОСОЛАПЫЙ

Мишка косолапый, из чащоб глухих,
Вышел к нам однажды. Весь поселок стих.
Замерли соседки — оборвался спор.
А Топтыгин мишка к нам вошел во двор.
Заревел протяжно, слез полны глаза...
И уже не важно, что медведь гроза.
Он не просто вышел поугагать народ,
Послан он природой наш проверить род.
Заблестели косы, ружья поднялись —
Мужики со зверем биться собрались.
Сам уже не помню, как к нему бежал,
Сам уже не помню, как его прижал,
Как кричал: «Не троньте! Все подите вон!!»
Словно не со мною, словно то был сон.
Память сохранила лишь один конец.
Помню как подходит к нам двоим отец,
Смотрит на медведя, что то говорит.
Я шепчу сквозь слезы: «У него болит...»
У медведя в лапе белая заноза.
Да, медведя, в лапу, ранила береза.
Он не просто вышел до людских дворов,
Он бы не явился, если б был здоров.
Больше вас рассказом я томить не стану.
Все прошло нормально — залечили рану.

Вынули занозу, больше чем бревно..
Как давно то было, было как давно.
Я уже не мальчик. Сам отец и дед.
Сколько пережито, сколько долгих лет..
Но в глухой чащобе есть опушки круг,
Где меня встречает старый, верный друг.

Оксана МИХАЙЛОВА

МИЛАЯ-МИЛАЯ СКВО

(Сказка)

Был промозглый, унылый день. Один из тех дней, когда совсем ничего не хочется делать и всё буквально падает из лап. В такие дни в воздухе всегда пахнет сыростью, и остаётся только закрыть поплотнее ставни, заварить себе чаю покрепче, укутаться в одеяло и никогда из-под него не вылезать.

Такие мысли приходили в голову малышке Скво. Угрюмые, серые, как дым из трубы мысли.

День подходил к концу. А на планете Шу он всегда тянулся очень долго. Множество, множество световых, земных лет. Индейцы, издревле населяющие эту планету, уже давно привыкли к такому медленному ритму событий. Они редко куда-то торопились. Как гласит известная поговорка: «Если ты увидишь спешащего индейца — жди беды». Поэтому никто никогда никуда не спешил.

Не спешила и Скво. Она уютно пристроилась на подоконнике, накрылась с головой огромным, разноцветным одеялом и начала грызть солёные, оранжевые сушки, запивая сладким-сладким чаем. Но, через каждую минуту, она всенепременно вылезала из своего убежища посмотреть, не случилось ли чего. Но ничего почему-то не случилось...

Старые часы пробили вечер. Такие часы передавались из поколения в поколение. От одного индейца к другому. Они особенно почитались жителями Шу, и стояли всегда с очень важным видом посередине комнаты.

«Уже целый вечер! А ничего так и не случилось», — зевнув, сказала Скво.

«Бом-бом-бом!» — продолжали звучать часы. «Хм... видимо, сломались... — лениво протянула она. — Ну что ж, при-

дётся их разобрать. Хотя бы время скоротаю». Она достала из шкафчика отвёртку, осторожно отвинтила старый шуруп и с удивлением обнаружила маленькую, бархатную коробочку внутри часов.

«Ого. Я эту коробочку никогда раньше не видела», — только и произнесла Скво.

Открыв крышку, она с изумлением увидела акварельные краски, кисточку и обрывок прожжённого пергамента.

«Магия повседневной реальности, — было написано на листочке. — Если вы хотите преобразить реальность вокруг — просто нарисуйте её с помощью волшебных красок». И приписка: «Срок годности — бесконечность. Новая реальность обмену и возврату не подлежит».

«Вот это класс!» — сказала Скво, изучая находку. — А вдруг у соседей по планете в часах тоже что-то интересное! Нужно быстрее рассказать им об этом!»

И наша героиня, прихватив найденный клад подмышку, выбежала во двор.

Оглядев соседние двухэтажные шалаши, она увидела, что очень во многих окнах горит свет.

— Эгегей! Хэо-хэй! — закричала она, что есть мочи. — Хэо-хэй!

На звук высунулись недовольные головы индейцев:

— Ты чего кричишь? Что это тебе дома-то не сидится? — послышалось со всех сторон.

— Я кричу, потому что хочу сообщить очень важную новость. Каждому из вас нужно срочно посмотреть в свои часы! Это дело чрезвычайной важности! Вот что я нашла в своих!

И Скво победоносно подняла кверху волшебные краски так, чтобы все могли увидеть.

— На них написано: магия повседневной реальности! Возможно, в ваших тоже таятся какие-нибудь сюрпризы! Это заявление явно заинтриговало жителей планеты Шу. Каждый, переваливаясь с лапки на лапку, поплёлся к своим часам, и с восторгом обнаруживал спрятанный дальними предками клад. Кто-то — огромный барабан, кто-то — варган, кто-то шаманский бубен, кто-то — кусок глины и пластилин.

Жители высыпали на улицу со своими потрясающими находками и принялись обсуждать, что с ними делать.

Когда страсти улеглись, Скво, как первооткрывательница, предложила: «А давайте просто попробуем их в деле», — и этими словами она открыла волшебные краски. Её примеру последовали все жители, вытаскивая каждый свой дар из коробки.

И тут произошло настоящее чудо. Кисточка, как в сказке, стала раскрашивать пространство вокруг. На голых деревьях начали появляться разноцветные листочки. На небе по мановению лапы, выглянуло яркое солнце. Облака превратились в стаю бело-синих птиц. Зазвучал барабан, и ворох разноцветных листьев закружился в жёлто-оранжевом потоке танца. Загудел диджериду, прозвенели кирталы и полил проливной тёплый дождь. Казалось, природа преобразилась, расцвела, запела!

По мановению кисточки расцвели пахучие, разноцветные цветы. Откуда ни возьмись, из глины и пластилина начали появляться гигантские подсолнухи и папоротники. Витиевато переплетаясь, образуя замысловатые узоры, они начали двигаться в ритме музыки пространства. Глаза жителей были преисполнены настоящего счастья! И каждый в это миг имел своё звучание в общем потоке радости и единения!

«Так это, оказывается, мы сами творим магию повседневной реальности. Или — она творит нас?» — промелькнула мысль у Скво. Промелькнула и полетела прочь по своим делам.

Действительно, не только пространство, но и жители планеты очень сильно изменились. В потоке творчества и танца они образовали огромный круг, в центр которого вышел старейшина-вождь. Выждав паузу и дождавшись тишины, он сказал:

— Милая-милая Скво! Спасибо тебе от всего сердца!

— За то, что случилось чудо? — спросила смущённо Скво.

— Нет, за то, что мы сбывись... — произнёс очень тихо вождь.

— За то, что сбывись мы... — эти слова эхом разбросал ветер по долинам гор, глубинам рек и океанов, наполнив дыханием деревьев и молчанием камней.

Долетели они и до нас с вами.

А милая-милая Скво с тех пор путешествует по свету и напоминает о том, как это важно — сбываться.

Юлия СИНИЦЫНА

РЫЖЕМУ ПЁСИКУ, ЦВЕТА ОСЕННИХ ЛИСТЬЕВ

Ветер поднялся,
Листья понёс.
В них оказался
Маленький пёс.
Он закружился
Вместе с листвой.
Маленький, маленький,
Рыжий такой.

БЕСКОНЕЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И СЧИТАЛКИ

ДОЖДИК ЛЬЁТ

(Бесконечное стихотворение)

Дождик льёт, льёт, льёт,
Передышки не даёт.
Только зонтик я достал,
Сразу дождик перестал.
Только зонтик я убрал,
Сразу дождик капать стал.
Дождик льёт, льёт, льёт,
Передышки не даёт.
Только зонтик я достал...

МОИ БОГАТСТВА

(Бесконечная считалка)

У меня богатства есть
Мне их все не перечеть
Раз, два, три, четыре, пять...
Помогите сосчитать!

Две ракушки от Андрюшки.
(С моря он привёз ракушки).
Две картины от Марины:
На картинах мандарины.

Керамическая кошка:
Хвост её отбит немножко.
Три пластмассовые плошки
Для моей бесхвостой кошки.

Чудо — рамка для картины,
На картине — мандарины.
Нарисованное море...
Для ракушек просто горе!

Вот и сбилась я опять
Надо снова начинать!

Две ракушки от Андрюшки,
Две картины от Марины...

ТАВТОГРАММЫ

ГОВОРЛИВАЯ ГАЛКА ГАЛЯ

Галка Галя галдела:
— Голубь Гоша глуп! Грач Гриша гордый! Гусь Гена громко
гогочет! Гусеница Глаша гаркает!
Глухая, гордая, громко гогочущая, гаркающая, говори-
вая галка Галя!

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕЗДОЧЁТ ЗИНОВИЙ

Звездочёт Зиновий загадал Зине загадку. Зина знала за-
гадку. Звездочёт загадал Зине зимнюю загадку. Зина зна-
ла загадку. Звездочёт загадал Зине звёздную загадку. Зина
знала загадку. Звездочёт злился. Злой звездочёт Зиновий!

КЛЕНОВЫЙ КОЧАН

— Кленовый кочан! Купите кленовый кочан! — кричал
Коля.
— Клёвый кочан? — кинулся крутой Костян.
— Кленовый! Купите! — крикнул Коля.
Кочан купил каратист.
— Кушайте!
— Какой «кушайте»? Красотища!..

МЕШАЮЩИЙ МИША

Миша мешал маме мыть мышку Машу. Миша мешал Марине музицировать! Миша мешал Миле молоть муку! Миша мучил маму, Машу, Марину! Миша мешал Марусе мусорить! Миша мешал Марату мучить медведя... Молодец!

Ирина АРТАМОНОВА

ВОРОНА

Я возвращалась домой после приятной прогулки по лесу и шла по прямой мощёной пешеходной дорожке. Слева от меня была детская площадка, а справа, метрах в пяти-шести от дорожки, — ажурный забор, за ним — школа. Газон между школой и забором покрыт остатками снега, который уже превратился в ледяной каток. Я задумалась.

Вдруг я услышала какой-то непонятный, звонкий стук. Оглянулась. Большая ворона играла с пустой двухлитровой пластиковой бутылкой. Она то клевала бутылку, то катила её вперёд, толкая клювом. Впереди на пути вороны был небольшой обледенелый пологий бугор, очевидно, остатки прошлогодней клумбы. Ворона стала закатывать бутылку на бугор. Не сразу, но вороне удалось закатить бутылку, куда она хотела, и столкнуть её вниз. Бутылка с шумом покатилась. Ворона моментально вскочила на неё и, быстро перебирая ножками, поехала вниз. Когда катание на бутылке закончилось, ворона умудрилась взять горлышко бутылки в клюв, приподняла её над землёй и попыталась взлететь. Не получилось — бутылка выпала из клюва. Тогда озорница опять начала энергично клевать свою игрушку.

Я стояла и, как замороженная, смотрела на эту игру. Я никогда такого не видела. Очевидно, ворона почувствовала, что я за ней наблюдаю. Она перестала клевать бутылку, посмотрела на меня внимательно, громко, раскати-сто каркнула, взлетела и села на забор.

116 Я улыбнулась и пошла своей дорогой.

СКАЗКА ПРО СТАРЫЙ ТАЗ

Когда моя дочка была маленькой, она, как и все дети, очень любила слушать сказки, особенно вечером. Я читала ей много разных сказок, но почему-то она больше любила сказки, которые я сама придумывала для неё: «Про хорошую девочку», «Про Лизу-Капризу» и т. д. Но её самой любимой была сказка «Про старый таз».

Начинается рассказ:

Жил в семействе старый таз.

Таз дружил с ведром и тряпкой.

Было всё у них в порядке.

Много лет стирали в нем,

Мыли ноги... Но, потом

Таз от старости потёк,

Прохудился. В уголок

Его сунули сначала

И тихонько, без скандала

На помойку отнесли,

А оттуда и на свалку

На машине отвезли...

Долго плакал таз на свалке,

Ему было себя жалко.

Много лет служил он людям.

Что же с ним, калекой, будет...

Но однажды умный кто-то

Проявил свою заботу.

Он рабочих пригласил

И в машину загрузил

Много ржавого металла.

Тазу как-то страшно стало.

И куда меня везут, — думал он...

Но тут в вагон

Всё, что было, погрузили

И по рельсам покатали...

Из вагона — прямо в печь!

«И за что хотят нас сжечь!»

Но железо не горит — только плавится...

И расплавленный металл (как вам нравится?)

Слили в формы, остудили,

Слитки тонко прокатали
На большом прокатном стане.
А потом из новой стали
Стали штамповать тазы.
Вёдра, вилки и ножи...
Старый таз теперь стал новым —
И блестящим, и здоровым...

Конечно, сказки я придумывала не в стихах, и были они длиннее и красочнее, чем это простенькое стихотворение. Сказка о тазе заканчивалась подробным описанием счастливой жизни нового таза в новой семье...

ВИТИ-ВИТИ

Трясогузка кричит Витям:
«Вити-Вити, Вити-Вити!
Прилетайте, посмотрите,
Сколько вкусных червяков!

Почему вы не летите,
Вити-Вити, Вити-Вити?
Я одна их съесть не в силах,
Прилетайте, помогите!»

Вити-Вити прилетели,
Рядом с трясогузкой сели,
Быстро червяков склевали,
И «Спасибо» не сказали.

Нина ДАВЫДОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ

(Продолжение, начало в «Словесности 2013», кн. 7)

Взорванный Чудов монастырь был обращён к Ивановской площади, как и **колокольня Ивана Великого**, давшая ей название. Многим известно выражение «кричать во всю Ивановскую». На площади глашатаи объявляли царские указы. В средневековом Кремле в зданиях

приказов разбирались жалобы (челобитные). Челобитчики заполняли с раннего утра площадь и ждали объявления решений по своим делам. Площадь большая, народу много, микрофоны еще не изобрели. Вот и появилась поговорка «кричать во всю Ивановскую», то есть очень громко.

Колокольня Ивана Великого — самое высокое здание в Кремле. Считалось, что если возведут здание в Москве выше — жди беды. Особенно хорошо виден Иван Великий из Кремлёвского сквера. Несколько мощных ярусов поставлены друг на друга. Толщина стен первого яруса 5 метров, второго — 2,5 метра. Колокольня стоит не просто на земле, сделали фундамент, рассчитанный на сильное землетрясение. На четыре с небольшим метра вглубь идёт сначала фундамент из белого камня, его поддерживают дубовые сваи, вбитые в землю по периметру круга диаметром в 25 метров. Дуб, как известно, в воде не гниёт, а становится только крепче. Благодаря столь хитроумному фундаменту Иван Великий не пострадал от мощного взрыва в 1812 году, лишь покачнулся, и с него сорвало крест. Это не просто колокольня, в первом ярусе устроена церковь Иоанна Лествичника. По внутрискладной лестнице можно подняться к колоколам, на дозорную площадку. На самом верху, под золоченой главой, в трех ярусах помещена надпись. Буквы очень большие, но чтобы прочесть, надо три раза обойти вокруг колокольни. Раньше каждый приходивший в Кремль знал эту надпись: «Изволением Святыя Троицы повелением Великого государя Царя и Великого князя Бориса Федоровича всея Руси и самодержца и сына его благоверного Великого государя царевича и Великого князя Федора Борисовича всея Руси храм совершен и позлащен во второе лето государства их». Храм «иже под колоколы» стоит на этом месте с XIV века, когда князь Иван Калита велел заложить белокаменную церковь Иоанна Лествичника. В начале XVI века итальянский архитектор Бон Фрязин начинает строительство кирпичной церкви-колокольницы с тем же названием и заканчивает строительство в 1508 году. Высота Ивана Великого тогда была меньше на 20 метров. Нынешней высоты в 81 метр колокольня достигла в 1600 году при Борисе Годунове, мечтавшем о новой, годуновской династии в России. Мы привыкли говорить о кремлевской

колокольне в единственном числе — Иван Великий, и все тут. На самом деле в Кремле три колокольни, стоящие рядом: справа — Успенская звонница XVI века, еще правее — Филаретовская звонница, сооруженная в 1624 году мастером Баженом Огурцовым. В 1812 году при взрыве обе пристройки были уничтожены, но через три года восстановлены полностью. Особый интерес вызывают, конечно, колокола кремлевской звонницы, они не только обладают чудными голосами, но все вместе они символизировали единение русских городов и земель вокруг Москвы. На звоннице колокола из Великого Новгорода, Ростова, Ярославля и других городов.

В дни больших праздников в Москве первым начинал звонить Иван Великий, к нему присоединялись монастырские звонницы, а потом — колокола приходских храмов. На Пасху любой желающий мог прийти в Кремль и звонить в колокола Ивана Великого. Сейчас эта традиция возобновлена.

У подножия церкви-колокольни на постаменте установлен самый большой в мире колокол. На нём изображение царя Алексея Михайловича, при котором в XVII веке был отлит самый большой по тем временам Успенский колокол. Судьба его была печальна, колокол сорвался со звонницы и разбился, «останки» были переплавлены и использованы при отливке **Царь-колокола**. Ещё одно монаршее изображение — императрицы Анны Иоанновны, пожелавшей иметь у себя самый большой в мире колокол. Сначала она обратилась к западным мастерам, но те за отливку не взялись. Тогда последовало обращение к нашим литейщикам. Вызвались отец и сын Моторины. Те времена — не наши, можно было и головой поплатиться, если, пообещав, не сделаешь обещанное. Рядом с Иваном Великим вырыли яму десятиметровой глубины и обложили кирпичом. Моторины искали подходящую бронзу для колокола, металла требовалось много. Металл привозился в Кремль, где сооружались литейные печи. Болван — форма для будущего колокола — делался в выкопанной яме. Работа велась основательно, в течение нескольких лет. Наконец, к 1734 году все было готово. Назначили день отливки. Помолясь, пустили из четырех печей расплавленный металл, он должен был принять форму колокола, но почему-то стал уходить под

землю, и работы остановили. Стали искать причину неудачи, занялись подготовкой к следующей отливке, которая успешно прошла через год. Отец, Иван Моторин, к тому времени умер, и всю ответственность взял на себя его сын Михаил. Все удалось, и в литейной яме застыл колокол размеров невиданных, отливка продолжалась всего 1 час 12 минут. Ещё три года колокол украшали. А в 1737 году случился в Кремле пожар. Горело всё, жар стоял нестерпимый. То ли от жара или потому, что москвичи облили колокол водой, но дал он несколько трещин, от него отвалился кусок, и для звона он стал полностью непригоден. Еще 99 лет пробыл в яме, и вот в 1836 году стараниями архитектора Августа Монферрана, придумавшего специальные подъемные машины, Царь-колокол удалось поднять и поставить на сделанный для него постамент. Под колоколом лежат «языки» от других кремлевских колоколов, «язык» самого колокола или не был отлит, или не сохранился. На Царь-колоколе Моторины поместили свое клеймо. Вес колокола 200 тонн (отколовшийся «кусочек» потянул на 11,5 тонны), высота 6,14 метра, диаметр 6,6 метра.

Отсюда, от Царь-колокола, имеет смысл, обогнув Ивана Великого слева, выйти на Соборную площадь и насладиться одной из самых впечатляющих панорам в Кремле. **Соборная площадь** самая древняя в Москве, здесь стояли первые деревянные, а потом белокаменные московские церкви, но с теми же названиями и на тех же местах. Менялся статус города, переделывались и его главные храмы. Ансамбль, который мы видим, сложился, в основном, когда Москва стала столицей, в конце XV — начале XVI веков. Главным храмом русского государства считался **Успенский собор**, в нем проходили важнейшие церемонии. Присягали на верность великим московским князьям удельные князья. Венчались на царство цари, короновались императоры, от первого царя Ивана Грозного в 1547 году до последнего — Николая II в 1894 году. Здесь объявлялись решения о мире и войне, хоронили патриархов, отлучали от церкви инакомыслящих. В 1918 году собор закрыли по распоряжению большевиков. Великий князь Иван III придавал большое значение перестройке Успенского собора как главной столичной церкви. Сначала за перестройку взялись русские мастера

Кривцов и Мышкин. Но удача не сопутствовала им. При землетрясении, труссе, как тогда говорили, недостроенное здание рухнуло. Комиссия, составленная из псковских мастеров, отметила плохой, «неклеевитый», раствор. Иван III отправляет посольство в Италию на поиски архитектора. Ехать в далекую Россию согласился Аристотель Фиораванти. Славившийся не только как архитектор, но и как инженер, он умел чеканить монеты, отливать пушки, знал толк в военном искусстве, умел передвигать здания на значительные по тем временам расстояния. Человек он был уже немолодой, шестидесятилетний, отправился в Россию вместе с сыном Андреем. Иван III оговаривает условия контракта: построить в Кремле храм по образу и подобию Успенского собора во Владимире. На одиннадцать месяцев уехал из Москвы Фиораванти знакомиться с русской архитектурой, доехал до самого Белого моря. А в это время на кирпичном заводе по его рецепту делали кирпичи для храма. Вернувшись, зодчий тут же приступил к делу. Новейшие достижения итальянской строительной техники соединились с традиционно русскими представлениями. Посмотреть, как строит итальянец, интересно было всем, поэтому вокруг всегда было много и просто любопытных, и профессионалов. Это был как бы мастер-класс XV века. Каждый шаг отмечался в летописях. Например, отметили применение не деревянных, а металлических связей, за счет чего кирпичные стены Аристотель Фиораванти делает тоньше, а поэтому и своды — толщиной в один кирпич — делаются легче и выше; удалось увеличить размер окон, и внутреннее пространство становится больше и светлее. Второй ярус окон архитектор поднимает под самые закомары, то есть арки, которые завершают стены. И этот прием тоже дает возможность усилить освещение. Нижний ярус окон украшен арками, опирающимися на колонки, то есть аркатурно-колончатый пояс. Вход — портал — тоже с арками и колонками, уходящими в глубину стены, говоря научным языком, это перспективный портал.

Венчают собор пять глав, каждая имеет цилиндрическую основу, называемую барабаном, и купол. В барабанах глав прорезаны узкие, напоминающие бойницы, окна. Пятиглавие сдвинуто вправо, к алтарю, для лучше-

го освещения иконостаса. Позолота глав Успенского собора отличается по цвету от золоченых глав всех других кремлевских церквей. Здесь сохранилось ртутное золочение, запрещенное в XVIII веке по указу Екатерины II. Ртуть, как мы с вами знаем, вредна, и мастера, занимавшиеся таким золочением, долго не жили. В Успенский собор ведут три входа: южный, северный и западный. На западном, слева от нас, итальянский зодчий помещает висячую гирьку как украшение над входом, и она так полюбилась, что потом ее будут применять часто, и не только в Москве.

На Соборную площадь обращен южный портал, украшенный фресками. Они более позднего происхождения, сделаны в XVII веке. Справа и слева от входа помещены две фигуры ангелов, выше — изображения святых, и, наконец, еще выше — Богоматерь с младенцем. Собор посвящен Успению Богоматери. Украшению южного фасада придавалось особое значение, так как в дни торжеств государя, главы Русской Православной церкви выходили на Соборную площадь или, наоборот, спускались из Грановитой палаты и торжественно входили в Успенский собор через южный портал.

Внутри, как отмечают летописи, храм поражал «и светлостью, и звонностью, и пространством». Сейчас Успенский собор — один из музеев Кремля, но в нем возобновлены службы по особым церковным праздникам. При входе в него возникает ощущение торжественности и восхищения: как высоки своды, какая дивная роспись на стенах. Сохранилось несколько композиций от первоначальных фресок XVI века, сделанных под руководством Дионисия, но в основном фрески относятся к середине XVII века. Ближе к алтарю и царским вратам из высокого подкупольного пространства спускается серебряное паникадило или, говоря светским языком, люстра замечательной работы мастеров XIX века. Серебро это отбили казаки атамана Платова у бегущей наполеоновской армии, пытавшейся вывезти из Кремля поистине несметные сокровища. Напротив иконостаса у круглых колонн справа и слева от царских врат сохранились два трона. Слева белокаменное место патриарха, сооруженное в конце XV века. Справа — моленное место цариц, сделанное в XVII столетии, переделанное в

XIX веке. На правом троне помещены изображения герба России и гербов Новгорода, Владимира, Казани, Астрахани и других городов. Гербы городов расположены на крыльях двуглавого орла, а на груди орла — герб Москвы.

Царь во время службы в Успенском соборе стоял ближе к южному входу. Там сейчас Мономахов трон — резное деревянное царское место, сделанное русским мастером для Ивана Грозного. Во время церемонии коронации государи поднимались к царскому трону.

В Успенском соборе сохранилось много святынь, но для этого требуется особый рассказ.

Рядом с западным порталом собора — церковь Ризоположения, построенная в 1485 году псковскими мастерами как домовый храм митрополитов московских. С западной стороны к церкви Ризоположения примыкает **Золотая Царицына палата**, в ней на Пасху царица христосовалась с царем и патриархом; устраивались торжественные приемы. Стены палаты расписаны по золотому фону, отсюда произошло и её название — Золотая. Это одно из помещений Великокняжеского дворца. Над Царицыной палатой вы видите 11 главок домовых царских церквей, сооруженных русскими мастерами в 1680 году: Верхоспасский собор, церковь Святой Екатерины, церковь Распятия и Воскресения Словущего. Все главы смотрятся как единое целое. Барабаны глав украшены изразцами, прекрасны на фоне неба золоченые ажурные кресты. Великокняжеский дворец объединял общим подклетом, то есть нижним этажом, разные постройки — палаты Столовую, Золотую, Грановитую.

Грановитая — потому что граненым камнем облицован ее фасад. Величественное двухэтажное здание служило главным тронным и, соответственно, приемным залом дворца русских князей и царей. Первый этаж использовался как хозяйственный. Во втором был устроен Тронный зал, куда приглашались иноземные послы. При звоне большого колокола царь в богатейшем наряде выходил из внутренних покоев, усаживался на трон, держа скипетр в правой руке. Держава помещалась с левой стороны от трона. Рядом с тронном замирало четверо рынд, то есть оруженосцев-телохранителей, с серебряными секирами, в белых атласных одеждах и высоких рысьих

шапках — красивые, обязательно рослые юноши из знатных семей. Бояре и влиятельные московские люди рассаживались на обтянутых алым бархатом лавках. Все в высоких шапках и богатых одеждах. Женщин на таких приемах не было, но царица и царевны из специально сделанного тайника, — маленькое окошко на самом вершине палаты освещало «потайное» помещение, — видели всю церемонию.

В Грановитой палате отмечали военные победы: Иван Грозный праздновал взятие Казани, Петр I — Полтавскую победу. Площадь зала — 495 метров, древние своды опираются на мощный столп, 18 окон расположены с трех сторон. На стенах живопись 1882 года, выполненная палешанами братьями Белоусовыми к коронации Александра III. По древним описям сюжетов они воссоздавали роспись прославленного изографа Симона Ушакова, сделанную им в 1668 году. В палату ведёт Красное крыльцо. Его сломали в тридцатые годы XX века для того, чтобы построить на этом месте невзрачное здание столовой для работников Кремля. В 1994 году Красное крыльцо было воссоздано по сохранившимся фотографиям и обмерным чертежам. Красное — значит не красного цвета, а красивое; пятьсот лет это был парадный вход в Тронный зал, по этому крыльцу совершались выходы русских царей. Тридцать две ступени Красного крыльца и пятисотлетняя история...

Благовещенский собор тоже часть Великокняжеского дворца. Построен как домовая церковь московских великих князей псковскими мастерами в 1489 году. До XVI века завершался тремя главами и был окружен открытыми галереями-гульбищами. При Иване Грозном галереи становятся крытыми, на их сводах, в память о военной победе — присоединении Полоцка в 1563 году — возводят четыре небольшие церкви без столбов внутри, каждая завершается одной главой, а к основному храму добавляют еще две главы. Кровля покрывается заново медными позолоченными листами. С этого, вероятно, времени и стали называть его златоверхим. Соединились в нем традиции псковских и владимирских мастеров, но более всего видны особенности раннемосковской архитектуры. Кажется, что весь храм — это огромная зажженная свеча. Представляется странным, что целых два крыльца выходят на

Соборную площадь. По одной из легенд, левое крыльцо было построено по распоряжению Ивана Грозного после его четвертого брака. Русская Православная церковь допускает лишь три брака, четвертый раз не венчают. Царь понес наказание — в течение нескольких месяцев не разрешено было ему входить в свою любимую домовую церковь. Правда, женат был после этого еще трижды, подумывал и о восьмом браке, мечтая породниться с английским королевским домом, но не успел — умер.

Стены собора покрыты фресками XVI века. Обращаем внимание на изображения в полный рост античных философов и писателей: Аристотель, Гомер, Вергилий, написанный чуть ли не в современной шляпе. Замечательны белокаменные порталы, ведущие в храм. Внутреннее пространство Благовещенского собора поражает какой-то домашней «тихостью». В средних ярусах иконостаса — деисусном и праздничном, — иконы 1405 года. В праздничном ряду семь икон слева приписывают кисти Андрея Рублева. Остальные в этом ряду созданы Прохором с Городца. Стенная роспись в храме выполнена в 1508 году артелью, под руководством Феодосия, сына Дионисия. В основном это сюжеты Апокалипсиса. На столбах — изображения византийских императоров и русских князей. В росписях собора просматривается идея избранности Русской Православной церкви и русского государства, особая роль Москвы как Третьего Рима. Интересно, что настоятелями Благовещенского собора были обычно духовники царя.

Земной путь великих московских князей и царей заканчивался в **Архангельском соборе**, расположенном напротив Благовещенского. Первым в небольшом соборе, стоявшем на этом месте и носившем то же название, был похоронен московский великий князь Иван Калита. Когда в начале XVI века была выстроена новая церковь, предыдущие княжеские захоронения бережно в нее перенесли. Если вы подойдете к правой стене, то в первом ряду увидите надгробие Ивана Калиты, во втором ряду — Дмитрия Донского, на возвышении, справа от царских врат, у иконостаса похоронены Иван III, Василий III. Их внук и сын Иван Грозный со своими сыновьями Иваном и Федором похоронены по другую сторону иконостаса,

поэтому их могил мы не сможем увидеть.

Князей обычно хоронили в монашеском облачении. Гробы из белого камня захоронены на глубине примерно 1,5 метра в земле под полом собора, сверху помещены белокаменные надгробия, их в начале XX века защитили футлярами из стекла и меди. Всего в Архангельском соборе 56 погребений, 46 гробниц. Различие в числе связано с рядом совместных захоронений. Почти по центру храма, ближе к иконостасу, можно увидеть раку с мощами царевича Дмитрия.

Первоначальный иконостас собора не дошел до нашего времени, большой интерес представляет стенопись собора. Сохранились фрагменты первоначальной росписи, сделанной в правление Ивана Грозного в 1564—1565 годах, в середине XVII века собор расписывали лучшие мастера Оружейной палаты. Наряду с библейскими сюжетами представлена русская история от княгини Ольги до Ивана Грозного, более 60 реальных исторических лиц.

Первоначальный цвет храма был иной — естественный цвет красного кирпича и белокаменные украшения. Ни один собор на площади не украшен так, как Архангельский. Попробуйте мысленно представить его без глав, и вы увидите дворцовую постройку, характерную для итальянской архитектуры эпохи Возрождения. Это самый поздний храм из всех, которые мы видим на Соборной площади. Строительство началось в 1505 году и закончилось через три года, в 1508 году. Строил итальянский архитектор Алевиз Новый, более известный у себя на родине как скульптор. До нашего времени дошли прекрасной работы капители, сложного рисунка карнизы арки, сразу обращают на себя внимание большие раковины, помещенные в закомарах. Не все купола Архангельского собора позолочены. Ответа на вопрос, почему позолочена только центральная глава, специалисты так и не нашли. Рядом с Успенским собором построен в 1656 году **Патриарший дворец и церковь Двенадцати Апостолов**. Место это издавна принадлежало патриархам с их обширным хозяйством, патриаршими приказами, поселениями ремесленников, в Кремле размещалась Иконная палата, жили мастера золотого дела, стояли Кормовая изба, Сытная, Хлебная. Пятиглавие храма Двенадцати Апостолов

обращено одновременно на Соборную и Ивановскую площади. Буквально в нескольких шагах от здания XVII века мы видим чудо литейного искусства XVI столетия — **Царь-пушку**: «Слита бысть сия пушка в преименитом царствующем граде Москве лета 7094, в третье лето государства его. Делал пушку пушечный литец Ондрей Чохов». Конец XVI века, на российском престоле сын Ивана Грозного Федор Иоаннович, он последний из династии Рюриковичей, после его смерти начнется Смутное время, а потом династия Рюриковичей сменится династией Романовых. Изображение последнего царствовавшего Рюриковича помещено на стволе Царь-пушки. Мастер Андрей Чохов работал при нескольких государях, его имя упоминается в документах на протяжении 64 лет, впервые в правление Ивана Грозного в 1568 году, а в последний раз при Михаиле Романове в 1632 году. Царь-пушка была отлита на Пушечном дворе, в районе нынешней Пушечной улицы. Готовое изделие перевезли на Красную площадь и установили недалеко от Лобного места. Пушку отлили не декоративную, ее готовили для защиты Москвы. Но в силу исторических причин участвовать в военных сражениях ей не пришлось. Лафета у пушки первоначально не было, ствол был положен на станок с заданным углом прицела, перемещали её при помощи толстых бревен — катков. В начале XVIII века по приказу Петра I Царь-пушку доставили в Кремль во двор строящегося здания Арсенала. В XVIII веке на заводе Берда в Петербурге для пушки были отлиты лафет и ядра, не боевые. Но стрелять Царь-пушка должна была не ядрами, а дробом — картечью. Самое большое орудие в мире имеет длину 5 метров 34 сантиметра, калибр 890 миллиметров, вес (без лафета) 40 тонн. Ядра — полые внутри, тем не менее, каждое из них весит одну тонну.

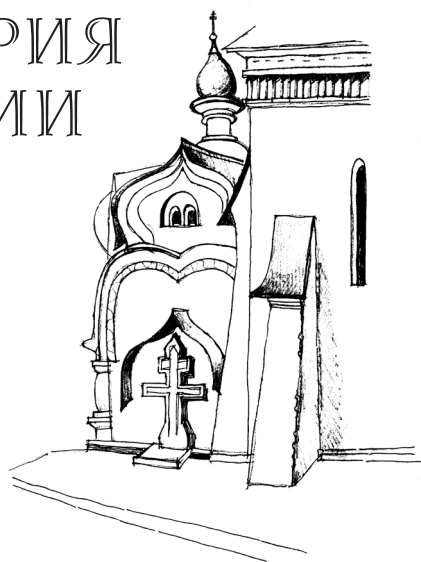
На противоположной стороне Ивановской площади здание желто-белого цвета в стиле русского классицизма. Оно имеет сложную форму треугольника со скошенными углами; внутри него — три внутренних двора. Это бывшее **здание Сената** (Присутственных мест). Строительство велось по распоряжению Екатерины II архитектором Матвеем Казаковым и завершилось, с отделкой интерьеров, в 1790 году. Сейчас здесь находится резиденция Президента России. По той же стороне, левее, стоит еще

одно здание XVIII века, строилось оно по указу Петра I как хранилище оружия. Это **Арсенал**. Проектировали и строили его архитекторы Д. Иванов, Х. Конрад, И. Чеголков. Начато строительство было в 1701 году, а завершено в 1736 году. Своим фасадом **Арсенал** выходит на Троицкую площадь Кремля, получившую название по бывшему здесь подворью Троице-Сергиева монастыря. Вдоль Арсенала установлены пушки, среди них много трофейных, в том числе и французских.

Недалеко от Царь-пушки очень большое здание, напоминающее аквариум. В его левом торце в зеркальных стеклах отражаются главы кремлевских соборов, вдруг вырастает причудливо украшенное здание XVII века — **Теремной дворец**, к которому нельзя, к сожалению, подойти ближе, а виден он только отсюда. Строили терема на старинном основании в 30-е годы XVII века для первого Романова, зодчие Бажен Огурцов, Трефил Шарутин, Антип Константинов, Ларион Ушаков. Выражение «положить в долгий ящик» связано именно с этим царским домом: из окна спускался «долгий ящик» для челобитных. Любой мог опустить в него свое прошение, и считалось, что оно будет рассмотрено самим царем.

А современное здание-аквариум неожиданно появилось в древнем Кремле по приказанию Н.С. Хрущева в 1961 году. Расчистили территорию от «старинны», чтобы не мешала, и в рекордно короткий срок — менее двух лет — возвели под руководством архитектора М. Посохина Кремлёвский дворец. В нем более 700 помещений, вмещает 6000 человек. На концерты и спектакли во Дворец проходят через ворота **Троицкой башни**. Своё название она получила от подворья Троице-Сергиева монастыря. Это самая высокая башня Кремля: со стороны Александровского сада — вместе со звездой 80 метров. Троицкие ворота распахнуты на самый древний в Москве каменный Троицкий мост, перекинутый в XV веке над рекой Неглинной. С середины моста оглянитесь на Кремль. Справа от Троицкой башни над стеной возвышается Потешный дворец царя Алексея Михайловича. С Троицкого моста открывается панорама на Александровский сад, Манежную площадь, продолжением моста была древняя дорога на Великий Новгород.

ИСТОРИЯ РОССИИ

*70 лет со дня победы в Великой
Отечественной войне
(1941 – 1945 гг.)*

Наталья РОЖКОВА

*«ЧИТАЮ ВЗАХЛЁБ МЕМУАРЫ, ПОЭТОВ,
ПОСЛОВ И СОЛДАТ...»*

Юрий Смирнов

*(Отрывок из исследования «Военные мемуары
как история и как литература»)*

Для современной эпохи характерен повышенный интерес к документальности во многих областях гуманитарных знаний. О степени распространённости документа в литературе последних десятилетий говорят произведения о Великой Отечественной войне.

Особое место занимает мемуарный жанр среди документального материала, отражающего многовековую историю военной сферы человеческой жизни. В сущности, уже хвалебные надписи древних воинов и прави-

телей были в какой-то степени мемуарной фиксацией прошедших событий, ставших историей.

Мемуары — это история, прошедшая через сознание и личную биографию современника, ставшая его жизненным опытом, который художественно осмыслен и запечатлён в художественном тексте. Они являются не только источником, сообщающим об исторических событиях, но и фиксацией взглядов и позиции автора, отшедшего на некоторое временное расстояние. Парадоксальность памяти состоит в том, что прошедшее присутствует в ней, как явление современности. То, что человек помнит, находится с ним сегодня и поэтому современно.

В годы войны произошло огромное количество эпизодов, большинство свидетелей которых погибло, и, если их фиксирует мемуарист, большое значение приобретает историческая информативность мемуарных сведений. Факты, изложенные на страницах воспоминаний, не всегда могут быть сопоставлены с документами, поэтому они уникальны и проверяемы только степенью правдоподобности. В случаях, когда сопоставление возможно, на историю следует смотреть «глазами» документа и «глазами» мемуаристов.

В XX веке классическая жанрология претерпела серьёзные изменения и появилась необходимость в новом осмыслении жанра мемуаров. Так, он близок к исторической и лирической прозе и отчасти ими является, а также к историко-политическому эссе. В случае военных мемуаров данный жанр близок к публицистической, историко-информативной прозе, порой трагическому повествованию, пафосно-победно-одическому взгляду на события. Таким образом, современная мемуарная литература, особенно военная, многослойна по своей жанровой структуре.

К. Симонов писал: «Оценивая нашу мемуарную литературу о войне, надо иметь в виду, что у неё были насильственно задержанные роды, и она потеряла драгоценное — если иметь в виду остроту памяти — десятилетие». Долгое время недоверие к подлинности мемуаров считалось оскорбительным для памяти полководцев. Характерно высказывание композитора Георгия

Свиридова: «Мемуары маршала Жукова. Впечатление такое, что писал какой-то сталинистский компьютер. Всё выровнено, утрамбовано, закатано безликим бетоном... Вся жизнь под контролем». Точка зрения историка Бориса Соколова противоположна: «мемуары маршала Жукова, скорее, своеобразный роман о войне, написанный одним из главных её участников, которого официальная историография умышленно забыла, а маршал, в противовес ей, творил собственный миф войны». Наконец, сам полководец признавал: «Книга воспоминаний наполовину не моя».

При сравнении событий XIX и XX столетий, оказавших влияние на литературные жанры, прослеживается некоторое сходство культурных и общественных ситуаций. В XIX веке происходит обострение между западниками и славянофилами, в XX — разделение на урбанистов и почвенников, дискуссии о физиках и лириках 1960-х отдалённо напоминают споры 1860-х гг. нигилистов и романтиков. Оживление журнальной деятельности («Современник» Некрасова — «Новый мир» Твардовского), вызывает повышение интереса к документу. Публицистика становится доминирующим жанром.

Особая установка на собеседничество, мгновенный читательский отклик отразилась в стилевых направлениях, характерными чертами которых стали как проповеднические, так и исповедальные интонации, хотя, по утверждению прозаика Г. Бакланова, внутренний цензор не позволил военно-мемуарной литературе стать настоящей исповедью.

Конец 1950-х годов отмечен решительным отказом от этикетных форм отражения действительности. Социальные изменения, происшедшие благодаря XX съезду КПСС и разоблачению культа личности И.В. Сталина значительно расширили степень вовлечения литературы в решение задач, до этого находящихся вне её компетенции. Литература стремилась любыми средствами приблизиться к жизни. В газете «Красная звезда» 17 и 27 апреля 1960 года были опубликованы статьи К. Симонова, не только посвящённые собственно предмету мемуаристики, но и содержащие рекомендации мето-

дического характера — как добиться рельефности и колоритности в изложении военных событий, сохранить авторскую индивидуальность.

В начале 60-х годов военные воспоминания рассматривались в качестве исторического источника и с литературоведческих позиций. В некоторых исследованиях, опубликованных в тот период, мемуары характеризуются как жанр художественной прозы. В. Кардин, например, отнёс роман Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» к мемуарам, «так как представляет собой в значительной степени военные воспоминания писателя». Другие критики призывали освободить мемуаристику от монопольного влияния беллетристических традиций, делая акцент на исторический аспект. В конечном итоге возобладали концепция, определяющая мемуары одновременно как художественное произведение и исторический источник. Эта двойственность с акцентом на одно из начал — фундаментальное свойство данного жанра.

Ранние мемуары написаны, как правило, по памяти, ибо практический доступ к архивным материалам, столь необходимым для уточнения событий прошлого, был закрыт.

«Положение о Государственном архивном фонде СССР» (1958 г.) сделало многие (хотя далеко не все) документы более доступными для мемуаристов. Важно не только то, что по документам стало возможно уточнить время и место событий, но и осуществление своего рода цепной реакции, когда одно событие вызывает из памяти другое. В том же 1958 году в Воениздате Министерства обороны образован отдел военно-мемуарной литературы. По признанию военачальников, рекомендации сотрудников этого отдела зачастую не носили принципиального характера. В личном архиве моего деда Командующего I Польской армией С.Г. Поплавского сохранилось письмо редактора, где, в частности, указано: «Во многих случаях советские солдаты и офицеры упоминаются только по фамилии. Поляки, как правило, называются по имени и фамилии. Название книги — «За землю предков», следует заменить, например: «Товарищи в борьбе»».

Из-за подобных замечаний книги военачальников часто выхолащивались. Следует также отметить, что отношение автора к событиям в период их свершения и в момент работы над мемуарами не всегда совпадает. Как собственный жизненный опыт, так и социальные изменения в обществе побуждают смотреть на прошлое по-иному. Наконец, чем больший срок отделяет время создания воспоминаний от реального времени описываемых событий, тем больше нежелательных наслоений. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян отмечает: «У памяти человеческой много врагов, медленно, но верно подтачивающих её. В их числе неумолимое время, по зернышку выметающее из кладовых памяти многие интересные факты из прожитой жизни. Новые события и новые впечатления порой невольно заставляют нас по-иному осмысливать пережитое, и тогда дела давно минувших дней начинают представляться нам в несколько ином, чем прежде, свете. Много опасностей подобного рода ожидает мемуариста». А.А. Ахматова высказывается более категорично: «Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя, двадцать процентов мемуаров так или иначе фальшивки. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать». Однако эти опасности «окупаются» в воспоминаниях непосредственным выражением личности их автора, что является по-своему ценным документом времени.

Как отмечает Л. Левицкий, «мера и характер содержательности мемуаров связаны с личностью автора. Если автор — личность самобытная, то особенно интересен он сам, его мысли и чувства, отношение к тому, что он видел. Если он человек заурядный, то больше привлекает то, что он видел». При всём согласии с исследователем, есть основания полагать: у того, кто осмелился «подступить» к такому сложному жанру, как мемуары, заурядность исключается. Монолог эгоцентрического повествователя является лишь кажущимся, он превращается в отсроченный диалог с близкими и предшественниками, с национальной и человеческой культурой.

Лилия ВОЛОХОНСКАЯ

НАЧАЛО

Этот день помню я всю жизнь — с детства и до старости. Воскресенье. Пасмурно, моросит дождик. Я размазываю по тарелке ненавистную манную кашу. Бабушка на меня покрикивает. И вдруг по радио говорят, что в двенадцать часов передадут важное сообщение. И услышали мы, что в четыре часа утра без объявления войны германские войска вероломно напали на нашу страну и подвергли бомбежке города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас... И сразу стали мы жить по-другому. Окна занавешивали плотными шторами-затемнение. По улицам с песнями ходили красноармейцы, у магазинов стояли большие очереди, тоже прямо на улице.

Мама лежала в больнице на сохранении беременности. Папа, Мудрик Виктор Иосифович, главный инженер «Гознака», два раза ходил в военкомат, хотел пойти на фронт. Но его не брали. Второй раз даже попрекнули: «Вы, крупный специалист, в такое тяжелое для страны время хотите остановить фабрику!» А я с самого первого дня войны читала газеты, я очень хотела помогать фронту — ну хоть как-нибудь! Но меня отовсюду гоняли, под ногами просили не путаться. Что же мне делать?.. Пошла гулять, но заодно решила собрать металлолом. По чужим дворам ходила, между сараями лазила, даже на помойках всякие железки подбирала. Перемазалась, платье разорвала. Позвонила в дверь дворнику дяде Мише, сдать ему хотела, а его дома нет. Бабушка меня полчаса отмывала, а ругала, наверное, целый час. А потом я побежала во двор. Но где же мой металлолом? «В атаку!» промчался мимо Колька с длинной железкой в руке. Я сразу её узнала! Из-за сараев ещё мальчишки выскочили и у каждого в руке по моему металлолому. Отдайте! — кричу. — Все отдавайте!» «Фиг тебе! — засмеялись они — Мы в войну играем!» «Дураки! Хулиганы! Я же для правдошной войны собирала! А вы...»

Госпиталям не хватало подушек, одеял, посуды. Наша соседка тетя Шура в госпитале работала нянечкой. Она рассказывала, что раненых везут и везут, коридоры бит-

ком набиты, девать людей некуда. Вечером пришли к нам комсомольцы. Дверь открыла им я, бабушка на кухне стирала. «Подождите минуточку», — попросила я. Побежала в комнату и сдернула со своей кровати шерстяное одеяло. Оно самое бежевое, а по краям красные белки по красным шишкам прыгают. Еще подушку я взяла, кружку с желтыми утятами и понесла все это комсомольцам. «Куда?! — налетела на меня бабушка. — Сейчас же положи — все на место!» Смотрю: несет она байковое одеяло и подушку, самую жесткую, между прочим. И как только захопнула дверь за комсомольцами, я закричала: «Какой же ты несознательный человек! В газетах пишут: «Все для фронта! Все для победы» ВСЕ, понимаешь? А ты? Одну подушку для фронта, а остальные себе, да?!» А на другой день пришли к нам общественницы за бутылками. Бабушка очень удивилась. «Бутылки-то на войне к чему?» Общественницы объяснили нам: нальют в бутылку какую-то жидкость, бросят ее в немецкий танк — он сразу и взорвется. Бабушка только головой покачала. «Да неужели уж чего получше-то придумать не могли? А бутылка она и есть бутылка. Какое из неё оружие?» ...И каждый день слышали мы по радио: «После упорных и ожесточенных боев наши войска временно оставили город... и населенные пункты...» Не пройдет часа или двух и опять: «После упорных и ожесточенных боев...» Каждый день, каждый день... Мама вернулась из больницы, и мы стали собираться в эвакуацию. Начались бомбежки. Я их не боялась и не хотела спускаться в бомбоубежище. Ночами папа и другие мужчины, и большие мальчишки дежурили на крыше, гасили зажигалки, а меня туда не пускали, чуть ли не силой затаскивали в подвал — в бомбоубежище — душное, полутемное, тесное, иногда даже сесть некуда — скамейки, табуретки, стулья полусломанные. Малыши орут, старушки молятся, крестятся, плачут... Почти рядом с нашим домом на стадионе «Красный пролетарский» палят зенитки. У бабушки на пальце кольцо — золотое, широкое. Она хотела подарить его моей маме, но мама его не взяла. Она комсомолка. а комсомольцы не носят обручальных колец. Некрасивое это кольцо — круглое, толстое, глад-

кое, не нравится оно мне. Но сейчас... «Бабушка, какое хорошенькое колечко, — говорю. — Мне бы такое!» «Хоть у тебя-то есть вкус! — обрадовалась бабушка. — Кольцо старинное, золото высокой пробы». «Ты мне его подарить?» «Обязательно. Вот вырастешь, выйдешь замуж». «Не-ет, так долго я ждать не могу! Мне сейчас оно нужно, сейчас!» «Зачем?» — удивилась она. «Я сдам его в фонд обороны». «Больше ничего не придумаешь?» — рассердилась бабушка. Несознательный она человек. Мы стали собираться в эвакуацию. Папа оставался в Москве, и я из-за этого все время плакала, Гитлера проклятого проклинала и всех фашистов, всех какие есть! Ехали мы в Краснокамск, в небольшой городок на Урале. Там был филиал Гознака. Дорога длинная, неудобная — то едет поезд, то стоит неизвестно почему. Днем жарко, ночью холодно. С водой совсем плохо. Мутная она какая-то, не теплая, не холодная, сама на себя непохожая. Ничего не поделаешь, война. Я — то понимаю, я вот некоторые взрослые почему-то не понимают, ворчат, ругаются даже. Приехали наконец куда-то, темно, ничего не видно. Спустились мы на мокрую холодную траву. Где наши вещи, не знаю. Даже где мама с бабушкой, не знаю. Слышу только: «Где здесь Мудрикова семья?» «Это мы!» — отвечает мама, но голос ее в темноте сам на себя не похож, кажется мне. «Пошлите! (Это уже мужской голос) — Мы с Федькой вас на жилплощадь проводим». И тут такой шум поднялся! «А нас когда?! Вам только бы начальства родно...» Ещё что-то кричат. «Вас опосля. Лукьянов, дилектор, велел сперва их!» Шум, крик, а я уже еле иду, как бы не упасть! Наконец пришли к какому-то дому, наверху только одно окно светится. Постучал дяденька в дверь, никто не открывает. Вдруг как выскочит тетка, как раскричится! «Не пуцу! Вакуранных не пуцу! Надоели с войной и ихней!» «Не имеете права, гражданочка!» — говорит ей дяденька. Из другой двери три наголо остриженные головки высунулись — не поймешь, девчонки или мальчишки. А рядом из двери, еще одна женщина вышла в коридор. «Ладно тебе, Груша, — говорит, — Глянь, семья — то какая! Девчонка тощая, глядеть страшно. «Баба пузатая». — Куды же теперя им девать-

ся?» «Да ладно! — безнадежно вздохнула Груша. — Понаехали...»

Маленькое отступление: Сейчас через много-много лет после войны слышу, в Москве слышу: «понаехали!» Откуда же мне так знакомо это слово, недовольное, ворчливое? Война, эвакуация, Краснокамск! Вот откуда!

«Во-от, понехали!» — ворчала на кухне Груша, и Зоя тоже ворчала, только пореже и потише. «От вакуируемых одно беспокойствие, — говорили местные, — Надоели с войной с ихней!» Из-за нас их «уплотняли». К некоторым прямо в их комнаты чужие семьи приезжих вселяли. Все из-за нас! Из-за нас и цены на рынке поднялись.

Мы-то даже ещё и не знали где он, этот самый ранок находится! С едой становилось все хуже и хуже. Карточки отоваривали плохими продуктами, застарелыми. Маме по карточкам ещё что-то перепало, мне по детской тоже, а у бабушки карточка иждивенческая — самая плохая.

В школе ребята какие-то малограмотные, читают по слогам, дразнятся, дерутся.

Груша подбрее стала. Теперь, наконец, она поняла, что «войну ту окаянную» затеяли не мы «вакуированные». А, знаете, почему она поняла? Раненых привезли!

«Аккурат как с работы я шла, — рассказывала Груша на кухне. — О-о! Немец проклятый! Что ж он над людьми-то делает? Панька как слово Петьку узнала и сама прямо без памяти — то-о! «А у нас вчера счетоводка на сво-во мужика умершую получила», — сказала соседка Зоя. «Наша-то Дуська сегодня!» — гаркнула Груша. «Какая Дуська-то?» — спросила Зоя. «Максимовская! Долбоносая, знаешь?» Я хотела спросить, что это такое «долбоносая», но постеснялась. Максимовых сноха! — пояснила Груша. — За Пальтой сперва жили они. Трое у ней осталось не хуже мово. Что хошь, то и делай». Холода наступили рано. Ранние они здесь на Урале. Наши войска все отступают и отступают. Фашисты проклятые уже у самой Москвы. А там папа! Мой папа! Мама плачет, а бабушка про себя переживает, только иногда говорит негромко: «Не допустят их в Москву, не допустят».

И не допустили!

Слова Богу, вскоре пришла от папы телеграмма! А вскоре у меня родился братик Тоша, беленький, синеглазый.

Помню, мороз стоял жуткий, когда его вместе с мамой и бабушкой привезли на глазковской телеге домой. Кричал, пищал он и днем и ночью, но я все равно его любила. Теперь мама с бабушкой все время с Тошей возятся, а карточки отоваривать хожу я. Сначала в магазине стою в очереди за хлебом, потом, потом по глубокому снегу тащусь с судками в столовую за обедом. В верхний судок наливают мне жидкий суп, в котором что-то плавает — когда картошка, когда капуста, когда не поймешь что. В нижний судок ложкой кому накладывают. Местным живется получше — почти у всех есть родственники в деревнях за речкой Пальтой.

Снег у меня под ногами не скрипит, а тихо повизгивает. Руки опять ноют как вчера, как позавчера. Я их, оказывается, отморозила. Бабушка говорит: «Теперь, считай, навсегда». А я ей не верю! Вот кончится война и все пройдет. До сих пор не прошло. Через 70 лет!

Сначала мы очень обрадовались, что немцев от Москвы отогнали, но какая уж тут радость, если каждый день слышим голос Левитана: «После упорных и ожесточенных боев наши войска оставили город и населенные пункты...»

Слава героям, павшим за свободу и независимости нашей Родины! Смерть немецким оккупантам!» И утром и вечером... И утром и вечером... Радио, черная тарелка на стене, никогда у нас не выключалась.

А я начала кашлять — и днем, и вечером, и даже ночью. Мама плакала, но отойти от крошечного Тоши не могла. И повела меня к врачу бабушка. Та прослушала мне спину и грудь маленькой трубочкой и скомандовала: «На рентген!» Потом бабушка сидела на стуле и слезы платочком вытирала. «А мы-то ведь думали: грипп и грипп» — всхлипывала она: «Не будете кормить девочку, она умрет! Туберкулез у нее!» сказала врач и вышла из кабинета. А я ей не поверила. «Может, и умру, — подумала я. — Но победу все равно дождусь! Назло фрицам проклятым!»

Вечером, слышу, бабушка на кухне о чем-то с Грушей разговаривает. У Груши голос громкий, как по железу словами хлопает. «Дак в деревне-то этого не понимают, кольца-те. Засмеют!» «Оно золотое, высокой пробы», — уговаривает бабушка «Золотое-то, что толку-то? Кабы на шею, дак и то

ведь неладное! — гаркнула Груша. — Что им делать-то? Глядеть на его? Куфайку ватную, портки, одеяло теплое-за них хорошо дают. А за кольцо за твое...» Ватных фуфаяк у нас не было, одеял самим не хватало, а есть, знаете, как хотелось? В выходной Груша отправилась в деревню к родителям. Обрато приехала на телеге, лошадь к самому дому подошла. В квартире сразу шумно стало: «Лён! Галька! Ирка!» Вышли и мы с бабушкой на кухню. «Нюрка-то кривая соглашается, — сообщила Груша. — Картошки ведерка два насыпать обещалась». «Два ведра!» — воскликнула бабушка. «Еще кой-чего по мелочи прибавит. Ты бери, покамест соглашаются. В деревне-то их не понимают, кольца-то. Нюрка-то она в городе — в прислугах жила».

В следующий выходной поехала бабушка на знакомой лошади с Грушей в деревню за Пальту.

Вечером мы устроили пир! Картошку привезла бабушка, маленькую баночку топленого масла, две луковицы и три яичка. Ура!

«Ну что же ты, бабушка, невеселая? — удивляюсь я. — Колечко такое ма-аленькое, а еды смотри сколько!»

МОЯ ФРОНТОВАЯ РОДНЯ

Когда начиналась война, Борису было 17, Натану 19, Арону Моисеевичу 52 года. Накануне войны Борис, красивый, лихой морячок, служил на флоте в Кронштадте, а в увольнение приезжал к нам в Ленинград на Чайковскую улицу. Другой мой дядя, Натан Штофенмахер, был отличным, одним из лучших курсантов Ленинградского артиллерийского училища. К началу войны как раз подоспел его выпуск и прямиком из училища ушел он на фронт лейтенантом. А вот с отцом его дело было посложнее, — как-никак 52 года. Возраст непризывной. И решил он записаться в народное ополчение, защищать Ленинград.

Сначала с ним, с ветераном Первой Мировой войны, и разговаривать не хотели. Иди, мол, старик, домой, без тебя дел хватает. Ну прямо как в той песне: «в Красной армии штыки чай найдутся, без тебя большевики обойдутся.» «Но «старик» не сдавался. Походил, походил в военкомат, надоел им, наверное, и добился. Зачислили его ефрейтором и пошел воевать. Правда недолго ему при-

шлось бить фашистов, — получил ранение в ногу. Второй раз на фронт не взяли и в блокадном Ленинграде работал он в госпитале завхозом.

Ну а двоюродный мой дядя Натан Виленский попал на фронт чуть ли не в первый день войны — он был кадровым военным. Воевал на разных направлениях, закончил войну в звании капитана с орденом Красной звезды и несколькими медалями. Он прожил еще долго, каждый год в День Победы встречался с боевыми друзьями — однополчанами. А Натан — младший много месяцев простоял со своими орудиями в ленинградских болотах, потом с едва зашившим ранением, воевал в холодном сыром климате. Домой пришел с туберкулезом легких. Через несколько лет он умер. Хоронили его как жертву войны.

Был у меня еще дядя Миша Каганский. Он прошел войну артиллеристом, как говорится, от звонка до звонка, дошел до Берлина. Несколько раз жив оставался каким-то чудом. Вот один только пример. Вышел из землянки покурить, и в этот момент в нее попал снаряд. Все погибли, а дядю Мишу землей контузило. И это не единственный случай, когда он каким-то невероятным образом оставался жив. С тех пор он поверил в Бога и до конца дней своих ходил в синагогу. Домой с фронта вернулся с наградами, а их у него немало. Два ордена Великой Отечественной войны I и II степени, два ордена Красной звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией».

А самый младший мой дядя Подгорный Борис всю войну провоевал на Балтийском флоте, сначала матросом, потом старшиной 1 статьи. А я, ученица младших классов, писала ему на фронт письма. «... Боря, бей фашистских гадов! Гони их с нашей земли!» Он и бил их, точнее, топил немецкие подводные лодки со своих быстроходных катеров «Морских охотников». Недаром же он получал он награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «Адмирал Нахимов» и «За победу над Германией».

Вот такая у меня фронтовая родня!!!»

НА ФРОНТ ПО БЛАТУ

Ее не брали на фронт. Она, ученица московской средней художественной школы, много раз ходила в военкомат, дошла даже до ЦК ВЛКСМ, но все напрасно — художники, а тем более девушки, на фронте не нужны. Тогда она окончила десятидневные курсы пулеметчиков, но даже это не помогло.

Однако, в конце концов, она все-таки попала на фронт... по благу! Невероятно, но на фронт, на войну — по протекции. Сын соседки, полковник Михайлов «сжалился» над девушкой, которой едва исполнилось 18 лет, без конца обивавшей пороги военкомата, и своей командирской властью направил ее в 41-й отдельный дорожно-эксплуатационный батальон.

На 2-м Прибалтийском фронте началась ее военная жизнь. Выдали ей обмундирование: сапоги, длиннющую шинель с погонами рядового (а ростом Рошаль Натапова, увы, не вышла), гимнастерку, ложку, котелок... А между тем ее способности к рисованию очень даже пригодились: она составляла схемы постов на дорогах, а при наступлении каждый день рисовала новую карту. В промежутках между этой работой Рошаль становилась регулировщицей и вместе с другими девушками — в руках два флажка, желтый и красный, — стояла на дороге. Не зевай! — кричали проезжающие мимо солдаты.

В кармане ее шинели всегда были блокнотик и карандаш. И как только выпадала свободная минута, она рисовала. Рисовала, понимаете, не подозревая о том, что через много десятилетий рисунки эти станут необходимы как живое дыхание Великой Отечественной.

Она запечатлевала фронтовой быт, фронтовые будни («землянка наша в три наката...»), походную кухню... И самое главное — лица однополчан: солдат, офицеров, молодых девушек. словно живые смотрят они сейчас на нас с рисунков Рошаль Натаповой спустя почти 67 лет после Великой Победы.

41-й батальон двинулся вслед за передовыми частями армии, и каждый раз на новом месте девчонки сами строили себе землянки. Рыли в земле яму, обкладывали ее бревнами, вместо дверей — плащ-палатка. Маленькая печурка давала тепла немного, но на войне как на войне.

И спали девчонки под грохот канонады близкой передовой. Они уже привыкли, вот только очень надоедали немецкие дальнобойные пушки «фердинанды» — голос у них был слишком уж громкий и грубый.

«Эх, дороги, пыль да туман...» Сколько этих дорог прошла Натапова вместе со своими боевыми друзьями! Ехали машины по деревянному настилу в ту и другую сторону: вооружение, продовольствие, солдаты — на передовую, раненые — оттуда. Жердевка, лежневка — так назывались тогда эти бесконечные фронтовые дороги, нередко застланные ветвями по непролазной грязи. И стояли девушки с флажками в руках, среди них и Рошаль Натапова, или Роша, как называли ее боевые подруги.

Ныне Рошаль Исааковна — кавалер ордена Отечественной войны II степени, член Союза художников России. Она активно работает. Картины ее и рисунки нередко можно увидеть на разных выставках.

Наталья ГАБРИЭЛЯН

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Я сижу под столом в нашей «большой комнате». Отец бреется перед зеркалом, висящим справа от двери, на дверном косяке висит черная бумажная тарелка — радиорепродуктор. Сегодня — воскресенье, мы собираемся в зоопарк, но пока я тихо играю с куклой. На самом же деле напряженно жду конца бритья. Бритье — это целый ритуал. Отец водит по лицу опасной бритвой, он держит себя за кончик носа и помогает языком, закладывая его за щеку, чтобы образовался холмик. Холмик легче сбривать. Я знаю наизусть всю процедуру. Закончив бритьё, он одеколоном пшикает на себя из пульверизатора с шелковым помпоном. Одеколон жжется, папа ухает и делает страшные глаза, растираясь полотенцем. Но вдруг, когда он вешает полотенце, а я бегу надевать ботинки, из репродуктора раздается громкий, строгий голос и объявляет о каком-то нарушении границы. Отец замирает, потом говорит мне: «Зоопарк отменяется, мы едем к нашим на Елисеевский, к дяде Саше и тете Кате! Началась война!». Едем на троллейбусе по Тверской до 129

Моссовета, а затем идем до Елисеевского переулка. Там все в сборе, тоже около радиоприемника, из которого говорит В.М. Молотов. Я не понимаю ни слова, но вижу, что все встревожены, и у тети Кати почему-то очень красное лицо. Так для меня началась война.

ОТЪЕЗД

Все решено — мы уезжаем! Стоим на платформе: мама, тетя Бела с Сережкой на руках, отец и я. Чемоданы, узлы. Папа какой-то встревоженный, смотрит на нас большими серо-зелеными глазами с явным укором. Он очень взволнован и недоволен, они только что спорили с мамой. Я слышала, как он сказал: «В такое время нужно быть всем вместе!» Мама ответила: «Я увожу детей из-под бомб!» Недавно мы бежали с ней по Тверской, выла сирена, около бомбоубежища стоял Корней Иванович Чуковский. Мама узнала его, он поторапливал детей и успокаивал родителей. Бомбоубежище было удобное, многие дети принесли игрушки, у одной девочки была маленькая коляска и в ней спала кукла. Такая коляска была моей мечтой. Обычно мы спускались в наше ближайшее бомбоубежище, под обувным магазином, где пахло резиновыми галошами и были широкие полки, нас укладывали на эти полки спать. Взрослые же сидели внизу, тихо разговаривая. Мы уезжаем от бомбежек в Куйбышев к родным. Дают уже третий звонок, мы спешно лезем в вагон. Поезд трогается, отец идет рядом с вагоном, повторяя: «Как приедешь, сразу пиши!» Поезд едет все быстрее, отец ускоряет шаг, но все-таки отстает и машет нам издали рукой, пока не скрывается из виду...

В ЭВАКУАЦИИ

Мы в городе Куйбышеве. Это большой город на Волге, раньше он назывался Самара. В городе еще есть извозчики, что меня здесь поражает и восхищает! Сначала мы живем у родных, все вместе, но позже мы снимаем комнату рядом, в том же длинном коридоре. Комната большая, но темная, она сообщается с маленькой проходной комнатой наших хозяев. В Куйбышеве я начала нормально засыпать, меня научила жена мамино

Сережи, тетя Дина. Она посоветовала мне, закрыв глаза, считать слонов, как будто передо мной идут слоны, и я их считаю. Не знаю, помогли ли слоны или просто я подросла и изменилась, стала спокойнее, к тому же гуляла больше, маленький Сережа много находился на улице и я, конечно, с ним. Мы дышали чистым волжским воздухом, аппетит нагуливал. А накормить нас было тогда не просто, только давай!

В темной комнате мы только ночевали, вещи оставались у наших родных. Про хозяев комнаты ходили слухи, что они самые настоящие воры. Хозяйка — проводник на железной дороге, в первые же дни она сказала маме: «Тут про нас разное болтают, но ты знай, мы у «своих» ничего не берем!» Это были веселые, неунывающие люди, когда у них было застолье, они приглашали меня, угощали винегретом, сельдочкой и поили морсом. Научили меня плясать под баян, что я очень полюбила.

Тогда же я подружилась с младшей дочерью хозяйки — Людмилой, она была тихая, болезненная девушка. Когда она недомогала, то, лежа в постели, вырезала мне из картона кукол, для которых кроила из бумаги платья. У меня долго хранились целые кукольные семейства, искусно вырезанные Людой.

Мне запомнились ее волнистые волосы, большие грустные глаза, тихий голос. Я любила сидеть около нее. Иногда она мне читала, но чаще мы играли в куклы. Она была похожа на бледный, хрупкий цветок, кем-то надломленный и забытый в этой сырой, полутемной комнате...

Людмила СЕРОВА

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОТЦЕ

Он берет меня на руки. Мы на крыльце.
Вдруг ступенька под нами прогнулась,
И мы падаем. Страх у него на лице,
Но улыбка вскоре вернулась...
Было весело пыль с пиджака очищать.
Только мама смотрела с упреком.
Ах, когда бы на фронте он так же мог встать
После битвы с врагами жестокой.

ЩАВЕЛЬ

Мы щавель за домом рвем.
День стоит ненастный.
Рассекает тучи гром
Плетью ярко-красной.

Вдруг становится темно.
Дождь идет по дугу.
«Не сдадимся все равно»,—
Говорим друг другу.

Кто в панаму, кто в платок,
Рвем щавель примятый.
Набирается мешок
Для борща солдатам.

Повар скажет: «Молодцы —
Ребятишки наши.
Настоящие бойцы».
И положит каши,

ПОХОРОНКА

Мать одежды модной не носила,
Красотою броской не взяла,
Но любая ноша ей под силу
В годы испытания была.
Снаряжая почтабонов в путь,
Раздавала почту и в сторонку
Отходила горестно всплакнуть,
Если находила похоронку.
А когда с фамилией своей
На казенном встретила конверте,
Добрела беззвучно до дверей
И ушла на колкий зимний ветер.
А вернулась, стерла слез следы,
Наизнанку фартук свой надела,
И жестяный чайник без воды
На горячих углях молча грела.

ОТЦОВСКИЙ ПИДЖАК

Незаменимый отцовский пиджак.
В нем, засучив рукава,
Сено грузила мать на чердак,
Ловко пилила дрова.
И вечерами, когда сквозняком
Стужа влетала в окно,
Не расставалась она с пиджаком,
Глядя рукою сукно..
Дом озарил отутюженный флаг,
Грянул салют в вышину.
Мама надела отцовский пиджак
И отвернулась к окну.

Юлия СИНИЦЫНА

ПОЛЬСКИЙ ПОДАРОК

*Памяти моего дедушки —
фронтовика, писателя
Ивана Семеновича Синицына*

— Доброе утро, Дедуль!
— Доброе, доброе! — ответил Дедушка, тщательно вы-
браваясь маленьким стареньким бритвенным станком.
— Дедуль, а вот столько бритв новых изобрели, а ты всё
этим бреешься..
— Этот станочек — память о войне!.. — Дедушка тщатель-
но вымыл станок и аккуратно положил его в маленькую
стальную коробочку.
— А откуда он у тебя?
— В Польше это было.. Подбежала ко мне маленькая
девчушка, руку протянула: «Прошу, пан!» и положила
мне на ладонь маленькую стальную коробочку. Я открыл
её, а там — станочек бритвенный. И исчезла девчушка,
как и не бывало её.
Вот такая память о войне.

ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий АЛЕКСЕЕВ

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ

* * *

Почему русская модернизация становится несвоевременной, а реформы ведут к тяжёлым последствиям, как социальным, так и экономическим? Реальность сложнее, чем любой взгляд на неё, тем более брошенный на неё из кабинета какого-либо начальника. В практических делах нужна не только теория объективного знания Карла Поппера, а более реалистичная концепция личного системного знания.

В России есть привычка всё упрощать, начиная от идиом — «будь проще и к тебе потянутся люди», и до управленческих решений, которые в новом мире сложностей не работают. Эта новая реальность является сверхсложностью для многих управленцев стремительной эпохи цифрового формата. И эта технологическая сложность увязана с биоциогуманитарными процессами. Например, реформа ЖКХ. Никто не просчитал, что же мы будем иметь на выходе? Какие необходимы регуляторы сверху и снизу... И, как следствие, появилась архаичная среда, где уводятся бюджетные потоки в неизвестном направлении. Никто из наших управленцев, желающих получить эффективный результат, не удосужился хотя бы ознакомиться, как процесс управления и принятия решений происходил например в Древнем Китае или современном Сингапуре. В Китае наука об управлении известна испокон веков. Книга жёлтого двора об искусстве самоуправления, для чиновников была обязательным курсом. Возьмём несколько правил Хань Фэя.

1. Если правитель не владеет искусством управления, то в верхах возникает злоупотребление (коррупция)
2. Управлять так, чтобы не полагаться на то, что тебе будут помогать и делать только хорошее. А выстраивать всё таким образом, чтобы тебе не делали плохое.
3. Осуществлять правление, не возлагая надежды на народ, всё это ведёт к смуте.

В Сингапуре сфера ЖКХ была жестко администрирована. С момента независимости было создано единое государственное учреждение — Управление жилищно-коммунального хозяйства (УЖКХ), которое в корне изменило условия жизни населения.

Вопросы слаженного и стратегического взаимодействия

Не каждое взаимодействие между людьми бывает эффективным. Чаще всего эффективными бывают первые циклы взаимодействия: сошлись, имея большие планы, или случайно, взаимодействовали с достаточной самоотдачей, получили результат и стоп, дальше либо «разбежаться в разные стороны», либо с печалью смотреть, как гаснет общее дело, либо, «засучив рукава» искать новых партнёров. Последний вариант подразумевает «печальный жизненный опыт», который циклически повторяется, и «вырваться из этого замкнутого круга» человеку не удаётся.

Не каждое зерно, которое мы сеем, прорастает, не каждое заколосится и тем более не каждое даст следующий урожай.

В связи с этим очень важен вопрос: насколько взаимодействие, общее дело, предприятие имело перед собой задачу развития, роста, углубления или расширения? И действительно ли все участники взаимодействия подразумевали одно и то же направление, и продолжают видеть один и тот же вектор положительной динамики. Например, предприятие, оказывающее детскую медицинскую помощь, может расширяться, открывая всё новые и новые филиалы, может идти по пути увеличения пропускной способности пациентов или узкой специализации по отдельным группам заболеваний, может всё внимание сосредоточить на комфортности оказания

помощи и перевести предприятие в ранг эксклюзивных, VIP-услуг и т.д. И вдруг созданная учредителями клиника высокого класса начинает «расползаться на глазах» из-за разобщения интересов учредителей в видении перспектив бизнеса и профессиональных пристрастий.

Если рассматривать человеческое взаимодействие по линии бизнеса, то лучшего основания для выбора потенциально эффективного направления развития, чем совместное согласование позиций по результатам маркетингового исследования людьми пока что не найдено. Оно позволяет выявить потребности и найти способы быстрой и качественной работы с их удовлетворения, а также по поиску «решения по цене» и т.д.

Так как мы говорим об искусстве принятия антикризисного решения, то в точке выбора должна на первом месте быть ответственность человека. Наиболее рациональна для эффективного сотрудничества ситуация, когда решение принимается не по наитию, ощущению или интуиции самого влиятельного и значимого лица (сильного, богатого, умного, знающего и т.д.), а решение доверяется человеку, имеющему готовность принять даже негативные результаты и не просто «нести ответственность» материальную и моральную, а быстро искать, исправлять последствия ошибок, корректируя ситуацию. «Рвать рубашку на груди», «посыпать голову пеплом», «закладывать последнее обручальное кольцо» не самые эффективные результирующие ошибочных решений.

Чаще всего анализ кризисных ситуаций состоит не из поиска путей их исправления, а поиск причин неправильного принятия решения или определение «объёма компенсации» за негативный результат. Почему-то сцепка двух вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?», в России заканчивается разбором первого вопроса, на второй не хватает времени. Итогом чаще являются попытки воспринимать ситуацию «разбором по понятиям» (да простят меня читающие эти строки) или снимать ответственность, выдавая оценки, что «люди не те», «не повезло» и т.д. Вместе с тем, причин ошибочного решения может быть сотни, наказаний — десятки, а результат всегда один. И только тот результат, что есть фактически. Принимать факты, не защищаясь, могут редкие «ответ-

ственные лица». Люди скорее основываются на уровнях ожидания, на предположениях, фантазиях, проекциях — чьё-то энергичное высказывание на тему, может быть основным фактором принятия решения или оценки.

Проблемы принятия решений также зависят от типа взаимодействия, его скорости. Есть решения, которые надо принять «тут же», «сию минуту», а есть так называемые «отложенные» решения, необходимые в ситуациях «неизвестности» с большой степенью неопределенности. Вот тут и нужно умение найти оптимальное соотношение времени на сбор информации «ковать железо можно только пока оно горячо», «да и ложка хороша к обеду», её объёма и качества. Времени, естественно всегда мало, а информации хочется иметь как можно больше. Тут есть одно правило «подтягивания» информации — всего, что касается проблемы, по всем слоям, включая даже символическую. При этом подход для анализа этой информации рекомендуется скорее просто статистический.

Пример принятия решений банком о выдаче кредита клиенту, «скоринг» программы при знакомстве: у человека нет телефона — минус, он в разводе — минус, и т.д., если суммарно получается больше 2/3 минусов, вероятность отказа в кредите максимальна.

Однако, информация, имеет свойство искажаться, даже в справках из самых серьёзных официальных организаций, грешат они произвольной или непроизвольной «дезой», что уж говорить о передаче человеком каких-то своих впечатлений, наблюдений или отчёта о работе. Однако, если искажение не носит преднамеренный характер, то достаточно иметь информацию об одном факте с нескольких сторон. Но есть люди «специализирующиеся» на внесении выгодного для себя нюанса в изложение. К сожалению, иметь «постоянно под рукой» «дифференциал», для общения с такими людьми сложно, так как никогда не знаешь «на сколько надо разделить», или «чем уже разбавлена» предоставляемая информация. При таком привычном способе взаимодействия, постоянно закладывается некая деструкция для будущего события и позитивность взаимодействия значительно снижается. Таких людей можно отнести к категории деструкторов.

Индикаторами такого поведения являются типичные выражения: «я тысячу раз говорил...», «первый раз слышу», «а мне никто не говорил...», «я хотел, но не получилось», «я не обязан в этом разбираться», «мое руководство не в курсе», «мне таких задач не ставили», «мне за это не доплачивают» и т.д., произносимые постоянно, без лишнего разнообразия... Задача власти — отчуждать людей-деструкторов от государственности. Да, и в бизнесе деструкторов необходимо расценивать их как профнепригодных работников. Власть и собственники бизнесов должны бороться с деструкторами, а не легализовывать расхитительство ими ресурсов и самого дорогого — времени.

Итак, в самом общем определении, профилактикой локальных кризисных ситуаций является:

- делегирование ответственности принятия решения человеку готовому «смотреть правде в глаза» и «не цепенеть» при этом от ужаса;
- оптимальность соотношения сбора и качества информации и навык её оперативной обработки «без прикрас».
- Кроме этих, основных, для бизнеса фрагментов взаимодействия людей, существуют ещё различные типы людских «конвенций», по которым строятся отношения.

Типы структур деловых контактов:

- «родитель» — «ребёнок»;
- «муж» — «жена»;
- «учитель» — «ученик»;
- случайные, «эффект купе», разовое взаимодействие;
- корпоративный.

Эти структуры уже содержат в себе, условия для будущего конфликта. Их (условия), говоря юридическим языком, можно «взять в рамки» практикой рекламы, хотя рекламационное право в России не развито.

Поэтому настоящее русское искусство управления заключается в самоотверженности и самоотдаче при постоянном поиске новых решений с проникновением в глубокую суть стратегического замысла, действуя в условиях изменений, с учетом особенностей взаимодействия в творчески-ориентированных коллективах.

Наградой служит усложнение человека, когда он ищет нетривиальные ходы в управлении благом.

Наталья РОЖКОВА

ВЗМАХ РУКИ...

(Собирательница автографов)

В эссе «К образу переписчика» Михаил Эпштейн отмечает: «Подобно Акакию Акакиевичу, князь Мышкин не просто хороший, но страстный каллиграф, для которого буквы сами по себе — вне того смысла, который они выражают, — являются источником разных душевных движений и сильных переживаний». Моё поколение уже не овладевало таким предметом, как чистописание. Люди всё реже отправляют друг другу обычные письма и поздравительные открытки — зачем, в самом деле, когда проще позвонить по телефону, отправить смс... Наконец, жирную точку поставил Интернет. Предстоит ли тому, что написано живой рукой, а не бездушным принтером, в будущем более цениться, чем сейчас?

В моём книжном шкафу лишь одна полка полностью посвящена автографам. Подхожу к ней изредка: откроешь книгу, возьмёшь в руки открытку, увидишь каллиграфически, или, «как коза задней ногой», написанные строки — и начнутся воспоминания, где и когда, при каких обстоятельствах общалась с тем или иным человеком (а половины уже нет в живых!), и, спохватившись, с ужасом глянешь на часы. Бесконечная история... Однако настоящим коллекционером себя не считаю. Мне для этого недоставало, с одной стороны, азарта, с другой — системы. Как-то складывалось само собой.

Всё началось с того дня, когда моя бабушка, развернув газету, грустно произнесла:

— Художник Жуков умер. Который тебя рисовал. Помнишь его?

Ещё бы не помнить! Николай Николаевич, руководитель студии баталистов имени Грекова, непревзойдённый мастер детских портретов, их часто печатали журналы «Мурзилка» и «Пионер»! Дед привёл меня к нему, когда я заканчивала первый класс. Живописец сказал мне фразу, которая запомнилась на всю жизнь: «У тебя в волосах живёт голубизна!». А глаза вместо зелёных изобразил карие. Теперь гости, задерживая взгляд на портрете, спрашивают:

— Стася, да? А почему волосы светлые?

Конечно, через сорок с лишним лет этот портрет гораздо больше похож на мою дочь, чем на меня!

Когда я узнала, что художника больше нет, взгляделась в его работу, и мне показалось, что неброская надпись в углу «Чудесному деду, послушную внучку, сердечно! Николай Жуков» выглядит как-то по-другому. «Буду собирать автографы», — вслух подумала я.

Папа, видимо, это услышал, и на мой десятый день рождения принёс в подарок книгу Второго космонавта Германа Титова «Голубая моя планета» с дарственной надписью от автора Наташе Рожковой. В книгу было вложено цветное фото Алексея Леонова, тоже с автографом. Могла ли вообразить, что когда через четверть века познакомлюсь с Алексеем Архиповичем, услышу: «А я читал ваши стихи!» Тогда, в 1970-х, сердцами подростков владели космонавты и спортсмены. Сквозь помехи «Голоса Америки», который втихаря слушали родители, однажды услышала, как их (вместе с писателями, кстати) довольно жестоко называли «декоративная знать». Однажды нас, пятиклассников, отправили приветствовать съезд комсомола. Интересно было увидеть живьём товарища Брежнева (тогда ещё довольно крепкого, вполне сносно говорившего), однако больше запомнилась миниатюрная черноглазая девушка в зелёном брючном костюме. Ирина Роднина! Мальчишки и девчонки окружили прославленную чемпионку, как стайка воробьёв кусочек хлеба, такую весёлую и доброжелательную, она никого не оставила без автографа, некоторым подписывала просто: «Ира»...

Шесть лет спустя я работала старшей пионервожатой и собирала своих подопечных на приветствие очередного комсомольского съезда. Дама из райкома, проверявшая, как ребята маршируют, отозвав меня в сторонку, доверительно прошептала:

— Того мальчика, крайнего справа, лучше не брать.

— Почему? — искренне удивилась я. Лучший математик в школе, победитель городских олимпиад, да и внешне — стостью не обижен — высокий, с красивым интеллигентным лицом. Чем же мог не понравиться?

— Он в очках! — парировала дама. — Это не смотрится!

Я вспомнила, что паренёк мечтал взять на съезде ав-

тограф у гроссмейстера Анатолия Карпова. И мне, 17-летней вчерашней школьнице, удалось отстоять нашего математика, проигнорировав рекомендации начальственной идиотки.

Но, пожалуй, самые дорогие в моей скромной коллекции пожелания — от писателей. Не банальные! Например, такие: «Наталье Рожковой — вместо цветов. Кузнецов». (Тот самый, суровый Юрий Поликарпович, непримиримый к женской поэзии, шокировавший всех своим знаменитым «Я пил из черепа отца»). Или: «Дорогим Наташе и Александру очень и очень искренне. И надеюсь, не в последний раз, дождавшись авторскую книгу Стаси. Ваш Валентин Распутин». Однажды мой муж Саша пришёл с книжной ярмарки на ВВЦ, радостно размахивая небольшим толстеньким сборником:

— Юрий Мамлеев раздавал автографы, а я всех отодвинула, говорю: моя жена в Союзе литераторов стала номинантом на премию вашего имени, вот он тебе свою книгу написал!

Поэтические пристрастия моего дедушки, командарма Станислава Гиляровича Поплавского были достаточно традиционными: Симонов, Твардовский, однако любил он и некоторые стихотворения Евг. Евтушенко, в частности, «Хотят ли русские войны», иногда он бормотал эти строки, собираясь на работу (а трудился дед в Министерстве обороны). В нашей домашней библиотеке хранится синий томик «Взмах руки» Евтушенко, на титульном листе его — напутствие автора мне, школьнице, делавшей первые стихотворные опыты: «Наташе от твоего дедушки и меня». В нынешнем году довелось повидаться с поэтом — да, возраст, конечно, берёт своё, но какой-то особый поворот головы, интонация, ВЗМАХ РУКИ — и снова перед нами «неустаюноша», «шестидесантник», как он себя называет. Евтушенко подписывает книгу: «Моей коллеге Наташеньке Рожковой с пожеланием успеха». Затем озорным взглядом обводит зрителей, берёт изданный в Нью-Йорке русскоязычный сборник «Нам не дано предугадать», с которым давно сотрудничает, где опубликованы подборки Дмитрия Цесельчука, Марины Левиной, Ильи Оганджанова и моя: «Погадаю сейчас на твоих стихах. Итак, что меня ожидает»? Не глядя, опускает палец на строчку: «И

миг да падения мира...»

— Нет, Наташа, мир не упадёт, пока мы этого не хотим! — убеждённо говорит Евгений Александрович. — Всё будет хорошо!

Алина ТРОФИМОВА

КАК ЭТО, ПО-РУССКИ?

За последние десятилетия в нашу речь потоком хлынули новые слова, заимствованные из разных языков мира, прежде всего, из «американского» английского. Это было вызвано колоссальными успехами в области науки и техники. Научно-техническая революция мгновенно породила столько нового, и это новое требовало и требует названия и словесной характеристики. Поток заимствованных слов оказался столь стремительным, что наш язык не успевает вовремя и полностью освоить новую лексику: многие слова и термины употребляются в текстах в написании латиницей (CD, on-line, Wi-Fi); часто встречается комбинированное написание сложносо- ставных слов (PR-менеджер, Web-сайт, VIP-клиент). Отсюда и возникает впечатление, что русский язык потерял свою самобытность, стал зависимым и превращается в сухое приложение американского словообразования.

Это, однако, далеко не так. Русский язык — устойчивая, давно сформировавшаяся система, но при этом открытая и готовая к интеграции. Изменения, которые сейчас в этой системе происходят, обусловлены именно открытостью и необходимостью взаимодействия русского общества с международным сообществом. Засилье заимствованных слов не наносит вреда русскому языку, скорее наоборот, язык развивается и совершенствуется. Со временем он освоит и придаст конкретную форму новоприобретённым и необходимым единицам лексики, отбросив в сторону всё ненужное. В конце 19 века, например, такие слова, как культура, сезон, результат, прогресс, национальный вызывали у людей негативные эмоции, потому что были новыми. Теперь же мы без этих слов уже обойтись не можем.

Словом, вредных, угрожающих изменений в самом языке, как системе не происходит, но совсем другое

дело — культура речи. Культура в целом и культура речи в частности — киты, на которых держится образованное, цивилизованное общество. Если посмотреть на культуру речи русского общества, то можно сделать вывод, что этот кит попался китобоям и идёт ко дну.

Мы и без заимствованных слов имеем много проблем. Вот на одном из федеральных каналов идёт итоговый выпуск новостной программы. Показывают сюжет о строительстве дачных участков, и один из тех, кому повезло стать обладателем нового домика, радостно восклицает: «Здесь раньше было вообще ничего»...

Идём дальше. Конец 2014 года — Года культуры в России. Реклама. Блондинка в красном, у которой дом — полная чаша, балует себя новым творожным десертом.

Если же оставить телевидение и обратиться к реальной жизни, то и здесь можно обнаружить много интересных явлений. Одна, с виду неплохая кофейня, приглашает посетителей выпить «вкусное кофе». В почтовом ящике мы находим приглашение на «распродажу магазинов», а реклама в лифте гарантирует нам «доставку вкусняшек и ништяков». Что тут сказать? Только процитировать поэта: «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

Восстанавливать культуру речи, поднимать её уровень сейчас необходимо, иначе со временем наш язык действительно начнёт гибнуть. Для этого нужно, к примеру, не снижать минимальный проходной балл ЕГЭ по русскому языку, а поднимать.

Артём КАВЕРИН

ПЛАГИАТ В ПРОГРЕССИИ

Плагиат в литературе был всегда распространённым явлением и то, что, казалось бы, навсегда скрыто в тиши библиотек и канализационных трубах, неожиданно выходит на свет божий.

Объёмы информации в компьютерной сети растут в бешеной прогрессии. В хранилища загружаются новые тексты, оцифровываются старые книги, выкладываются архивы и роботы расшифровывают рукописи неизданных произведений.

Поисковые машины совершенствуются с каждым годом, и совсем скоро всё, что было когда-либо создано в мире, окажется в сети. Роботы же смогут определять не только дословный плагиат, но и пересказ.

Вам кажется, что это невозможно? Однако сетевые роботы уже перешли на новый этап своего развития. До половины репортажей о спорте и природных явлениях в солидных сетевых изданиях создаётся роботами. О забитом мяче или о землетрясении статьи на сайтах появляются через треть секунды после произошедшего события. Причём читатели даже не подозревают о том, что заметки пишутся роботами. Рынок диктует свои условия. Кто первый сообщил качественную информацию пользователю, тот и выиграл.

Конечно же, такую гонку однозначно выигрывают машины. Недавно мне прислали ссылку на хорошо посещаемый сайт, проникновенно рассказывающий о посвящённых, избранных, сверхзнаниях и многом прочем, во что верят неокрепшие умы. С форумами, читателями, спорами, прозрениями и откровениями. В общем, всем тем, что должно быть на серьёзном сайте. Читатели этого сайта, конечно же, настоящие, а вот автор пишущий, дискутирующий, проповедующий — это робот. Аналогичный тем, что пишут рекламные диспуты на форумах, вступая в диалоги, а на пятом-шестом посте предлагающие рекламируемый товар.

Эти роботы для общения с пользователями вычлениют суть их вопросов по ключевым словам и находят в сети нужную информацию, пересказывая её применительно к конкретному случаю. Это рекламные машины, но схожие алгоритмы есть и у поисковиков, задача которых ухватить общую мысль вопрошающего и выдать ему нужную информацию.

И они уже сейчас могут (правда, сами того не ведая, ибо разумом не обладают) найти плагиат, даже художественно пересказанный. Роботы уже давно и успешно уничтожают межъязыковой барьер. Ведь интернет-бизнес глобален и такая мелочь, как разные языки не может помешать бизнесменам от сети заполучить рекламные деньги.

И теперь представьте: литератор сто лет назад «одолжил» у кого-то мысль, историю или текст, которая в тот

момент ему казалась крайне необходимой. Просто без неё жизни не чаял, или, вообще, она плохо лежала. Немного переделал и издал. Книг в мире издавалось огромное количество, и затеряться с плагиатом не составляло труда. И вот появляется робот и выпячивает любому желающему оригинал и плагиат. После чего любопытным читателям или поклонникам остаётся сравнить даты изданий. И всё. Давнее преступление раскрыто.

Возможно, кого-то заинтересует вопрос: можно ли добиться отмены наказания или теперь всё, «единожды солгав»?.. Надо понимать, что всё, что попало в сеть, сохраняется навсегда. И если каким-то невероятным образом удалить из общего доступа что-либо сейчас, то всё равно информация вырвется из забвения, как феникс из пепла, хотя и немного позже. Таким образом, преступление не скрыть. Ситуация, кажется, безвыходная? Нет, есть и другой путь. Вспомните знаменитую фразу: «Кто знал бы Марло, если бы не было Шекспира». И тогда литератор, над кем висит грех плагиата, всего лишь должен создать гениальные произведения, оценённые потомками. И тогда заимствование перестанет быть воровством, а превратится в творение, через которое лишённый собственности автор станет известен, получив свою долю славы как источник для Вашего бессмертного вдохновения.

Андрей САВИН

БУМАЖНАЯ АРХИТЕКТУРА

Весной 2015 г. в музее изобразительных искусств на Волхонке прошла выставка «Бумажная архитектура». Было представлено особое направление в изобразительном искусстве, основателем которого считается Джованни Баттиста Пиранизи (1720—1778). В СССР это направление ярко проявилось в 80-ые годы, работы «бумажных архитекторов» были представлены в музеях, галереях Парижа, Лондона, Кёльна, Милана и в др. городах Европы. В музее на Волхонке предложили своеобразный «исторический диалог» проектов советских концептуалистов и итальянских классиков архитектурной фантазии. В экспозиции были представлены 80 произведений архитектур- 137

ной графики знаменитых мастеров XVII — XVIII веков Джованни Батиста Пиранези, Джузеппе Валериани, Пьетро Гонзага, Франческо Градици, Джакомо Кваренги, Маттеуса Кюсселя, Джузеппе Бибиены, а также ведущих художников советского архитектурного концептуализма — Юрия Аввакумова, Михаила Белова, Александра Бродского и Ильи Уткина, Дмитрия Буша, Тотана Кузембаева, Юрия Кузина, Михаила Лабазова, Вячеслава Мизина, Вячеслава Петренко, Андрея Савина, Владимира Тюринна, Михаила Филиппова, Андрея Чельцова, Сергея и Веры Чуковых».

На страницах альманаха мы предложили А. Савину рассказать о его видении явления «бумажная архитектура».

В школьные годы я и не думал о профессии архитектора, в детстве хорошо рисовал, потом поступил в художественную школу на улице Красина, меня взяли без экзаменов. Я быстро вошел во вкус, с юношеским максимализмом решил, что уже знаю, что такое живопись, и единственное, что мне оставалось постичь, было искусство пространства. Поэтому поступил в Архитектурный институт (МАРХИ). В первые годы учиться было сложно, но очень интересно. Когда на третьем курсе началось «серьезное» проектирование — клубы, школы, жилые дома, я понял, что это, возможно, не то, чего я ожидал. Предмет архитектуры представлялся мне иначе. И как раз в этот момент (1981 год) меня почти полностью захлестнула волна бумажной архитектуры, ничего другого я для себя уже не видел. Бумажные проекты, конкурсы, сформировавшийся на этой почве круг общения — прежде всего Михаил Лабазов и Андрей Чельцов — консолидировали нас и помогли абстрагироваться от серой обыденности того времени. С Чельцовым и с Лабазовым мы были знакомы еще до того, как стали участвовать в конкурсах. Была веселая студенческая жизнь — «картошка», практика расширять контакты. Первый проект, который мы делали вместе с Лабазовым, был «Кукольный дом», над которым работали вместе с Владиславом Кирпичевым. Кирпичев объединил студентов, помогавших ему в детской архитектурной студии. Подход Кирпичева, отличавшийся

скрупулезностью проработки, наложил глубокий отпечаток на бумажную архитектуру в целом. Через некоторое время, почувствовав комфортные отношения между нами троими, мы начали работать самостоятельно. Один из первых проектов, которые мы делали вдвоем с Чельцовым и Лабазовым (чуть ли не на кухне), был конкурс «Dwelling in Historicism» (JA Shinkenchiku — 1983 г.). Я тогда учился на третьем курсе. Мы получили поощрительную премию, в МАРХИ пришла бумага, и когда мне об этом сказали, у меня было ощущение, что я выиграл все деньги мира. Хотя за поощрительную премию денег не давали, мы почувствовали азарт, который нас здорово подстегнул. Так началась наша совместная работа, потом появилась студия «А-Б», она до сих пор и функционирует. Ну, а бумажная архитектура — это особый жанр «чистого искусства», узкая прослойка в теле архитектуры. В то же время эта прослойка сама по себе напоминает слоеный пирог, в котором есть и литература, и философия, и скульптура, и технология, и многое другое. Участие в конкурсах того времени дало нам мощный импульс,крепостило наше сознание, заставило свободнее мыслить, ощутить себя в контексте всей мировой культуры. Хотя я понимаю, что наша тогдашняя самооценка была чрезвычайно завышена.

В целом меня огорчает «постбумажный» период. Я другому представлял себе будущее. Мне казалось, что «бумажники» выйдут в профессию, и их «реальные» работы будут иметь то же качество, что и «бумажные» проекты. Однако результаты разочаровывают. Неудача «бумажников» в «реальной» архитектуре имеет много объяснений. Отчасти это связано со спецификой нынешней экономической и культурной ситуации в России. Однако главная причина в другом. Мы очень плохо представляли себе реальный процесс проектирования и строительства. Институт нас этому не учил и не учит. Нет и архитектурных фирм, в которых можно было бы получить это образование. Конечно, в нашей архитектурной школе очень много полезного — прежде всего, это традиции. Но компаний, в которых протекает полноценный архитектурный процесс, до сих пор нет. Внутри них нет структурности, которая позволила бы делать

большие проекты качественно, красиво и быстро, где концепция была бы артикулирована достаточно ясно. Речь идет не только об архитектурных, но и об инженерных фирмах. Люди, которые приходят после института, тратят три или четыре года на то, чтобы только освоить азы профессии. Мы слишком много времени тратили на теоретизирование, творческий процесс шел в очень узком «коридоре». Профессия же гораздо шире, там есть масса вещей, о которых мы и не подозревали. И когда мы начали проектировать реальные объекты, мы столкнулись с целым рядом проблем, просто не существующих в бумажной архитектуре. Еще в институте я понял, что не пойду работать в проектную организацию ни при каких обстоятельствах. И если бы не перемены в конце 1980-х — неизвестно, как сложилась бы моя (и моих коллег) профессиональная деятельность.

Если вы придете на выставку дипломных проектов Архитектурной ассоциации или любой другой западной школы, вы там найдете проекты, которые легко можно отнести к бумажной архитектуре. С точки зрения процесса развития мировой архитектуры это не феномен. Новым явлением бумажная архитектура была для Советского Союза. Люди использовали единственную возможность для самовыражения. Жесткость образовательной программы препятствовала выходу творческой активности. Так что считать бумажную архитектуру новым явлением мирового масштаба — сильное преувеличение. Российская бумажная архитектура была более литературна, чем ее западные аналоги. Однако связано это было с отсутствием в Советском Союзе современных технологий, неотделимых от современной архитектуры. Это была абсолютная сублимация. Мы умели только сочинять сказки. Да, бумажная архитектура получилась красивая, поэтичная, романтическая, и Запад воспринял ее как большое явление. Однако если наши работы того времени показать сегодня какому-нибудь западному профессионалу, особого интереса это не вызовет. Сегодня о бумажной архитектуре на Западе знает лишь узкий слой специалистов-искусствоведов. В этом ракурсе бумажная архитектура — узкая щелочка в этом процессе, провокация дальнейшей творческой деятельности.

ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

Анна УРЮПИНА

«УМОЛЯЕМ НЕ ВОЗВРАЩАТЬ»

*О послевоенной русской эмиграции
1940 — 1950-х гг.*

В послевоенные годы географическая карта мира и карта «русского рассеянья» подверглись сильной «перекройке»¹. В годы войны фактически перестала существовать русская диаспора в странах Прибалтики, вошедших в состав СССР в 1939 г., и в Китае. Это заставило некоторых бывших переселенцев из России пережить «повторную эмиграцию»². Тогда же в восточной Европе и на территории Германии осело большое количество новых советских беженцев и военнопленных, многие из которых до войны

¹ Витковский Е. *Возратившийся ветер* // «Мы жили тогда на планете другой...» *Антология поэзии русского зарубежья. 1920 – 1990. М., 1997. Т. 1. С. 23.*

² Так произошло с поэтами Игорем Чинновым и Юрием Иваском, семьи которых жили в Прибалтике, и поэтом Валерием Перелешиным, вынужденным перебраться из Китая в Бразилию.

успели пройти через сталинские лагеря. Одновременно внутри сообщества первой, послереволюционной волны эмиграции все более явно ощущалась смена поколений. Как следствие в эмигрантской литературе и периодике тех лет возникла заметная разногласица. С одной стороны, продолжали активно работать представители старшего поколения первой волны (И. Бунин, А. Ремизов, Б. Зайцев, В. Набоков, Г. Адамович, И. Одоевцева, Г. Газданов и др.); с другой — за границей появилась целая плеяда новых русскоязычных авторов (Л. Ржевский, Б. Филиппов, И. Елагин, Д. Кленовский, Н. Моршен, О. Анстей, В. Синкевич, В. Марков, И. Буркин, Ю. Иваск, И. Чиннов³ и др.).

Новые эмигранты совпали по возрасту с представителями младшего поколения первой волны, детьми «старых» эмигрантов. Их судьбы были схожи. И те, и другие «покупали» «право оставаться поэтом», днем работая «на заводах, малярами, мойщиками стекол, конторскими служащими и шоферами»⁴. Тем не менее, никакого смешения волн в зарубежье не произошло. Более того, писатель и публицист Владимир Варшавский тогда отмечал глубокую пропасть между новыми советскими беженцами и «эмигрантскими сыновьями»⁵, на непреодолимое различие их жизненного и духовного опыта, словно эти люди «родились на разных планетах, под разным воздушным давлением»⁶. Если первые, едва «выгравившись», «из-под власти экспериментаторов тотальной социализации всей жизни»⁷, были полны энтузиазма, то вторые (Д. Кнут, Б. Поплавский, А. Штейгер, Б. Вильде, А. Левицкий, Г. Газданов и др.) остро переживали отсутствие читателя и собственную невосребованность и «устраненность»⁸, ощущая себя лишними людьми.

³ Ю. Иваск причислял себя и И. Чиннова ко второй волне. См. интервью Ю. Иваска в книге Дж. Глэда «Беседы в изгнании». М., 1991. С. 32.

⁴ Терапиано Ю. Русская зарубежная поэзия // Встречи. 1926 – 71. С. 254.

⁵ Варшавский В. Незамеченное поколение // Русский Париж. М., 1998. С. 375.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

140 ⁸ Там же.

В ранние послевоенные годы большинство новых русских «невозвращенцев» было сосредоточено в так называемых лагерях «дипишников» (из англ. яз.; DP — “displaced person”, т.е. «перемещенное лицо») недалеко от Мюнхена. Здесь были и военнопленные, «справедливо опасавшиеся возвращения домой», и «молодые люди, вывезенные с оккупированных фашистами территорий в Германию (в качестве дешевой рабочей силы)», и настоящие перебежчики, «сознательно вставшие на путь борьбы с советским тоталитаризмом»⁹. В этих лагерях оказались и писатели Борис Филиппов и Николай Нароков, а также поэты Иван Елагин, Николай Моршен, Ольга Анстей, Валентина Синкевич и мн. др.

В целом лагерная жизнь была весьма неблагоприятна: бетонные корпуса или казармы, в которых содержались «перемещенные беженцы-отверженцы»¹⁰, ютились по окраинам «вспаханного динамитом»¹¹ города. Заключение 11 февраля 1945 г. между СССР, Великобританией и США Ялтинское соглашение о взаимном возвращении «ди-пи» привело к тому, что «перемещенные лица» начали массово терять и подделывать свои документы (так, И. Матвеев стал И. Елагиным¹², отец и сын Марченко — Н. Моршеном и Н. Нароковым, Б. Филистинский — Б. Филипповым и т. д.). Настроения пленников весьма верно отразились в самиздатовской «Дипилогической азбуке» Ирины Сабуровой, экземпляр которой стоил пачку сигарет¹³:

Е — ехать. Некуда (пока что).

Ж — жизнь. Предмет, о котором заботятся, пока его имеют (в отличие от денег). Жизни у ди-пи нету.

З — занятия. Занимают друг у друга небольшие суммы в

⁹ Агеносов В.В. Литература Русского Зарубежья. М., 1998. С. 383.

¹⁰ Елагин И. Беженская поэма // Собр. соч. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 248-249.

¹¹ Там же.

¹² Новые фамилии часто возникали совершенно неожиданно. Например, И. Елагин (Матвеев) случайно во время вопроса о своей фамилии увидел на стене репродукцию Елагина моста.

¹³ Витковский Е. Состоявшийся эмигрант // Елагин И. Собр. соч. Т. 1. С. 22-23.

долг без отдачи (большие получить труднее). В современном масштабе занимают целые страны. Чей это долг — неизвестно, а насчет отдачи поется в одной персидской песне: «От границ до Тегерана три дня пути, а от Тегерана до границы гораздо больше...»

М-м-м-м — отвечает ди-пи на вопрос комиссии, кто он такой. «Я, собственно говоря, югослав, но родился в Литве, проживал до 38 года в Румынии, а по национальности и религии — штатенлос, польский подданный. Из иностранных языков, кроме русского, разумею украинский». Комиссия обычно мало вразумляется. Настоящих людей нету.

Н — нет документов. Никаких. Одна из наиболее характерных особенностей ди-пи.

Р — Родина. Над утратой ее пролито немало горьких слез, но дипилогическое объявление о потере гласит так: «Потеряна горячо любимая родина. Умоляем не возвращать»¹⁴.

Позднее поэт Иван Елагин также описал это время в своей «Беженской поэме» (1986):

*Угрожают выдачи!
Нансеновским паспортом
Запасайся — иначе
Попадешься аспидам!*

*Чтоб избежать жребия
Этого проклятого, -
Вру, что жил я в Сербии
До тридцать девятого,*

*В эти дни преступные
Дышит все подделкою —
И подделкой крупною,
И подделкой мелкою...*

*Девушка учтивая,
Перышком поскрипывай
И печать фальшивую
Ставь на справке липовой!*¹⁵

¹⁴ Там же.

¹⁵ Елагин И. Указ. соч. Т. 2. С. 251.

В результате численность этой вновь образовавшейся «русской диаспоры» до сих пор точно не установлена. По свидетельству историка В. Кабузана, «всего немцами во время войны было вывезено для работы в Германию 4 млн. человек» (включая страны СНГ)¹⁶; согласно же немецким архивам в плену у немцев находилось примерно 5,7 млн. военнослужащих Красной армии¹⁷. Сложность оценки численности и состава «страшной сталинской»¹⁸ волны объясняется тем, что она оказалась «не в фокусе»: с одной стороны, среди литераторов, попавших за рубеж, «не было крупных литературных имен», с другой — долгое время «имело место явное желание забыть о факте невозвращенчества и насильственной репатриации»¹⁹. В СССР этот эпизод истории оценивался как позорный для страны и сознательно утаивался; сами же беженцы и военнопленные из страха последующих репрессий часто до конца жизни скрывали факты своей биографии.

И все же, несмотря на отсутствие подходящих условий, в лагерях «ди-пи» царила весьма жизнеутверждающая атмосфера. Здесь достаточно быстро наладилась внутренняя литературная деятельность. Авторы-«невозвращенцы», ранее часто не имевшие никакой возможности печатать свои произведения, начали активно «издавать» созданные вручную книги. Вскоре в Мюнхене возникли различные организации, поддерживавшие и объединявшие русских эмигрантов, такие, как Национально-трудоустройственный Союз и Центральное объединение политических эмигрантов из СССР, Институт по изучению истории и культуры СССР. Заработали русскоязычные радиостанции. Кроме того, в 1946 г. в городе начал выходить журнал литературы, искусства и общественной мысли «Грани», главным редактором которого в 1952 — 1955 гг. стал известный ученый-лингвист и писатель Леонид Ржевский (наст. фамилия — Суражевский). Являясь ярким противником тоталитаризма, он от-

¹⁶ Кабузан В. Русские в мире. СПб., 1996. С. 233.

¹⁷ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 73.

¹⁸ Бобышев Д. Метафоры-мутанты или Memento mori (О стихах Игоря Чиннова) // Звезда. 1992. № 3. С. 169.

¹⁹ Синкевич В. «...с благодарностью: были». М., 2002. С. 107-108.

крыто выступил с обличениями официальной советской идеологии и социологического реализма как художественного метода. Весьма красноречиво об этом свидетельствовали уже сами названия большинства его работ, статей и очерков 1949 — 1951 гг.: «Язык и тоталитаризм», «Живое и мертвое слово», «Надсмотрщики. По страницам советской прозы», «Закат великих традиций», «Светофоры на путях советского языкознания», «Запечатленный язык», «Обреченные: О литераторах — лауреатах Сталинской премии» и т.д. Ржевский был уверен, что трагедия современного советского литературного языка заключалась в потере свободы. В докладе «Национальная культура и эмиграция», прочитанном на расширенном совещании издательства «Посев» 7 — 12 сентября 1951 г. в Лимбурге, он призвал русскую эмиграцию не оставаться равнодушной к этой проблеме, настаивая на том, что эмиграции надо преодолевать незнание родины, повернуться к ней лицом, поскольку незнание, непонимание происходящего там позорно для эмигранта, считающего себя эмигрантом политическим. Другими словами, он отвел русской эмиграции важную роль в сохранении национальной самоидентичности и культуры, считая, что она должна представлять нашу национальную культуру за рубежом и бороться за ее будущее.

Эти призывы не остались пустыми лозунгами. В те годы гражданственность стала одной из центральных доминант писательского и читательского сознания. Важнейшим направлением литературной и издательской деятельности эмигрантов второй волны, действительно, была не только печать собственных сочинений, но и публикация и переиздание запрещенных в СССР книг и произведений. Беженцы с первых дней эмиграции начали интенсивно работать над популяризацией русской литературы на западе. Одним из таких популяризаторов стал писатель и издатель Борис Филиппов. Первый же составленный им за рубежом сборник назывался «Советская потаенная муза» (1961) и включал в себя стихи советских поэтов, написанные не для печати. Позднее, уже в Америке он отредактировал и переиздал на западе собрания сочинений М. Волошина, Н. Заболоцкого, Е. Замятина, Б. Пастернака, М. Шкапской, а также отдельные произведения Г. Адамовича, Н. Аржака, М. Зощенко, К. Леонтьева, Б. Нарциссова, А. Ремизова, Ю.

Терапиано, А. Терца, О. Форш и некоторых др.

Тема гражданской ответственности стала центральной и в творчестве самих эмигрантов второй волны. Они слишком хорошо знали цену выживания, а личная жизнь и свобода каждого человека представлялась им величайшей ценностью. Однако их жизнелюбивые настроения парадоксально сочетались с ощущением полной растерянности и неопределенности, а также страхом выдать по Ялтинскому соглашению. Окружавший их мир представлялся им хаотичным и нестабильным. Они полностью утратили веру в советские идеалы; в их творчестве советские штампы и реалии либо обличались, либо подавались в сатирическом ключе, как в стихотворении Николая Моршена «Ква-с»:

*Как чай, прихлебывая слякоть,
Лягушки любят покалякать,
Свой быт хвалить, чужой — обквасить,
Сказать свое «Бре-ке-ке-ке!»
Похвастать квасом, простоквашей,
К вам обратиться, к маме вашей
На лягушачьем языке...*

*Суть языка их такова,
Что слышно только ква да ква,
И квази — квамунизм их скважин
Им кажется куда как важен:*

*«Весь мир насилья мы расквасим
В сплошной кавак и кавардак!
Как адеквасен, как преквасен
Рабочий квас и квасный флаг!*

*«Хвалите квасников, чудак вы:
Пускай течет в искусстве аква
Квассически, как дважды ква!*

*«Нет ягод
Чем буква К — квасивей буквы,
Столицы кваше, чем Москва!»²⁰*

Перед новыми эмигрантами серьезно стала проблема самоидентификации. За достаточно короткий промежуток

²⁰ Моршен Н. Пуце неволи. М., 2000. С. 269.

времени они приобрели новый социальный статус, новое имя и новую родину, полностью утратив старые связи и возможность вернуться домой. Они, в отличие от представителей первой волны, «отнюдь не стремились к воссозданию России за рубежом», а лишь «хотели обрести мир, безопасность, спокойную жизнь вдали от кошмаров Советской России»²¹, где их объявили изменниками. Им не было свойственно идеализировать дореволюционную Россию, и почти не была свойственна ностальгия. Молодость большинства из них пришлась на 1920 – 1930 гг., и на долю многих «выпал или сталинский ГУЛАГ (Б. Ширяев, Н. Нароков, С. Максимов), или ощущение “вины” за свое происхождение (Дм. Кленовский, И. Елагин, Н. Моршен, О. Анстей, Л. Ржевский, Б. Филиппов)»²². Поэтому И. Елагин в своих стихах вспоминал о России так:

*Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне не хватает русского окна.*

*Оно мне вспоминается донине,
Когда в душе становится темно —
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно»²³.*

Поскольку окружающая реальность утратила четкие границы, представителей второй волны эмиграции этих лет начали терзать серьезные экзистенциальные сомнения в ценности земного бытия, сущности Бога, существовании высшей справедливости. Так, например, в первом сборнике стихов Игоря Чиннова «Монолог», вышедшем в 1950 г., эти проблемы стали ключевыми²⁴. Одно из стихотворений здесь явно отсылает к строкам А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...»:

*Кабак, завод, тюрьма, больница
И даже — кладбище вблизи.
Нет, этот городок не снится,
Не чудится. И по грязи*

*Идут под барабан солдаты
(Казарма — за углом сейчас).
Они ни в чем не виноваты,
Но их убьют. Иль, в добрый час,*

*Они других убьют. Трезвонит
Звонарь над лучшим из миров,
И так невозмутимо гонит
Хозяин на убой быков»²⁵.*

В творчестве новых эмигрантов постоянно преобладали такие настроения, как страх репрессий и насилия над личностью, стыд за свою Родину, за свой народ и одновременно за собственное, ставшее уже привычным ощущение страха. Принципиальной для них стала проблема «тюленьей кожи»²⁶ т. е. возможности компромисса с собственной совестью. В результате постоянный страх выдачи заставлял их рано или поздно уезжать как из Мюнхена и его окрестностей, так и из Европы в целом. В течение 1950-х гг. в Америку перебрались почти все наиболее заметные литераторы второй волны — И. Елагин, О. Анстей, В. Синкевич, Н. Нароков, Н. Моршен, Ю. Иваск, Б. Филиппов и др. Такая возможность появилась у них в 1948 г., когда в США в связи с началом «холодной войны» был принят закон о перемещенных лицах. Статус «ди-пи» стал считаться привилегированным, поскольку он давал право на въезд в США и на определенные льготы. Тогда, в свою очередь, некоторые старые русские эмигранты поторопились «подкорректировать» факты своей биографии, позво-

²¹ Раев М. *Россия за рубежом. М., 1994. С. 17.*

²² Раев М. *Указ. соч. С. 383-384.*

²³ «Мы жили тогда на планете другой...» *Антология поэзии русского зарубежья. 1920 – 1990. М., 1997. Т. 4. С. 207.*

²⁴ В интервью, взятом у него незадолго до смерти, И. Чиннов признался в том, что его отношение к Богу было «одинаково» с отношением Г. Адамовича, который тоже «сомневался»

(см.: *Интервью с И. Чинновым // Большев И. Творческий путь И. Чиннова. Дисс. канд. наук. М., 1999.*

²⁵ Чиннов И. *Собр. соч. М., 2000. Т. 1. С. 65.*

²⁶ По названию сборника и стихотворения Н. Моршена «Тюлень», вышедшего в издательстве «Посев» в 1959.

²⁷ Терапиано Ю. *Письма // Письма запрещенных людей. По материалам архива И. Чиннова. М., 2003. С. 329.*

лив называть себя представителями «новой эмиграции». Так, в частности, в 1959 г. критик Ю. Терапиано с удивлением выяснил, что оказывается поэт Дмитрий Кленовский — «старый поэт, начавший еще в 1912 г.», а поэтесса Лидия Алексеева — «белградская “старая” эмигрантка», в то время как они долгое время «делали свою карьеру на “новых”, пользуясь паспортом “ди-пи” и их привилегированным положением в редакциях»²⁷.

Значительная группа эмигрантов-дипишников прибыла в США на военном судне «Генерал Балу» (на нем в том числе приплыли поэты В. Синкевич, И. Елагин и его жена О. Анстей). Это небольшое судно, заставляющее вспомнить о знаменитом «философском пароходе» 1922 г., по сути, символизировало собой массовый отъезд русских с территории Старого света и окончательный распад русской диаспоры в Европе. Этот момент вполне можно считать поворотным. Именно тогда, согласно характеристике 1940 — 1950 гг., данной историком Н. Андреевым, происходила потеря «драгоценных осколков Европы» (половины Германии, Центральной Европы, Балкан и Дальнего Востока), исчезла русская школьная сеть, постепенно начал угасать русский Париж. Одновременно круг «рассеянных» русских эмигрантов стал значительно шире: помимо США, русских эмигрантов приняли Аргентина, Бразилия, Южная Африка, Австралия, а также страны Европы, въезд в которые ранее был запрещен, — Англия и Испания. В 1950-е гг. «главным литературным центром»²⁸ стал Нью-Йорк. Здесь выходили крупные русскоязычные журналы «Опыты» (с 1955 по 1958 гг. его главным редактором являлся поэт Юрий Иваск), «Новоселье», «Новый журнал» и газета «Новое русское слово», возникло «Издательство имени Чехова», а новые «литературные содружества, подобные нью-йоркскому Клубу русских писателей, и периодические литературные издания, такие, как “Альманах” Е. Любина, ежегодники “Побережье” и “Встречи” и долгожитель “Новый журнал” с его разделом “Поэтическая тетрадь” способствовали «творческому

взаимопониманию и дружеской взаимокритике»²⁹. Другими словами, в Америке сформировалось новое литературное пространство, внутри которого заново устанавливались связи и возникали взаимовлияния.

В то же время в литературном мире русского зарубежья больше не было ни единой доминирующей эстетической установки, ни крупных, авторитетных фигур, вокруг которых бы группировались все остальные литераторы. Существовал разноречивый, кого считать наиболее выдающимся автором. В широких читательских кругах предпочтение отдавалось традиционной поэзии и стихам Ивана Елагина. Ряд критиков, в свою очередь, отдавал предпочтение творчеству Игоря Чиннова. Так, в 1965 г. критик Г. Адамович даже называл его на тот момент «единственным в нашей поэзии мастером, “мэтром”»³⁰. С другой стороны, поэт Г. Иванов³¹ и известный литературовед В. Вейдле³² выделяли Николая Моршена, хотя одновременно его творчество сталкивалось с полным непониманием со стороны читателей, вызванным его рискованными поэтическими экспериментами.

В целом же в результате сложных эмиграционных процессов уже в начале 1950-х, по словам критика Юрия Терапиано, на страницах эмигрантских периодических изданий «все подлинные поэты, — и “первой” и “новой” эмиграции слились в одну творческую семью, и противопоставление “старых” и “новых” поэтов-эмигрантов стало «бесполезно»³³.

²⁹ Синкевич В. *Поэзия российского Зарубежья (Речь на юбилее Клуба русских писателей) // Новый журнал. 1999. № 216. С. 277.*

³⁰ Адамович Г. *Письма И. Чиннову // Письма запрещенных людей. По материалам архива И. Чиннова. М., 2003. С. 130.*

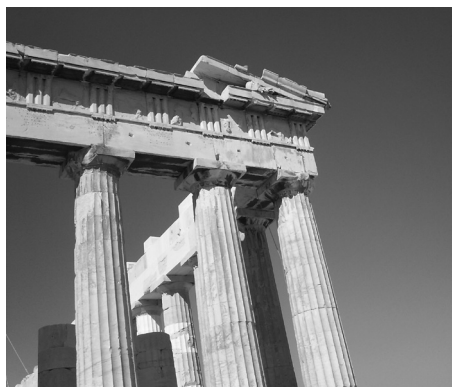
³¹ См. Иванов Г. *Поэзия и поэты // Иванов Г. Собр. соч. М.: «Согласие», 1994. Т. 3. С. 584.*

³² См. Вейдле В. *Двое других (серия статей «Жрецы единых муз») // Новое русское слово. 1973. октябрь. Эта статья стала причиной серьезной обиды И. Елагина на В. Вейдле, хотя Н. Моршен, являвшийся одним из ближайших друзей Елагина, полагал, что эта статья ничего обидного для его друга в себе не содержала.*

³³ Терапиано Ю. *Встречи. 1926 — 1971. М., 2002. С. 262.*

²⁸ Андреев Н. *Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом // Письма запрещенных людей. По материалам архива И. Чиннова. М., 2003. С. 691.*

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА

Иосиф РАБИНОВИЧ

КРЫМСКИЕ ЯБЛОЧКИ

До чего же удобны эти современные джипы — подножка высокая, вылезая не надо задирать ноги, задирать-то больно, и вообще, когда тебе восьмой десяток многое больно и не под силу. Нет, надо гнать от себя грустные мысли, тем более друзья везут меня по местам юности по южному берегу Крыма, навстречу воспоминаниям о том времени, когда ничего не болело, и всё было по силам. Мы едем из Севастополя, проезжаем чудесное местечко Батилиман. Когда я был тут впервые? Что? Неужели сорок лет назад? Да, да Игорь Борисович и нечего жаловаться, что болит где-то, у многих твоих ровесников уже ничего и никогда не заболит. А ты вот сидишь на веранде грузинского ресторанчика и ешь фирменные чебуреки и никогда раньше не пробованные жаренные телячьи яйца на виноградных листьях. Эту экзотику решил попробовать только я один из всей компании. Привычка с молодости: если читал про блюдо и вдруг возникла возможность попробовать — не могу удержаться. А вот половина моя поглядывает на меня с ужасом — уж она-то

традиционалист до мозга костей. И вот джип несёт нас по новой крымской дороге к Ялте. И память начинает раскручивать ленту событий. Едем с женой в Ялту — как тогда.

Шумный заплёванный перрон Курского — последние дни апреля 69-го. Конечно, никаких билетов на юга нет, да и не нужно — у меня солидный опыт поездок в командировки с проводниками, обещал жене, что довезу в Крым в лучшем виде. Знаю, что договариваться нужно с проводниками купейных вагонов — идём вдоль поезда «Москва-Севастополь» — я с рюкзаком, жена со складным чемоданчиком. Вот у купейного стоит проводник со следами недавней пьянки на лице.

— До Симферополя возьмёшь двоих?

— По пятнашке, заходите, садитесь в коридоре, тронем-ся, посажу.

Садимся в обшарпанном коридоре ждём. Тронулись, проводник нас завёл в купе... Боже мой — и без нас там подюжины народу, узнаём, что в пиковые дни старый купейный подали под общий вагон. Теперь бы расстроился до чёртиков, а тогда... Как же здорово, когда тебе тридцатник, есть любимая работа и любимая и красивая жена и вы оба едете к морю с ластами, масками и прочим подводным барахлом, без которого вам обоим море не море. И вообще сам чёрт не брат — общий вагон, так общий. В купе четыре полки — нас восемь, то есть по полке на пару, а впереди ночь, но это впереди. Знакомимся со спутниками: четверо совсем молодых, студенты, две парочки и две дамы чуть постарше нас, одна едет по путёвке профкомовской, другая на свидание с мужем-рыбаком. Он пришёл с морей, но отпуск не дают, десять дней в Севастополе и снова ловить рыбку для родины. Только и остаётся, что десяток горячих ночей в занюханном номере Дома межрейсового отдыха моряков. Да жена моряка непростая профессия, не каждой под силу. А моя половина, которой никуда спешить не надо, уже распаковывает чемодан, достаёт провизию — молодняк предложил накрыть общий пососок. Конечно, у них с собой было, да и у нас тоже. Выпили, закусили, парнишка достал гитару и спел кое-что из Высоцкого, он только ещё набирал в те годы популярность. Скажи мне тогда,

что через сорок лет у меня на полке будут стоять книжки Владимира Семёновича, я бы ни за что не поверил, и не, потому что не считал его поэзию слабой, а просто не думал, что СССР кончится на моём веку.

Посошок наш закончился за полночь. Мы с ребятами вышли покурить, дамы переоделись, чтоб как-то скоротать ночь. Коротали трудно — молодёжь набилась на верхние полки, мы с женой валетом на нижней, а парочка женщин тоже теснились внизу вместе.

Помятые и невыспавшиеся вывалились мы с молодёжью в Симферополь, оставив дам приводить себя в порядок. Троллейбус доставил нас в Ялту. Там предстояла встреча у главпочтамта с моим приятелем и сослуживцем Лёнькой Плотниковым. Он с двумя дамами, одна из которых была его новой подружкой, должен был ждать там нас в полдень. Но наш поезд был дополнительный и ташился долго, у почтамта мы оказались только в третьем часу. Лёньки не было, не было и письма «Южинскому до востребования». Мобильных телефонов тогда и в Америке ещё не было. Я быстро написал своё письмо «Буду ждать вас в 20.00 сегодня и в 11.00 завтра» и попытался его сдать прямо в окошко «до востребования». И получил отлуп — письмо должно было пройти всё как положено и в окошке появилось бы только завтра во второй половине дня. Тут я понял, почему нет Лёнькиного письма мне. Пришлось выцыганить у запасливой супруги плитку хорошего шоколада и приложить к письму. С шоколадкой всё прошло — письмо проштемпелевали и положили к другим.

И вот наш отдых начался, с чемоданом и рюкзаком идём в ресторанчик на набережной. Что ели не помню, точно, что не телячьи яйца. Во время обеда к нам подседа дамочка вторых средних лет, извинилась и представилась помощником режиссёра.

— Видите, мы снимаем кино на Ялтинской киностудии, я хочу предложить вам роль старого негра в фильме. И, притом, не в массовке, а в эпизоде, там оплата существенно больше.

— Я, конечно, смуглый, но не до такой же степени...

— Ну, за этим дело не станет, вас загранируют.

— Да не в этом дело — мы с женой только приехали и не

можем пока найти своих друзей и ещё не знаем, будем жить в Ялте или нет.

— Устраивайтесь и, если надумаете, позвоните мне, вы то, что нам надо, — и она протянула визитку с фамилией и телефонами киностудии.

Визитки тогда ещё были у нас в редкость, и я долго хранил её, как свидетельство нереализованной возможности стать кинозвездой.

Пообедав, мы уговорили официантку оставить наш багаж, пообещав прийти ужинать у неё и отправились к морю окунуться. Там нас, вернее мою половину ждал неприятный сюрприз, плавать она любит, и мастерица, а вот холода не переносит. Чёрное море встретило нас одиннадцатиградусной водичкой, пришёл так называемый одессит и пригнал холодную воду, поэтому окунался я в гордом одиночестве и недолго, в такой воде не покайфуешь. Погулявши по Ялте, мы вернулись в ресторан и поужинали — гулять, так гулять, и, прихватив вещи, двинулись к почте. Результат тот же: Лёньки нет, письма от него нет и моё письмо на месте. Вот тут перед нами встал вопрос ночлега — беспечной молодости свойственна бесшабашность и никаких планов по ночлегу у нас не было. Сунулись в пару гостиниц, больше для порядку, в те времена табличка «Мест нет» едва не из мрамора на стене была в крымских отелях, и не только в крымских. Решил посоветоваться с таксистом, что стоял у гостиницы.

— Командир, где можно нам с женой ночку скоротать, не подскажешь?

— Садитесь, сейчас что-нибудь придумаем.

Мы загрузились, и таксист помчал нас по ялтинским улочкам. Два места, в которые сунулся таксист, оказались забитыми под завязку, тогда он предложил:

— Есть у меня одно местечко, правда на горе и без особого шика, как поедем?

— Давай, нельзя же вторую ночь не спать, вези в гору.

Встретила нас крашенная блондинка нашего возраста с сигаретой в зубах. Водила что-то сказал ей, она кивнула, и он удалился, получив деньги. Хозяйка огласила цену, вполне приемлемую, я кивнул, расплатился и нас привели в комнату. Комнатка была на втором этаже, по дверям я понял, что одна из четырёх. Когда дамочка вышла,

мы огляделись — помещение явно было неприглядное, какое-то несвежее и обшарпанное. Половина моя откинула покрывало и одеяло полуторной кровати и брезгливо поморщилась:

— По-моему бельё несвежее и, ой, гляди, какие-то пятна! Нет, на этом спать нельзя!

— Ну не сидеть же всю ночь на стульях?

— Не знаю, только не на этой гадости, мне кажется это просто притон, куда приводят дешёвых шлюх, потому и сдаётся посуточно.

— Солнце, моё, никто нас с тобой за такую пару не принял, не бойся!

— Я ничего не боюсь, но спать на этом... ну ты и завёз меня в бордель!

— Не дуйся, я завтра устрою тебя в обкомовский номер гостиницы, помнишь, как в позапрошлом, в Севастополе?

— Помню, помню, — ворчала она, доставая из моего рюкзака две пляжных подстилки и полотенца. Со свойственной ей ловкостью она создала тряпочный саркофаг, изолировавший наши тела от бордельной скверны. Мы рухнули на кровать и заснули как убитые.

Проснулся я где-то в девять с небольшим, и тут же начал будить половину, не покрасившись она из дому не выйдет ни за что, а в одиннадцать надо быть у почты. Надежда встретить Лёньку ещё теплилась. И, как оказалось, теплилась не зря. Правда, пришлось тащиться с горы с багажом, но к одиннадцати мы были у почты и уже знакомились с Лёнкиными питерчанками. Всё оказалось просто: вчера они нас не дождались, попытки Лёни оставить мне письмо кончились ничем, как я и предположил, а нынче утром они получили моё послание. Однако вчерашний день друзья потратили с толком — сняли в Гурзуфе у пожилых хозяев первый этаж, две комнаты с террасой. На террасе расположилась подружка Лёнкиной пассии Иры Марина, девушка крупная с низким контральто и толстыми очками на близоруких глазах.

Интересное дело — ещё со школы приметил: красивые девчонки (и когда повзрослеют тоже) выбирают себе в подружки порой такую страхолюдину, что просто оторопь берёт. Зачем? Наверное, чтоб подчеркнуть свою

прелесть и без того очевидную. Правда свою половину обвинить в этом не могу — большинство её подружек вполне симпатичные и привлекательные дамочки.

Дом нам очень понравился — мы прожили в нём восхитительную декаду. Прекрасное вино из хозяйского подвала, походы в знаменитую гурзуфскую чебуречную, переход через гору Аю-Даг, какие чудесные цветы мы обнаружили на вершине, всё это запомнилось надолго. И даже холодное море, в котором могли купаться только мы с Лёнькой, не испортило нам настроение. Дамы загорали на солнышке и тем были довольны. Под конец мы сообразили прекрасный шашлык — под хозяйское вино он был необычно вкусным, и вообще всё кругом было прекрасно. Хотя, если вдуматься, это был обычный южный пляжный отдых, даже понырять под воду не удалось из-за холодной воды. Просто мы были молоды и уже, поэтому мир был прекрасен. В хорошем настроении уехали мы в Москву, там попрощались с питерчанками.

Лёнька женился второй раз года через два, в том мае он был разведённым. Женился он не на Иринке, а на аспирантке нашего института. Вскоре мне пришлось сменить место работы и пути наши с Лёней разошлись. Нет, мы не поссорились — просто у каждого была своя жизнь. Мы виделись время от времени и с ним и с его новой женой Лерой. Мы с половиной даже были приглашены на их свадьбу. Пришлось оставить с тёщей двухмесячного сына, а потом срочно на такси отправлять кормящую мать домой.

Господи, когда это было. Тот двухмесячный успел стать двухметровым и жениться три раза...

Джип уже давно миновал Ялту, вот он Гурзуф. Прошлым летом тут проходил научный семинар по методам математического моделирования. Научный руководитель семинара профессор Леонид Николаевич Плотников читал лекции и участвовал во всех мероприятиях наравне с молодёжью. Личная жизнь сложилась не совсем. Он развёлся и со второй женой, она уехала в Германию, дети, мальчик и девочка уехали с ней. Они уже выросли,

работают там и неплохо устроены, как и Лёнина дочка от первого брака Катя, которая тоже живёт за границей в Париже. Так Леня, в конце концов, в свои семьдесят снова стал одиноким холостяком. На семинаре в Гурзуфе вокруг него вилась стайка молоденьких симпатичных девушек. Говорили всякое, но профессор Плотников скоропостижно скончался в своём номере в Гурзуфе. Был ли кто с ним рядом в этот момент, или он встретил даму с косой один на один, не знаю. Но хочется думать, что Лёнька умер как настоящий мужик. И дело не в том, была ли в его номере женщина или нет.

Виктория ШАРПАК

ПОЛУОСТРОВ КРЫМ. СЛЕДЫ НА ВЕТРУ.

Продолжение серии зарисовок в жанре путеводителя под условным названием «Неизвестный Крым». Начало в газете «Литературные известия», № 11, 2012, продолжение в альманахах «Словесность 2013», книги 7, 8, «Словесность 2014»

Есть несколько версий о происхождении названия города Алушта. Согласно первой версии название происходит от арийского слова «Салуста, сол-уста», что в переводе означает «поток, устье». Это могло быть связано с рекой Улу-Узень (с тюркского — «большая» или «великая» река), которая протекает по территории города.

Иногда название города связывают с греческим словом «алустос» — «неумытая», «нельзя купаться». Греческое происхождение название может быть связано с древним периодом колонизации, когда Чёрное море (Понт Аксинский) считалось негостеприимным, опасным. Здесь действительно зимой бывают сильные ветры, несущие облака и дожди с Чатыр-дага и Демерджи. Кто здесь бытовал? Тут бытовали писатели: Иван Шмелёв, написавший замечательную книгу «Солнце мёртвых», С.Н. Сергеев-Ценский, лауреат Сталинской премии. Их музей и памятные таблички, как указатели, сохранены в

Алуште, но нас интересуют следы, которые не обозначены в путеводителях.

10 октября 1894 года на даче «Голубка» (ныне — Городская Библиотека) великий князь, наследник престола Николай Александрович, впервые увидел и встретился со своей невестой — принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской, будущей супругой и Императрицей Александрой Фёдоровной.

В августе 1917 года, когда в Алушту приезжал Мандельштам, там уже существовало Общество «Умных людей», «крымских затворников», которые пережидали в Крыму тяжёлые голодные революционные времена. Голод отчетливо ощущался уже и в Крыму. В. А. Судейкина, рассказывая о визите поэта, писала в своих воспоминаниях, что угостить его хозяева могли «только чаем и медом», не было даже хлеба. Одновременно как когда-то Одиссей, «крымские затворники» надеются найти в Тавриде загадку своего будущего. Герою Троянской войны это, как известно, удалось: он перед находившимся здесь входом в царство Аида принесет жертвы подземным богам и сможет узнать у явившегося ему прорицателя Тиресия, что его ждет. Стихотворение заканчивается рассказом о возвращении Одиссея домой. Будущее же «крымских затворников» пока скрыто в неизвестности.

Никто не укрылся от сабли истории: ни семья Николая II, ни Мандельштам, ни Судейкины, которые через несколько лет развелись в эмиграции.

В чём же всё-таки загадка и дух Алушты?

Это летящие в ночном небе над старым городом чайки, их беззвучный крик, который растворяется в ночном ветре и шуме моря. Этот дух Алушты и передал О. Мандельштам в августе 1917 года.

ВИНОГРАД

Золотистого мёда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.

Как тяжёлые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса — не поймёшь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы на окнах опущены тёмные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живёт,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена — другая, — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжёлые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем
полный.

11 августа 1917, Алушта

Божественный язык поэзии в стихотворении «Виноград», как и в музыке, представляет собой иногда замкнутую, а иногда свободную систему образов, согласованных с реальным пространством. Так, в этом стихотворении автор представляет сады Алушты в августе 1917 года, где он находился в гостях у четы Судейкиных, которые снимали дачу А.В. Давыдовой под горой Кастель.

Дом был разрушен во время землетрясения 1927 года, но сохранилась булыжная мостовая, ведущая к отсутствующему дому.

Анализируя заключительные строки из стихотворения, автор показывает, что эта поэтическая предтеча, способная выйти за пределы собственного прозрения и дать нам доступ к тому, от чего остался только пепел, на котором сидел Одиссей у очага царя Алкиноя, как

просящий защиты— к предельному опыту никем не засвидетельствованного страдания и смерти в лагере в Сучане.

Сейчас нет ни старой Алушты, сплошь покрытой виноградниками, ни старого дома, ни самой хозяйки Веры Судейкиной, ни Мандельштама, а есть стихотворение, запечатлевшее тот мир, который давно исчез.

Наталья ПАХОМОВА

ПОЕЗДКА В ПРИБАЛТИКУ

*Фешифвалъ, фешифвалъ Палангой,
Фешифвалъ, фешифвалъ, фешифвалъ Нидой!
(Песенка в русской транскрипции.)*

В эту поездку (в Палангу и Ниду), взяли меня мои подруги-сокурсницы, «состудентки» МАИ. (Тогда МАИ, в дальнейшем МАРХИ, Московского Архитектурного Института), будущие архитекторы, тогда студентки 5 курса, Ленка и Элка. Подруги на долгую жизнь. Обе девушки весьма колоритные, яркие. Мы составили компанию в первую очередь Ленке, которую пригласил и согласился взять с попутчицами пианист Лазарь Берман. Он ехал на гастроли в Прибалтику. Концерты должны были проходить в Паланге. Кроме того, по общему согласию, собирались поехать в Ниду. Летние гастроли...

Лазарь симпатизировал Ленке. Что такое Ленка? Чтобы представить ее внешность, нужно смотреть женские портреты, скажем, Боровиковского, Серова. Представьте себе изящную фигуру, черный дым волос, забранный в пучок на затылке, черные брови дугой над большими темными глазами в густых ресницах, очень белую кожу лица, румяные горящие щеки, милые губки, всегда в полуулыбке. Между Ленкой и Лазарем Берманом были теплые приятельские отношения, которые не могли перейти в серьезный роман, так как здесь бдительно наблюдала мама Лазаря. Она никому не хотела уступить сына, она говорила, что сделала из него музыканта. Конечно, усидчивость, трудолюбие,

упорство, она прививала ему с детства. Этого не отнимешь. Но и сам он был далеко небесталанным, его талант музыканта был очевиден. В летние гастроли по Прибалтике он ехал в компании с другими музыкантами, большими друзьями: Эдуард Грач с супругой Малолетковой, Альтман, Паперно с женой Эрной и другими. Кстати, словосочетание Эрн Паперно тут же превратилось в каламбур и повторялось с большим удовольствием по нескольку раз подряд, наподобие декламации. Веселая компания изобрела веселый клич, заимствованный из фольклорной песни, что входила в репертуар хора в музыкальных училищах: «Ты взойди, взойди, солнце красное...». В «команде» музыкантов это превратилось в клич: «Ты взойди, взойди, солнце «К»!

Ехали через Калининград (бывший Кенигсберг). Там, оформив необходимые документы, на пароме отправлялись в Нида. Дивная Нида, дивная Куршская коса в Балтийском море, природный заказник с высоченными песчаными дюнами. С этих дюн катались взапуски... Наблюдали, как ловят рыбу с волнореза: закидывают удочку и тут же, в ту же минуту, вынимают. Без всякого промедления. А там, на удочке, уже всегда рыба. Быстро ловится рыба и сетью, при этом рыбак выбирает крупную рыбу, а мелочь (впрочем, понятие «мелочь» весьма относительное), так вот «мелочь» оставляется на берегу или волнорезе в подарок ротозем, наблюдающим этот интересный процесс...

Вдоволь накупавшись, нагулявшись по берегу, усыпанному морскими иглами, вернулись в Палангу, где уже были развешаны афишки, объявлявшие о концертах. Там, в свободное время, вдоволь нагулялись по лесу, полному ягод и грибов. В лесу при сборе грибов строго соблюдался определенный ритуал. Лазарь объявил во всеулышание проблему похудения. Он был несколько грузен. И началось всеобщее содействие. Как только кто-либо находил гриб, раздавался истошный крик: Ля-алик!!! Лялик, то есть вышеназванный Лазарь, солидно, с достоинством подходил к грибу, садился на корточки и срезал его. Никто не смел заменить в этом Лазаря, лишит его упражнении с приседани-

ем. Разумеется, дружная команда посещала уютные кафе, имевшиеся во множестве. Особенно полюбилось кафе, расположенное на открытом воздухе. Там подавался отличный десерт: очень вкусные рулетики. Они употреблялись вместе с кофе. Многие приходившие просили «кофе с рулетом». Наша компания вслед за Лазарем просила подать «кофе не без рулета» Вот такой эвфемизм. Я при первом знакомстве с компанией музыкантов, очевидно, выглядела несколько смущенной, и меня заклеили афоризмом: «у тебя взгляд, устремленный внутрь, как у беременной». Захотелось избавиться от такого клейма, и постепенно я перестала смущаться. Вообще шуточки сыпались как из мешка, всех своих и встречных понемногу «клеямили». Шуточки доставались и на долю Наума Штаркмана, который на гастролях с командой не был. Но его вспоминали. Ему, в частности, приклеили голубой ярлык, выбрали из радуги цветов. Но когда по этому поводу он серьезно пострадал, шуточки, конечно, смолкли. Стало грустно. Наума называли обычно уменьшительным именем «Нема», вообще относились к нему тепло. Все понимали, что здесь не вина его, а беда. И судьба...

А в промежутках между гуляниями — концерты, концерты, концерты... Музыканты снимали комнату с роялем. Мы слушали, как Лазарь репетировал 4 концерт Рахманинова. Ходили мы на концерты друзей из означенной команды не только в Прибалтике, но и позже, в Москве. Слушали и концерты других музыкантов. А что же Ленка? Ленке время от времени доставалось от бдительной мамы Лазаря. «Лена! У Вас новое платье! Какая безвкусица! Ужасно!» Это Ленке, изучавшей эстетику, пропорционирование, рисунок, живопись, эргономику, воспитывавшей вкус... Будущему зодчему! В конце концов, по окончании вуза, Ленка вышла замуж за ленинградца и уехала в Питер. В город, где родилась и провела детство. Где после войны и блокады, когда в небе появились, наконец, первые птички, спрашивала у своей мамы: «Мама, это чьи «хамалеты», наши или немецкие?»... И мама Лазаря наконец смягчилась, отпустила его. Он женился, говорят, на итальянке. И остался в России... Вот такая история.

Из летних путешествий по Новой Москве и Подмосковию

Нина ДАВЫДОВА

ПОСЕЛОК СВЕТЛЫЙ И СЕЛО КРАСНОЕ

*Уклад от деда до отца, все остальное —
зло пустое...*

Дмитрий Цесельчук

Год культуры, лето 2014

В газете «Литературные известия» (№ 7, 2014) на 9 полосе в рубрике «Из необычного» была помещена фотография полуразвалившегося клуба в поселке с оптимистическим названием Светлый. Поселок раскинулся рядом со станцией «33-й км» Нижегородского направления, известного читающей публике по поэме В. Ерофеева «Москва — Петушки». По местному преданию клуб, деревянное небольшое здание, построили жители Светлого вскладчину. Здесь в 60-е годы «крутили» отечественные и зарубежные фильмы, работали кружки и

всевозможные секции. В общем, был здесь очаг культуры. Но несколько лет назад здание полыхнуло огнем и стало потихоньку разваливаться. А тут и Год Культуры объявили. Как же не сфотографировать такую достопримечательность и не разместить в газете? Прошло несколько недель, подъезжаем мы проведать клуб, а на его месте — зеленая, аккуратная, чистенькая — ну, просто полный «гринпис» — стена. Но это не стена плача по клубу, это задняя стена продовольственного магазина, который давно уже прилепился к клубу, и продолжает радовать жителей поселка своим необходимым существованием. Но клуб-то жалко. Полусгнивший, он все-таки навел «культурные воспоминания». И тут мы вспомнили, что следующий год у нас объявлен Годом ЛИТЕРАТУРЫ. И как было бы естественно для администрации поселка Светлый замахнуться на восстановление именно Клуба, открыть в нем библиотеку, книжный магазин, создать секции, кружки, литературное объединение... Ах, мечты, мечты... Но мы обязательно будем приезжать к тебе, Клуб!

Проезд: Курский вокзал, Нижегородское направление, станция «33-й километр», минут 5 пешком.

Год литературы, лето 2015

По следам тех мест, где бывали выдающиеся люди, но мемориальные доски отсутствуют

Сюда, как говорит местное предание, приезжал Сергей Есенин — в балетную школу Айседоры Дункан. Здесь останавливался, и не раз, Иван Грозный. В этой дворянской усадьбе в сентябре 1812 г. размещался штаб М.И. Кутузова. Во дворце 9 октября 1812 г. завтракал Наполеон. Именно в этих местах гениальный Кутузов, победив французов, хитроумно повернул наполеоновскую армию на уже разграбленную ими Смоленскую дорогу, предопределив исход кампании 1812 года. В этом дворце встречалась с Кутузовым кавалер-девица Н.А. Дурова.

В разные века усадьба имела статус и «государева именица», принадлежала и Милославским, и Салтыковым, и, с 1912 до 1917 г., министру С.Ю. Витте.

Из дворца вели подземные ходы к реке Пахре. Говорят, что три подземных хода шли в разных направлениях и из усадебной церкви Иоанна Богослова. Был создан великолепный парк наподобие версальского, в стиле барокко, с прудами, регулярными аллеями, всевозможными затеями. Вот куда приехать-то необходимо, походить, прикоснуться к нашей истории. Но: посетить, из всего вышепе-

речисленного, возможно только храм Иоанна Богослова, полюбоваться стилем нарышкинское барокко, представить, кто молился под этими древними сводами на протяжении многих столетий.

А что же дворец и парк? Увы, жуткого вида глухой забор, отнюдь не в стиле барокко, с выпуклой надписью о том, что парк закрыт на реконструкцию, повергает в полное отчаяние: что же мы за люди такие, что не способны уберечь такие места, с такой историей, от циничных невежд? Местные жители говорят, что дворец давно уже чья-то частная собственность, что парк лет тридцать (может быть, ошибаются?) закрыт и никакой реконструкции не ведётся, что к реке Пахре не спуститься — там всё застроено коттеджами, да ещё и бомжи по-летнему привольно расположились недалеко от берега, и что туда лучше не ходить. Но кто-то должен отвечать за всю эту разруху?

Уже несколько лет село Красное — в 30 км от МКАД по Калужскому шоссе — территория Москвы, есть должностные лица, есть отделы культуры и т. д., и т. п. И спрашивать за постыдное беспамятство надо именно с них, с начальников.

А ведь так и представляется, как к усадьбе подъезжают многочисленные туристические автобусы, экскурсоводы ведут по аллеям парка школьников, гостей, конечно, из Франции да и других стран, во дворце собираются любители старины, проводятся фестивали, отмечаются памятные даты... Мечты, мечты...

Проезд: от метро Тёплый стан на маршрутке № 1015, село Красное, потом 5-10 мин пешком к храму Иоанна Богослова.

РЕЦЕНЗИИ

Юрий Логачев.
Портрет Татьяны
Виноградской

Год Литературы для Татьяны Виноградской ещё и юбилейный, поэтому не случайно мы хотим познакомить читателей и почитателей её творчества не только с произведениями известного поэта, но и с отзывами литераторов и литературоведов на её книги и публикации.

Наталья КОЛЬЦОВА,

канд. филол. наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова

СПЕКТАКЛЬ О ДУШЕ МИРА

Виноградова Т. Е. «Голодные ангелы» (М., Библиотека журнала «Дети Ра», 2010)

При том, что «Голодные ангелы» составлены из «разнонаправленных» циклов стихов, это именно книга — в мандельштамовском понимании этого слова. Художественная целостность её обеспечивается не только единством стиля, почерка, но и ключевыми мотивами и образами. По-цветаевски дерзко автор ведет разговор с мирозданием и его творцом (творцами?). Цветаевские обертона явственно ощущаются в голосе Татьяны Виноградской. Думается, в «Проклятых поэтах» — своеобразной пси-

хологической кульминации книги «Голодные ангелы» — имеет место «прием обнажения приема»: и дело не столько в назывании имени поэта, сколько «в сгущении цветаевских мотивов, образов и даже слов. И, пожалуй, главного слова. Бездна. Кружением мотивов, настойчивым повторением «мучительных» деталей (таких, как детский взгляд «цветов-мироздания-тебя») автор с каким-то садистским удовольствием подводит читателей к самому краю — так что падение неизбежно. «Да и как иначе? — думают читатели — “сколько их упало в эту бездну!”». Однако бездна оказывается избавлением от морока реальности, манящим океаном, первоматерией, свободой. Освобождением, снятием всех условностей — в том числе и дихотомии «добро-зло». Стремление к избавлению от оков, нарушению табу, как и утверждение богоравенства поэта, достигает предела — нет, переходит все мыслимые пределы! — в стихотворении «Никто Никогда Не...», которое начинается «антипортретом» Господа:

*Бога никто никогда не видел.
У Него седая борода и грустные глаза.
Бог молчит. Он не знает, что отвечать
неразумным взрослым детям,
которые всё время спотыкаются
о собственную свободу воли...*

А заканчивается вполне провокативно:

*Бросить контрольный взгляд в зеркало.
Седая борода
(ну, это как раз поправимо: подровняем, подкрасим...)
и грустные глаза
(а вот это уже навсегда).
Времени — нет.
Пора в Галилею.
Может быть, на этот раз
хоть что-то
получится.*

Взгляд в зеркало — взгляд Бога. Взгляд на Бога. Лейтмотивом поэзии Т. Виноградской является и тема

времени — будь то время историческое или мифологическое, линейное или циклическое. Тема развоплотившегося времени объединяет внешне не связанные друг с другом произведения: в апокрифе «Пётр. Гефсиманский сад» звучит тема вечности, в элегии «Куда исчезают струи фонтанов?..» — плач по ускользающему мгновению.

«Закоренелым верлибристом» называет себя автор. Однако виноградский верлибр словно живет «внутри» рифмованных строк, и поэт делает над собой усилие, чтобы (не дай Бог!) не сбиться на стихи:

*Нависают-ветвятся нервюрные своды олив —
окаменевших, тысячелетних, седых...*

Читатель вот-вот сорвется в бездну рифмованного стиха. Вот рифмованная «инкрустация» в апокрифе «Мариам», написанном верлибром:

*«В темноту, в немолту
первозданного лона,
где грота дремота,
где корни и крона,
водопада прохлада...
В сумрак знакомый
старого сада
вернуться с тобой,
Мариам...»*

В эссе «Проклятые поэты» (автор определяет его как «стихопрозу») Хаос и энтропия — собеседники автора (читателя), а ящерицы и пауки — сообщники. Интонация — не постмодернистская, а собственно модернистская, даже декадентская. Словно читатель угодил, попался в чеховскую (треплевскую) «мышеловку» — спектакль о Душе мира. Тот спектакль, который, подобно гамлетовской «Мышеловке» должен уличить актеров-зрителей (Гертруду-Аркадину и Клавдия-Тригорина) в убийстве — убийстве искусства. Думается, отнюдь не случайно у Виноградовой имя Гамлета оказывается среди имен проклятых поэтов. Это имя — подсказка читателю-зрителю, оказавшемуся «внутри» декадентской постановки — теа-

тра в театре. Душа мира, бездна, пустота, хаос — слова, слова, слова. Но не только. У Виноградовой — это образы, картины, цвета. Метатекст мировой поэзии, единый язык мира — не больше и не меньше. Бездна своей сверхреальностью напоминает и мир «Матрицы», и первомаерию — тайну, открывшуюся героям Мураками («Охота на овец»).

Однако, как бы настойчиво ни звучала цветаевская партия в поэзии Т. Виноградовой, у автора свой голос, своя интонация и своя — очень узнаваемая — палитра, с помощью которой художник (а Т.В. ни на секунду не позволяет читателю забыть о том, что она художник в прямом смысле этого слова) пишет свой неповторимый космический пейзаж. Среди деталей картины могут быть и вполне житейские, бытовые — улица, голуби, автобус, но сам пейзаж остается астральным — может быть потому, что виноградская цветопись становится светописью. А может быть, и потому, что во всех стихотворениях ощущаются своего рода «единство перспективы», своеобразная оптика, взгляд «младших богов» и взгляд «Того, кто сочиняет сюжеты».

Остроумие, такт и изящество проявляются в сопряжении бытового и бытийного — на уровне как образного ряда, так и лексического строя (читателя не пугают ни «ржет», ни «вырубается», ни «зафигачить»). Нигде у Т. Виноградовой не встретишь «стёб ради стёба» или подмигивание «своему» читателю. Так — еле заметным нажимом, движением стилия — автор снимает только могущее наметиться у читателя чувство неловкости за то, что его заставили думать о вечном, сокровенном, подлинном. Высоком, наконец. Честность и бесстрашие в отрицании всего сусального, сладенького и красивенького сочетаются с очевидным неприятием всего «пафосного». И эта боязнь пафоса — общая черта «рожденных в СССР». Это — мета поколения, с детства огулашённого громкими словами и чутко ощущающего малейшую фальшь — будь то интонация, слово или образ. Как известно, безотказным лекарством от патетики является ирония. Однако у Виноградовой ирония не переходит в ёрничанье, в ехидство — столь свойственные (чего уж греха таить!) поэтессам. В «Голодных ангелах» слышен голос не поэтессы, но

поэта — умеющего горечь и жёлчь уводить в сострадание, любовь — и восхищение красотой. В стихах — как в душе одной из «негероических героинь» («Маленькая Марта») — есть то самоотречение, само-отстранение, когда самое интимное может быть возведено в ранг общечеловеческого.

Пресловутая интертекстуальность — не проявление самолюбования и не демонстрация эрудиции, но, действительно, тот самый «вторичный язык», язык культуры, который становится сленгом посвящённых, ведущих свой диалог сквозь времена — или поверх времён, поверх всех барьеров. «Уже написан Вертер, между прочим» — тройная цитата в «Грешнице» звучит как строка — не Пастернака, и не В. Катаева, нет: Виноградовой. Так легко и изящно подхватывает она вечную гётевскую тему и — «укладывает» её в свой ритм.

В таком общении с творцами — запросто, как со «своими», — больше уважения, чем в выставляемом напоказ благочестии. Однако не приемлет Т. Виноградова и той «лёгкости», с которой современный мир присваивает высокое, поистине сакральное, — перемалывая, «переваривая» библейские и историко-культурные сюжеты, превращая их в жвачку для толпы, низводя их до слоганов, житейских истин («Павел. Дорога в Дамаск»):

*Павел упрямо идёт
сквозь скрежет и скрип тормозов,
сквозь нимбы рекламных щитов,
возвещающих: «Да любите друг друга!»
(Копирайт: Иисус Назорей,
Редактор: Денница aka Люцифер).*

Эта «невыносимая лёгкость» современной культуры-цивилизации — другой лик пошлости. Пошлости не менее явной, чем ханжеская мораль, чем вкус толпы, не отличающей красоту от красивости. Пошлость, как убедительно доказывает поэт, — это мелкий бес современной цивилизации. Знаковым в сборнике стихов становится образ «золотой девочки», гламурно и безмысленно блещущей в пустом рейсовом автобусе, несущемся сквозь ночь. Именно этот протест против пошлости по-

шлого мира вводит творчество Татьяны Виноградовой в контекст русской литературы, развивающей эту тему — как бы она ни была обозначена: тема гоголевских «мёртвых душ», блоковского «страшного мира», горьковского «мещанства» ... Пожалуй, именно поединок художника с пошлостью можно назвать основным нервом виноградовской поэзии — при всём тематическом разнообразии стихов, вошедших в книгу под дерзким названием «Голодные ангелы».

Татьяна КАЙСАРОВА,
поэт, журналист, критик, художник

ФЛАГ ПОЭТА ПРОЗРАЧЕН

Виноградова Т. Е. Жизнежуть. Союз Литераторов России. Книжная серия «Визитная карточка литератора». М.: Вест-Консалтинг, 2013.

Книжка Татьяны Виноградовой «Жизнежуть», несомненно, её визитная карточка. Она вобрала понятийный, тематический и иные спектры мировосприятия и пристрастий автора (литература, переводы, графика, театр, филология, путешествия). Терминология в поэтических строках не допускает подмены или смещения понятий в явлениях, ситуациях, ссылках. При всём понятийном разнообразии и всеобъемлющей конкретике, это — поэзия чистой воды. Одно из первых стихотворений книги называется «Стать поэтессой» и заканчивается строками:

*О как же сладостно
стать поэтессой, правда!
Но трижды слаще
ею
никогда
не стать.*

Назвать Татьяну Виноградову «поэтессой» мне не позволяет мое протестующее сознание. Конечно же, перед нами талантливый, умный, прекрасно ориентирующий-

ся в культурном пространстве ПОЭТ, всегда имеющий полное представление о предмете повествования, находящий истинные, скрытые смыслы явлений, смелый в суждениях и бесконечно лиричный в передаче человеческих чувств.

В отзыве на книжку-«визитку» я хочу коснуться лишь нескольких тем, затронутых Т. Виноградовой в её произведениях.

Одна из тем, которая волнует многих современных поэтов — тема МОЛЧАНИЯ. Стихотворение об этом (что характерно, без названия), хочется привести целиком:

*В тихом раю слов,
за рекой туманных откровений,
по ту сторону водопадов беспамятства
растёт тёмное Древо Молчания.
В сплетении его корней
слова покоятся
в блаженной немоте, как в колыбели.*

*Порою Древо чуть шелестит
под невесомым ветром.
Но некому услышать
стихотворящий шёпот.*

*Блаженство слова —
неназванным остаться навсегда.*

В молчании, в музыке (так кажется и мне), заключено больше смыслов, чем в словах, ограниченных своим несовершенством.

А вот что Татьяна пишет о словах:

*Флаг поэта прозрачен.
Он никакого цвета.
На нём проступают слова —
не те, которые в СМИ.
Поэт машет флагом, смотрит на мир.
Мир сквозь слова глядит на поэта.*

Здесь видна некая образная поэтическая формула, которую поэт смело перемещает из подсознания в мировое культурное пространство.

Еще одна тема: НЕНАВИСТЬ-ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ.

Стихотворение «Чёрный свет, белая тьма...» начинается с заявления, почти провокационного:

*Чёрный свет, белая тьма.
Разлеглось повсюду отечество.
Родная, чужая, слепая страна, —
кресты, купола, сума да тюрьма...
Я не хочу сойти здесь с ума.
Ненависть к родине — это не лечится...*

Но потом прорывается боль автора за родную страну:

*...Но ведь было! — Серебряный морок берёз,
и над Лизиным прудом — мерцанье стрекоз,
и Татьяна гадала в крещенский мороз,
и сияла вдали Покрова на Нерли...
Что же? Всё под откос?
«Отвали, досвидос»?*

Вспоминаются лермонтовское «Прощай, немытая Россия...», блоковское «и страсть, и ненависть к отчизне»...

*Белоснежная нежная тьма.
Русь моя, где ты? А где я сама?
— Бездорожье. Безвременье. Безнадёга.
И повсюду, повсюду отечество
разлеглось.
Где же к храму дорога?
— Нет ответа. Нет слёз. Досвидос.
Ненависть к родине — это не лечится.*

В подтверждение происходящего распада, размывания основного кода, определяющего понятие Родины (в результате чего и возникает мучительная ненависть-боль) можно отметить и такие стихи, как «Пичалька». Эта сатирическая стилизация, подражание речам примитивно мыслящих просто кричит о разрушении русского языка:

*Приветки!
Печенька? — Нра, насибки.
Вкусняшка. Нра, нра, улыбнуло...
...Ой, котэ какой, няшка, няшка, мимими!
Сфоткаешь?..*

Это даже не сленг, не современные арго-жаргоны, которым российские филологи-слависты уже отводят значительное место в исследованиях и словарях — это иллюстрация бездумной, безумной ломки родного языка, яркая картинка того, чем нынче пополнился словарный запас людоедки Элочки.

Большая проблема, связанная с гастарбайтерами, перенасыщением ими российских городов также близка к теме ненависти-любви к Родине. Вот какую картину создаёт Т. Виноградова в стихотворении «Каждый второй», с ироничным жанроопределяющим подзаголовком «нетолерантный рэп»:

*они сидят на корточках
они курят кальян
и из глаз их глядит великая степь
и каждый второй чингисхан
.....
когда-нибудь они бросят мётлы
лопаты и мастерки
когда-нибудь они покинут подвалы
и встанут с корточек
и выплюнут кальянные мундштуки
и они откроют все двери
все глаза и все книги судеб
и тогда окажется что их больше чем нас
и это их город
а мы неизвестно где...*

Стихотворение «Усыновлённая, удочерённый» предваряет цитата из СМИ: «В США в графе о родителях слова «отец» и «мать» заменены на «родитель 1» и «родитель 2». Во Франции понятия «папа» или «мама» заменили на «родитель А» и «родитель Б», однополым парам разрешили усыновлять детей и регистрировать браки». Строки стихотворения просто кричат о том, что происходит не только с миром, но и с Россией сегодня, а именно — медленное разрушение вековых святынь.

*— Мама, папа, где вы?
Я не знаю, я ваш сын*

*или ваш дочка?
Ребёнок 1 или ребёнок 2?
А можно, я буду просто —
Дитя Человеческое?..*

После философских и сатирических стихов хочется обратиться собственно к лирике — такой проникновенной и порой такой трагичной... Вот фрагмент диптиха, посвящённого ближайшей подруге автора, Марине Бабенко, погибшей в 2011 г. во время теракта в аэропорту Домодедово.

*Медлительно ласкают волны берег,
а между всплесками — такая тишина...
И поздний август с щедростью прощальной
все звёзды лета по небу рассыпал,
и в целом мире
сейчас реально лишь дыханье моря:
чуть слышимый шелест волн,
песка шуршанье
и белой пены призрачный узор.*

*...А рядом
сухие травы пахнут степью
и вечностью.
И кажется, сейчас из этого всего, —
небес и моря,
трав земных и предосенней грусти, —
возникнет музыка...*

Кончается эта идиллическая пейзажная зарисовка неожиданно: «Но нет тебя, мой друг, со мною!». Т.е. человеку для полного «овладения» красотой мира необходим «другой», друг, со-причастник чувств... Лирика в данном случае говорит сама за себя, не требуя разбора. Поэту такого уровня, как Татьяна Виноградова подвластно многое, если не всё, а именно, не только стили написания (верлибр, силлаботоника и др.), но и трансцендентный взгляд на окружающий мир. Остается только пожелать поэту успеха.

Игорь ДУАРДОВИЧ,

литературный критик, заведующий редакцией журнала «Вопросы литературы», ответственный секретарь журнала «Новая Юность»

«ЧЁРНЫЙ СВЕТ, БЕЛАЯ ТЬМА»

Коротко о стихах Татьяны Виноградовой

Побывав как-то на одном вечере Татьяны Виноградовой и послушав, как она «играет» свои верлибры, я вдруг совершенно ясно увидел её лирико-сатирическую направленность, что сегодня, кажется, встречается редко. Таковы общие тенденции. Пишущего качественно, современного, умеющего вскрывать пошлость и по-настоящему остроумного, а в данном случае ещё и «многоуровневого, филологичного и культуроцентричного»¹ лирико-сатирика найти так же невозможно, как и, скажем, профессионального поэта-пародиста, тогда как хорошего лирика — проще. Увы, сатирический и пародийный диалоги в наше время воспринимаются как второстепенные, неблагородные, а то и вовсе как некий пережиток, сегодня они обретаются на паперти поэзии². Именно лирико-сатирическим складом объясняется столь язвительное противостояние «душевного» и «духовного», которое мы наблюдаем в творчестве Виноградовой. В этом смысле характерно уже само название одного из основных, на мой взгляд, сборников — «Голодные ангелы» (2010), где находим такой стихотворный фельетон:

*Золотая девочка сверкает,
озаряя собой пустой автобус,
поигрывает мобильником (разумеется,
со стразами от Swarovski).
Золотая девочка недовольно крутит
маленькой милой головкой,
рассеянно выдувая из очаровательного ротика
пузыри баббл-гама:
— Ну где же, где*

¹ Евгений В. Харитоновъ. Штрих-коды для интеллектуалов. — «НГ Ex Libris» от 13.07.2006.

² См. статью В. Губайловского «Ода пародии». — «Арион» № 2/2014.

толпы восторженных зрителей?!

*(Подружка — серенькая мышка,
водитель автобуса, да я —
сорокалетняя бабуся в дряхлых джинсах —
не в счёт).*

Написано без надутого, мелочного и дёшево возвышающего противопоставления себя, а со зрелой иронией/самоиронией. Автор по-разному испытал жизнь, варился в таком мощном культурном котле, которому можно только позавидовать, и хорошо понимает значение притчи о блудном сыне (Из автобиографии: «Дальше как у всех: теория и практика хиппизма, «Москва — Петушки», Сэллинджеры с Воннегутами да Камю всякие, фотокопия ксерокопии «Доктора Живаго», которую дали на одну ночь...»). Задаваясь какими угодно вопросами, будь то общефилософские, социальные или личные, поэт делает это, говоря на языке «душевного», обыденного, манипулируя сакральным, эксплуатируя его, подвергая сомнению и в конце концов приземляя, как только умеет человек современного мегаполиса. И нужно отдать должное смелости Виноградовой, с которой она работает на столь широкой ниве понятий, ассоциаций и стилей, используя разнообразные источники, как свободно обращается с разной лексикой и знаками, совершенно ничем не брезгуя, будучи готовой бесконечно сталкивать, создавать трение и по-новому окрашивать предметы.

*Павел упрямо идет
сквозь скрежет и скрип тормозов,
сквозь нимбы рекламных щитов,
возвещающих: «Да любите друг друга!»
(Копирайт: Иисус Назарей,
Редактор: Денница aka Люцифер).*

*Павел плевал на редактора и на пепел.
Павел будет любить этот мир,
стиснув зубы.
«Любовь долготерпит».*

Виноградова крайне восприимчива и чувствительна к настоящему времени, её остро волнуют вопросы современности, и она живо на них откликается. Автор не рав-

нодушен ни к проблеме усыновления детей однополыми парами («Усыновлённая, удочерённый»), ни к мигрантам («Каждый второй»), ни к обществу потребления («Старушка и Че Гевара»), ни вот к этому:

Приветки!
Печенька? — Нра, пасибки.
Вкусняшка. Нра, нра, улыбнуло.
Сфоткаешь?
Ой, котэ какой, няшка, няшка, мимими!
Сфоткаешь?
Мася, какой ещё астероид?
Куда-куда летит?
И че, Мася, прям завтра прям?
Пичалька. Сфоткаешь?
Не, а чё?
Да ладно!
Улыбаемся и машем.
Ну, чмоки-чмоки,
споки-ноки.
пока-пока!

(«Пичалька»)

И даже «К вопросу о воззрениях современной теоретической физики на пространственно-временной континуум» кое-что имеется. А в тех же «Голодных ангелах» крайне любопытен «Полемический конспект списка грехов, найденного в Интернете» или «Банальные рифмы. Настоящая таблица», довольно насмешливое «пособие для начинающих силлаботоников романтического толка» (везде курсив автора — И. Д.), но ещё более насмешливым предстаёт стихотворение «Стать поэтессой» в сборнике «Жизнежуть» (2013). Притом, как видно из примера с «Пичалькой», поэт может идти на совершенно отчаянные, кому — снижения, а кому — падения со свистом, полностью порывая с лирическим началом и, казалось бы, выходя за границы привычной эстетики. Это уже сатира без примесей и «по приколу». Вообще примечательно, что для стихов разных лет характерна та или иная степень гражданственности или социальности.

Гетто для новых русских.
И для старых — всё то же гетто.

— Отчаянно зеленеют
ветки обрубленных пней.
...По руинам и пепелищам,
по задворкам чужого Арбата.
— Ах, бросьте нить,
Булат Шалвович —
все гораздо страшней!

Торчит новодел стеклянистый.
Помойки воняют рыбой.
И призраки
не вернутся:
секьюрити не велит.
<...>
...Руины и пепелища.
Катаются дети на роликах.
И во дворе литмузея
харкает пьяный мужик.
А в бледном весеннем небе
висит над Москвой проклятьё:
Спаситель стучится в свой Храм,
но там не нужны бомжи.

(«Весенняя прогулка по Центру», апрель 1998)

Движение в сторону сатиры шло исподволь и продолжается оно до сих пор, поэтому показательны книги — «Голодные ангелы» и «Жизнежуть». Но, конечно, просто назвать Виноградову лирико-сатириком не вполне достаточно, и пусть сатирическое видение как бы преобладает сегодня, но само творчество поэта — некий особый сплав лирики и драмы, что, кстати, видно и в «путевых» стихах, с описаниями мест из путешествий, стихах-травелогах («Санторин»).

Из автобиографии: «А в 20 лет увидела спектакль “Дракон” в Московском театре-студии на Юго-Западе с Авилловым-Ланселотом и была отравлена драматическим искусством на всю оставшуюся жизнь. Потом писала по этому театру диплом, работала там завлитом...» К слову, если знать о театральной увлечённости, о значении театра в судьбе поэта, то можно сделать одно предположение насчет предпочтения верлибра, так как верлибр, он более сценичен, что ли. И не случайно у Виноградовой столько ролевой лирики. Во

многих стихах, как в книге «Уходим в миф» (2005) или в «Голодных ангелах», при построении образа немалая роль отводится драматическому жесту, драматическому искусству, выражению лиро-драматической тональности. Отсюда избыточная описательность, задающая дополнительный ритм («Оливки, древние до одури, до жути, / до страшной, первобытной, вневременной тоски...»), семантический плеоназм, множество анафор (стихи-виньетки). Этим же отчасти объясняется встречающаяся двусмысленность, «вариативность» словосочетаний, особые визуальные решения, которые требуют прочтения с листа. Так, в стихотворении «Ты помнишь / слышишь?...» косою чертой разделены слова, относящиеся к одному образу, но имеющее противоположные значения («шелестит тёмный / бледный огонь», «струи / ветви дерева дождевого») — здесь могли бы стоять союзы «и», «или», ну и просто запятые. «Разделения», как и оксюмороны («осенней весны»), создают впечатление ограниченности средств языка, невозможности передать ощущения доступными словами. Собственно, это то, что можно сыграть. Но сыграть в «театре» Виноградовой, кажется, можно что угодно, и даже простые полиграфические сведения на обложке школьной тетрадки становятся основой для комедийного монолога:

Офис-тетрадь
 Формат А4 (196x284 мм)
 Брошюра на гребне... (курсив автора — И. Д.)
 <...>
 «Я, Альт-Канц-Полиграф Полиграфович
 Кюхельгартен,
 офис-планктон в формате,
 сделанный в России,
 с неограниченным сроком годности
 и без особых условий и правил (хранения),
 на Васильевский остров
 приду...
 для записей.
 — ООО! ООО!
 Все права защищены!
 ООО! 80 листов!».

(«Канц-верлибр»)

В общем, странно, что автор ещё не написал ни одной пьесы. Или всё-таки написал?

160

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Александр ВОЛОВИК

* * *

Маше Панфиловой

Краса из красавиц, поэт из поэтов,
 во всех ипостасях равно хороша...
 Любовь кистепёра, когда без ответа
 (где кисти, там тело, а в перьях — душа,
 парящая в небе). И тучки, как хокку,
 слогами слагаючи слоганы слов,
 на сахар мечты капнут яд (и не только) —
 надежды. Но не потрясти ей основ,
 плодов не стряхнуть на никчёмные строки
 и не прорастить из семян из сухих,
 увя, ни ростка, ибо сорваны сроки...
 Но всё же вне плана рождается стих!
 И, косноязыкий, возносит и славит
 и рифмы, и формы, и платье, и шаг...
 Поэт из поэтов! Краса из красавиц!
 Ах, Маша! Не наша, а как хороша!

В ЧЁМ МОЯ ВЕРА

В чём моя Вера? — проблема не праздная.
 Сразу не скажешь, нужен подход.
 Вера одна. Но иная и разная —
 месяц ли, час ли, неделя ли, год...

Вера ведёт меня жизнью ненастной,
карта и компас, учитель и гид.
Вера бесценная, Вера опасная,
Вера — любви и надежды гибрид.
Вера подобна цветку нераскрытому.
Вера не вещь, но, конечно, в себе.
Не обретёшь её там, за корытами
и не узнаешь в тусклой толпе.
В общем, отбросив житейские мелочи,
честно отвечу, врать не учён:
яркий китайский халатик на Верочке —
вот, моя Вера сегодня в чём!

* * *

Я как в прошедшем — в настоящем,
срывающий настырный будень.
Мне календарная бумажка
пророчит, что со мною будет.
Я ежедневно их срываю:
суббота... вторник... воскресенье...
Ах, я не знаю, я не знаю
их непреклонного решения.
Что — время! Поворот усагый,
минутной стрелки ток песочный...
Батый, сотрудник медсанбата,
усагый Робеспьер порочный...
И улыбнутся дискболы
в экстазе поиска крамолы,
как незлобивый Джугашвили,
которому торпеду вшили.

ЛЮБОВЬ В ГОРОДЕ ЧЕРУСТИ

Дивной ночью лирической в славном городе Черусти
полумесяц холериком прыгал в форточке ню.
А наутро влюблённые перепутали челюсти
в двух стаканах пластмассовых на овальном краю.
А вчера так стремительно начались отношения —
первый танец стеснительный, первый пробный бокал...
И дорожкой лунною со стихами Есенина,
с поцелуями-крыльями — как Шагал к облакам.

Как шагали, как плавали, как летя пируэтами,
излучали сияние, изменяя цвета,
помнит лишь новолуние ослепительно летнее,
моль ночная лиловая да в окне чернота...
Этой ночью несправедной были души изранены
в том любовном полуночном, в том телесном бою.
И рассветные сумерки под мотив Северянина
в тусклой ванной закончились, на овальном краю.

ВЕК СВОБОДЫ НЕ ВИДАТЬ

Я сам по себе и себе на уме.
Терплю похвалы. Игнорирую ругань.
Что плутни и шашни правительства мне! —
Я жизнь ограничил магическим кругом.
Дела мои старческие — легки.
Беззубым дантисты что лысому стрижка.
Я маму лелею. Кропаю стишки.
В картон обуваю кустарные книжки.
Мне времени камни летят в огород —
всё лучшие — наши какие там! — годы.
Беспечно назад и без страха вперёд
гляжу, и вовек не видеть мне свободы.

ДЕКАБРЬ

Осень сгнула; скинула с листьями
и меня в снега декабря.
Сам с собой беседую лично я,
как звезда с звездой говоря.
Ни патетики, ни сарказма,
ни слезы — сколько факт ни жарь.
Я же чайник, как было сказано.
Закипел — заварки не жаль.
Разговор разговор сменяет, но —
самовар самовару рознь.
То-то суетно, то-то маетно,
то-то боязно — не всерьёз.
А кругом дела — настоящие:
Украина бурлит, РФ!..
Мне же — гласные да шипящие
всё мерещатся нараспев.

Хорошо на язык их пробовать
и, приняв коньячка стопарь,
отдыхать душой и утробой
и вдыхать ароматный пар.

ОКАЗАЛОСЬ, БЫЛО НЕЗАЧЕМ

Божеству не нужно языка,
от людей в отличие и зверья.
Математика и музыка —
его проза и поэзия.
Воздух режущего яблока
свист услышит и поймёт оно:
от галактики до бублика
крутят мир законы Ньютона.
Глянув на закат стремительный,
колдовством, типично божовым,
семицветно в небо вытанет
аркансельку — регенбогеном².
Полиглотничает, умное,
не высотками — утёсами.
И приборями — не гимнами —
голосит, простоволосое.
Одному парить невесело.
Долго думало, и вот оно
человечка завело себе
как домашнего животного.
Но они двуполоногие
не его внимают мнению...
Одиночество убогое
не подстать уединению.
И тоскует ту тоску — его
ум — божествен, но и немощен.
Отделил от света тьму, и вот —
оказалось, было незачем.
Оказалось, было незачем.

* * *

Ах, оставьте, какой я поэт!
Я самец, составляющий рифмы.
Когда хочется взвизг или крикнуть,
на листке напишу я сонет.

И в процессе работы поникнут
боль и горечь, и бездна сует.
И — как богом — идеей проникнут,
на мгновение я стану — Поэт.
Подытожу (для самопознания).
Так в единстве души и желанья,
слов, идей и бумажной трухи
возникают непрочные зданья,
неподвижные, как изваянья.
Я считаю, что это стихи...

Александр ОЛЕЙНИКОВ

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА АЛЕКСЕЮ ТОЛСТОМУ

Как я уже писал где-то, я называл себя пасынком пасын-
ка Алексея Толстого поскольку мой отчим Федор Федо-
рович был его пасынком. А в 1957 г., когда мне было 19
лет, в скверике недалеко от Никитских ворот за храмом
Воскресенья был открыт памятник Алексею Толсто-
му работы скульптора Г.И. Мотовилова. И отчим был
приглашен на это мероприятие. Мы пришли втроем —
отчим, мама и я. Открытие выглядело очень торже-
ственно: стоял духовой оркестр, было довольно много на-
роду. Представитель Моссовета, чуть ли не Промыслов, в
длинном габардиновом сером плаще и шляпе такого же
цвета, произнес речь, оркестр сыграл туш и Промыслов
должен был сдернуть с памятника полотняное покры-
вало. Тут произошла некоторая заминка. Дело в том, что
знаменитый писатель изображен сидящим в кресле, за-
кинув ногу на ногу. Тем самым, носок ботинка закинутой
ноги торчит вверх. И покрывало повисло на этом носке.
Чиновник слегка подпрыгивает в своем облачении, но
не достает, оркестр снова играет туш, чтобы заполнить
паузу, сцена безрезультатно повторяется, несознательные
лица из собравшейся публики слегка хихикают. Спасает
положение дирижер оркестра. Он почтительно подходит
к памятнику и своей дирижерской палочкой, которую
держит рукой в белой перчатке, поддевает край покры-
вала, оно падает на землю и оркестр теперь уже очень
одушевленно играет еще раз. После этого вдова писателя
Людмила Толстая приглашает присутствующих в гости

на квартиру, которая находится в пяти минутах на улице, называвшейся в то время улицей Алексея Толстого, а до того и ныне Спиридоновка. И я попадаю в число приглашенных. Большинство я, конечно, не знал, но мне запомнились знаменитый академик П.Л. Капица, которого я уже видел на физфаке МГУ, и не менее знаменитый тенор Иван Козловский. Был организован фуршет, во время которого Иван Козловский даже со мной чокнулся рюмкой коньяка, поскольку по-видимому, больше никого более подходящего поблизости не оказалось, и сказал что-то приятное про молодежь. В более изысканном обществе я, пожалуй, больше никогда в жизни не бывал. Должен признаться, что через некоторое время получилось как-то так, что я нагрубил маме и отчим выгнал меня из дому, на ночь глядя. Походив по улицам, я решил пойти ночевать на лавочке в скверик, где установлен памятник Алексею Толстому. И провел там всю ночь, на лавочке. Все-таки, какой-никакой родственник.

Вячеслав СЫСОЕВ

Слышу выстрел. То зло резвится.
Пуля-дура кого найдёт?
Может зверя, а может птицу..
Или мысли прервёт полёт?

Среди громов,
а уж тем боле в тишине,
Я слышу крик, который в них таится.
Он предназначен всем, не только мне
Его оставила подстреленная птица.

Живёшь, живёшь,
не думаешь о смерти,
А та уж близко,
рядом и раскрыла пасть.
Шипит: «Знай, над тобою жизнь теряет власть».

Услышите её,
вы ей не верьте.

Был молод, рвался в небосвод.
И вот, когда я стар и полн бессилья,
Мне говорят: «Пора в полёт!»
Ну не насмешка ли —
вручили крылья.

Молодость, ты любишь зеркала.
Так чего ж в них чаще не смотреться:
Ты и любопытна, и смела,
Не мешай же радоваться сердцу.

НЕЗНАКОМКЕ

Улыбнулась ты всего лишь
И продолжила свой путь.
Жаль, что миг тот не воротишь
И улыбку не вернуть.

Иногда тревожно станет —
В доме столько темноты.
Вдруг негромко стукнут ставни.
Воры? Ветры?
Но не ты..

Его стихи мне душу обжигают,
Боль заставляет думать и страдать.
Я знаю, будет больно, но опять
Стихи Есенина читаю.

Ночь. Лампы свет.
Я за столом. Пишу рассказ.
Напротив фото.
Мать с меня не сводит глаз.
А в них забота:
«Сын, везде уж свет погас.»
Поспи.
Ты, как дитя, опять сейчас, сейчас...

спину, холеные, не знакомые ни с какой работой руки, подкупающий взгляд карих глаз... Все это, конечно, производило благоприятное впечатление на окружающих, особенно на женщин. А интеллектуальный его багаж, состоящий из нескольких прочитанных в детстве книжек, природной живости ума и прирожденной манерности, вполне мог сойти за образованность. К тому же Цезарь обладал неплохим чувством юмора.

Был у Цезаря роскошный двубортный костюм-тройка цвета маренго. Ткань для костюма и подкладки, а так же «фирменные» пуговицы привезли друзья из города Зугдиди, где в те годы можно было достать кое-какие импортные товары. И те же друзья, в складчину, оплатили пошив у лучшего закройщика в городе, иммигранта из Марселя, Андроника, трудившегося в престижном ателье «Интуриста». По самым модным французским лекалам. В этом костюме Цезарь смотрелся еще и состоятельным человеком. Когда Цезаря знакомили с новыми для него людьми, вел он себя, как правило, доброжелательно, элегантно целовал дамам руки, к мужчинам же обращался не иначе, как — Сударь. Сам представлялся скромно, как бы немного стесняясь

— Цезари я, от княжеских рода Татиани. — Произнося имя свое именно так, с буквой «И» на конце, в грузинской транскрипции. Часто добавляя: — От тот самих Татиани.

Вопросы о роде занятий владетельного князя Цезарь не любил. И отвечал обычно уклончиво. То он оказывался тренером сборной СССР по альпинизму, то уполномоченным комиссаром ЦК Компартии в Грузинском морском пароходстве. В отпуске, в данный момент А иногда, напустив на себя важный, загадочный вид, намекал, что он «боец тихого фронта», на лечении, по причине серьезного ранения при выполнении особо секретного правительственного задания.

На самом деле Цезарь Татиани был, применяя юридический термин советского периода, злостным тунеядцем (то есть человеком никогда и нигде не работавшим), и

профессиональным «шарапистом».

Как-то я невольно подслушал разговор местного жителя и гостя республики. На вопрос, что такое — шарапист, абориген ответил просто — выпивоха. Вмешиваться в разговор незнакомых людей я посчитал бестактностью, и промолчал. Но ответ моего земляка был неверен. Этот термин, я думаю, нуждается в более подробном рассмотрении и в более четком определении.

Кто такой — «выпивоха»? Можно сказать — человек, всегда готовый выпить, в любой компании, по поводу и без повода, но желательно не в одиночестве. Часто выпивающий, но могущий обойтись без выпивки. То есть испытывающий влечение, тягу к спиртному, но в отличие от алкоголика, не болезненную.

А что такое — «шарапист»? Это, безусловно, явление! Конечно, шарапист — тоже поклонник Бахуса. Но его интересы лежат совсем в другой, гораздо более высокой, даже интеллектуальной, можно сказать, плоскости человеческого бытия. Ибо он еще и ценитель, своего рода социальный эксперт застолья. Он — эпикуреец, прекрасно разбирающийся в вине и знающий толк в гастрономических изысках. Ему явно не безразлична компания за столом, ибо высшее наслаждение и сокровенный смысл застолья для шараписта — это искусство винопития, в самой возвышенной его форме. Это знание традиций, умение произносить (и выслушивать) витиеватые, порой и замысловатые тосты.

И, конечно, уклад жизни в нашем маленьком, уютном южном городе, помноженный на древние традиции гостеприимства и хлебосольства, был исключительно благодатен для таких «специалистов», как Цезарь Татиани. Стоило только нашему герою появиться в зоне визуальной доступности любого питейного заведения, коих множество имелось в разных частях города, как тут же выслаались гонцы от той или иной компании. С убедительной просьбой к Цезарю уважить земляков и принять участие в застолье.

Так что все в городе знали; если кому-то срочно понадобился Цезарь, искать его надо в одной из «точек» городского общепита. Ну, или в домах, где справляли свадьбы, отмечали дни рождения или сороковины. Или на чьих-то поминках. Там, где нельзя было обойтись без велере-

чивого тамады, большому, к тому же знатоку традиций и церемониалов.

В общем, был Цезарь Татиани личностью известной, знаковой, можно сказать, и востребованной. И ничего не нарушало привычного, порой эмоционально насыщенного, но в целом спокойного ритма его жизни.

Но, как гласит народная мудрость: «Ничто не вечно под луной»!

На городском стадионе, во время футбольного матча, к Цезарю подсел дальний родственник, инструктор отдела административных органов обкома партии.

— Цезарь, дорогой, ты знаешь, как все тебя любят и ценят! Но, к сожалению, на нас очень давят из Москвы и Тбилиси. Проводится очередная кампания по искоренению тунеядства. Извини, но весь город знает, что ты за всю свою жизнь, даже в родительском доме, не вбил ни одного гвоздя в стену. Это, если образно выразиться.

Короче говоря, ни я, никто из нашей родни или друзей, не в состоянии больше тебя прикрывать. Завтра подойдешь к директору театра, он тебя оформит на должность звукорежиссера. Договоренность есть. Работа — «не пыльная», и согласись, звучит тоже солидно.

И понял Цезарь, что — ВСЕ! Баста. Ничего с этим уже не поделаешь.

И пошел Цезарь к директору театра.

И приняли Цезаря на ответственную, звучную должность — звукорежиссер.

И назначили Цезарю не самую худшую для советского трудящегося зарплату — восемьдесят шесть рублей ноль, ноль копеек, из которых на руки, после вычета налогов, новоиспеченный звукорежиссер должен был получать шестьдесят шесть рублей двадцать три копейки. В те давние времена на эти деньги компания из шести-восьми человек могла славно покутить в любом из местных ресторанов.

Так что вполне естественно, забегая вперед, что первую зарплату Цезарь с друзьями прокутил.

Работа действительно оказалось «не пыльной». График

посещения был щадящим, никто не требовал постоянного нахождения на службе. В подчинении у звукорежиссера был техник-связист Гена, глуховатый, всегда в легком подпитии, но исполнительный пенсионер, отставной боцман Черноморского флота. И два громоздких магнитофона МАГ-8 с набором катушек, на которых была записана музыка к спектаклям.

В репертуаре театра было несколько давно поставленных, хорошо известных горожанам спектаклей. Так что давали их редко и без аншлагов.

Известие, что придется возить спектакли в сельские Дома Культуры, вначале испортило Цезарю настроение. Перспектива поездок в старом, пытящем и скрипящем автобусе по разбитым дорогам, радости не прибавляло. Но потом выяснилось, что сельские дороги, в целом, не такие уж и плохие. К тому же, и это оказалось для Цезаря приятным сюрпризом, любой уважающий себя сельский руководитель, а их было подавляющее большинство, считал для себя честью оказать столичным артистам радушный и достойный прием. А значит, после каждого спектакля «на выезде» труппу ждало застолье, в соответствии с лучшими традициями сельского гостеприимства.

И каждый новый такой банкет давал неограниченные возможности Цезарю проявить недюжинный свой талант опытного шараписта.

Вскоре разнесло сарафанное радио по республике, по всем ее пределам, новость. Что якобы по специальному распоряжению областного комитета партии и Министерства культуры, Государственный драматический театр пригласил в штат специалиста по изучению традиций застолья. И что уникальный этот специалист выезжает с труппой театра в сельскую местность и проводит своего рода мастер-классы правильного традиционного винопития, виночерпия и тамадовства.

И проснулся Цезарь, в одно прекрасное утро, знаменитым! Уже на территории всей республики, а не только столичного града.

А в республике появилась новая, специфическая разновидность социалистического соревнования. Заклучалась

она, в отличие от привычных, официальных, не в росте «показателей», не в процентах увеличения урожайности сельхозкультур, или дополнительно изготовленных, скажем, прокладок для газовых баллонов. Нет! Смысл состоял в оперативном заманивании в сельскую местность, в тот или иной Дом культуры, труппы драмтеатра, а вернее, прикрепленного к театру уникального специалиста. Необходимо было поразить того уровнем и качеством банкета, в надежде, что он, специалист, особо отметит в своем будущем докладе достижения местного населения и, естественно, руководства. В лице председателя сельсовета, директора совхоза или правления колхоза. Особо выделив секретаря партийной ячейки. Ибо, как бы там не было, партия всегда — наш рулевой! Во всех, во всех начинаниях!

И закрутилось колесо! Пришел в действие сложный соревновательный механизм, насыщенный изобретательством его организаторов и участников. Процесс, включивший в себя элементы комедии, детектива и триллера одновременно.

Конкурс, где призом был «специалист» Цезарь Татиани и полусекретные, загадочные его полномочия, сулившие, возможно, славу, признание и карьерный рост кому-то из сельского руководства. Ведь пределом мечтаний для каждого из них было попасть в городскую номенклатуру, получить кабинет, портфель и персональное легковое авто. Желательно строгого черного цвета со сверкающими хромированными деталями экстерьера. В отличие от ржавых, рассыпающихся на ходу старых «Козликов», имеющихся в некоторых совхозах и колхозах.

Итак, наступил «звездный час» нашего героя. И не было предела фантазии сельских руководителей, придумывающих поводы для очередного приглашения выездной театральной труппы. То знакомили народ со славной революционной историей края, через соответствующие спектакли. То боролись с религиозными предрассудками отдельных несознательных сельских жителей. Опять же с помощью театрального искусства.

И всерьез утверждали, что марксистско-ленинская идеология, распространяясь через культуру на селе, воздей-

ствуют и на природу, вызывая увеличение урожайности. Неважно, кукурузы, чайного листа или табака. А уж как благотворно действует высокий уровень культуры на виноградную лозу!

Столы ломались от изобилия, вино лилось рекой и всегда главной фигурой, звездой застолий был несравненный Цезарь.

Порой артистов не отпускали из того или иного села по нескольку дней. И провожали принадлежащий театру старый автобус в соответствии с традициями, с песнями и подносами с бокалами вина и закуской. Предварительно затарив заднюю часть салона пакетами и сумками с провизией. На дорожку, так сказать.

Не зная как задобрить лично Цезаря, некоторые, особо «шустрые» сельские чиновники пытались незаметно вложить в карманы своего кумира конверты с дензнаками. Но у Татиани были свои понятия о чести. И надо отдать нашему герою должное, конверты с деньгами всегда отводились решительной его рукой.

Шло время, урожайность не увеличивалась, наоборот, виноградные плантации поразил завезенный вредитель, нанеся им внушительный урон. Да и предрассудки никуда не исчезли.

Но самое главное, никто не спешил повышать в должности председателей колхозов и сельских партийных секретарей, никто не вызывал их в город, так сказать «на ковер», предлагая высокие заманчивые посты.

И достаточно скоро, определенная часть населения республики потеряла интерес к личности Цезаря Татиани, да и к театральному искусству в целом.

Но свернуть полностью программу повышения идейного и культурного уровня населения никто не мог, посему театр продолжал разъезжать с гастрольями по республике. Правда, не так часто, как раньше. Да и уровень внимания к труппе в селах стал, если говорить мягко, несколько иным. Конечно, голодными артистов никто не оставлял, но «встречающая сторона», как правило, теперь отделялась очень уж скромными обедами или ужинами.

Это угнетало Цезаря, ибо не находила выхода бурлящая внутри него мощная и креативная энергия застольного

общения. Ставшая привычной и обязательной, важной частью его жизни.

И наш герой начал «киснуть». Стали посещать его странные мысли о смысле жизни, о земном предназначении конкретных человеческих существ, о загадочных передвижениях по ночному небу далеких звезд и прочих метеороидов.

Все реже и реже облачался Цезарь в свой роскошный костюм-тройку цвета маренго. А порой, о, ужас, наблюдали горожане нашего героя небритым.

И выражать свои мысли он стал по иному, облачая их в форму неких философских тезисов. К примеру, однажды многозначительно заявил: — «Человечески жизнь, это как будто едешь на один поезд, но все время на разный вагоне. На плацкарте, на жестоком или на мягкий купе!» Однажды, после выездного спектакля, когда члены труппы, в ожидании скромного ужина, собирали нехитрый свой реквизит, в дверь служебной комнаты постучали.

— Судьба пришел! — Многозначительно произнес Цезарь. — Захади.

В комнату вошел, вернее с трудом протиснулся в узкую дверь, огромный дядька в военной гимнастерке, на которую было натянуто модное импортное лайковое пальто, в сапогах и шапочке-сванке.

— Татиани хачу. — Сочным баритоном изрек гость.

Выяснив, кто же именно в этой комнате Татиани, с широкой улыбкой заключил того в объятия, оторвав в порыве радости от земли и продолжая тискать.

— Цезари, чким джима! Ма холё Татиани ворек! (Цезарь, мой брат! Я тоже Татиани)! — Восторженно повторял незнакомец по-мегрельски.

— Короче, ребята, сейчас садимся на вашу автобусе и едем ко мне домой. Нас ждут!

У родственника в соседнем селе оказался прекрасный двухэтажный дом внушительных габаритов, ухоженный огромный двор с летней кухней-апацхой и массой хозяйственных построек.

В «зале» первого этажа был накрыт праздничный, по сути, стол, ломившийся от яств. Гостей действительно ждали. Как принято в селах, хозяин пригласил своих со-

седей, среди которых было много пожилых, убеленных сединами, уважаемых людей.

В глазах Цезаря снова разгорелся былой огонь восторга и предвкушения. У него опять появилось достойная возможность показать высший класс, восстановить свой статус-кво шарापиста высочайшей пробы. Тем более, что опытные, знающие традиции, пожилые селяне были для Цезаря самой строгой, но и самой почетной, желанной категорией слушателей и судей.

Хозяин дома церемонно представил гостям уважаемого потомка славного княжеского рода, того же, от которого происходил и сам он, затем Цезаря с почетом усадили во главу стола и настоятельно, крайне уважительно попросили возглавить застолье.

И наш герой в грязь лицом не ударил.

Чувство радостного возбуждения от востребованности и ответственности за столь высокое доверие, стимулировало Цезаря, помогая ему быть на высоте. Изобретательность, велеречивость, виртуозные словесные импровизации на фоне великолепного знания традиций, прекрасное чувство юмора тамады покорили гостей.

— Что я вам гавориль!!! — Только успевал повторять растроганный хозяин дома.

— Эсть великий наука называется генетика! И кровь наши княжеский голубой никауда не спрячешь!

Застолье затянулось до глубокой ночи. Потом были торжественные прощания соседей, потом дорогих гостей уложили спать.

«Завтрак» естественно перетек в обед. Провожали автобус уже вечером, в полном соответствии с законами гостеприимства, затарив, как это было в добрые старые времена, гостей продуктами и вином.

— Ты — Татиани Цезарь, я — Татиани Ражден! — Торжественно напутствовал гостя новый родственник.

— А значит, мой дом — твой дом! И для меня твои друзья и коллеги всегда желанные гости, в любое время

дня и ночи! Помни об этом всегда! — Повторял он по-мегрельски.

Тем временем «звездный час» нашего героя и в городе потихоньку угасал, погружаясь в туман прошлого. Так что вспомнил Цезарь о новом своем хлебосольном родственнике очень скоро. Через неделю.

Две легковушки, пыля, лихо подкатили к дому Раждена, отчаянно сигналив и пугая хозяйских коров, лениво пощипывающих травку перед воротами.

За хозяином дома, работавшим на винограднике, снарядили гонца.

И снова забегали, засуетились все женщины в доме, а сам хозяин, переодевшись в одежду, соответствующую праздничному событию, пошел обходить соседские дома. Сзывая уважаемых людей на застолье.

Цезарь, как всегда, с привычным огоньком в глазах, был душою общества и блестяще «провел» стол. Как и в прошлый раз, дорогих гостей долго не хотели отпускать. Растроганный тамада облобызал всех присутствующих и прослезился, видимо от умиления. И на обратном пути, в автомобиле, не устал славить небеса, ниспославшие ему таких прекрасных родственников.

Город потихоньку погружался в мягкую комфортную «спячку», наступавшую обычно с завершением курортного сезона. Разъезжались веселые, шумные, любопытные и доверчивые «курортники». Повсеместно дозревал виноград, фиолетово-синие и янтарные кисти пригибали гибкую лозу к земле, а в воздухе, над виноградниками плавал густой, терпкий, пьянящий аромат. Скоро, совсем скоро, начнется сбор пахучих этих, волшебных ягод и грядет, повторяющееся уже столетия, каждую осень, таинство рождения молодого вина.

И во всех селах гордые и счастливые крестьяне будут славить, согласно вековым традициям, небесных своих покровителей.

Но это произойдет немного позднее, может через две недели, а может и через три.

Душа же Цезаря металась сейчас, нетерпеливая и от того возмущенная, внутри телесной оболочки потомка княже-

ского рода, доставляя ему неудобства и дискомфорт. Душе хотелось, образно говоря, петь от счастья, а говоря проще, «тамадить» на хорошем застолье. Цезарь пытался ее, душу, робко утихомирить, успокоить, научить терпению и заставить ждать лучших времен. Но потом понял, речь ведь идет о его душе, и решил, что настаивать и убеждать самое себя, сущность свою — самому же во вред.

И Цезарь сделал вид, что сдался.

И объявил друзьям ближайшим своим, что тоскует он очень по родне своей новой. Особенно, как он сказал, ночами совсем невмоготу.

И снова два автомобиля «припылили» из города к тому же самому сельскому дому.

Хозяин оказался на месте. Глаза его полезли на лоб, узрев веселую (и голодную) компанию, приближающуюся к воротам, во главе которой чинно вышагивал Цезарь с руками, разведенными для объятий. С трудом натянув на лицо подобие улыбки, Ражден достаточно вяло облобызал дорогого гостя.

На этот раз соседей не созывали, да и стол накрыли не в зале, а в летней кухне-апацхе. И угощенье оказалось гораздо скромнее, чем в прошлые разы.

Прошлогоднее вино Раждена давно было выпито. Посему отрядили сына с запиской к одному из соседей. Минут через двадцать мальчик принес кувшин теплого и кислого, как укус, белого вина. На компанию этого было явно мало. Хозяин потер переносицу, покряхтел почему-то и удалился в дом. Вернулся с двумя запыленными бутылками виноградной водки, запечатанными кукурузными початками. Чача оказалась высокой степени очистки, то есть «тянула» градусов на восемьдесят. Видимо в доме ее хранили, как спирт, для медицинских целей. Своим качеством и крепостью она немного «подсластила» впечатление от прокисшего соседского вина.

Но даже и она не смогла разогнать тревожное предчувствие, туман какой-то энергетический, витавший в тот вечер над сельской апацхой. И все, в той или иной степени его почувствовали. Все, кроме Цезаря.

И совсем скоро стало понятно, предчувствие чего случилось в тот вечер в сердца почти всех гостей.

Тоска же, как оказалось, стала есть Цезаря «поедом», причем не только ночами но, что примечательно, и в дневные часы. И почувствовал он острую необходимость припасть к широкой груди своего родственника, брата, по сути, Раждена Татиани.

Ражден чинил калитку, когда из автомобилей высыпала личная гвардия Цезаря, во главе с самим Генералиссимусом Бахусовых войск, отпрыском князей Татиани.

Ослепительная услужливо-восторженная улыбка на аристократически утонченном лице, вкупе с радостно разведенными для объятий руками гласила — «Здравствуй брат мой любимый, светлейший князь Ражден Татиани!»

Хозяин дома сначала как будто окаменел, потом у него отвисла челюсть... и вдруг он, резво, слишком резво для столь крупного мужчины, побежал в сторону приехавших людей.

— Не Татиани я и совсем не твой брат! Не брат и не Татиани! Ты слышишь? — Истерически орал Ражден по-мегрельски. — Деда вагире, вай мэ, вай мэ (набор междометий) — добавляя по-грузински.

И громко, как паровоз, заверещал Ражден на бегу, перейдя уже на русский.

— Что я натворил, что я натворил! Пусть моя гроби на зале мой дому поставят. Пачему он взиял эта мой дэньги проклиатий?

Процессия в недоумении остановилась.

— Нам пара? (Какие деньги) — моментально отреагировал Цезарь на столь милое сердцу слово.

— Да тот самый, — подбежав, продолжал шуметь Ражден, — каторий я взиятку дал старшина кагда меня из армии атпускали я просил напиши мне памалия Татиани очень меня хател княижески памалия имет. Тебя ведь разница нет. Он правда написал. И дэньги взиял. Ви понимаеш НЕ ТАТИАНИ Я не твой родственник а совсем другой отцовски памалия имею. Астави меня в покое умалиаю.

Тут вообще произошло невообразимое. Огромный дядька, в выцветшей военной гимнастерке, гаулифе и в узких «азиатских» калошах, вдруг разрыдался. Опустился на

колени, разведя, несколько театрально, в стороны, свои руки. И застыл, как гранитное надгробье. Только из глаз его продолжали предательски вытекать слезинки.

Длительное время будоражила эта история сонный зимний город. В устах же завсегдатаев кофейни «Брежаловка», обростала она все новыми и новыми подробностями, становясь все более изощренной и совсем уж фантастической.

Цезарь же какое-то время очень грустил и делал вид, что неприятно вспоминать ему произошедший инцидент. И только очень редко, будучи в хорошем настроении после удавшегося застолья, якобы только по настоятельным просьбам друзей, нарушал молчание. Подняв руку, дождавшись полной тишины, с горечью в голосе вещал:

— Патериал я брату!

Присутствующие картинно вопрошали — Что, кто-то умер?!

— Нет, но можно сказать, что умер человек, каторому я считал как брату! Абидел меня это человек. Мой памалия присвоиль. Думал я тот день, не удержусь, ударю ему ногой, капитом своим, потом ваздержался, он же на колени стаял. А какой княиз на колени встанет? Пониаал я — не мой эта порода! А еще я капито пожалел, я же апстрийски тупли адетий имею, дарагой обувь! Плянуул я и прастил его.

(Под словом — копыто — произнесенным с акцентом, мягко, Цезарь имел в виду, я думаю, каблук. И конечно, не рассказывал он, какого было получить, неожиданно, от ворот поворот, и возвратиться в город «не солоно хлебавши»).

За окном трижды пропел мудреный автомобильный клаксон. Андрею пора было отбывать в Сухум. Все хорошее и приятное когда-нибудь заканчивается.

Они с Нури обнялись, и хозяин дома пошел провожать гостя к ожидавшей машине.

На город к тому времени опустилась ночь. Яркие южные звезды щедро усыпали иссиня-черное небо и висели, казалось, низко-низко.

Константин ШАПОВАЛОВ

* * *

Мне не хватает нежности твоей.
Так лес весной без соловьиной трели,
И до зари на скомканной постели
Ночует грусть в безмолвии теней.
Твои цветы у мая на окне,
Мерцает блик в большом стакане чая,
В котором ложка океан качает,
Мешая боль, осевшую на дне.
Ну отзовись, восстань из немоты!
Втекая в русла всех сердечных токов,
Дай окунуться в радостных потоках,
Рождающих любимые черты.
И песни воспаряющий крыла
Порыв нырнет сквозь грозовые тучи,
Как утешение седой и невезучей
Душе в ночи сгорающей дотла.

* * *

Любовь, спаси от колдовства:
Весенний свет мне душу выжиг,
И первый лист, и ветер ближе
В бесплотных поисках родства.
Запеленай меня в мечты,
В садах, цветущих как и прежде,
Пусть очертания надежды
Сквозят сквозь лики красоты.
Как дивен лад твоих чудес,
Ему душа с улыбкой внемлет,
И ждет родства, и мир объемлет,
Где каждый для любви воскрес.

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

Ходит Лазарь по дому, не спится,
Все никак в окне не рассветает;
То промчится мимо колесница,
То в саду безумный пес залает.
Все никак знаменье не приснится,

Все душа тоскует и хворает.
«Приходи, Господь, в мою отчизну
Преломить хлеба и справить тризну».
Тишина. Дыхание заботы
Лишь Марии с Марфою лучится.
«Погоди мой Лазарь до субботы,
Погоди, да что-нибудь случится!
Каждый день недели для работы,
Чтобы перед Богом отличится.
Позабудь свои ты опасения,
А субботу приготовь для воскресения».

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Дождь барабанил целый день,
Зиме не отчитавшись в сроках.
Шла, не отбрасывая тень,
Весна в проказе и пороках.
Как-будто древний черный мор
Валила с ног людей простуда,
И длился страшный приговор,
Тянулось ожиданье чуда.
Предстань, молю, далекий Друг,
Я в немощи и предан страху.
О, исцели же сей недуг,
Иль приведи меня на плаху.
Пусть льется свет у этих мест.
И Он, не ведая причину,
С улыбкой поднимает крест
В любви своей неизлечимой.

* * *

Ангел мой, где крылья бросил?
Ходишь ты понурый что?
Снились мне сто сорок восемь
Звезд, упавших в решето.
Все как угольки живые,
Как глаза твои. И перст
Им указывал на нивы
И располагал окрест.
Не броди среди излучин,

Там в гряде далеких гор
С божьим миром неразлучен
Царственно стоит Фавор.
Осияй мои печали,
За безмолвие прости.
Всех грехов в такие дали
Одному не унести.
Ангел мой, сегодня всходы
Звезд появятся в окне.
Будут рыбой полны воды,
Будем мы наедине
Диск лучистый и прекрасный
Зреть в полуночной тиши.
Ангел мой земной и ясный,
Тихий свет моей души.

Ирина АРТАМОНОВА

* * *

Желания, намеренья, свершения...
Какие разные, по существу, слова!
Свершаются желанья, к сожалению,
Не так, как хочется и только иногда...

ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ

Была сухой и тёплой ночь пасхальная.
И крестный ход светящейся змеёй
Вкруг каждой церкви с песней величальнойю
Струился медленно... А над Землёй
Сияли звёзды, той молитве внемля
И радуясь явлению Христа
Народу своему... И время
Остановилось, будто. А уста
Шептали радостной молитвы слово:
Христос воскрес! Он воскресил снова!

ВЕСЕННИЕ СТРОЧКИ

172 Вчера, порою, дождик моросил,
И ветерок, насколько было сил,
Трепал деревья... А сегодня жарко,

И солнце светит весело и ярко
С небес безоблачных... Цветёт,
Что только может и умеет —
Рябина, жимолость, белеет
Цвет яблонь диких сквозь кусты,
И белый ландыш зацветает...
Огромны лопуха листы.
Так всё вокруг благоухает,
И всё старательно растёт
В лесу, в полях, в садах и парках...
Сегодня солнечно и жарко.

ПЕСНЯ

Лес ты мой, зелёный,
Лес ты мой, любимый!
Вдоль тропинки ели,
Над оврагом ивы.
Белые берёзы
Кудри распустили.
Минули морозы.
Лес дожди умыли,
Солнышко согрело.
Травка молодая
Лист укрыла прелый.
Благодать, какая!
Ветерок ласкает
Каждую былинку.
Лес благоухает...
Выберу тропинку
И пойду неспешно
По планете вешней
Шёлковыми травами,
Рощами, дубравами...

Олег ГОНТАРЕВ

САНАТОРИЙ С БЕЛКАМИ

В этом номере класса «стандарт», обычном двухкомнатном номере, кроме телевизора в стенке, в зале стоя-

ла еще мягкая светло-зеленая мебель. В соседней спальне уютно расположились две односпальные кровати и две прикроватные тумбочки. Спальня была совмещена с небольшой кладовкой, а по сути — маленькой комнаткой с прихожей по одной стене, полками для постельных принадлежностей — по другой и зеркалом с небольшой полочкой, очевидно, для женских надобностей — по третьей. Здесь было замечательно лежать на плюшевом покрывале, тихонько прикасаясь рукой к любимой женщине и перешептываться с ней о чем-то нежном, светлом и свежем, как летний санаторный воздух за окном.

Окружающая обстановка активно способствовала их романтическому настроению. Второй половины уральского августа, нетронутого соснового бора в десяти метрах от корпуса и всего остального здесь было вполне достаточно для одного счастья на двоих. Правда, в номере стояли две односпальных кровати, вместо одной двуспальной, но фактически это ничему не мешало.

— Чего хочет мужчина? — в голосе Ольги зазвучали игривые нотки. Вместо ответа Виктор повернулся в ее сторону, освобождая любимой половину своей кровати:

— Оля, иди сюда...

Спустя несколько часов, они вышли на улицу. Воздух начинал темнеть и сгущаться.

— Ой, смотри! — женщина взяла его за руку. — Белка! К нам бежит! Есть у тебя что-нибудь ее угостить?

— Здесь белки умные, — раздался рядом мужской голос.

— Им уже только семечки или орешки подавай. Я тут одной, что прямо на грудь ко мне по брюкам залезла, хотела печенья раскрошенного дать. Не стала есть, убежала.

— А комары тут! — Виктор трижды хлопнул себя по руке.

— Смотри, Оля! Огромные, как лошади и летают, кстати, табунами! И сюда же добавить злость их собачью!

— Пойдем домой лучше, — женщина прижалась плечом к его плечу. — В номере хоть какое-то спасение от этих иродов рода санаторного, может, найдется.

В корпусе звон летающих вампиров хотя и значительно ослабел, но всё-таки остался.

— Не дадут они нам обняться! — женщина хлопнула в воздухе в ладоши. — Один есть! Ах, его уже нет! Давай сначала их всех переколотим!

— Нет, — он шагнул к открытой балконной двери. — Сначала — это закрыть. А дальше — в его руках оказалась сложенная в несколько раз старая газета, он прыгнул и громко хлопнул ею по стене — вот это! Почти как в волейбол играю! Только без мяча и соперника.

— А я, как соперник, уже не гожусь, что ли? — она тоже хлопнула газетой по стене. — Один-один!

Спустя несколько минут прыжков и хлопков они, смеясь, опустили на одну из двух кроватей.

— И кто — кого у нас сегодня? — он снял футболку.

— Победила дружба? — она, придерживая, расстегнула бюстгалтер. — Я в душ!

— Победила любовь! — он поднял указательный палец. — Я — с тобой!

На темном потолке номера оживали серые тени ветвей деревьев в свете редких автомобильных фар. Ночное видео сопровождалось шорохом темных ветвей первозданного бора. Белые облака на фиолетовом небе играли в догонялки со звездами, а те, хитро подмигивая, словно дразнили небесных странников:

— Поймай меня! Ах, ну да! Конечно! Пока ты — молодец! А дальше? Смотри. Ты улетаешь, а я остаюсь! И чья, в итоге, взяла?

— Оля, спишь? — Виктор шепотом позвал женщину. — Иди сюда!..

— А ты сам как думаешь? — она обвила его шею горячими руками, — можно ли спать в такую ночь? Подожди. Тихо. Слушай. Звенит здесь комар хоть один?

— Здорово мы повоевали! А теперь я больше не желаю ничего знать! — и он устами нащупал ее уста.

Книги Виктора были хорошо известны в столичных литературных кругах. И конечно, без сумки с его литературой его внешность никто не мог себе представить. Вот и в санаторий он взял с собой два самых свежих своих издания.

— Вон к той паре, — он указал взглядом на мужчину с

женщиной лет тридцати пяти — сорока в окружении троих детей — давай подойдем? Книгу мою предложим хоть одну. Здесь у всех, по-моему, карманные деньги есть в некотором количестве.

— Идем, — ответила его спутница. — Мне тоже интересно стало, дети — это все трое — их?

— Добрый день! — Виктор подошел к резной деревянной скамье, на одном конце которой сидел вырезанный вместе со скамьей старичок-лесовичок, с большой грибной шляпой на голове, большими добрыми глазами, с бородой до пояса и основательной суковатой тростью в руке. Рядом с фигурой старичка сидела женщина лет тридцати пяти, с детской коляской. В коляске спал ребенок нескольких месяцев, по шляпе резного деда лезла его старшая сестра, очевидно лет трех-четырёх, а чуть поодаль носился средний братишка, лет двух от роду.

— Книжки о любви читаем? — Виктор показал свой сборник.

— Если нет там секса или эротики, знаете, как это везде сейчас, то очень даже читаем, — ответила женщина.

Вместо ответа брови Виктора от удивления поползли вверх.

— Не удивляйтесь, — ответила женщина. — Сейчас ведь секс этот с эротикой — на каждом углу. Детей только мало. А почему? Все думают. О здоровье своем, и детей своих. А думать надо, для начала, с кем, как и для чего этот самый секс происходит. Мы с мужем оба воцерковленные. Всякие контрацептивы — это грех большой. Поэтому у нас, пока молодые — плюс один год жизни и плюс один ребенок. А вы здесь давно? Нравится ли?

— Завтра уже домой. На четыре ночи сюда. Пока посмотреть нам захотелось, как тут и что. Понравилось. Следующим летом, будем живы-здоровы, еще приедем, уже дней на десять.

Утром следующего дня они сдавали сотрудникам санатория ключи от номера. В полосатой палатке неподалеку торговали разными санаторными сувенирами. Виктор купил магнит на холодильник, где была изображена эмблема санатория. Под радугой красовались зеленые треугольники елей, а внизу рыжей молнией летела белка.

Лидия ОГАНЕСЯН

НА ФЛОРЕНТИЙСКОЙ МОСТОВОЙ

(поэма)

По этой мостовой, а может быть, по той шел Данте, опечаленный потерей, и в башню поднимаясь лестницей крутой, он был ошеломлен, разбит, растерян. Он был почти убит. Так, словно жизни нить вдруг лопнула. И смерть закрыла двери. И как теперь в житейском море плыть, не знал он. И в судьбу уже не верил. Не дал ему Господь заснуть в тот самый миг, когда забрал ее в свои чертоги. Но дал слова, чтобы безмолвный крик в стихи отлил, и встречу на пороге небесных сфер оставил он ему, и голос милой, что манил во тьму.

Услышав голос, Данте, словно тень, пошел туда, где не наступит день. Прожив полжизни, брел он, как слепец, и в лес дремучий вышел наконец.

Лес страшен был. Хотелось повернуть в свой мир, такой знакомый и привычный, но голос звал продолжить трудный путь, и проводник был дан ему отличный. Вергилий знал, что послан свыше был поэта провести тропой неторной. Но, прежде чем блаженство заслужить, он должен в ад проследовать покорно, чтоб рассказать о том, что за чертой, призвав талант, подобный вольной птице, ну а блаженство — это встреча с той, что заставляет сердце чаще биться.

Возможно ль это? Жизни посреди уже не ждал поэт таких подарков. В мечтаниях он видел впереди

лишь смерть свою отчетливо и ярко.
И лишь она могла соединить
его с возлюбленною. Но уж если Богу
дано хоть на мгновенье эту нить
связать, то он пускается в дорогу.

И он идет с Вергилием вперед
сквозь стоны, плач, страдания и боли.
Вокруг него пороков хоровод
кружит, и состраданием поневоле
к несчастным проникается поэт,
будь страстотерпец это иль ленивец,
чревоугодник или же гордец,
скупец скарденый или же мздоимец —
все пребывают в муках и грехах
и на поэта навевают страх.

Дойдя до дна и не найдя отрады,
они к чистилишу идут и рады,
что ад уже остался позади.
И поводырь подбадривает взглядом —
желанная награда впереди.
На входе Ангел Данте пропуская,
мечом на лбу семь знаков начертал,
но с каждым кругом знак один растает,
чтобы поэт в безгрешности предстал
перед вратами рая. А дотопе
ему нелегкий предстоит подъем,
но рядом друг. Ему достанет воли.
И будет легче путь пройти вдвоем.

Здесь грешники с надеждой смотрят в небо,
чтоб сбросить груз земных своих грехов.
Кто гордецом, кто алчным был, кто гневным —
всем им не избежать семи кругов.
И Данте тоже на круги ступает
и с каждым кругом знаки на челе
как бы по мановенью исчезают,
и с каждым кругом легче путь двойне.
Вергилий же готовится покинуть
Собрата и пойти в обратный путь.

В небесный рай не может он проникнуть —
Не принял он крещения — в этом суть.
Но Данте не печалится, ведь скоро
увидит ту, что всех ему милей,
и потому ему дорога споро
дается, и к возлюбленной своей
стремиться он и сердцем и душою,
и крылья вырастают за спиною.
Когда он представляет, как она
его встречает на пороге Рая,
то меркнет красота любого дня —
его сиянье милой затмевает.

Свершилась встреча. Данте ослеплен
явленьем долгожданным Беатриче,
и это не мечтания, не сон! —
Она пред ним, но лишь в ином обличье.

Поэт, освободившись от грехов,
был к новым путешествиям готов,
узнать готов, кто удостоен чести
в небесном доме оказаться вместе.
Достойнейших мужей он повстречал,
узнал о горькой участи изгнания,
о том, что человек ничтожно мал,
ну а любовь подобна мирозданию.
И говорил с возлюбленною он
(чего при жизни не случилось прежде!)
о том, как обустроен Божий дом
и о любви и вере и надежде.
Молитву Беатриче вознесла —
она для Данте памяти просила,
чтоб на земле услышали слова:
Любовь лишь движет солнца и светила.
И воссияла, но не ослепив,
любовью вечной одарив поэта,
собою напоследок все затмив,
предстала сосредоточеньем света.
И все... И возвращение назад
теперь уже без горечи потери.
Увидев Рай, Чистилище и Ад,

поэт, ступив на землю вновь, растерян:
как рассказать о том, что видел он?
Мелькает перед ним видений сонм.

Теперь по этой мостовой иль той
иду и я, шагами время мера.
Флоренции излюбленной тропой
я подхожу опять к церковной двери
и в тишине и в полумраке там
сизу немую робостью объята,
к надгробным прикасаюсь я камням,
как прикасался к ним поэт когда-то.
Иду я к дому с башней в небеса,
где описал виденья Алигьери,
и, словно продолжая чудеса,
передо мной распахивают двери.
За ним они закрылись навсегда,
когда он стал изгоем в одночасье.
Сюда он не вернулся никогда.
Дом по сей день хранит следы несчастья.
Пророчества небес сбывались вновь —
в изгнание поэта уносило.
Но свято помнил он, что лишь любовь
заставить может двигаться светила.
Хоть грезил он Флоренцией своей,
но так и не сумел сюда вернуться.
Равенна склепа отворила дверь,
чтоб смог он снова вечности коснуться.
Он победил юдолю свою и смерть —
все потому, что смог любовь воспеть.

Татьяна ШЕЛОВА

ТЫ

Посвящается Л.З.

Пергаментом тонкость лепестка на просвет, с узором
нежности — ты...
В тебе — пастельность цветов и прозрачный рисунок ак-
варелью.
Набираю, растворяю в воде и оставляю на холсте поле-

вые цветы, запах сена
и отражение грозового неба в капле росы.
Преданно ставлю “Т.Ш.” в нижнем правом углу.
Грани переливаются на солнце, образуя второй план,
спорят и играют друг с другом, но выигрывают всегда те,
на которые я когда-то поставила.
Колоски пшеницы волос, на ветру, превращаются в море.
Шелест края юбки будит мелкие ромашки, они откры-
вают веки, здороваются с васильками и рассветом, а в
конце дня склоняют голову в поклоне закату и тебе.
Многие влюбляются в твой свет уже тогда, когда он, с
хитрой улыбкой, в первый раз переступает порог незна-
комой комнаты.
В эту зелень прищура, в которой все оттенки — от сочно-
сти первой весенней травы до газона в боязливом ожи-
дании осени,
В твой смех, который спорит в журчании переливов с
горным ручьем,
В целом, во всю эту открытость оконной рамы, через ко-
торую всматриваешься в поиске своей дали.
Но только избранные слышат, как чувства в тебе на срыв
и во всю силу стучат пульсом.
Иногда опасно громко стучат,
Иногда трудно остановить.
Но только избранные тобой знают, как нужно терпели-
во и бережно любить, чтобы остановить этот отчаянный
стук твоего сердца и трепет листа на ветру,
Ценят эту трепетность, скучают по ней во время штиля.
Ты — трепетный лист, который в поиске своего ветра ме-
чется в руке.
Я буду сильно держать его в вечной любви, чтобы не уле-
тел, и охранять от не твоего ветра, бережно сжимая
руку.
Только избранные тобою знают тебя в этом отчаянном
желании найти свой ветер,
Когда всегда до хрипоты зовешь, боясь потерять,
Когда бросаешь все силы на то, чтобы удержать стрелку
флюгера.
Только мы знаем тебя такой, в любви к ветру, в чувстви-
тельном поиске настоящих ветров и в преданной заботе об
уже найденных. Ты сажаешь пойманные ветра в малень-

кие баночки, с наклейками, на которых их имена, рас-
ставляешь на полочке в сердце и любишь навсегда.
Люблю в тебе многое.
Сильнее люблю тебя.

Ксения КИРС

СОЗЕРЦАНИЕ

* * *

Восток объятья раскрывает.
Ладья божественных времен
Младое Солнце отпускает
на утомленный небосклон.

А Запад ждет девичий лик
Луны надменной и скупой.
Уходит ночи краткий миг
и вместе с ним восторг немой.

Дневная жизнь — огонь сует.
Ночное время — тишина.
А утром вновь прольется свет
и гимн Любви споет Весна.

ВЫХОД

Безумная женщина танец иллюзий
колдует губами в священном костре.
И отблески света ложатся дорогой,
явление духов приходит извне.
Тенями деревьев кружатся и стонут,
слепые паломники слышат их визг.
Драконы и Ангелы в невидимой брани.
Но, знамя над нами и солнечный диск.

Уходим, уходим, чтоб снова вернуться.
Пройдем ли над пропастью в тысячу лет?
Полет над землею, игра воплощений,
пространство вселенной и скорость планет.
Мы вышли из зоны смертей и рождений.

Арахангел открыл золотые врата.
Последняя битва за новую землю,
за новое небо, за веру в Христа.

МИГ

Надеялись, мечтали,
любили и страдали.
Но, все мечты истлели,
дни быстро пролетели.
Так молодость прошла...

ПОЭТ

Поэт родился на земле
не для того, чтоб быть льстецом.
Но, чтоб быть преданным судьбе,
запечатлев ее пером.

Не для того, чтоб рифмовать
И глупости Вселенной петь.
Но, чтобы людям смысл дать.
И Словом Истины владеть.

Поэт — оракул, он звено
меж волей Бога и людьми.
Хранитель муз у алтаря,
горящим светочем Любви.

ЗИМА

Белый лебедь и взмах крылом.
Каплей струится миг.
Озеро вновь затянуло льдом.
Птицы прощальный крик.

Белыми хлопьями в землю снег.
Лес в одеяле сна.
Тройка в степи замедляет бег.
Это пришла зима.

ОБЛАКА

Над городом молча плывут облака,
но в городе те облака не видны.
Над городом мрачно повис серый дым.
А в городе люди с сознанием вины.

Потухший, уставший, потупленный взор.
Давление города, жизнь нелегка.
А там высоко безграничен простор,
В котором в молчанье плывут облака.

.....

Вот так плывут и день и ночь.
И разве в силах кто-то смочь
остановить судьбы поток?
Но только БОГ.

ЛЕТО

Воздух дрожит и тает,
плавится в жарком зное.
Гимны теплу и лету
льются в звенящем строе.

Зелень, листва, цветенье.
Тянутся ввысь березы.
Ночью в огромном небе
жемчугом смотрят звезды.

ГОЛОД

Пустые глазницы уставших домов.
Безмолвные люди ослепли от горя.
Реальность исчезнет, явясь в мир снов.
Но, только без слов. Полетайте над морем.
Безбрежная гладь многовечной воды.
Седая старуха дышать захотела.
Вошла в океан, надкусила плоды,
лишила детей долгожданной еды,
спасая от тлена тоскливое тело.

И Голод пожрал всех...
И так без конца
мы в поиске Смысла, Любви и Отца.

ПЕПЕЛ

Мы те, кто из пепла культур.
Между Богом и дьяволом лепят
компромисс пластелиновый. Бред.
Но, легко ли скульптуру ваять
в диком танце меж светом и тенью,
когда слышится смех за спиной
всю себя поглощающей твари?
От рожденья до смерти путь
в мирозданье Креста на право
Человека служить искусству.
Человека в распятом вздохе.

Татьяна ГОРОХОВА

НА КЛАДБИЩЕ

(отрывок из романа)

На следующее утро все поехали на кладбище Донского монастыря, хоронить урну. Был конец января. Погода стояла ветреная, колючая. Машина ехала по скользкому, обледенелому шоссе, и казалось, что конца и края ему не видно. Провожающих было пятеро: дьякон Петр, фотограф Палыч, соседка Людмила и брат покойной Анны Егор с женой Ксенией. Все они ехали молча и сосредоточенно о чем-то думали. Каждый о своем. Дьякон мысленно представлял Анну живой в ее любимом голубом платье в белый горошек, вспоминал их редкие встречи и ему становилось очень стыдно за то, что он так и не попрощался с ней по-человечески, за то, что оставил ее одну умирать.

Юрий Палыч размышлял о том, что умирать, не дождав-шись весны невероятно грустно, и что у железной Анны сын оказался такой слабак, хотя сам он еще неизвестно как бы отреагировал на смерть собственной матери. Его боевая старушка в свои 80 еще бегала по библиотекам и

театрам Москвы, заказывала редкие книги, писала критические статьи в районную газету «Протестант», а по вечерам читала «Робинзона Крузо», для души. «А солнце желтый саван ткет вслед уходящей вдаль фигурке», — не раз думал с грустью сын о матери. Соседка Людка больше всех переживала. Она никак не могла свыкнуться с мыслью, что Анны больше нет, хотя в период болезни твердо верила, что она умрет. Людмила привыкла во всем сравнивать себя с Анной. Обе были одного возраста, обе матери-одиночки, правда, сын Анны Сергей лет на 5 старше ее Василия. Сравнивала соседка в основном уровень благосостояния, но не только материальный, а главным образом внутренний — душевный. В последнее время по этому уровню проигрывала как ни странно она, потому что у Анны была большая любовь, а у сына завелась подружка. Но большая любовь, как выяснилось, оказалась не такой уж большой, по крайней мере, с мужской стороны, а сын Сергей неизвестно, как покажет себя дальше, и останется ли с ним эта московская штучка, — еще бабушка надвое сказала. А вот у нее — у Людмилы — сын — старший видеооператор в Останкино, на Первом канале. Снимает видных людей-политиков и звезд эстрады, ездит в заграничные командировки. Сама она тоже не лыком шита: ладная, аккуратная, хозяйственная. Огород сажает вовремя и урожай снимает большой. Даже излишками в сентябре на рынке торгует. И управляетса сама, без всяких там дьяков. А то, что Анна всю жизнь инвалидом прожила, так ведь у нее, у Людки мать — слепая и неходячая десятый год уже с ней живет. Мало не покажется. Эх, да что сравнивать! Брат Анны Егор ехал молча. Не ожидал он от сестры такой прыти. Быстро убралась. Теперь дом придется делить. Жена вчера ночью все уши прожужжала: оформляй да оформляй наследство. А как я оформлю, когда сын Анны Сергей — первый наследник! По всем законам, хотя по документам дом уже был поделен однажды их отцом на две части: две трети сестре и одну треть брату, хоть и обидно ему было, что не поровну. Только вот когда сестра Анна родила, взбеленился отец и хотел отобрать ее долю, но мать вступилась. Что-то теперь будет? Для них правда дом этот особо и не нужен, есть хорошая трехкомнатная

квартира в Москве, 15 лет назад Егор от завода получил. А так — летняя дача — дочере Ксюхе проветриться с внуками, а у Сергея, который здесь родился, другого дома нет. Не знал Егор, что через два года ему не понадобится уже ни дача, где он регулярно летом пьянствовал с друзьями, ни московская квартира. Тот же стандартный автобус с голубыми занавесочками в рюшечку на окнах отвезет брата — Егора на кладбище, к сестре.

Отец Анны — дед Сергея был по национальности немец, хотя всю жизнь тщательно это скрывал от своих близких и часто, пьяный бил себя в грудь и повторял: «Да русский я, растуды меня в качель». Деда похоронили 10 лет назад, и тогда же выкупили еще одно место, рядом. Думали, для бабки, но баба Маша умерла неожиданно от сердечного приступа в Крыму, куда любила ездить каждое лето. И там ее и похоронили. А место осталось. Вышло — для Анны.

Сторож объяснил провожающим, куда идти. Все пятеро двинулись по песчаной, присыпанной белой порошей, центральной дороге также молча, изредка поглядывая на серые каменные склепы с черными крестами и без цветов, на старинные надписи на латыни и чуждаясь, словно все чужое тут, в этом кладбищенском мире, друг друга. Этих людей, которые не были связаны между собой ничем, соединила на мгновение Анна. Даже мертвая она была как бы главная, и, подчеркивая свое превосходство над всеми, руководила процессом. Все шли и шли. Дьякон Петр нес урну с прахом, в лицо дул ветер с колючими снежинками, и всем казалось, что они никогда не дойдут до места. Предстояло еще копать промерзшую землю. О Сергее и Вере за все время так никто и не вспомнил. Они в это время жили отдельными жизнями. Сергея просто закрыли в доме и оставили отсыпаться, а Вера после всех передрыг, нервотрепки и бессонных ночей уехала к родителям. Также отсыпаться. Но она в отличие от Сергея, точно знала день и час похорон, поэтому попросила маму разбудить ее. И в назначенное время, уже одетая, приготовилась ехать на метро, как вдруг зазвонил телефон.

— Алло, — Вера сняла трубку.

— Здравствуйте, это друг Сергея по армии. Я узнал вчера — у него умерла мама. Может быть нужна помощь. Мне

ваш телефон соседка дала. Людмила Сергеевна. Похороны, если я не ошибаюсь сегодня?

— Да, вот я как раз еду. А все уже там... Вера удивленно замолчала.

— А Вы где живете, сейчас я заеду за вами. И мы поедем вместе. Я на машине. Это недолго — голос звучал уверенно.

Поколебавшись, Вера согласилась. Уж очень она была измотана за последнюю неделю и случайный попутчик оказался кстати. Друг Сергея подъехал действительно быстро ровно через 15 минут. Он галантно открыл перед ней двери зеленого «Порша», вежливо предложил сигарету. С первого же взгляда Вера поняла, что понравилась ему, и, решила соблюдать дистанцию и не пускаться ни в какие откровенности. Вадим вел машину спокойно, уверенно, соблюдая все правила. Вера расслабилась, закурила. Но после первого же вопроса Вадима ей стало больно и как-то неловко за свою искренность.

— Как он?

— Плохо. Сорвался. Мы его дома закрыли. Переживает очень. Вчера рыдал.

— А Вы сами?

— Я ничего, нормально, только вот сердце болит.

— Сердце? А ну это пройдет.

— Не думаю...

— Что, так сильно зацепило?

— А я что, произвожу впечатление легкомысленной?

— Нет, но свободной женщины.

— Я люблю его.

— А что такое любовь?

— Состояние души...

— Нет, вы дайте мне определение любви, только не говорите про воздушные замки и цветочки.

— По-моему, это момент соединения.

— Соединения чего?

— Души и тела...

— Знаете, а что если я вас изнасилую сейчас, прямо в машине и Вы не будете против, и вам очень понравится, у нас будет обалденное соединение, я вам это гарантирую, а завтра будет новый день и Вы даже не вспомните обо

мне, это что — тоже любовь?

— Нет, это секс.

— А Вы что, разделяете любовь и секс?

— Да.

— А я нет.

— В таком случае, любовь — это процесс развития отношений.

— Каких отношений? Как же Вы сможете тогда не перепутать любовь и дружбу?

— Если хочет, значит любит. Если нет, то просто дружит.

— А, по-моему, любой нормальный мужик хочет всех и всегда.

— Если бы так было, как Вы говорите, я бы без автомата на улице не выходила.

— Помните, важно одно: никогда не меняйте любовь на дружбу.

— Бывает, что любовь и дружба совпадают.

— Ну не всегда же...

— Если настоящая любовь — почти всегда.

— Значит, ненастоящая — наслаждение, а настоящая — страдание?

— Ну не так прямолинейно, как Вы выразились, однако, когда приходит любовь, — тут без жертвы не обойтись.

— А Вы не стройте из себя великомученицу. Жалость — плохое чувство, спасти можно только любовью.

— В этом я с Вами полностью согласна, и еще я думаю, что любовь сильнее греха.

Вадим сделал резкий поворот, и они въехали на территорию кладбища. Вера вздрогнула. С одной стороны она была рада закончить этот мучительный для нее разговор. И как тогда в электричке, неохота было переползать из другой плоскости бытия и снова что-то говорить и делать и стоять на морозном этом ветру.

Вадим припарковал машину рядом с церквушкой и они пошли вдвоем все по той же большой дороге, по которой несколько минут назад люди проносили гробы. Только они шли по-другому: за время их короткого разговора в машине между ними образовалось единство и хрупкое понимание какой-то тайны, которая вечно ускользает. Если первой процессией руководила мертвая Анна, эти двое просто шли как мужчина и женщина. И Анна тут

была уже ни при чем. Вера как заведенная игрушка подошла к группе родственников и знакомых, поздоровалась, представила друга Сергея и молча стала в стороне. Мужчины начали копать землю, женщины распаковывали сумки, достали бутылку водки и бутерброды, а Вера пошла бродить по кладбищу, рассматривая старинные склепы и читая надписи на надгробиях. Она почувствовала себя снова хорошо и спокойно. И как-то легко, невероятная легкость охватила все ее тело, так, что хотелось взлететь. И главное — не было никаких мыслей и никакой суеты. Она бы так далеко зашла в своем полете наяву, как вдруг кто-то обнял ее за плечи. Удивленно обернувшись, она посмотрела на Вадима. А он невозмутимо взглянул ей в глаза, и слегка улыбнувшись, сказал:

— Ну что это вы размечтались у могилы пожилого ефрейтора, не по возрасту Вам еще. И тут же серьезно добавил: — Пора, Вера, пошли. Попрошайся.

Вера послушно, как маленькая, пошла за ним, подошла к могиле, взяла горсть земли, бросила на урну с прахом Анны, отвернулась и заплакала. Начали закапывать. Вадим дал ей выпить водки, зажег сигарету и после короткого прощания, посадил в машину и отвез домой к Сергею.

* * *

А дома у Анны и Сергея уже все было готово: стол накрыт, наготовлено всякой всячины, поставлены бутылки, и народ сидел и ждал, вот только сына не было. Сын спал. Первым поднялся дьякон Петр:

— Мир праху рабы Божией Анны, Царствие ей Небесное.

Выпили, закусили. Вера после всего пережитого опьянела быстро и захотелось ей сказать.

— А знаете что, она обратилась к Петру, она ведь вас очень любила и даже мне однажды сказала, что Вы — ее последняя любовь. Дьякон покраснел. Встал Палыч. Задумался на минуту и сказал то, чего от него совсем не ожидали.

— 12 сонет Шекспира переведен неправильно. Я перевел так:

— Все испытав, я б навсегда ушел,
Но крест любви спасительно тяжел.

— Понимаете, я думаю, — ей любви — то как раз и не хватало.

Все подавленно замолчали. Но потом перешли на другие темы, заговорили, загадели все разом, так что уже нельзя было отличить похороны от пьянки, и Верочка, никак еще не могла оттаять от сжигания, от отсутствия Сергея, встала и пошла к нему.

Она вошла, посмотрела на безжизненное тело и сердце ее сжалось. Никогда ей еще не было так одиноко. Вера включила свет, и вдруг на самой верхней полке заметила необычное: на полке, аккуратно прислоненный к стене стоял крест из чего-то светлого как глина. Вера пригляделась, встала на стул и рассмотрела Распятие поближе. Удивительно, но оно было целиком вылеплено из хлеба, из хлебного мякиша, да так искусно, что Христос готов был сойти с креста.

Дмитрий МОНАХОВ

В ЛОБОВОЕ СТЕКЛО

В лобовое стекло
То ли снег, то ли град.
Небо серое, мысли — в смятении.
Словно, где-то Христа
Распинает Пилат,
Подготавливая Воскресенье.

Наплывает туман.
Мне не видно колес.
От такой я поездки устану.
Словно Грозный Иван
Где-то посох занес,
Чтоб убить молодого Ивана.

Ветер дует с утра.
С ним бороться устал.
И слеза мне не греет ресницы.
Словно, где-то Герасим

Собачку поднял,
Но ни как отпустить не решится.

Ну, когда же из туч
Растревоженный луч
Эту серую землю осветит?
И поеду я сам по полям по лесам, -
По любимой цветущей планете?

Там свободных людей на дороге своей
Повстречаю, танцующих в ритме.
Их беспечный гавот за собой позовет,
А злодей обратится к молитве.

И холодного ветра я выпью глоток
Очерствелыми жаждой устами.
И Дездемона если уронит платок,
Поднимать его Яго не станет.

К ЗВЕЗДАМ

А может быть, к звездам
Направить полет? —
Не хватит, наверное,
Денег на взлет.

Отдать из заначки?
Но будет не сладко.
И точно, не хватит потом
На посадку.

А может быть, бог с ней —
С посадкою этой?
Лететь в приближении
К скорости света...

НЕБО НАД ПЛЕСОМ

Ответов, вопросов поток бесполезный,
И горькие слезы не удержишь струной.
А небо над Плесом — открытая бездна,
А небо над Плесом манит глубиной.

Березы недлинными пальцами глядят
Завязки рябиновых ягод. Слегка

Трепещет незрелая слива в ограде,
А в бездне, как в песне плывут облака.

Их ветер уносит в бескрайние дали,
Начертана их траектории нить.
А мы остаемся на волжском причале
Затем, чтобы мыслить, страдать и любить.

БОРИСУ ИЛЮХИНУ

С этим снегом, трепещущим в благости,
С не жестоким морозцем за окнами
Пребывать не в печали, а в радости,
Из мгновений причудливых сотканной.
Разразиться мажорными смыслами,
Заблудиться в масштабах пророчества,
Сопоставить желания с числами
И забыться в дыхании творчества!

БЕЛЫЙ ЛИСТ

Свободный белый лист...
Так сложно или просто.
Свободный белый лист,
Как не открытый остров.
И выдуманный ритм,
Пока еще без текста,
И выписанных рифм
С десятков интересных.

Мерцающий огонь
Лампады и созвездий.
Нескладная ладонь,
А пальцы — чуть полезней,
Но их перо держать
Еще не разучили.
И, значит, можно ждать
Стихов в привычном стиле.

А стиль менять пора,
Давно пора настала.
От ночи до утра
И часа не осталось.

Свободный белый лист,
Так сложно или просто.
Свободный белый лист,
Как неоткрытый остров...

Я НЕ БУДУ ТЕБЯ ВИНИТЬ

Я не буду тебя винить.
Я не стану тебя искать.
Можно долгую жизнь прожить
И другую потом начать.

И услышать ревуший шквал,
И рукой отогнать волну,
И в пустыне прибрежных скал
Про тебя вспоминать одну.

Не жалея о том, что кровь
Не сумеет бурлить всегда,
И куда-то уйдет любовь,
Как за тот горизонт звезда.

Отчадивших желаний нить
Не позволит гореть и греть.
Значит, нужно успеть любить,
Если можно еще успеть.

Александр ИВАЩЕНКО

ЧЕЛОВЕК В КАМУФЛЯЖЕ, ИЛИ СТРАННОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ ТВОЕЙ И МОЕЙ БЕДЫ

Вполне симпатичный белобрысый паренёк в камуфляжной форме сидел напротив в зарослях орешника и старательно целился в меня из автомата.

Автомат, впрочем, был ненастоящий.

Деревянный, самодельный, грубо сколоченный, неряшливо покрашенный темно-коричневой и чёрной краской, он казался до смешного нелепой пародией на настоящее оружие. И, тем не менее, чувство неясной тревоги вдруг охватило меня, и неприятный холодок пополз откуда-то снизу — от подложечки вверх и уткнулся в беспокойно

пульсирующую точку рядом с сердцем.

Наконец, он выстрелил.

Выстрелил и удовлетворённо хмыкнул.

И хотя его автомат был ненастоящим, деревянным, самодельным, я явственно услышал и звук выстрела, и протяжный свист пули и ощутил, как она больно, раздрающе ударила меня в грудь, ударила именно в ту самую пульсирующую точку.

И сейчас же перед глазами промелькнуло что-то вроде мгновенной ослепительно-фиолетовой вспышки: как будто щупальца молнии вдруг взорвали всё окружающее меня пространство.

Я инстинктивно зажмурился...

Почувствовал горьковато-сладковатый запах сторевавшего пороха.

Внезапно обессиливающая тошнота подступила к горлу. Пошатнувшись и нелепо взмахнув руками, я упал на траву рядом с садовой дорожкой.

А он, мой юный незнакомец, насвистывая весело и беспечно что-то бравурно-маршевое, прошёл мимо, даже не взглянув на меня. Потом всё же оглянулся и снова выстрелил. Прицельно. В голову. Должно быть, для надёжности. Я проснулся в холодном поту. Зажёг свет. Долго ходил по комнате, пытаюсь осознать увиденное во сне, понять к чему бы это всё привиделось мне. Не найдя сколь-нибудь внятного ответа, лег в постель, долго ворочался в какой-то странной, скрипучей полудрёме. А когда наконец заснул, снова увидел его — того белобрысого паренька в камуфляжной форме с автоматом в руках.

Он снова сидел в зарослях орешника — в том же месте, в той же позе и старательно целился в меня с тем же равнодушно-брезгливым выражением лица.

И снова неприятный холодок пополз по моему телу, обращая меня в сжавшийся комок.

Я сказал ему:

— Послушай, парень, не приходи больше сюда. Я не хочу, чтобы ты приходил ко мне и целился в меня из своего автомата. И я также не хочу, чтобы ты целился и стрелял в кого бы то ни было другого. Пожалуйста, найди себе другое занятие. Мирное. Доброе. Хорошее. Дарящее радость, улыбки... Поверь мне, негоже человеку ходить вот

так по земле и пугать окружающих своим нелепым автоматом, своим воинственным видом...

В ответ он, презрительно сплюнув сквозь зубы, угрожающе щёлкнул затвором.

Я проснулся за секунду до выстрела.

...Прошло время. И тот мой сон, и его главный герой, как мне показалось, благополучно и навсегда исчезли из моей памяти. Забылись за привычной приятной, а иногда и не очень приятной суетой будней. Но сегодня — он вновь постучался ко мне...

Было утро. Летнее. Ясное. Наполненное прохладой и птичьим звенящим многоголосием. Я снова шёл по садовой дорожке, беспечно помахивая сумкой с покупками, и раздумывая о том, каким необыкновенно светлым и радостным будет для меня наступающий день — сколько подарит он мне, лично мне, незабываемых мгновений, приятных сюрпризов... И вдруг — увидел его, того самого белобрысого, вполне симпатичного паренька в камуфляже.

Он, теперь явно повзрослевший, заматеревший, сидел в зарослях орешника на том же самом месте и явно поджидал меня. Но теперь не с деревянным самодельным автоматом, а с самым настоящим, боевым, угрожающе поблёскивающим мрачной чернённой сталью. Заметив меня, он, удовлетворённо усмехнувшись, передёрнул затвор и лениво повёл стволом автомата в мою сторону. И кроваво-красная точка лазерного прицела уткнулась мне в грудь...

Сердце моё вздрогнуло и словно застыло в ожидании чего-то неизбежного. Страшного.

Я молчал. Все возможные слова куда-то исчезли. Да и что я мог сказать ему. Ведь когда в дело вступает человек в камуфляже, слова бесполезны. Бессмысленны.

Жанна ЖУРАВЛЕВА

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

— Сядь. В ногах ни правды нет, ни толку.
Что ты ищешь далеко от дома?

— Обронил я тонкую иголку
в золото колючее соломы.
Потерял я нить, бреду без цели,

Заблудился средь высоких сосен.

Видел снег сегодня на постели?

Это я тебе его подбросил.

— Где же твои крылья, — отвечаю, —
Отчего пожаловал ты в штатском?

— Сотни лет таскаю за плечами
Я двурогий месяц, символ братства
Нашего. А крыльев не бывает,
Крылья — это так, не достижение.
За спиной моею открывает
Космос рой стремительных движений.
За спиной моей грохочут вихри
Бурь в межгалактической погоне.
Знаешь, почему так ночью тихо?
Это я держу её в ладонях.
Ночь стара, но я её древнее.
Это я затем, чтоб ты не плакал,
Знак в кольцо закрученного змея
Над твоим порогом нацарапал.

МАРОККО

Мираж, лихорадка, дурман,
но (слава Пророку)
идёт по пескам караван
в узорный Марокко.
Шурша то дыханьем своим,
то волосом колким,
верблюды проходят, как дым,
в отверстие иголки.
Там небо сулит мне найти
звезду Аладдина,
где всех караванов пути
сошлись воедино,
где ткут полуночный покров
небесные овцы,
и время, средь дынь и ковров,
в ходу у торговцев.

ДОЖДЬ В СТАМБУЛЕ

С полудня в Стамбуле,
клубящемся улье,

грохочет, как в бочку,
стекает вдоль улиц,
и каждый стамбулец
пьёт чай в одиночку.
Забравшись повыше
в ковровую нишу,
скукожась до точки,
всяк в городе дышит,
страницы колыша,
с котом между строчек.
На улицах своры
В сто тысяч босфоров
горланя без меры,
вливаются, споря,
в подземные поры
и в тайные двери.

BAUNTY

В золотом, смеющемся иуне,
Обнимая пенную зарю,
Я лежу в коралловой лагуне
И на солнце знойное смотрю.

Отовсюду падают кокосы
С голубой небесной высоты,
И в мои распущенные косы
Вплетены прекрасные цветы.

Вот в воде прозрачной заблестела
И исчезла пёстрых рыбок стая.
Скоро шоколад молочный тела
Под лучами жаркими растает.

Горизонт морской натянут струнно,
И на нем ни паруса, ни птицы.
Я лежу в голубизне лагунной,
Бесконечности лова крупницы.

* * *

Читая азбуку простых прикосновений,
Я узнавала нового тебя.
И волосы твои прозрачной тенью
Как бы случайно трогали меня.

И смешивался с цветом спелой вишни
Ореховый и русо-золотой,
И кто-то сверху Шива или Вишну
Нас обнимал невидимой рукой.

В твоих глазах вмещалась мудрость мира,
И странный свет сиял вокруг волос,
Наверно все же шестирукий Шива
Одной рукой на небо нас вознес!

* * *

Ловили отражение Луны
Мы с лёгкой лодки в низких тростниках,
Речные волны были холодны,
Качало нас на водяных кругах.

Прицелившись бросали мы вдвоём
Тугую сеть и тонкую блесну,
Но так Луна любила водоём,
Что всё же успевала ускользнуть,

Уйти на дно, разбиться и сиять,
Рассыпаться на сотни быстрых рыб.
И мы качались на волнах опять,
Скалистый обогнув реки изгиб.

А ночь была так трепетно ясна,
Так звонка, что захватывало дух.
Сверкала наша тонкая блесна,
Плескались воды отдалённых бухт.

И ты касался вскользь моей руки,
Случайно задевал вдруг прядь волос.
И были наши тени две легки
И быстры, как движения стрекоз.

Доверившись везению волны,
Забыв о всяком отдыхе и снах,
Ловили отражение Луны
Мы с лёгкой лодки в низких тростниках.

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

В антологию X юбилейного альманаха отобраны стихи, некоторые из которых уже были напечатаны в изданиях Союза литераторов: газетах «Литературные известия» и «МОЛ», альманахах «Вектор творчества», «Словесность», «В поисках времени», «Музыка стиха», а также в выпущенном в 1995-м году к пятидесятилетию победы сборнике стихов о Великой Отечественной войне «Высота», где в разделе «Голоса иных поколений» опубликовано знаменитое стихотворение Иосифа Бродского «На смерть Жукова».

Язык поэзии — ёмок, глубок и всеобъемлющ. Недаром в своей Нобелевской речи в 1987 году И. Бродский назвал поэзию видовой целью существования человечества: «...если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература, в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собой... нашу видовую цель...».

Так что дело за «малым» — суметь сказать о том, что до тебя так искренне, как ты, еще не говорил никто.

Константин КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ

ПОЭТЫ 2014

Звучи звучи святая лира
И сотрясай твердыни мира
Вот так же горы сотрясая
Звучал Есенин и Исайя
Да и Христос был сверхпоэтом
Сам Бог настаивал на этом
У них конечно были критики
Спаситель называл их книжники
И все и все и все и все и...
Все книжники и фарисеи
Сидят в парткомах и месткомах
Слепцы в духовных глаукомах
Сидят бездарные писаки
И литмизулины и псаки
О них нам говорит Коран:
Сочатся кровью наших ран —
Сидит парткомовская пада
И критикует Дхаммападу
Духовным газом как в Одессе
Нас травит критик графоман
Но стих уходит в Занебесье
От крови Красный как Лиман
В бюрократическом застенке
Мы отпечатались на стенке
Мы в чатах вечности зачатки
Читайте наши отпечатки

Наталья РОЖКОВА

Да, все кончается до срока.
Над бедной родиной моей
Самозабвенно и жестоко
Поет последний соловей.
Его заслушаемся трелью,
И в ожидании зимы
Одной укроемся шинелью,
Той, из которой вышли мы.

Арсен МЕЛИТОНЯН

ДЕНЬ ГЕНОЦИДА

В этот день так болит спина,
Целый век в ней торчат ножи;
В этот день порвалась струна,
Боже мой, что-нибудь скажи!

В этот день мне трудно дышать,
Говорить о счастье чужом;
В этот день мне куда бежать,
Меж камнями где свиться ужом?

Ингрид КИРШТАЙН

ПАРИЖ МЕТЧЫ

О весна всех зим, Париж! Поить верблюда
акварелями и — на всю жизнь — огнями...
Розоперстого утра хватить с полпуда,
черновыми прорасти насквозь мечтами,
шпильки-шпили утопить в потоке лени.
Опрокинутая ласточка-на-Сене —
только помесь всех парфюмов в одночасье
или мертвая петля поверх Пегасья?

Анна ГЕДЫМИН

Я засыпаю, когда отцветают звезды,
Светлеет небо, а в доме еще темно,
И окна ближние, по-утреннему серьезные,
Смотрят прямо в мое легкомысленное окно.

Проснешься за полночь, вся жизнь никуда не годится...
Но в пыльной Москва-реке купола сияют вверх дном...
И думаешь: Господи! Спасибо, что надоумил родиться
В городе, где такой пейзаж за окном!

Такой синий, такой золотой и белый!..
Теперь, судьба моя, ты, без промаха и стыда,
Карай, обманывай — что хочешь со мною делай,
В душе залатанной эта музыка — навсегда.

И даже если смерть все-таки существует, —
Все относительно! — она щемяще мала,
Как памятник временный, пристроченный
к Москве на живую,
Как зыбь на воде, отражающей купола.

Вячеслав СЫСОЕВ

До последнего вздоха,
Не во сне, наяву,
Как бы ни было плохо, —
Счастьем жизнь назову!
Жить по-новому поздно.
И мучение — жизнь...
Я мечтаю о звездах,
Даже падая вниз.

Ирина КРОНГАУЗ

ЮРОДИВЫЙ

Проберусь сквозь толпу не блаженных калек,
Задыхаясь, теряя слова, спотыкаясь...
Брызнет горстью монет исковерканный смех
И на паперти смолкнет, раскаясь.

Храм открыт. И загоптаны Божьи дворы.
Здесь приемлют Дары, заслонясь от Сиянья.
А иконы молчат. В их глазах догорают костры —
Догорает пора покаянья.

И рассеется дым. И надмирная мгла,
Раскалясь добела, овладеет сознанием ...
И на Божьей ладони останется боль да зола —
И опять этот прах Он согреет дыханьем.

Галина СЕМИЗАРОВА

За озябшими липами спрятался хмурый закат.
Мчится время, как поезд — и не остановишь его.
Только я не замечу — мне будет милей во сто крат
Наблюдать огоньки фонарей из окна твоего..

Как же долго мне снились ночами молчащие львы!
И загадочный Зимний, и эта дождливая мгла.
И бегущие мимо холодные волны Невы,
И кораблик летящий, и Адмиралтейства игла.
Только здесь обретает душа моя свет и покой.
Я люблю этот город — и я не могу без него!
Мне всего-то и надо — прижаться к граниту щекой,
И у серого неба уже не просить ничего...

Елена КАЦЮБА

ЗАБЫТЬ

Ключиче слова чужих злых языков
на лед упадут если —
заледенеют торосами,
разрастутся айсбергами в океане —
потопят Титатник
А я не там!
...забудь

Если злое семя в пустыню вцепится —
пусть вырастет колючкой для верблюда
будет верблюд жевать улыбаясь
А я не боюсь!
...забудь

Но если вдруг повезет — колючка в траву упадет
вырастет чертополох-репейник
яркий пушистый —
пусть терпит
когда пчела ужалит в сердце
ядовитый сок потечет
Да кому нужен такой мед?!
А я не причем
...забудь

Валентин МАЗУР

ВЕЩЬ В СЕБЕ

Опавший прелый лист.
Уютно дремлет кокон.

Как импрессионист
О мире думать мог он:
— Да я же вещь в себе
И мне никто не нужен,
Подобный гольтьбе,
Что буйствует снаружи!
Вершитель перемен —
Загадочное время!
И бабочка свой плен
Отринула, как бремя,
Но в дивном полусне
Недолго полетала...
— Теперь ты вещь во мне, —
Ей птица пропищала

Ефим ЗУБКОВ

песенка

Всё, что угодно, прощается в мире.
Делайте так, как захочется вам.
Провинциальная Аве Мария
Не помешает привычным делам.

Где Вы молились? Когда вы молились?
Что вы забыли себе попросить?
Провинциальная Аве Мария
Вашу забывчивость тут же простит.

Вы полюбили и вас полюбили,
Время не важно и место — пустяк.
Провинциальная Аве Мария
Вашей молитве поверит и так.

Ксения РАДИОНОВА

Синяя птица. Летящий Шагал
с Бертою вместе любовь воспевал.

Полуобхват полурук-полукрыльев —
Оба летят в упоении былью.

Мост пролетают, где встретились двое —
перехлестнулись пути их судьбою.

Смена имен — псевдоним — для успеха,
Кисти мазок — разноцветное эхо.

Виктор ЛУФЕРОВ

ПЕСНЯ НА ДВА ГОЛОСА

Т. Н.

Пусть за то, что скажу, не сносить головы,
Пусть с твоей — не слетит ни единого волоса.
Хорошо тьму ночей освещать в две свечи
И любимый мотив напевать на два голоса.

Жаль, что этого ты не сумела понять,
Оставляя меня одного в одиночестве.
Что ж, одно к одному — значит время пришло
Не по имени звать, а по отчеству.

Вдруг представилось мне, что вперед на сто лет
Наша жизнь в трафарет фотографии вставлена.
Долгий перечень наших поступков и слов,
Как на свечке — нагар, на металле — окалина.

Но высокое пламя мы ценим в свече
И доверье в словах, а не мнимую двойственность,
И окалины слой не заметит металл —
Душ родство не подменит случайная родственность.

Что ж, одно к одному — лепит жизнь нашу жизнь,
И к застрехе — гнезду, и к отчеству — отчеству,
Облака — к небесам, и разлуку — к любви,
И к древесным стволам — всей листвы одиночество.

Да простится мне все, что тебе я сказал.
Врассыпную пора, как из спелого колоса,
А за каждым из нас право выбора есть —
С кем гореть в две свечи и с кем петь на два голоса.

Наталья ВАНХАНЕН

НЕ СОЛОМИНКУ

в чьем-то не слишком опрятном глазу,
не верблюда в игольном ушке,
а возьмем для затравки —
лучше в сильный мороз,
чтобы истовой выжать слезу, —
ветер с Марсова поля
и разные, скажем, Канавки,
С леденистой, зернистой,
пупырчатой корочкой их,
с их свинцовой примочкой
и марлевой синькой неплотной,
где сизарь семенит
на коралловых лапках своих
и лазурное зеркальце
селезень чистит залетный.
Точно за город вышли —
такая вдруг воля, что вынь
да положи свое сердце
и в мокрую пустынь подайся.
Вот обронит синица свое голубое «синь-синь»,
и откликнется лес мелодической фразой
китайца.
Что с того, что пустеют гнилые пролеты аллея
и вчерашний возлюбленный твой
направляется к гейшам, —
ничего не жалея,
никогда ничего не жалея,
ничего не жалея из того, что казалось
важнейшим.
Даже детская ноша —
больному и та нелегка.
То, что знала вчера, оказалось сегодня — не знаю.
Оставляя внутри независимый свет ночника,
золотистая ночь, не спеша, оплывает по краю.
Предвесенняя синь,
предвечерний лазоревый путь,
молодые проталины света
под месяцем вьюжным.

Ничего не забудь, никогда ничего не забудь,
ничего не забудь из того, что казалось
ненужным.
Вся империя наша — дурацкий кабацкий дубок.
Только то и всерьез,
что, в руке разминая окуроч,
старый Брейгель глядит
на подтаявший к марту каток —
типографскую россыпь
и оторопь черных фигурок.
Что с того, повторишь, что отчизна и век позади,
что с того, что сочтут и тебя
и причтут к поголовью.
Не такую, как думалось, жизнь до конца
добреди,
а такую, как есть —
без надежды и веры,
с любовью.

Владимир БЕРЕЖКОВ

ЗАПАДНЯ

Вчера за водкой вспомнил, наконец,
Что я не ваш. Полвека без понятия
Болтался я и верил: все мы братья,
И я земли затраханый жилец.

На Нашем свете — любят налегке
И умирают уж никак не в танке,
Нет постоянных линий на руке
И на вокзалах не орут цыганки.

Там я не шел в обход и был богат,
Я пил на крышах желтого металла,
И каждый вечер посмотреть закат
Ко мне подружка рыжая летала.

Но ей приспичило «постичь печаль» —
Тогда и я на вашу Землю прибыл.
Здесь на ладони каждого — печать,

190 А на душе пришит с рожденья лейбл.

Но то ли время наше не сошлось,
А может, просто страны не совпали...
Здесь несколькими друзьям моим жилось,
Но все они до срока улетали...

Здоровый, в окружении калек,
Я не могу заняться вашим делом,
Я попытался жить, как человек,
Но это вредно для души и тела.

Была, была бессмертная душа,
А, что теперь — забыл, не понимаю,
Но до сих пор иным волнам внимаю,
А вас — мои смущают антраша

Теперь и на моей руке печать.
Моя любовь — и я хлебнул печали
За то, что упустил тебя вначале,
А на Земле по-новой не начать.

И каждой ночью дребезжит острой
В шкафу старинное фарфоровое блюде
И жизнь к концу торопится быстрой,
И неудобно мне таким вернуться...

Ирина ТИШИНА

МАЛЬВИНА И ПЬЕРО

За стареньким столиком старый Пьеро
Вздыхает и шепчет, кусая перо.
Глаза — в потолок, за окно, но пока
Не льются стихи из души старика.

А рядом с Пьеро, у седого камина
В вольтеровском кресле — седая Мальвина
Глядит на огонь, на перо и на мужа...
И где-то за окнами — стылая стужа,
И пальцы отчаянно комкают плед,
И жаль до безумия прожитых лет!..

Перо отложив, вдруг промолвил старик:
— А где, дорогая, твой старый парик —
То сизое пламя, парик голубой, —
Надень, я хочу любоваться тобой!

Серебряный локон развился на грудь —
Она рассмеялась:
— Не шутишь?
— Отнюдь!

Потом грациозно откинула плед, ушла.
Он с надеждой смотрел ей во след...

Вдруг сердце забилось в груди неумно,
Когда в обрамление дверного проема,
Сквозь отблески пламени полувидна,
Пред ним, как виденье, возникла она:

Как юная фея, воздушная нимфа
Стояла в сиянии синего нимба,
Вечернего света касаясь рукой,
Ему улыбалась:
— Смотри, дорогой!..

Анна ПОПОВА, Орел

Мы привыкли не менять города,
Не срывать с облюбленных мест.
Будем счастливы с тобой. Иногда,
Потому что каждый день — надоест.
Сохраним наш неустойчивый дом,
Чтоб уверенно других поучать.
Будем думать и молчать о своем,
Потому что мы умеем молчать.
Вот и нечего нам счастья пытаться,
Потому что люди слишком просты.
Вот и некуда нам больше летать,
Потому что я боюсь высоты.
Мы два полюса, а надо не так,
Надо бывшую любовь догонять,
И когда я подниму белый флаг,

Ты поднимешь свой бокал за меня.
Хоть бы раз одна шальная звезда
Закатилась в наш холодный подъезд ...
Будем счастливы с тобой. Иногда,
Потому что каждый день — надоест.

Анна ХАРИТОНОВА

Растерянность:

Мысли катятся по дороге
Как сбежавшие с ниток бусины

Всеволод АРЦИНОВИЧ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВЕСНЕ

Возвращаюсь вновь к весне
Вокруг всё оживает снова
И это к главному основа
Стремление к вечной красоте

Опять создатель сделал милость
Опять обволокло теплом
Природа вмиг преобразилась
Соткала чудо-полотно

Весна пришла
Как это всё она нашла
Как этим души взволновав
Необходимой став
Ответ простой
Весны не надо нам иной
И чувства жизни отданы
Нам с приближением весны

Словами не сказать пустое
Вы видели как мечется вода
Как к солнцу тянется живое
Как распускается листва

И этот навсегда запомнишь миг
Вдруг счастлив ты от ерунды
Когда обрадовал подснежник
Те первые весенние цветы.

Суламифь КАНАРСКАЯ

ЛЮДИ

Падаем, впадаем
В разные реки —
Эмигранты рая...
Люди — человеки.

Евгений В.ХАРИТОНОВ

Выкрасить
потолок в черный
и засеять звездами
не мыть
не скоблить
не белить —
звезды этого не терпят
тебя любить
под звездным небом
хрущевки

Ирина ЧЕЛИКАНОВА, Рязань

С судьбой играю в прятки.
Живу — пугливой мышью.
Боюсь ступеньки шаткой.
Боюсь — меня услышат.

А рядом — шум и хлопоты.
Коты орут и гапки.
И громко двери хлопают,
С судьбой играя в салки.

Марина ЛЕВИНА

Смотри, в ладонях — полно печали,
Холодный ветер морозит пальцы.
Бумажный домик набух слезами,
Его оставили постояльцы.
В разбитом сердце звенит хрусталик,
Там кто-то умер сегодня ночью.
Отправь посылку с седьмой печатью
И жди ответа и полномочий.
Дурные чайки кружат и стонут,
Небесный зуммер сигналил «вече».
Сложи в ладонях бумажный домик —
Вчерашний путник, до новой встречи.

Инна РЯХОВСКАЯ

МУЗЫКА ЛЮБВИ

Свирель настроят соловьи,
Дохнёт полночною прохладой,
И хлынет музыка любви —
Души весенняя отрада.
До высей обморочных трель —
Приливы страсти и отливы,
Алмазных звуков карусель,
И щёлк, и свист без перерыва.
Что ни весна, ни год, ни век —
Поёт нам серенькая птаха,
Чтоб к небу поднял человек
Хоть иногда глаза от праха.

Борис ШАПИРО

ЛЮДОЕДЫ

Тяп-ляп, во рту кляп. Размахнулся раз,
не в бровь, а в глаз.

Мы люди простые,
водкой налитые.

Лаптем щи хлебаем
да байки баем.

Едим с потрохами,
говорим стихами.

Юлия БОЛОТИНА

Нет ни горя, ни тоски!
Дни — что сено на покосе.
Солнце спрячется в лески,
А лучи торчат из сосен!

Словно дразнит: - Подыграй!
Отыщи меня! Я близко!
Видишь, тучки розов край,
Той, что над морем повисла?

Значит, я под нею, там,
Впереди, за этим склоном!
Отсижусь и выйду к вам —
Молодым, непобеждённым.

Ночи нет! И смерти нет!
Может, там, далёко, где-то...
А у нас — безбрежный свет!
А у нас — Господне лето!

Татьяна КАЙСАРОВА

Видишь, неба распахнуто око:
Звезды меркнут и даль голуба...
Как тебе, моя Русь, одиноко —
Одиночество — это судьба.

И не только твоя, не печалься,
Сам Господь одинок в небесах...
Он, как мы, свое горе и счастье
Отмеряет на мнимых весах.

Потому средь семейного лада
И в кончины неведомый срок
Обольщаться толпою не надо.
Человек, как звезда, одинок!

Мы храним одиночество духа —
В праздном шуме, в толпе, в тишине
Шепот истин касается слуха,
И прозренья приходят во сне.

Русь, и ты, как потерянный странник,
Как бредущий в песках бедуин,
Уходящий в пучину «Титаник»,
И клубящийся смерч из глубин.

Ты давно все познала, Россия,
Одиночество выпив до дна —
Раз особой судьбы не просила
И к посулам была холодна.

Аркадий ПАХОМОВ

Любимая, в такие времена,
в такую сучью непогодь и замять,
не дай нам Бог кичиться и лукавить
и выяснять, чья большая вина —
твоя вина, или моя вина,
иль родины злопамятные вины
у нас в крови. Без слез и без запинок
забудь вражду, и да пошлет нам сына
глухая ночь в такие времена...

Галина ВОРОПАЕВА

Как среди пекла,
зноя и жара
сладка остуда,
внятное слово
из белого шума —
это ль не чудо?

Татьяна ГРАУЗ

Г.А.

сумерки сквозь сиротство
п о м н и ш ь
плач мерзлой земли
подолы старух расшитые петухами
будто на праздник все шли
а в глазах темных скифских
заиндевелость печали
и я хотела спросить
у дороги
у тех собак у погоста
у черной раны земли
где кружились траурные хороводы
я хотела спросить
л и ш ь о ж и з н и
о м и л о с т и
о л ю б в и ?

Игорь МИНАКОВ

МАЛАЯ ЭЛЕГИЯ ДЖЕЙМСУ ДЖОЙСУ

Джеймс Джойс уснул, уснуло всё вокруг.
На помазке застыли клочья пены,
уснули бритва, зеркальце, мундштук,
Цирцея, Телемак, Дедал, сирены.
Уснул, намылив щеки, Маллиган,
забылись страсти, похоти, желанья.
Жакет заснул, корсет и кардиган,
и Молли прервала поток сознания.
Заглух в трясине водорослей Стикс,
Харон в слюнявом сне утратил разум.
Уснули лодка, весла, руль, и пирс,
несбывшимся мостом. Забылся разом
небесный клир, явив дурной пример.
С трубой Архангел дремлет на излёте!
Улисс уснул, а вслед за ним Гомер —
слепой аэд в истёртой позолоте.

194 На груди листьев дрыхнет рыжий лис,

тая ответ на хитрую загадку:

В каком лесу он прячет остролист,
где бедную свою схоронит бабку?
Иезуиты в кельях, как в гробах,
лежат, приняв известное лекарство.
Храпит монах, отъевшись на бобах,
и сонный царь венчается на царство.
Утопленник ложится на песок,
крылами сонно помавает бражник.
Иакова Святого гребешок,
скрывает перевязанный бумажник.
Уснул Джеймс Джойс. Свободная во сне,
его душа над Дублинским заливом,
как облако в одном июньском дне,
спускается во тьму неторопливо.
А Молли спать наскучило одной:
уходит муж порой совсем некстати.
И Лео Блум, вернувшийся домой,
Ворочается грузно на кровати.

Валерий ДУДАКОВ

МОЛИТВА В КИОТО-ГАРДЕН

Спасибо Господи за этот дивный сад
Зеленую траву, кусты и водопад.
Спасибо Господи за птичий тихий свист,
Уснувший лес, засохший желтый лист.
Спасибо Господи за серебро воды,
Она светла и не несет беды.
Спасибо, что отмел в лихие времена,
Чем соблазнял меня лукавый сатана:
Стяжательство, гордыню, похоть, лесть,
Те смертные грехи, которые не счастье.
Спасибо Господи, что не дал ты мне власть
Достоинство других себе под ноги класть.
Спасибо Господи, что крест не тяжек мой.
Ты мне его вручил, с ним обрету покой.
Спасибо, что души заполнив пустоту
Ты в жизни указал спасения тропу.
Спасибо Господи, что дал мне счастье жить
И, падая, вставать, надеяться, любить.

Иосиф РАБИНОВИЧ

ЭЛЕКТРИЧКА В ВЕЧНОСТЬ

Не березки и не смородина,
И не праздничный бег коней —
Как же нужно любить свою родину,
Чтобы так написать о ней!

Безысходной любовью горькой
Так, как любят несчастную мать:
За портвейном о трех семерках
Плат узорный ее увидеть...

В день любой, при любой погоде,
Злому времени вопреки
Электричка в вечность уходит
По маршруту Москва — Петушки.

Мария ПАНФИЛОВА

За электричкой пыльный хвост
Ползет лениво до Каширы...
И снова на железный мост
Карабкаются пассажиры.

На пальце ключики вертя
Небесной сумеречной жести,
Незримый, ходит по путям
Дежурный Ангел Путешествий...

Сергей ШЕРСТНЕВ

Прости меня, серое небо,
Что я до тебя не дорос,
За то, что целую свирепю
Я грешную землю взасос,
За то, что топчу гладь и травы,
За то, что родился слепым:
В себя я выдыхаю отраву,
Тебе возвращаю лишь дым.

Нели СЕМИРЕЧКИНА, Орел

СЕЛО

Косые засечки берёзок
На белых полотнах весны,
Дороги из пасмурных досок
С печальным клеймом кривизны,

И тусклая луковка храма,
Недвижная, в лапах тумана,

И — пленники снежной коры —
Морщинаются, хмурясь, бугры:

Приметы родимой и малой
России в пределах села
С лицом каторжанки усталой,
Почить не нашедшей угла.

Илья ОГНЕВ

о прошлом ли о будущем вздохнёшь
ноябрьский ледок под сердцем хрустнет
повеет холодом с реки
и тишиной туманной даль поманит
и снова весело бежит вдоль берега тропа
и плещется волна
и ветер с ней как брат с сестрой играет
и в тусклом зеркале небес
одинокая тень проплывает

Николай КАЛИНИЧЕНКО

КАШАЛОТ

В глазах кашалота протяжная гаснет мысль,
Пока он недвижимый лежит в полосе прибора.
Взлетают гагары, и волны целуют мыс,
И небо над пляжем пронзительно-голубое.
На шкуре гиганта отметки былых побед,
С тех пор, как спустился, подобьем Господней кары,

В крошечную бездну, куда не доходит свет,
И рвал, поглощая, бесцветную плоть кальмаров.
Вот снасть гарпунера, что так и не взял кита.
Вот ярость касаток, кривые акулы зубы
И старый рубец, что оставила самка та,
С которой гулял подростком в районе Кубы.
Он видел вулканы и синий полярный лед,
И танец созвездий над морем в ночи безлунной,
Беспечный бродяга холодных и теплых вод,
Как знамя над хлябью свои возносил буруны.
Но странная доля, проклятье больших китов,
И в этом похожи с людскими китовьи души.
Владыкам пучины, как нам, до конца веков,
Из вод материнских идти умирать на сушу.
Взлетают гагары и волны целуют мыс,
Заря безмятежна, а даль, как слеза, чиста.
В небе над пляжем упрямо штурмует высь
Белое облако, похожее на кита.

Елена ГОМОНОВА

ВОЛЧИЦА

Скоро ночь. У костра не спится.
Я сегодня в степи одна.
В прошлой жизни была я волчицей
И меня донимала луна.

И когда она поднималась:
Равнодушна, светла, нема —
Так изысканно издевалась,
Что казалось — сойду с ума!

Мои лапы сильны и грубы,
Чтобы гладить её по щеке.
Я об камни стесала зубы,
Догоняла её в реке,

Я по травам хмельным каталась
От бессильного, мутного зла,
На ночные холмы взбиралась,

196 Но достать её не могла!

Были тёмны её пределы —
Лишь она — сонный цвет наяву.
Дайте, дайте мне лук и стрелы,
Силы — выгнуть тетиву!

Чтоб, с растянутого разбега
Смерть-стрела устремилась к ней...
Превратите меня в человека!
Научите седлать коней!

...На понурый ковыль ложится
Холод росный, чернее мгла.
Воет, воет степная волчица,
Мчится, мчится моя стрела!

Елена ОРЛОВСКАЯ

ЛУННЫЙ БРИЗ

Легкий ветер — лунный бриз
Сонных век моих коснись,
Распрями витую прядь,
Дрожью тронь морскую гладь.

Закадычный мой дружок
Дунь в серебряный рожок.
Под луной с тобой вдвоем
Колыбельную споем.

Вольно крылья распахни,
За собою помани.
Пролетая, невзначай,
Чаек в море укачай.

Бриз мой ветренный Парис
Ты во сне ко мне явись.
Унеси меня с собой
По-над лунною тропой.

Александра МИРОНОВА

ОЗЕРО ВИЛЬЁ

Я распрошалась с талым небом
И с млечным озером Вельё.
Валдайский край — благая небыль,
Моё недолгое жильё.
Крахмалит дуг туман пернатый,
Глотая дымчатый песок,
Привстали тени на пуанты,
И сумрак делает стежок.
Томится рокот безначальный
В пучках раскосых тростников,
Клокочут лодки на причале,
Несёт рыбак дневной улов.
Лениво письма верстая,
Плывёт закат в тугой волне,
Берёзовая ночь влетает
На длинном сером скакуне.
Горит созвездие кувшинок,
Распластанное у мостков,
И воздух прянично-былинный
Раскрылся в бархатный покров.

Валентин КУКЛЕВ

*Живет не здесь - в звездах Моего
Душа моя!*

(Е.А. Баратынский)

Мы все-таки живем в предчувствии иного света.
Там в Млечной полосе, где жизнь течет без слез,
Где нет весны, ни осени, ни лета,
И трепета чуть обнажившихся берез.

Мы все-таки живем и, веря в тайные приметы,
В мирах любви летим к своим созвездиям,
Пусть путь наш осветит хвост ледяной кометы,
А стих — с неверным перебоем, шестистопный ямб.

Мы все-таки живем, так начинают жить сначала.
И в небо глянет Русь, не ставшая сполна...
Мы все-таки живем, и в трепете берез
и в досках деревянного причала,
Где тихо бьется одинокая волна.

Валерий ШАПИРО

Буду я по городу ходить,
Потому что рано хоронить.
Будет строчка, чистая как медь,
На морозном воздухе звенеть,
Будто капля чёрного огня
С высоты упала на меня.

Аркадий АГАПКИН

Двужильный день перехитрить
И ночь бездомную прищучить
Златосеребряной луной...
Так пелось брошенной весной
На тот неосторожный случай,
Что жить да жить...

Евгений СТЕПАНОВ

И — тесно папироске в пачке.
И — тесно костерочку в печке.
И — тесно в конуре собачке.
И — тесно бабкам на крыльчке.
И — тесно мне в квадрате неба,
В прямоугольнике державы.
Но — плакать, плакаться нелепо.
Всем — тесно, всем, о, Боже правый...

Владимир РУБЦОВ

Куда-то шел и наконец
Уперся носом в стену.
Обыкновенная стена
И нос обыкновенный.

Александр МИРЗАЯН

ТЯЖЁЛЫЙ БЛЮЗ

Ну что, ответь, мой друг философ,
куда завёл нас поиск носа?
Скажи, зачем вставал на спины
и вдаль светил пером гусиным?
Чего нашёл, кого оставил?
И где сестра, где брат твой Авель?
Да что теперь считать потери —
нам дали всё, что мы хотели. —
И с тем в руках ушли из Рая,
чтоб здесь в снегах искать Израиль,
где слов твоих уже не слышно,
где ты играл и пел для нищих.
И видел, как, теряя силы,
уходит мир меж губ Далилы.
И не спасти — тебе тем паче —
и не сдержать — стеною плача.
Да что с того, что к ней прибиты
звезда полей, звезда Давида.
Тогда давай поднимем свечи
за всех, кто пел «ещё не вечер!».
Который час узнаем точно —
ты слышишь бой часов песочных.
Смотри — снесло пустые сети,
держи весло и пой, как ветер.

Владимир ГЛЯНЦ

Тихо все. Лишь лает пес,
Лает пес добрейший.
Бьются волны об утес
Да собака брешет.
Мало звуков. Только те
И остались целы,
Что в невинной простоте
Не имеют цели.
Звезды нехотя летят,

198 Головами свесясь,

Месяц тонкого литья
Понемногу светит.
Ветка на ветру дрожит,
Немотой измучась...
То замрет, то пробежит
Ветер,
говор,
участь.

Александр АНТИПОВ

Четвёртый день не смог, а снег.
Глядишь, а там уже и пятый.
Похоже, хлопьям этим падать
Не то что год, а целый век.

В далёком Токио дожди,
В Париже облачно и влажность,
А мы заснежены протяжно.
И пей не пей, и жди не жди,
А у России впереди
Снега. Небесный суд присяжных,

Устав от нашего дерьма,
Решив, что горе от ума,
Вердикты всё ещё выносит:
У тех весна, у этих осень,
А нам одно — зима, зима.

Толстой во всех своих томах,
Набоков, чаще по-английски
И Бродский, ставший обелиском,
Твердили общее — зима.
Ведь русский — это не приписка,
Быть русским — это не тюрьма.

И вот ещё один еврей
(Давно читали Пастернака?)
«Весь мир сумел заставить плакать
Над красотой земли своей».

А тот, кто древком флаг вонзил
В бетон горящего Рейхстага,
По родословной и бумагам
Был канонический грузин.

Но разве я бы нынче смог,
Рождённый русским, стоя с ними,
Поверить в то, что мы отныне
Не скреплены одной зимой?
Быть русским - это не гордыня
И уж, тем паче, не клеймо.

Когда иные кулаком
Стучатся в грудь, мол, за отчизну,
Так тесно в их патриотизмах,
Так от отчизны далеко.

И суть не в том, каких кровей
Твои друзья и папа с мамой.
Родиться русским - это мало.
Уж как по мне, куда важней
Быть честным к Родине своей,
Когда не ждёшь небесной манны
И прочих божьих кренделей.

И наших черт с лица не смыть,
Мы были, есть и будем прежним:
Среди пяти шестых надежды
Одна шестая часть зимы.

Галина ЯКИМОВА

Кто со мною незримо был,
Кто за мною шпионил-следил,
Кто удобный момент улучил
И затрецину мне отпустил.

Кто, не давши опомниться, вдруг
Дал увидеть замкнувшийся круг?
Это были мои заморочки.
Это месья непоставленной точки

Марина МИХЕЕВА

Я странником иду по городам,
по городам — по дням,
по средам, четвергам,
и каждый день другие города,
и их привычны имена.
Вчера я в странный город забрела —
на пыльной площади три каменных столба
и надпись полустертая в пыли:
НЕ ОСТУПИТЕСЬ НА КРАЮ ЗЕМЛИ...

Лидия ОГАНЕСЯН

По ночам оживают камни
и расправляют станы,
и танцуют под музыку моря,
завораживая нас с тобою.
И камень не кажется плоским
в огнях ночных и отблесках.
Он неустанно меняет форму.
И вовсе он не покорный
раб земли, вросший по грудь
в эту родную твердь.
Он стремится к небу прильнуть
и звездам песни пропеть.

Юлия КАШТАНОВА

ТОЛЕДО

Толедо, каменный цветок посреди пустыни.
Толедо, маленький мирок на краю земли.
Словно бы монета, зазвенит в тиши призрачное имя
Треском кастаньет, перезвоном шпаг, порохом в пыли.

Толедо... на стенах домов памяти узоры.
Прогресса посреди тисков сказки адамант.
Мнится мне опять, что мелькнет на башне тень конки-
стадора,
Ветерок дуэньи голосом мантилью не велит поднять.

На память заберу в горсти лоскуточек неба.
Оставить что тебе взамен за один глоток
Твоего дыханья, мостовых базальт, колокольный трепет?
Сердца замиранье лишь на твой алтарь принесу я в срок.

Тоledo, маленький мирок, ожившая сказка.
Твой образ мне тревожит сны, мысли теребя...
На эфесе герб, сталь клинка поет в твоём зное вязком.
Да простит мне Бог, что Святой землей назову — тебя!

Максим ЖУКОВ

Марине

Напечатай меня ещё раз в этом странном журнале,
Напиши обо мне, что отыщет дорогу талант.
Проходя сквозь меня по неведомой диагонали,
Эти строки замрут на свету электрических ламп.
Ничего-то в ней нет, в зарывавшей от скорби Психее,
И какая там скорбь, если нет для печали угла
В той обширной душе, что когда-то была посвежее,
Помоложе, бодрей и, должно быть, богаче была.
Напиши пару фраз о моём неудавшемся жесте,
О моей неудавшейся паре ритмических па,
О свободе писать... Но свобода танцует на месте,
И, порою, лишь там, где танцует на месте толпа.
Уходящая вглубь, оживает под кожным покровом
Вся венозная сеть, и сетчатка не чувствует свет.
Всё, что было во мне, всё, что будет, останется...
Словом,
напечатай меня
так, как будто меня уже нет.

Анна МИХАЙЛИНА

ПРОЗРАЧНЫЕ СТЕНЫ

Все более прозрачны кирпичи,
Моя кровать уже почти в сугробе,
Мой дом прозрачен — сколько не кричи —
200 Не спрятаться в его пустой утробе.

Вся скорлупа мне не принадлежит,
Одежда, книжки, стулья — все так зыбко,
Принадлежит лишь то, что здесь лежит
Больное тело, жалкая улыбка.

Светлана АРТЕМОВА

От вазы — осколок,
Бутоны — от цветка,
И ничего — твоего.
Зов сердца недолог,
Разлука легка,
Но больно мне так отчего?

Елена ЯВОРСКАЯ, Орел

Только лишь в сказках мораль безыскусно строга,
все остальное — тая-ляп — анекдот подытожит:
ключик от сердца красотики висел на рогах —
бывший супруг их оставил на память в прихожей.

Сколько разбито сердец о высокий порог!
Сколько скелетов в зеркальном шкафу позабыто!
Но торжествует обычный житейский итог:
лучше посеять рога, чем откинуть копыта.

Олег БОГДАНОВ

Я залетел в чужую ночь
и разбудил чужую дочь,
чужая женщина при мне
чуть отодвинулась к стене,
и я в чужую лег постель,
и разглядел чужую тень
за занавескою в углу,
наткнулось сердце на иглу.

Ирина ЭНКАРНАСЬОН-КОНСЕПСЬОН

Так сквозило безответное,
Словно капелька росы.
Пробивалось что-то светлое
Из туманной полосы.

Пробивалось, кралось пятнышко.
Словно луч от фонаря,
Находило и, как матушка,
Нежно гладило тебя.

Михаил НИКОЛАЕВ

Ветер прибит гвоздями,
Облако расцвело.
Между двумя дождями
Мне на земле светло.
Пусть в камышах колышется
Зябкий закат в тоске —
Нынче легко мне дышится
На голубой реке!
Заворожит, затаяет,
Хрипло поет весло.
Между двумя дождями
Мне на земле светло.

Юрий КЛЕЙБЕРГ

Будет свет. Будет лед.
На ладони свирель.
Синий вечер. Полет.
И бессонный апрель.
Небеса на двоих.
Ясной зелени круг.
И затмение тьмы.
И забвение лет.
В мире — небо и мы.
В небе — крылья и свет.
... А потом на пути,
Самом долгом пути,
Здесь — тебя не найти,
Там — меня не найти.

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

К ПОКРОВУ

Позову — молитвою без слов,
ты откликнешься — горячей речью.
Снежной скатертью падет Покров
на просторный стол короткой встречи.
Глянец окон... Взглянем, даль деля,
облако чуть сдвинет — вечный ветер.
Вздоргнем — как бела уже земля,
розовых берез развиты ветви...
Ангел чуть качнется на часах,
словно воин, вставший за околицей,
и пройдет в раскрытых небесах
по горячей кромке — Богородица.
Ты возьмешь Минеи, иль Триодь,
и тропарь откроешь: глас четвертый.
Кратким гимном отзовется свод,
и скользнет к ладоням Плат простертый.

Алексей ПАХОМОВ

Иногда я хочу проснуться,
Оглянуться и в бездну кануть,
И упасть на ладони Бога,
И уснуть на его ладонях...
Так август на знойной сини
Серебрит паутины накипь.

Светлана МАКУРЕНКОВА

Я спала на ладони у Бога
В колыбели ночной тишины.
Светлый луч вопросительно строго
Заглянул в мои вещие сны.
Полнолуние мир заливало
Древней тайной нездешней красы,
Будто в мире себя избывало
Что-то в эти земные часы.

И незримого тонкие блики
Явью сон обернули легко,
Проступили сокрытые лики,
Отрешилась душа от оков.

Дмитрий КОЛЕДИН

Попасть в пространство без пространства
Дышать без воздуха — но как?
Ведь танцевать без танца
Мы можем только сбившись с такта
И заблудившись в трех соснах
Найти четвертую уже в других мирах...

Юрий МАМЛЕЕВ

Тихо лежу, завершая огромную жизни тревогу.
Друг, с кем скитался по дальним жестоким мирам,
Скоро под землю уйдёт — незаметно пророет дорогу,
Ту, по которой скитаться он хочет, подвластный
подземным векам.
Пусть себе! Вижу богов непонятное в небе течение.
Мысль и желанья их — так далеки от меня!
Мне б отдохнуть! И услышать блаженное пение,
Что уведёт меня в сладостный плен и в лобзание сна.
Только боюсь, что умру и потом не дождусь поцелуя.
Шар мой застрянет в каких-то немислимых плясках и снах.
Кто-то бездонный, с вселенским сознанием, подует —
И унесусь навсегда, в неизвестность, в таинственность,
в прах.

Александр ВОЛОВИК

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное — когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда — единственная вещь.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права.
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождейки слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она включает свет.

И в этом свете (только в нём) является предмет.
Всё — виртуально: водоём, премьера, интернет..
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

Татьяна ВИНОГРАДОВА

КАЖДЫЙ ВТОРОЙ
нетолерантный рэп

они сидят на корточках
они курят кальян
и из глаз их глядит великая степь
и каждый второй чингисхан

они метут наши улицы
продают хачапури и молоко
они живут в наших подвалах
их родина далеко

они говорят гортанными голосами
они глядят непроницаемыми глазами
они почти не понимают по-русски
мы совсем не знаем их языка
наша совместная жизнь нелегка

когда-нибудь они бросят мётлы
лопаты и мастерки
когда-нибудь они покинут подвалы
и встанут с корточек и каждый второй
и выплунут кальянные мундштуки

и они откроют все двери
все глаза и все книги судеб
и окажется что их больше чем нас
и это их город

а мы неизвестно где
а мы неизвестно где
а мы неизвестно где

и я не знаю о чём ещё петь
когда восходит лунный серп-ятаган
и из наших глаз глядит великая степь
и каждый второй чингисхан

и каждый второй чингисхан

и каждый второй чингисхан

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ

КИТАЙСКИЙ СИНДРОМ

Плывут куда-то наши корабли,
Летают даже где-то журавли,
Жируют на помойках кобели —
Пока ещё китайцы не пришли.
Ни разу я не пробовал «Шабли»,
Пусть жизнь и не малина-разлюли,
Но вдоволь ем блины и кисели —
Пока ещё китайцы не пришли.
Есть у меня кусок моей земли,
Поют там птички и жужжат шмели:
Копай, сажай, удабривай, рыхли —
Пока ещё китайцы не пришли.
Жена трендит: дровишек накопи,
Я ей в ответ, мол, ты меня не зли,
Ты лучше мне постелю постели —
Пока ещё китайцы не пришли.
Хоть не сидим мы с нею на мели,
Жгут мыслей раскаленные угли:
Как на юани поменять рубли —
Пока ещё китайцы не пришли?
И вот уж померещилось: вдали
Велосипедов армия в пыли,
По городу снуют их патрули...
Виденью приказал я: отвали,
Пока ещё китайцы не пришли!

Элизбар АНАНИАШВИЛИ

Чужие края,
Глушь, непонятная речь.
Шла мимо кошка,
Внятно сказала «мяу»
На своем эсперанто.

Татьяна ГОРДИЕНКО

ПРИХОД РОЖДЕСТВА

Сегодня день звучал совсем невнятно,
Как будто бы расстроенная арфа,
И было это так же непонятно,
Как то, где был основан древний Карфа.
Трамваи - вразнобой, шипели шины,
А все деревья выгибали спины,
Чтоб в перерывах снежного скольженья
Своё увидеть в окнах отраженье.

Не слышно время шло по циферблату,
Все звёзды в удивлении застыли,
Соборов колокольные кантаты,
Как ангелы над городом, парили.
И было так торжественно и व्यожно,
А сорок сороков звонили дружно.
И в мыслях мира не было иного -
Лишь Рождество, лишь Рождество Христово!

Григорий АРЛИНСКИЙ

Молчите, вслушиваясь в ночь,
Ловите утренние зовы.
Как медленно уходит прочь
Несостоявшееся слово...

Еще с оглядкой, невзначай
Сверкнет, как тусклая зарница:
В неумолимое «прощай»
Срывается, и ночь, как птица.

Алла КОЗЫРЕВА

ПОГРЕБЕНО В ЧЕРНОВИКАХ

Погребено в черновиках
Преданий, сказок, песен много.
Но не грущу о пустяках:
Я верю в расписание Бога.

Не помню, где и почему,
Мы были — маленькие птицы,
И что-то спели мы Ему,
Что разрешил людьми родиться

В одну из интересных вех,
Когда молитвой стало Слово.
Ах, что же было в песнях тех?
Сейчас припомнить, спеть бы снова...

Черновики, чертополох,
И наша маленькая стая,
И улыбающийся Бог...
Ты знаешь... да я тоже знаю...

Марина КОВАЛЕВСКАЯ

Нужной долей стих начинается,
Отвлекаю свой взгляд от боли,
Я хочу отмыться от грязи
И не получается
Без добавления соли.
Я годами себя ограничиваю,
Распоряжаюсь и местами молчу,
Гайки через силу завинчиваю
И в итоге ничего не хочу.
От стыда и от яркого пламени
Мне достанется переменчивый цвет
Красного знакомого знамени
И значка за выслугу лет.
Обволакивает меня прошлое серыми
И темными пятками грязь,
Я тащу на себе со всего человечества
Связь.

Юрий ВИНОГРАДОВ

Пока не гонимся за проком,
Пока прекрасен окоём,
Давайте думать о высоком

204 Предназначении своём.

Пока ещё не вышло боком
За ложь, за песню с полным ртом,
Давайте думать о высоком.
О прочем — как-нибудь потом.

Борис ИЛЮХИН

МОИМ УЧЕНИКАМ

Что наша жизнь? Возня в бытийной грязи,
Игра с венцом удач и неудач?
Но жизнь — не сборник вычурных задач,
Мы созданы из неслучайных связей.

Хоть сотню раз пути переиначь:
Бросайся в бездны, на вершины лазай,
Сгори в геройстве, заразись проказой —
В судьбе меня не минешь ты, хоть плачь.

Я в жизнь твою войду, как назидатель,
Которого в Твореньи на века
Для каждого назначил сам Создатель.

Ты ищешь? — укажу наверняка,
Ты страдаешь? — я твой верный сострадатель,
Ты погибаешь? — вот моя рука.

Константин ШАПОВАЛОВ

Раскрыта книга бытия:
Весны парящее пространство,
Пока в невидимом убранстве,
Втекает в сонные края,
Но разгоняется, узрев
Великолепной режиссуры
Сценарий радостный и хмурый,
Записанный в ветвях дерев,
Затверженный в скрижалях трав,
Пропетый птицами рассвета,
Ладье души отдавший ветер,
Глашатай жизни новых глав.

Повсюду светопись чудес!
И нынче будет вечер дивный,
Всё в сумраке нам будет видно, —
Открыты таинства небес.

Мария МИРОНОВА

По брезгливой воде,
по заточенной зыби зеркал
Перейти многополюсно,
прямофигурно и властно.
Сколько свет отраженный
собою во мне рисковал,
Столько раз проседала волна
и в волнении гасла.
Здесь Ослябя затих,
а вон там, впереди, — Пересвет
Все готовится пасть,
не остыв от монашеской части.
Домолились до ратного дела,
давая обет
Всё земное пройти по воде
искупительной страсти.
Правда тут постаралась,
подставив свои рамена, —
Этих стойких и нежных,
собою и Богом точённых.
Только солнцу досталась не вечность,
а лишь времена,
Где и берегу мутно
от конницы красных да чёрных.
Заплескалась вода.
Научи меня прямо ходить,
Облеки в прямизну,
даже если до лодки неблизко,
Белым светом во мне затяни
вертикальную нить.
Я ступаю по водному пламени
полного диска.

Жанна ЖУРАВЛЕВА

ПЕРЕДЕЛКИНО

Борису Пастернаку

Когда луна округлыми боками
Щекочет занавеску на окне,
Лесные эльфы вместе с мотыльками
На тихий зов слетаются к тебе,

Где обернувшись сумраком прохладным,
Смешав и скомкав тени наугад,
Свет керосинки, переплыв веранду,
Косою полосой ложится в сад.

Разносит ночь шаги по закоулкам,
Идёт, дорогой рассыпая их.
Твой ветхий дом, как старая шкатулка,
Созвучий полон чутких и живых.

Они давно уж проросли в комод,
И не страшась ни тли, ни саранчи,
На грядках густо зреют в огороде
И к звёздам тянут звонкие стручки.

Игорь БУРДОНОВ

Хорошо бы собаку купить...

Иван Бунин

Уеду в глушь от сует человеческих.
Сниму замок, открою дверь избы.
Зажгу костёр в глубинах русской печи.
Весёлый дым повалит из трубы.
Не пойман, не опознан, не подсуден —
я возвращаюсь к истинной основе.
Горячий чай из глиняной посуды.
Табачный дым мешается с сосновым.
Ночная тьма и звёзды за окном,
и месяц тонок, как в прыжке борзая.
Страницы книг охотничьим ножом

я медленно и важно разрезаю.
В огонь печи как в родовой камин
уходит взгляд как поезд от перрона.
Как нравится мне, что сижу один
и наслаждаюсь прозой Честертона.
У ног моих ложится славный пёс
и голову на лапы опускает.
Он зимней шерстью хорошо оброс
и от тепла спокойно засыпает.
Недвижима в ночи земная твердь.
Лишь изредка из леса — крик совы.
И если к нам в окно заглянет смерть,
мы даже не подыдем головы.

Святослав БЕСЕДИН

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

Я, как израненный цветок,
Отпвёл на давящей Земле.
Меня заманивает Бог -
Я слышу голос при луне.
Мне бред вокруг осточертел,
Осточертела лживость слов,
Я тенью призрачной взлетел,
Пестрея саваном стихов.
Мне надоела эта боль,
Моё подгнившее нутро,
В крови бушует алкоголь,
В руке ломается перо.
К своей «Инонии» иду,
Предав молчание огню,
Я в безысходности бреду...
«Гори звезда моя!» в аду.
Я оглянулся на людей,
Живущих в беззаконьи мира,
Увидел бесов и зверей:
Моя для них играет лира?!
Я умираю как поэт.
Поэт не сдохнет, как собака,

206 Он оставляет в душах свет,

А на щеках оставит влагу.
Поставят на могиле крест,
А под крестом — меня распяли,
Я помню всё... Теперь не счесть
Меня уж сколько распинали.

Я завещаю вам перо...
Перо, чернила и бумагу...
А впрочем, может быть, ещё,
Торчащую из горла шпагу.

Ольга КАРУЛИНА

СЕМЬ СТРОФ ПОЭТУ

Леониду Губанову

Я встретил странного Поэта
На перекрестье всех дорог.
Он гордо шёл в тунике света,
Безмолвен и до боли строг.

Посланцем от иного мира,
Он людям нёс свои стихи.
Он был изгоем, был кумиром,
И жил властителем стихий.

Он дар пророчества неожиданный
Распял на собственном кресте.
Изведав скорбь, изведав раны,
Он стал нигде... и стал везде.

Он бессознательно и властно
Вбивал во плоть страданий жердь,
И пережёвывал всечасно
Не раз отплёванную смерть.

Безумных образов скитанье,
Галоп раздробленный коня
С ума сводили мирозданье,
Лишь сердце рваное храня.

То сердце бешеным напором
И перевозданной чистотой,
Со всей Вселенной дерзким спором
Навек смутило мой покой.

Прошёл Он мимо. Я ж доселе
Смотрю на слов горящий шлейф,
Гадая, что на самом деле
Хранил души бездонный сейф.

О'КАРПОВ

ВЕЧЕР

Как-то не давно, недавно, давеча-давеча
Из оврагов-буераков поднимался вечер.
Темным лоскутом небесным звезды протирая,
На дуде болотной выпи жалобно играя...

По деревьям, по подворьям ставни закрывались.
В тихих заводах русалки в ил позарывались,
Черти месяц залепили облачною ватой,
В конурах, дрожа, скулили псы, хвосты поджаты!..

В дуплах лешие проснулись, сучьями скрипели...
По печным трубопроводам ведьмы полетели,
Два медведя выходили из лесной чащобы,
Даже мыши в избах стихли — боязно, еще бы!..

Два медведя выносили ношу. Ноша тяжка.
Не хватило малость силы. Не допел, бедняжка...
Под горою яму рыли у Кривого Лоха...
В яме той и схоронили в полночь скомороха...

То-то нечести веселье! Сладкая добыча!
С веток листья облетели от лихого клича!
Под зарю росой прибило светляковы свечи...
Отдыхай покуда, милый!.. Завтра снова — вечер!..

Владимир АЛЕЙНИКОВ

Когда в провинции болеют тополя,
И свет погас, и форточку открыли,
Я буду жить, где провода в полях
И ласточек надломленные крылья.
Я буду жить в провинции, где март,
Где в колее надломленные льдинки
Слегка звенят, но, если и звенят,
Им вторит только облачко над рынком;
Где воробьи и сторожихи спят,
И старые стихи мои молюбою
В том самом старом домике звучат
Сквозь ропот голубинога прибора.
Я буду жить, пока растает снег,
Пока стихи не дочитают тихо,
Пока живут и плачутся во сне
Усталые большие сторожихи;
Пока оледенели провода,
Пока друзья живут, и нет любимой,
Пока не тает в мартовских садах
Тот неизменный, потаенный иней.
Покуда жилки тлеют на висках,
Покуда небо не сравнить с землею,
Покуда грусть в протянутых руках
Не подарить — я ничего не стою.
Я буду жить, пока живет земля,
Где свет погас, и форточку открыли,
Когда в провинции болеют тополя,
И ласточек надломленные крылья...

Евгений БУНИМОВИЧ

ПОКОЛЕНИЕ

В пятидесятых — рождены,
В шестидесятых — влюблены,
В семидесятых — болтуны
В восьмидесятых — не нужны.
Ах, дранг нах остен, дранг нах остен,
хотят ли русские войны,
не мы ли будем в девяностых
отчизны верные сыны...

Алёна МИХАЙЛОВА-ФИБОНАЧЧИ

НАВЫРОСТ

Стихи даются навырост
Когда они малы:
Грудная клетка, время и место действия,
Широта обзора, долгота сна, сила и масса души,
Хорошие стихи отличаются тем,
Что вырасти из них невозможно.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

НОВОГОДНЯЯ ФУГА

Мой нотный стан разбит
в безлюдье бивуаком.
Язык отцов забыт —
черёд за нотным знаком.
Доколе быть немым —
за колья и за вилы!
На волю — из тюрьмы
под мерный рокот лиры.

...Чернеет виноград
тугой увит лозою
Хвалёный Вертоград
ничто перед слезою
младенческой любви
к магическому звуку
Лишь только позови
и с головой в науку
судьбы перипетий
чудных переплетений

А паузы петит
Затем — чтоб вызрел гений...

Иосиф БРОДСКИЙ

НА СМЕРТЬ ЖУКОВА

Вижу колонны замерших внуков,
Гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо, в опале,
как Велизарий или Помпей.

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же, прими их — жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и, военная флейта
громко свисти на манер снегирия.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ АЛЬМАНАХА

В скобках указан псевдоним автора, а через запятую расшифровка псевдонима; после фамилии (или псевдонима) указывается порядковый номер раздела, см. содержание

- АГАПКИН Аркадий 20
Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ, Александр Сыров 12, 13,20
АЛЕЙНИКОВ Владимир 20
АЛЕКСЕЕВ Юрий 15
АНАНИАШВИЛИ Элизбар 20
АНТИПОВ Александр 20
АРЛИНСКИЙ Григорий 20
АРТАМОНОВА Ирина 13,19
АРТЕМОВА Светлана 20
АРЦИНОВИЧ Всеволод 20
БАБУШКИНА Полина 9
БЕСЕДИН Святослав 20
БЕРЕЖКОВ Владимир 20
БОГДАНОВ Олег 20
БОБРОВНИЦКАЯ Олеся 11
БРОДСКИЙ Иосиф 3,20
БУНИМОВИЧ Евгений 20
БУРДОНОВ Игорь 20
ВАНХАНЕН Наталья 20
ВАХНИНА Софья 7
ВЕЧЕРИНА Римма, Р.Сумцова 3
ВИНОГРАДОВ Юрий 20
ВИНОГРАДОВА Татьяна, Т.Смирнова ,0,5, 18,20, 23
ВОЛКОВ Сергей 7
ВОЛКОВА Елизавета 7
ВОЛОВИК Александр 19,20
ВОЛОХОНСКАЯ Лилия 14
ВОРОПАЕВА Галина 20
ГАБРИЭЛЯН Наталья 14
ГЕДЫМИН Анна 20
ГЛЯНЦ Владимир 20
ГОМОНОВА Елена 20
ГОНТАРЕВ Олег 19
ГОРДИЕНКО Татьяна 20
ГОРОХОВАТатьяна 19
ГРАУЗ Татьяна 2, 20
ГРИБОЕДОВ Александр 6
ГУМИЛЕВ Николай 1
ДАВЫДОВА Нина 0,1,13, 17
ДЕЛБА Владимир 19
ДОВЖИК Виктория 10
ДОРИНА Станислава 8
ДУАРДОВИЧ 18
ДУДАКОВ Валерий 20
ЕГАРМИН Илья 10
ЕЗЕРОВА Любовь 0,23
ЖУКОВ Максим 20
ЖУРАВЛЕВА Жанна 19,20
ЗУБКОВ Ефим 20
ЗОЛОТОВА Наталья 7
ИВАЩЕНКО Валерий 19
ИЛЮХИН Борис 20
КАВЕРИН Артем 15
КАЙСАРОВА Татьяна 18,20
КАЛИНИЧЕНКО Николай 20
КАНАРСКАЯ Суламифь 20
КАРУЛИНА Ольга 20
КАЦЮБА Елена 20
КАШТАНОВА Юлия 20
КЕДРОВ Константин 20
КИРС Ксения, Оксана Кирс 19
КИРШТАЙН Ингрид, Елена Ткаченко 5,20
КЛЕЙБЕРГ Юрий 20
КЛЕЙМАН Томара 12
КОЗИН Иван (Стив Бургундец) 4
КОЗЫРЕВА Алла 10,20
КОЛЕДИН Дмитрий 20
КОЛЛЕГОРСКИЙ Виктор 10
КОЛОДЯЖНАЯ Людмила 20
КОЛЬЦОВА Наталья 18
КРИВОРУЧКО Владимир 12
КРОНГАУЗ Ирина 20
КУКЛЕВ Валентин 20
КУРИЛОВ Дмитрий 10
КУСТОВ Владимир 12
ЛЕВИНА Марина 20
ЛЕМТЮЖНИКОВА Дарья, Дарьяна Л. 4

ЛЕРМОНТОВ Михаил 6
ЛОЗОВОЙ Александр 10
ЛОЗОВОЙ Николай 3
ЛУФЕРОВ Виктор 20
МАГОМЕТ Сергей 10
МАЗУР Валентин 20
МАКУРЕНКОВА Светлана 20
МАЛЕВИЧ Казимир 3
МАЛЫШЕВА Олеся 7
МАМЛЕЕВ Юрий 0,2,20
МЕЛИТОНЯН Арсен 20
МИНАКОВ Игорь 20
МИРЗАЯН Александр 20
МИРОНОВА Александра 10,20
МИРОНОВА Мария 2,6,20
МИХАЙЛИНА Анна 20
МИХАЙЛОВА Оксана 13
МИХАЙЛОВА-ФИБОНАЧЧИ Алёна 20
МИХЕЕВА Марина 20
МОНАХОВ Дмитрий 19
МОРРИСИ Шинейд 8
НИКИТЕНКО Константин 12
НИКОЛАЕВ Михаил 20
НЯЧ Софья 4
О`КАРПОВ 20
ОГАНЕСЯН Лидия 19,20
ОГНЕВ Илья, Илья Оганджанов 20
ОЛЕЙНИКОВ Александр 19
ОРЛОВСКАЯ Елена 20
ПАНФИЛОВА Мария 2,20
ПАХОМОВ Алексей 20
ПАХОМОВ Аркадий 20
ПАХОМОВА Наталия 0,17
ПАЦАЕВА Татьяна 2,20
ПОПОВА Анна 20
ПРИБЫТКОВ Владимир 2
РАБИНОВИЧ Иосиф 17,20
РАДИОНОВА Ксения 20
РЕЙН Евгений 3
РЕПИНА Ирина 5
РОЖКОВА Наталья 0,8, 14,15,20
РУБИНА Катя 12
РУБИНСКАЯ Наталья 5

РУБЦОВ Владимир 20
РЯХОВСКАЯ Инна 20
САВИН Андрей 15
СЕРОВА Людмила 12,14
СЕМИЗАРОВА Галина 20
СЕМИРЕЧКИНА Нели, Н..Татарникова 20
СИЛАЕВА Нина 2
СЕНИЦЫНА Юлия 13,14
СОКОЛОВСКАЯ Ольга 5
СТЕПАНОВ Евгений 10,20,
СЫСОЕВ Вячеслав 19, 20
ТАЧКОВ Григорий 4
ТИШИНА Ирина 20
ТРОФИМОВА Алина 15
ТУРГЕНЕВ Иван 11
УРЮПИНА Анна 16
ХАЗАНОВСКИЙ Петр (Петр Кифа) 4
ХАРИТОНОВА Анна 11,20
ХАРИТОНОВЪ Евгений В. 20
ХИНИ Шеймас 8
ЦЕСЕЛЬЧУК Дмитрий 0,1,2,3,5,12,20
ЦОЙ Ная , Анастасия Цой 7
ЧЕЛИКАНОВА Ирина 20
ЧИЛАП Олег (О'Чилап) 10
ЧОРА Роман, Р.Марголис-Чора 13
ШАПИРО Борис 20
ШАПИРО Валерий 20
ШАПОВАЛОВ Константин 19,20
ШАРПАК Виктория 17
ШЕЛОВ Сергей 0,2
ШЕЛОВА Татьяна 19
ШЕРСТНЕВ Сергей 20
ШЕСТАКОВА Лариса 6
ЭНКАРНАСЬОН-КОНСЕПСЬОН Ирина 20
ЮРОВА Марина 11
ЯВОРСКАЯ Елена 20
ЯКИМОВА Галина 20
ЯКУБОВИЧ Борис 3, 6
ЯКУШЕВА Юлия, Юлия Болотина 10,20
ЯШИНА Ольга 7

СОДЕРЖАНИЕ

Выходные данные; краткая аннотация (0) 2

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ (1)

Продолжение темы:

«Но почему мы клонимся без сил, Нам кажется, что кто-то нас забыл...»	3
Письмо депутату Законодательного собрания СПб	
А.Р. Мельниковой	4
Ответ из Комитета по культуре СПб.	4
Открытое письмо: депутату Законодательного собрания СПб	
А.Р. Мельниковой; в Комитет по культуре СПб.	5
Николай Гумилёв. А я уж стою в саду иной земли...»	5

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА (2)

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. <i>Стихи</i>	6
Юрий МАМЛЕЕВ. Ерема-дурак и смерть. <i>Сказка</i>	10
Мария ПАНФИЛОВА <i>Стихи</i>	13
Владимир ПРИБЫТКОВ. Тяга (из охотничьих рассказов)	14
Мария МИРОНОВА. <i>Стихи</i>	14
Татьяна ГРАУЗ. Он говорил она слушала он говорил. Эссе.	16
Нина СИЛАЕВА. <i>Стихи</i>	19
Сергей ШЕЛОВ. Азиатка (<i>рассказ немолодого человека</i>).	20
Татьяна ПАЦАЕВА. Из старых тетрадей ... <i>Стихи</i>	22

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ (3)

75 лет со дня рождения Иосифа Бродского

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Так было бы длиннее... <i>Из новелл об Иосифе Бродском</i>	24
Римма ВЕЧЕРИНА. <i>Скорее о времени, чем о себе</i>	26
Из литературного архива Александра Лозового:	
Николай ЛОЗОВОЙ. Воспоминания о Казимире Малевиче	28
К 1200-летию со дня рождения Мефодия	
Борис ЯКУБОВИЧ. Солунские братья Кирилл и Мефодий	31

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗНАКОМСТВА (4)

Петр ХАЗАНОВСКИЙ. <i>Стихи</i>	34
Дарьяна ЛЕМТЮЖНИКОВА <i>Стихи</i>	36
Григорий ТАЧКОВ. <i>Стихи</i>	37
Иван КОЗИН. <i>Стихи</i>	38
Софья НЯЧ. <i>Стихи</i>	40

ДИАЛОГ КУЛЬТУР. ГРЕЦИЯ (5)

Ольга СОКОЛОВСКАЯ. Романовы в гостях у королевы эллинов.	41
Ингрид КИРШТАЙН. Легенды о гречанках. <i>Стихи</i>	44
Ирина РЕПИНА. <i>Стихи</i>	44
Наталя РУБИНСКАЯ. <i>Стихи</i>	45
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. <i>Стихи</i>	45

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (6)

220 лет со дня рождения Александра Грибоедова

Мария МИРОНОВА. Грибоедовская Хмелита. <i>Стихи</i>	46
Борис ЯКУБОВИЧ. Двойная дуэль.	46

Заметки о «Лермонтовском тексте» в русской поэзии Серебряного века

Лариса ШЕСТАКОВА. «К нам Лермонтов сходит, презрев времена...»	48
--	----

ДЕБЮТ (7)

Ная ЦЮЙ. <i>Стихи</i>	52
Сергей ВОЛКОВ. <i>Стихи</i>	53
Наталя ЗОЛотова. <i>Стихи</i>	53
Ольга ЯШИНА. <i>Стихи</i>	54
Софья ВАХНИНА. <i>Стихи</i>	55

МАСТЕРСКАЯ (8)

Наталя РОЖКОВА. И в чистый лист вступаю налегке	56
Станислава ДОРИНА. Камышовая сойка.	
Шеймас и Шинейд.	58

ДРАМАТУРГИЯ (9)

Полина БАБУШКИНА. Как мы убивали дядю Ваню. <i>Драма в трех действиях</i>	60
--	----

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА (10)

Александра МИРОНОВА. <i>Стихи</i>	73
Дмитрий КУРИЛОВ. Из жизни одноногих. <i>Рассказ</i>	76
Алла КОЗЫРЕВА. <i>Стихи</i>	77
Сергей МАГОМЕТ. Смотрю, как вода бежит и бежит... <i>Рассказ</i>	78
Олег ЧИЛАП. <i>Стихи</i>	79
Александр ЛОЗОВОЙ. Катя -Катафалк. <i>Глава из романа</i>	81
Евгений СТЕПАНОВ. <i>Стихи</i>	83
Виктория ДОВЖИК. Будни чокнутой семейки. <i>Глава из повести</i>	84
Юлия БОЛОТИНА. <i>Стихи</i>	89
Илья ЕГАРМИН. Снеговик. <i>Рассказ</i>	90
Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ. <i>Стихи</i>	96

ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ (11)

- Олеся БОБРОВНИЦКАЯ. Сны страны утренней свежести. *Для любителей кино Кореи* 98
Анна ХАРИТОНОВА. Песнь торжествующей любви. *Отрывок из исследования «Тургеневская песнь» русского немого кино* 101
Марина ЮРОВА. «БЛЕФ, ИЛИ С НОВЫМ ГОДОМ» . . . 104

Нешуточные СТРАНИЦЫ (12)

- Тамара КЛЕЙМАН. *Афоризмы* 105
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. *Стихи* 105
Владимир КУСТОВ. *Стихи* 106
Людмила СЕРОВА. *Стихи* 106
Владимир КРИВОРУЧКО. *Стихи* 106
Катя РУБИНА. А теперь что делать-то? *Рассказик* 107
Константин НИКИТЕНКО.
Черный кот. *Стихи* 108
Пародии. 108
Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ.
Протокол общего собрания паразитов. 110

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ (13)

- Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ. *Стихи* 110
Волшебный телефон. *Рассказик* 112
Роман ЧОРА. *Стихи* 112
Оксана МИХАЙЛОВА. Милая-милая Скво. *Сказка* 113
Юлия СИНИЦЫНА. *Стихи и тавтограммы* 115
Ирина АРТАМОНОВА. *Рассказы и стихи* 116
Нина ДАВЫДОВА. Путешествие в Москву.
Путеводитель. 117

ИСТОРИЯ РОССИИ (14)

70 лет со дня победы в Великой Отечественной войне (1941 — 1945 гг.)

- Наталья РОЖКОВА. «Читаю взхлеб мемуары, поэтов,
послов и солдат...». *Отрывок из исследования* 123
Лилия ВОЛОХОНСКАЯ. *Рассказы:*
Начало. 125
Моя фронтная родня. 128
На фронт по блату. 129
Наталья ГАБРИЭЛЯН. *Рассказы:*
Как началась война 129
Отъезд 130
В эвакуации 130
Людмила СЕРОВА. *Стихи*. 131
Юлия СИНИЦЫНА. Польский подарок. *Рассказ* 131

ПУБЛИЦИСТИКА (15)

- Юрий АЛЕКСЕЕВ. Искусство управления. 132
Наталья РОЖКОВА. Взмах руки (*Собирательница автографов*). 134
Алина ТРОФИМОВА. Как это, по-русски? 136
Артем КАВЕРИН. Плагиат в прогрессии. 136
Андрей САВИН. Бумажная архитектура. 137

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (16)

- Анна УРЮПИНА. «Умоляем не возвращать». *О послевоенной русской эмиграции 1940 — 1950-х гг.* . . 139

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА (17)

- Иосиф РАБИНОВИЧ. Крымские яблочки. 145
Виктория ШАРПАК.
Полуостров Крым. Следы на ветру. 148
Наталья ПАХОМОВА. Поездка в Прибалтику 149
Нина ДАВЫДОВА. Поселок Светлый
и село Красное 151

РЕЦЕНЗИИ (18)

- Наталья КОДЬЦОВА. Спектакль о Душе мира . . . 153
Татьяна КАЙСАРОВА. Флаг поэта прозрачен. 155
Игорь ДУАРДОВИЧ. «Чёрный свет, белая тьма». *Коротко о стихах Татьяны Виноградовой* 158

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА (19)

- Александр ВОЛОВИК. *Стихи* 160
Александр ОЛЕЙНИНОВ. Открытие памятника
Алексею Толстому. *Рассказ* 162
Вячеслав СЫСОЕВ. *Стихи* 163
Владимир ДЕЛБА. Цезари я, от тот самих... *Рассказ* 164
Константин ШАПОВАЛОВ. *Стихи* 171
Ирина АРТАМОНОВА. *Стихи* 172
Олег ГОНТАРЕВ. Санаторий с белками. *Рассказ* 172
Лидия ОГАНЕСЯН. На флорентийской
мостовой. *Поэма*... 174
Татьяна ШЕЛОВА. Ты. *Эссе*. 176
Ксения КИРС. *Стихи* 177
Татьяна ГОРОХОВА. На кладбище. *Отрывок из романа*.. 178
Дмитрий МОНАХОВ. *Стихи* 181
Валерий ИВАЩЕНКО. Человек в камуфляже,
или странное предчувствие твоей и моей беды. *Рассказ* . 183
Жанна Журавлева. *Стихи* 184

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ (20)

- Константин КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ. 186
Наталья РОЖКОВА. 186

Арсен МЕЛИТОНЯН	187	Лидия ОГАНЕСЯН	199
Ингрид КИРШТАЙН	187	Юлия КАШТАНОВА	199
Анна ГЕДЫМИН	187	Максим ЖУКОВ	200
Вячеслав СЫСОЕВ	187	Анна МИХАЙЛИНА	200
Ирина КРОНГАУЗ	187	Светлана АРТЕМОВА	200
Галина СЕМИЗАРОВА	187	Елена ЯВОРСКАЯ	200
Елена КАЦЮБА	188	Олег БОГДАНОВ	200
Валентин МАЗУР	188	Ирина ЭНКАРНАСЬОН-КОНСЕПСЬОН	200
Ефим ЗУБКОВ	188	Михаил НИКОЛАЕВ	201
Ксения РАДИОНОВА	188	Юрий КЛЕЙБЕРГ	201
Виктор ЛУФЕРОВ	189	Людмила КОЛОДЯЖНАЯ	201
Наталья ВАНХАНЕН	189	Алексей ПАХОМОВ	201
Владимир БЕРЕЖКОВ	190	Светлана МАКУРЕНКОВА	201
Ирина ТИШИНА	190	Дмитрий КОЛЕДИН	202
Анна ПОПОВА	191	Юрий МАМЛЕЕВ	202
Анна ХАРИТОНОВА	191	Александр ВОЛОВИК	202
Всеволод АРЦИНОВИЧ	191	Татьяна ВИНОГРАДОВА	202
Суламифь КАНАРСКАЯ	192	Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ	203
Евгений В. ХАРИТОНОВ	192	Элиэбар АНАНИАШВИЛИ	203
Ирина ЧЕЛИКАНОВА	192	Татьяна ГОРДИЕНКО	203
Марина ЛЕВИНА	192	Григорий АРАИНСКИЙ	203
Инна РЯХОВСКАЯ	192	Алла КОЗЫРЕВА	203
Борис ШАПИРО	192	Марина КОВАЛЕВСКАЯ	204
Юлия БОЛОТИНА	193	Юрий ВИНОГРАДОВ	204
Татьяна КАЙСАРОВА	193	Борис ИЛЮХИН	204
Аркадий ПАХОМОВ	193	Константин ШАПОВАЛОВ	204
Галина ВОРОПАЕВА	193	Мария МИРОНОВА	205
Татьяна ГРАУЗ	194	Жанна ЖУРАВЛЕВА	205
Игорь МИНАКОВ	194	Игорь БУРДОНОВ	205
Валерий ДУДАКОВ	194	Святослав БЕСЕДИН	206
Иосиф РАБИНОВИЧ	195	Ольга КАРУЛИНА	206
Мария ПАНФИЛОВА	195	О'КАРПОВ	207
Сергей ШЕРСТНЕВ	195	Владимир АЛЕЙНИКОВ	207
Нели СЕМИРЕЧКИНА	195	Евгений БУНИМОВИЧ	207
Илья ОГНЕВ	195	Алёна МИХАЙЛОВА-ФИБОНАЧЧИ	208
Николай КАЛИНИЧЕНКО	195	Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК	208
Елена ГОМОНОВА	196	Иосиф БРОДСКИЙ	208
Елена ОРЛОВСКАЯ	196		
Александра МИРОНОВА	197	АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ	
Валентин КУКЛЕВ	197	И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ	
Валерий ШАПИРО	197	АЛЬМАНАХА (21)	209
Аркадий АГАПКИН	197		
Евгений СТЕПАНОВ	197	СОДЕРЖАНИЕ (22)	211
Владимир РУБЦОВ	197		
Александр МИРЗАЯН	198	ОБЛОЖКИ И ФОРЗАЦЫ (23)	214
Владимир ГЛЯНЦ	198		
Александр АНТИПОВ	198		
Галина ЯКИМОВА	199		
Марина МИХЕЕВА	199		

ОБЛОЖКА 1

1. Иосиф Бродский с котом
2. Татьяна Виноградова. Коллаж «Волна»
3. Памятник св. Кириллу и Мефодию в Праге

ФОРЗАЦ 1

1. Дмитрий Цесельчук и Нина Давыдова в студии «Старая школа»
2. Вячеслав Сысоев, Действительный государственный советник юстиции II класса, сопредседатель Союза литераторов России
3. Наталья Шмелькова, Мария и Юрий Мамлеевы в галерее 3. Церетели
4. Фёдор Шелов-Коведяев и Наталья Рожкова в Российском общественно-политическом центре
5. Евгений Степанов и Татьяна Кайсарова на презентации
6. Борис Илюхин
7. Александр Антипов
8. Нели Семиречкина
9. Николай Калиниченко
10. Пётр Хазановский
11. Анна Харитонова
12. Эмир Кустурица и Александр Лозовой
13. Роман Чора
14. Всеволод Арцинович, Владимир Бережков и Стёпа (на первом плане)
15. Андрей Савин около памятника К.Э. Циолковскому в Калуге
16. Григорий Тачков на фоне колокольни в Калязине
17. Алёна Михайлова-Фибоначчи с Николь
18. Полина Бабушкина и Евгений В. Харитонов в Институте русского языка
19. Наталья Габриэлян с микрофоном
20. Иван Козин
21. Юлия Каштанова
22. Татьяна Шелова с Фёдором на ветке

ОБЛОЖКА 2

1. А.С. Грибоедов
2. Татьяна Виноградова. Коллаж «Меланхолия над Юго-Западом»
3. М.Ю. Лермонтов

ФОРЗАЦ 2

1. Дмитрий Курилов на лошади и в бурке
2. Ирина Репина в Крыму
3. Михаил Николаев
4. Татьяна Пацаева на осле
5. Владимир Делба, Александр Олейников и Валерий Дудаков в Институте русского языка
6. Наталья Рожкова и Константин Рокоссовский
7. Наталья Шмелькова, Наталья Рожкова и Нина Давыдова в клубе «Феерия»
8. Ксения Кирс (выступление группы «Северный Крест»)
9. Ингрид Кирштайн готовится к выступлению
10. Любовь Езерова на этюдах
11. Константин Шаповалов
12. Мария Миронова
13. Константин Никитенко
14. Людмила Серова в Народном доме
15. Нина Силаева
16. Святослав Беседин
17. Иосиф Рабинович среди своих удостоверений
18. Дом, в котором живут Елена Коцюба и Константин Кедров
19. Александр Шаравин, Наталья Шмелькова, Лилия Волохонская и Наталия Пахомова
20. Артём Каверин ведёт съёмку в Российском общественно-политическом центре

ФОТОГРАФИИ:

Евгений Надалинский, Алла Козырева, Татьяна Виноградова, Лев Алабин, Марина Долгорукая, Нина Давыдова, Артём Каверин и др.